

**UNIVERSITATEA DE STAT «ALECU RUSSO»
DIN BĂLȚI, REPUBLICA MOLDOVA**

Limbaș și context

**Revistă internațională de lingvistică,
semiotică și știință literară**

Anul III, nr. 2, 2011

Volumul este consacrat memoriei și aniversării a 70-ea de la nașterea lui Mircea IONIȚĂ, profesor universitar, distins cercetător bălțean, creator de școală lingvistică, pedagog iscusit, traducător francofon.

Din 2011, revista apare cu suportul financiar al Guvernului orașului Băle (Elveția).

Revista este indexată în *EBSCO, Index Copernicus (pentru 2011, indexul fiind de 5,09) DOAJ, Summon Serials Solutions, ProQuest, La Criée: périodiques en ligne, Vaggi.org Directory, Unified Database for Serial Titles, WorldCat, Open Library, The Linguist List, NewJour, Fabula și Journ Open Directory.*

**ALECU RUSSO STATE UNIVERSITY OF BĂLȚI,
REPUBLIC OF MOLDOVA**

Speech and Context

**International Journal of Linguistics,
Semiotics and Literary Science**

2 (III), 2011

This volume is dedicated to the memory of M. Ionita, commemorating the 70th anniversary of a remarkable university professor, outstanding linguist and researcher, the founder of Bălți linguistic school, skillful teacher and francophone translator.

Since 2011, the administration of Bâle Town (Switzerland) is the sponsor of the journal.

Journal Indexing: EBSCO, Index Copernicus (2011 journal index: 5,09) DOAJ, Summon Serials Solutions, ProQuest, La Criée: périodiques en ligne, Vaggi.org Directory, Unified Database for Serial Titles, WorldCat, Open Library, The Linguist List, NewJour, Fabula and Jurn Open Directory.

COLEGIUL DE REDACȚIE AL REVISTEI

Redactor-șef:

Conf.univ., dr. Angela COȘCIUG (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova).

Secretar de redacție:

Lect.univ. Silvia BOGDAN (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova).

Comitetul onorific:

Prof. univ., dr. Adriana-Gertruda ROMEDEA (Universitatea din Bacău, România); Prof. univ., dr. hab. Alexandr OGUI (Universitatea Națională „Yuri Fedkovici”, Cernăuți, Ucraina); Prof. univ., dr. hab. Ana BONDARENCO (Universitatea de Stat din Moldova); Prof. univ., dr. Bernard Mulo FARENKIA (Universitatea din Cape Breton, Canada); Prof. univ.emerit, dr. Catherine KERBRAT-ORECCHIONI (Universitatea Lumière Lyon 2, Franța); Prof. univ., dr. Daniel LEBAUD (Universitatea din Franche-Comté, Franța); Prof. univ., dr. Dominique MAINGUENEAU (Universitatea Paris 12 Val-de-Marne, Franța); Prof. univ., dr. hab. Gheorghe GOGIN (Academia de Științe a Republicii Moldova); Prof. univ., dr. Gina MĂCIUCĂ (Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava, România); Prof. univ., dr. hab. Ion DUMBRĂVEANU (Universitatea de Stat din Moldova); Prof. univ., dr. hab. Iurie MOSENKIS (Universitatea Națională „Taras Șevcenko” din Kiev, Ucraina); Prof. univ., dr. Laura BĂDESCU (Universitatea din Pitești, România); Prof. univ., dr. Lelia TROCAN (Universitatea din Craiova, România); Prof. univ., dr. Luminița HOARȚĂ CĂRĂUȘU (Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași, România); Prof. univ., dr. hab. Natalia HALINA (Universitatea de Stat din Altai, Rusia); Prof. univ., dr. hab. Nicanor BABĂRĂ (Universitatea de Stat din Moldova); Prof.univ., dr. Nicolae IOANA (Universitatea „Dunărea de Jos”, Galați, România); Prof.univ., dr. Norbert BACHLEITNER (Universitatea din Viena, Austria); Prof. univ., dr. Sanda-Maria ARDELEANU (Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava, România); Prof. univ., dr. Simona ANTOFI (Universitatea „Dunărea de Jos” din Galați, România); Prof. univ., dr. Sophie MOIRAND (Universitatea Paris 3 Sorbona Nouă, Franța); Prof. univ., dr. Thomas WILHELMI (Universitatea din Heidelberg, Germania).

Comitetul de lectură:

Conf. univ., dr. Ala SAINENCO (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Prof. univ., dr. hab. Ana BONDARENCO (Universitatea de Stat din Moldova); Conf. univ., dr. Angela COȘCIUG (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Prof. univ., dr. Bernard Mulo FARENKIA (Universitatea din Cape Breton, Canada); Conf. univ., dr. Diana VRABIE (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Elena SIROTA (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Estelle VARIOT (Universitatea din Provence, Centrul Aix, Franța); Conf. univ., dr. Georgeta CÎȘLARU (Universitatea Paris 3 Sorbona Nouă, Franța); Conf. univ., dr. Grigore CANTEMIR (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Irina KOBIAKOVA (Universitatea Lingvistică de Stat din Piatigorsk, Rusia); Conf. univ., dr. Iulia IGNATIUC (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Lace Marie BROGDEN (Universitatea din Regina, Canada); Conf. univ., dr. Ludmila BRANIȘTE (Universitatea „A.I. Cuza”, Iași, România); Prof. univ., dr. Luminița HOARȚĂ CĂRĂUȘU (Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași, România); Conf. univ., dr. Margareta ABRAMCIUC (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Cerc. șt. sup., dr. Mioara DRAGOMIR (Institutul de Filologie Română „A. Philippide” din Iași, România); Prof. univ., dr. hab. Natalia HALINA (Universitatea de Stat din Altai, Rusia); Prof. univ., dr. hab. Nicanor BABĂRĂ

(Universitatea de Stat din Moldova); Conf. univ., dr. Solomia BUK (Universitatea Națională „Ivan Franko” din Lvov, Ucraina); Dr. Tatiana POTÎNG (Ministerul Educației, Republica Moldova); Prof. univ., dr. Thomas WILHELMI (Universitatea din Heidelberg, Germania); Conf. univ., dr. Valeriu VOROBCENCO (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Valentina ENCIU (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Valentina ȘMATOV (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Victor SCHIBA (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova).

Comitetul literar:

Conf. univ., dr. Georgeta CÎȘLARU (Universitatea Paris 3 Sorbona Nouă, Franța); Lect. univ., dr. Ioana-Crina COROI (Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava, România); Drd, lect. sup. Irina CIORNAIA (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Iulia IGNATIUC (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Lect. univ. Marina TETERIN (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Lect. univ., drd Oxana CHIRA (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Lect. univ., drd Svetlana STANȚIERU (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Lect. univ. Tatiana GOREA (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Valentina ȘMATOV (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Victor SCHIBA (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova).

Tehnoredactare:

Lect. univ. Liliana EVDOKHIMOV (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova).

Adresa colegiului de redacție:

Catedra de filologie franceză, aula 412, bloc 4,
Universitatea de Stat „Alec Russo”,
38, str. Pușkin, 3100, Bălți, Republica Moldova

Telefon: +37323124195

Fax: +37323123039

E-mail: acosciug@yahoo.com

Tiparul: Tipografia Universității de Stat „Alec Russo”.

Pagina electronică a revistei: http://www.usb.md/limbaj_context/

Pagina alternativă a revistei și blogul: <http://limbaj-si-context.blogspot.com>

Revista apare de două ori pe an. Ea publică materiale în limbile română, franceză, engleză, germană, spaniolă, portugheză, rusă și ucraineană.

Materialele incluse în volum au fost recenzate în prealabil de specialiști în domeniu.

ISSN 1857-4149

© Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova, 2011

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Editor-in-chief:

Angela COȘCIUG, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova).

Editing Secretary:

Silvia BOGDAN, Lecturer (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova).

Honorary Board:

Adriana-Gertruda ROMEDEA, Professor, Ph.D. (University of Bacău, Romania); Alexander OGUY, Professor, Ph.D. (Yuri Fedkovich National University of Chernovitsy, Ukraine); Ana BONDARENCO, Professor, Ph.D. (Moldova State University); Bernard Mulo FARENKIA, Professor, Ph.D. (Cape Breton University, Canada); Catherine KERBRAT-ORECCHIONI, Professor Emerita, Ph.D. (Lyon 2 Lumière University, France); Daniel LEBAUD, Professor, Ph.D. (University of Franche-Comté, France); Dominique MAINGUENEAU, Professor, Ph.D. (University of Paris 12 Val-de-Marne, France); Gheorghe GOGIN, Professor, Ph.D. (Academy of Sciences, Republic of Moldova); Gina MĂCIUCĂ, Professor, Ph.D. (Ștefan cel Mare University of Suceava, Romania); Ion DUMBRĂVEANU, Professor, Ph.D. (Moldova State University); Yuri MOSENKIS, Professor, Ph.D., Corresponding Member of Academy of Sciences of Ukraine (Taras Șevcenko National University of Kiev, Ukraine); Laura BĂDESCU, Professor, Ph.D. (University of Pitești, Romania); Lelia TROCAN, Professor, Ph.D. (University of Craiova, Romania); Luminița HOARȚĂ CĂRĂUȘU, Professor, Ph.D. (Alexandru Ioan Cuza University of Iași, Romania); Natalia HALINA, Professor, Ph.D. (Altai State University, Russia); Nicanor BABĂRĂ, Professor, Ph.D. (Moldova State University); Nicolae IOANA, Professor, Ph.D. (Dunarea de Jos University of Galați, Romania); Norbert BACHLEITNER, Professor, Ph.D. (University of Vienna, Austria); Sanda-Maria ARDELEANU, Professor, Ph.D. (Ștefan cel Mare University of Suceava, Romania); Simona ANTOFI, Professor, Ph.D. (Dunărea de Jos University of Galați, Romania); Sophie MOIRAND, Professor, Ph.D. (Paris 3 Sorbonne Nouvelle University, France); Thomas WILHELMI, Professor, Ph.D. (University of Heidelberg, Germany).

Scientific Board:

Ala SAINENCO, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Ana BONDARENCO, Professor, Ph.D. (Moldova State University); Angela COȘCIUG, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Bernard Mulo FARENKIA, Professor, Ph.D. (Cape Breton University, Canada); Diana VRABIE, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Estelle VARIOT, Associate Professor, Ph.D. (University of Provence, Aix Center, France); Elena SIROTA, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Georgeta CÎȘLARU, Associate Professor, Ph.D. (Paris 3 Sorbonne Nouvelle University, France); Grigore CANTEMIR, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Irina KOBIAKOVA (State Linguistic University of Pjatigorsk, Russia); Iulia IGNATIUC, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Lace Marie BROGDEN, Assistant Professor, Ph.D. (University of Regina, Canada); Ludmila BRANIȘTE, Associate Professor, Ph.D. (Alexandru Ioan Cuza University of Iași, Romania); Luminița HOARȚĂ CĂRĂUȘU, Professor, Ph.D. (Alexandru Ioan Cuza University of Iași, Romania); Margareta ABRAMCIUC, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Mioara DRAGOMIR, Senior Scientific Researcher, Ph.D. (A. Philippide Institut of Romanian Philology, Iași, Romania); Natalia HALINA, Professor, Ph.D. (Altai State University,

Russia); Nicanor BABĂRĂ, Professor, Ph.D. (Moldova State University); Solomia BUK, Associate Professor, Ph.D. (Ivan Franko National University of Lvov, Ukraine); Tatiana POTÎNG, Ph.D., Deputy minister of Education, Republic of Moldova; Thomas WILHELMI, Professor, Ph.D. (University of Heidelberg, Germany); Valentina ENCIU, Associate Professor, Ph.D. (Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Valentina ȘMATOV, Associate Professor, Ph.D. (Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Valeriu VOROBCENCO, Associate Professor, Ph.D. (Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Victor SCHIBA, Associate Professor, Ph.D. (Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova).

Literary Board:

Georgeta CÎȘLARU, Associate Professor, Ph.D. (Paris 3 Sorbonne Nouvelle University, France); Ioana-Crina COROI, Lecturer, Ph.D. Student (Ștefan cel Mare University of Suceava, Romania); Irina CIORNAIA, Ph.D. Student, Senior Lecturer (Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Iulia IGNATIUC, Associate Professor, Ph.D. (Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Marina TETERIN, Lecturer (Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Oxana CHIRA, Lecturer, Ph.D. Student (Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Svetlana STANȚIERU, Lecturer, Ph.D. Student (Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Tatiana GOREA, Lecturer (Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Valentina ȘMATOV, Associate Professor, Ph.D. (Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Victor SCHIBA, Associate Professor, Ph.D. (Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova).

Technical Editor:

Liliana EVDOCHIMOV, Lecturer (Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova).

Editorial Office:

French Philology Department, Room 412, B 4, Alecuro Russo State University,
38, Pușkin Street, 3100, Bălți, Republic of Moldova

Telephone: +37323124195

Fax: +37323123039

E-mail: acosciug@yahoo.com

Publishing House: Bălți University Press.

Journal Web Page: http://www.usb.md/limbaj_context/

Journal Alternative Home Page and Blog: <http://speech-and-context.blogspot.com>

The journal is issued twice a year.

Languages of publication: Romanian, French, English, German, Spanish, Portuguese, Russian and Ukrainian.

Materials included in this volume were previously reviewed.

ISSN 1857-4149

©Alecuro Russo State University of Bălți, Republic of Moldova, 2011

Sunt multe feluri de limbi în lume, totuș niciuna din ele nu este fără sunete înțelese. Dar dacă nu cunosc înțelesul sunetului, voi fi un străin pentru cel ce vorbește, și cel ce vorbește, va fi un străin pentru mine (1 Corinteni, 14: 10-11).

Undoubtedly there are all sorts of languages in the world, yet none of them is without meaning. If then I do not grasp the meaning of what someone is saying, I am a foreigner to the speaker, and he is a foreigner to me (1 Corinthians, 14: 10-11).

ARIILE TEMATICE ALE REVISTEI

Semne, limbaj, comunicare – considerații generale (considerații generale asupra semnului; considerații generale asupra limbajului; aspecte ale limbajului; considerații generale asupra comunicării și actului comunicativ; sens și semnificație în comunicare; intenție în comunicare; inteligibilitatea limbajului); tipuri de semne, de limbaj și de mecanisme interacționale în comunicare (semne-icoană; semne-indice; semne-simbol; actul de limbaj în comunicarea cotidiană; mimică și gest în comunicare; limbaj specializat; sens și semnificație în comunicarea mediatizată; limbaj al identităților vizuale/limbaj pictural; limbaj al muzicii/limbal al dansului; limbaj în spațiul instituțional; limbaj verbal în context cultural; limbaje și comunicare în cadrul comunității europene); limbaj (literar) și condiționare socială (ideologie și identitate glotică; influențe glotice; morală și limbaj literar; mentalitate colectivă și imaginar literar; scrierile (auto)biografice, între individual și social; voci, texte, reprezentare); limbaj, context, traducere (rolul contextului în traducere; tipuri de traducere).

JOURNAL TOPICS

Overview of signs, speech and communication (overview of sign; overview of speech; speech aspects; overview of communication and speech act; sense and signification in communication; intention in communication; speech intelligibility); types of sign, speech and interactional mechanisms in communication (icons; indexes; symbols; speech act in everyday communication; mimic and gestures in communication; language for specific purposes; sense and signification in media communication; audio-visual language/pictorial language; language of music/language of dance; speech in institutional area; verbal language in cultural context; languages and communication within the European community); (literary) language and social conditioning (ideology and language identity; language influences; morals and literary speech; collective mentality and literary image; (auto)biographic writings, between individual and social; voices, texts, representation); language, context, translation (role of context in translation; types of translation).

C U P R I N S

IN MEMORIAM: PROFESORUL MIRCEA IONIȚĂ

- Oxana Chira, *Profesorul Mircea Ioniță – o carte rămasă deschisă pentru posteritate* 19
- Elena Dragan, *Mircea Ioniță – un Profesor și un Lingvist remarcabil* 22

SEMNE, LIMBAJ, COMUNICARE – CONSIDERAȚII GENERALE

- Angela Sajin, Vasile Botnariuc, Ion Ețcu, *Avantajele utilizării principiilor filozofice în cercetarea faptelor de limbă* 27
- Andrij Rovenchak, *Writing as a Reflection of the Civilization from Antiquity to the Modern Times* 34
- Виктория Гринченко, *Фонетический и иероглифический принципы означивания физического мира* 45
- Фанира Самигулина, *Асимметричный дуализм языкового знака и его проявление в речевой коммуникации* 54

TIPURI DE SEMNE, DE LIMBAJ ȘI DE MECANISME INTERACȚIONALE ÎN COMUNICARE

- Luminița Hoarță Cărăușu, *Interacțiunea mediată controlată. Comportamentul comunicativ al interlocutorilor în talk show-ul românesc actual (invitați - români din diasporă)* 65
- Alina Pintilii, *Secvențele întrebare-răspuns în interacțiunea mediată controlată* 88
- Roxana Vieru, *Mărci pragmatice locutive* 98
- Angela Coșciug, *Quelques réflexions sur les identités visuelles et les médias moldaves: les logotypes et les styles graphiques des entreprises et compagnies les plus importantes de la République de Moldova* 106
- Ala Sainenco, Viorica Popa, *Termenii de rudenie: rezultatul unui experiment asociativ* 117
- Елена Николаева, Татьяна Юрина, *Кросс-культурный анализ семантики русских и французских фразеологизмов (в тематическом поле «головные уборы»/«coiffe»)* 124
- Tatyana Udilova, *Notion de comparaison et des moyens de son expression en français* 135
- Gina Măciucă, *Rivalități anglo-germane: gradul de deviere față de limba-bază și posibilele cauze ale decalajului în arealul de răspândire* 143

LIMBAJ (LITERAR) ȘI CONDIȚIONARE SOCIALĂ

- Grigore Cantemir, *Fenomenul palatalizării în cadrul bilingvismului româno-rus* 155

Наталья Халина, <i>Маркетинговое языкознание как новый формат лингвистики цифрового общества</i>	167
Bernard Mulo Farenkia, <i>Speech Acts and Regional Variations in French: the Case of Compliments on Skills in Cameroon and Canadian French</i>	182
Александр Огуй, <i>Лингвопрагматическая символика цвета в западноевропейском средневековом религиозном дискурсе</i>	201
Максим Шадурский, <i>Риторика власти в романах-утопиях Сэмюэла Батлера и Эдварда Беллами</i>	213
Светлана Стругова, <i>Репрезентация субъекта-победителя и субъекта-проигравшего в спортивном дискурсе</i>	223
Наталья Юзефович, <i>Инолингвокультурный субстрат в транслингвальной литературе: постановка проблемы</i>	235
Татьяна Сукаленко, <i>Лингвокультурный типаж «Украинский чиновник» в современном дискурсе</i>	245
Виктория Карпухина, <i>Интертекстуальные элементы как генератор порождения хронотопических смыслов художественного текста</i>	253
Valentina Enciu, <i>Lectura și lectorul din perspectiva interdisciplinarității</i>	262
LIMBAJ, CONTEXT, TRADUCERE	
Parisa Farrokh, <i>The Translating of English Extraposition Constructions into Azeri</i>	269
TRADUCERI	
Mihai Eminescu «Luceafărul» (traducere în engleză de Luiza Șoșu)	283
Despre autori	285

CONTENTS

IN MEMORIAM: THE PROFESSOR MIRCEA IONIȚĂ

Oxana Chira, <i>The Professor Mircea Ionita is a Book that is left open for the Posterity</i>	19
Elena Dragan, <i>Mircea Ionita as the Professor and the Outstanding Linguist</i>	22

OVERVIEW OF SIGNS, SPEECH AND COMMUNICATION

Angela Sajin, Vasile Botnariuc, Ion Ețcu, <i>The Advantages of Philosophical Principles Use in the Research of Language Facts</i>	27
Andrij Rovenchak, <i>Writing as a Reflection of the Civilization from Antiquity to the Modern Times</i>	34
Victoria Grinchenko, <i>Phonetic and Hieroglyphic Principles of the Physical World Signifying</i>	45
Fanira Samigulina, <i>Asymmetric Dualism of the Language Sign and its Manifestation in Speech Communication</i>	54

TYPES OF SIGNS, SPEECH AND INTERACTIONAL MECHANISMS IN COMMUNICATION

Luminița Hoartă Cărăușu, <i>Controlled Mediated Interaction. The Communicative Conduct of Interlocutors in Contemporary Romanian Talk-Show (the invited participants – the Romanians from Diaspora)</i>	65
Alina Pintilii, <i>Secvențele întrebare-răspuns în interacțiunea mediată controlată</i>	88
Roxana Vieru, <i>Mărci pragmatice locutive</i>	98
Angela Coșciug, <i>Some Reflections on Visual Identities and Moldavian Media: Logos and Graphic Styles of the Most Important Enterprises and Companies of Moldova</i>	106
Ala Sainenco, Viorica Popa, <i>Terms of Relationship: the Results of an Associative Experiment</i>	117
Elena Nikolaeva, Tatyana Yurina, <i>Cross-cultural Semantic Analysis of Russian and French Collocations in the Thematic Field "Headwear"</i>	124
Tatyana Udilova, <i>Notion of Simile and Means of its Expression in French ...</i>	135
Gina Măciucă, <i>Anglo-German Rivalries: an Attempt at Charting the Drift-Away from the Common Ancestor and Accounting for Dissimilar Spread Patterns</i>	143

(LITERARY) LANGUAGE AND SOCIAL CONDITIONING

Grigore Cantemir, <i>The Palatalization Phenomenon within the scope of Romanian-Russian Bilingualism</i>	155
--	-----

Natalya Khalina, <i>Marketing Linguistics as a New Format of the Digital Society Linguistics</i>	167
Bernard Mulo Farenkia, <i>Speech Acts and Regional Variations in French: the Case of Compliments on Skills in Cameroon and Canadian French</i>	182
Alexandr Oguy, <i>Linguo-pragmatic Color Symbolism in the West-European Medieval Religious Discourse</i>	201
Maxim Shadursky, <i>Power Rhetoric in Utopia-Novels by Samuel Butler and Edward Bellamy</i>	213
Svetlana Strugova, <i>The Representation of Winner-Subject and Loser-Subject in Sports Discourse</i>	223
Natalya Yuzefovich, <i>Foreign Linguo-Cultural Substrate in the Translingual Literature: Problem Statement</i>	235
Tatyana Sukalenko, <i>Linguo-Cultural Character Type of „The Ukrainian Official” in the Contemporary Discourse</i>	245
Victoria Karpukhina, <i>Intertextual Elements as a Generator of Chronotopic Meanings of a Literary Text</i>	253
Valentina Enciu, <i>Reading and the Reader from an Interdisciplinary Perspective</i>	262
LANGUAGE, CONTEXT, TRANSLATION	
Parisa Farrokh, <i>The Translating of English Extraposition Constructions into Azeri</i>	269
TRANSLATED WORKS	
„Hesperus” by Mihai Eminescu (English version – Luiza Şoşu)	283
Notes on Contributors	289

IN MEMORIAM: *PROFESORUL MIRCEA IONIȚĂ*

IN MEMORIAM: *THE PROFESSOR MIRCEA IONIȚĂ*

PROFESORUL MIRCEA IONIȚĂ – O CARTE RĂMASĂ DESCHISĂ PENTRU POSTERITATE

Oxana CHIRA,

lector universitar, doctorandă

(Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova)

19

Limbaj și context, Anul III, vol. 2, 2011

„Greu e totul, timpul, pasul.
Grea-i purcederea, popasul.
Grele-s pulberea și duhul,
greu pe umeri chiar văzduhul.
Greul cel mai greu, mai mare
fi-va capătul de cale”. (L. Blaga)

Facultatea de Limbi și Literaturi Străine a universității bălțene își are o istorie a sa, deoarece mari personalități nu numai că au vizitat-o, dar și-au lăsat aici, pe foile ramase încă pe masă, cerneala scrisului, pe care noi, urmașii, abia acum o percepem ca valoare. Acești oameni au slujit facultății în cauză, precum un preot bun își slujește parohia, neuitând de slujbele religioase, adunându-și creștinii în jur atât la spovedanie, cât și la botez, atât la cununie, cât și la înmormântare. Astfel, au făcut și ele, aceste personalități, adunând generații de studenți care de aici, din această facultate, au pornit în lumea mare a descoperirilor și adevărilor.

Pentru a spune generațiilor prezente și viitoare de studenți ai facultății cine am fost și cine suntem, este indispensabil să ne orientăm spre începuturi, să revenim la izvoare, adică la cei care au contribuit la crearea a tot ceea ce avem în prezent în facultatea în care ne desfășurăm astăzi activitatea.

O personalitate care a devenit o filă de istorie pentru noi, discipolii, dar și pentru întreaga comunitate științifică bălțeană și basarabeană, a fost Profesorul Mircea Ioniță. Cu referire la Domnia Sa, putem spune ca Andrée Foldes: „Un om are două nume: cel cu care se naște și cel care și-l face”.

Dumnealui a contribuit nemijlocit la crearea Catedrei de filologie franceză a universității bălțene, a fost cel care a avut trăsăturile definatorii și calitățile unui om de valoare, cu spirit revoluționar, care a știut să evite multe dintre carențele mediului academic bălțean..., adică a procedat filosofic ca „oricine care face în viață tot ceea ce îi stă în putință, indiferent de condițiile de care dispune [și care – O. C.] are meritul că a contribuit cu ceva pentru a lăsa o lume mai bună decât a găsit-o”.

Primul meu profesor universitar de limbă franceză, Mircea Ionița, a reușit cu mult succes, printr-un sistem de norme gramaticale franceze și române să pună începutul, să orienteze și să ghideze destinul unei întregi catedre, dând dovadă de calități deosebite în domeniul științific și contribuind, astfel, la formarea multor generații de profesori de limba franceză atât din Republica Moldova, cât și de peste hotarele ei.

Am surprins adesea dialogurile dlui Profesor cu studenții și am admirat felul în care Domnia Sa cobora, în analiza faptelor de limbă, la stilul lui Sadoveanu, apoi urca la cel misterios al lui Blaga, se pregătea pentru comunicarea cu oamenii, făcând o pauză relaxantă într-un nor de fum de țigară. De ce? Probabil, doar în așa fel își aranja gândurile, urmând un dialog plăcut și util cu semenii și discipolii.

Era o adevărată transparență la orele Dumnealui, pe care le promova cu ușile deschise, foarte atent la ceea ce afirma, analiza sau chiar critica. Era aproape de studenți și de nevoile lor, dar, în același timp, intransigent cu ei, dacă încâlcau disciplina... Se remarcă prin generozitate, interesul viu față de instruirea colegilor de catedră mai tineri, înțelegerea manifestată față de nenorocirea altuia, dorința sinceră de a rezolva problemele (și nu de a le „arunca” comod pe spatele altor persoane...), dezinteresul față de funcțiile administrative înalte... Aceste calități l-au făcut pe Profesorul Mircea Ioniță să rămână pentru totdeauna în memoria și inimile membrilor comunității academice bălțene și republicane. Fosta studentă a Domniei Sale, Georgeta Cișlaru, astăzi *Maître des conférences, Docteur en linguistique française* la Universitatea Paris 3 Sorbona Nouă, îl citează des în aulele universității în care lucrează ca pe un specialist desăvârșit în lingvistica franceză, ceea ce demonstrează valoarea științifică incontestabilă a Profesorului Ioniță.

Cred că nu greșesc afirmând că meritele catedrei pe care a fundat-o și condus-o mai bine de 14 ani sunt rodul „școlii Profesorului Mircea Ioniță”, care a știut că facă din această catedră una care se mai numără și astăzi printre cele mai bune în țară.

Cu certitudine, Profesorul Mircea Ioniță s-ar fi bucurat și ar fi fost mândru să afle că și astăzi mai este așteptat de discipoli la ușa catedrei înființate de Domnia Sa.

Regretăm cu toții faptul că viața Profesorului s-a întrerupt brusc la o vârstă, când își putea realiza multe dintre visele Sale și nu a mai putut să se bucure de tot ceea ce a creat din suflet și cu inima curată, alături de colegii dragi, prietenii apropiați, discipolii recunoscători, familie.

Profesor simplu și modest din fire, a plecat trist dintre noi, neluându-și rămas bun din cauza suferințelor fizice și a rănilor din suflet... Cei ce părăsesc prea timpuriu această lume plină de lacrimi suferă în interior, ard ca o luminare, se macină în singurătate și nesiguranță...

Acel miros de tutun rămas pe holurile universității ne aduce aminte și astăzi de Chipul Lui; acea privire peste ochelari, fixată spre noi, ne mai invită la meditație, contemplație, retrospecții...

Sunt sigură că Domnia Sa, dacă ar fi fost în viață, ar fi fost mândru de cele două reviste științifice internaționale, fondate de discipolii Săi în cadrul universității bălțene, deoarece, de pe fiecare pagină a lor, «adie» a zestre «ionițeană»...

Profesorul Mircea Ioniță va rămâne pentru totdeauna în memoria noastră, iar cartea **Sa**, rămasă deschisă pe masa de lucru din catedra **Sa**, îi va asigura nemurirea.

Dumnezeu să-L odihnească în pace și să binecuvânteze de sus lucrurile create de El!

MIRCEA IONIȚĂ – UN PROFESOR ȘI UN LINGVIST REMARCABIL

Elena DRAGAN,

conferențiar universitar, doctor în filologie

(Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova)

22

Speech and Context, 2(III)2011

La 3 august 2011, mult râvnitul Profesor Mircea Ioniță ar fi implinit onorabila vârstă de 70 de ani.

Omagiindu-Vă astăzi, iubite Profesor, ne adresăm către Dumneavoastră și ne rugăm să ne auziți din împărăția celor drepți și să ne credeți că sunteți, pentru noi, forța benefică care ne ghidează în drumul spre noi realizări și cuceriri, căci dvs. ne spuneți mereu că suntem capabili a ne afirma statutul, dar pentru aceasta trebuie să perseverăm. Și noi perseverăm, luptăm, batem pentru a ni se deschide, ce-i drept, nu întotdeauna cu succes, dar nu ne lăsăm copleșiți de nereușită, căci avem ca ghid în calea noastră chipul dvs., și exemplul dvs. personal care ne certifică un adevăr cunoscut: prin luptă vom izbuti.

Ați învățat multe și ați știut multe, și tot acest tezaur ni l-ați împărtășit cu generozitate și multă căldură nouă, care suntem discipolii dvs. și care Vă continuăm povețele în școala pe care ați creat-o la Bălți și pe care o urmărim cu onoare și respect.

Principiul Dumneavoastră în viață a fost: să te intereseze, în primul rând, lucrul și să nu te gândești niciodată la favoruri, profituri și avantaje. În al doilea rând, să nu-ți fie teamă de greutate și să nu ai complex de inferioritate. Marile probleme sunt acelea care contribuie la formarea ta, preferați dvs. să spuneți. Acestea sunt criteriile care V-au condus spre performanță și așa ne învățați și pe noi să nu disperăm niciodată în situațiile cele mai dificile; ne-ați îndemnat să sperăm, căci vremurile grele vor rămâne în urmă, iar noi, prin perseverență și asiduitate, le vom izbuti pe toate. Aceasta și înseamnă a crede în steaua călăuzitoare (despre care vorbisem la omagierea a 65 de ani de la nașterea Profesorului Mircea Ioniță).

Eu mă consider o norocoasă, căci l-am avut pe Mircea Ioniță ca profesor, un profesor deosebit, cu multiple calități umane, un specialist de excepție în domeniul filologic.

Am avut norocul, pe parcursul activității mele profesionale, de a mă molipsi de la Mircea Ioniță de setea de a cunoaște, de a iubi munca și de a tinde spre performanță.

Soarta a făcut să-l am în preajmă pe Mircea Ioniță, atunci când am decis să-mi dau concursul în ale științei.

În lucrul științifico-didactic cu tinerii cercetători, principiul lui Mircea Ioniță era unul foarte simplu: mai întâi, căuta să se convingă dacă persoana dată posedă stofa din care ai putea croi ceva, iar mai apoi se străduia să-l direcționeze spre vocația sa personală, insuflându-i încredere în propriile forțe și oferindu-i toată susținerea.

Toți acei pe care îi ghida Mircea Ioniță erau diferiți, neasemănându-se între ei, dar având, în același timp, și ceva comun care-i unea pe toți și acest ceva era concepția lui Mircea Ioniță despre limbă, era viziunea sa asupra problemelor limbajului, ale textului și discursului, traductologiei și gramaticii etc. Anume aceasta i-a permis lui Mircea Ioniță să aibă discipolii săi și școala sa la Bălți, în pofida faptului că mulți nu o recunoșteau...

Datorez Profesorului Mircea Ioniță faptul că m-a învățat să gândesc independent. Anume aceasta mă strădui să le insuflu studenților mei: să muncească mult și succesul va veni într-o bună zi, fără a se lăsa prea mult așteptat. În semn de respect, multe dintre ideile savantului Mircea Ioniță, noi le-am preluat și dezvoltat în continuare, în teze de master, de licență, de doctorat.

Pentru mine și pentru colegii mei, care l-au cunoscut, Mircea Ioniță era un om în tot sensul cuvântului – săritor la nevoie, cu un simț rafinat al umorului, care uneori trecea în sarcasm, pentru a dezrădăcina niște metehne nedemne pentru un spațiu academic, cum ar fi trufia, orgoliul, iubirea de sine și, în special, mediocritatea.

În pofida vitregiei sortii, Mircea Ioniță s-a afirmat ca savant, dar puțini au fost acei care l-au cunoscut până la urmă și l-au apreciat la justa valoare (dânsul însă nu aștepta aprecieri).

El a fost mai mult dezapreciat decât apreciat, și, mai apoi, a fost lăsat să fie dus în valul uitării. O viață întregă, consacrată unei instituții, și nu s-a găsit nici un cuvânt de doliu în ziua plecării Domniei sale pe ultimul drum din partea administrației de pe atunci a acestei instituții! Oare nu a meritat dânsul un cuvânt de adio din partea *alma mater*, pe care a slujit-o cu dărnicie mai mult de patru decenii..?

În viață fiind încă, dânsul le înțelegea pe toate și suferea nespus de mult dar, grație blândeții și bonomiei, care-l caracterizau, avea capacitatea de a ierta, dar nu și de a uita.

Aceste calități întregesc imaginea Omului Mircea Ioniță. La ele am mai putea adăuga calitatea de a persevera, fără a-și afișa încrâncenarea și fără a se complăce în postura de învingător. Era onest ca om de știință. A perseverat în ciuda tuturor piedicilor ce i s-au pus. Modelul Ioniță-Omul și Savantul poate servi drept lecție și testament pentru urmași, iar menirea noastră este de a-l propaga.

Abandonând tonul elogios, căruia i se impotriva cu vehemență chiar regretatul Profesor, trebuie să subliniem că este absolut necesar de a promova opera ionițiană pretutindeni unde nu ne-am afla.

Astăzi, Mircea Ioniță s-a înălțat deasupra universului ca să ne privească de acolo și să ne judece după cum o merităm.

Iubite dle Profesor, prin faptul că ați fost Dumneavoastră, ați făcut să fim noi astăzi, căci ați marcat o epocă și ați avut un mare impact asupra unei întregi generații de intelectuali.

Destinul dvs. este cel mai bun manual de viață și de luptă pentru cei care pășesc cu temeritate spre afirmare. Dumneavoastră sunteți acel care ne-ați dat o lecție de consecvență și asiduitate cum mai rar se întâmplă.

Spre regret, vorbind astăzi de Mircea Ioniță, folosim verbele la trecut, dar însăși prin acest trecut se întrezărește un prezent și un viitor bine conturat, căci opera savantului Mircea Ioniță va dăinui peste ani...

Ma întreb, dacă suntem pe deplin demni de tezaurul ionițian, deoarece azi, după ani de la trecerea Profesorului în lumea de dincolo, nu suntem capabili să avem o catedră care i-ar purta numele (catedră căreia i s-a dat cu trup și suflet ani în șir!), nici măcar un centru de carte „Mircea Ioniță”. Mă întreb, dacă suntem demni de memoria unui Om, care a meritat mult mai mult decât i s-a oferit...

Sunt mândră că el ne considera ca pe ai săi, ne ghida și ne dojenea la momentul oportun. Îmi va rămâne veșnic vie în memorie maniera sa de a polemiza pe subiecte științifice, de a-și impune opinia și de a face observații fără a-i umili pe interlocutori și fără a omorî în ei setea de a studia, chiar dacă cel cu care discuta făcea doar primii pași în domeniu. Prin aceasta, el ne-a dat o adevărată lecție de comportament.

Astăzi, ne lipsește atât de mult încât, în sărăcia noastră materială, ne pare că suntem mult mai săraci și spiritual.

Mircea Ioniță-savantul avea capacitatea de a gândi cu o claritate clasică, privitor la diversitatea problemelor abordate.

Uman, era generos cu tinerii înzestrați cu capacități intelectuale, față de care avea o atitudine paternă, dar, totodată, și exigentă.

Vă mulțumim, dle Profesor, pentru faptul că ne-ați învățat să fim toleranți față de opiniile altora, să fim perseverenți, onești cu noi înșine.

Nici azi opera ionițiană nu este valorificată integral, sperăm că posteritatea îl va descoperi și-l va cunoaște mai bine pe acest Om de excepție, alături de care am trăit clipe de o profundă revelație, căci lui i-a fost hărăzit să semene înțelepciune și să cultive minți.

Mircea Ioniță era o persoană de o simplitate rară, respectuos, și, prin aceasta, era accesibil pentru cei din jur.

Mulți dintre cei care au avut norocul să-l aibă în preajmă pe profesorul Mircea Ioniță, au fost profund marcați de această prezență.

Domnia sa a știut să-și facă datoria cu multă abnegație și tragere de inimă.

Noi, discipolii săi, îi mulțumim pentru lumina și spiritul pe care ni le-a semănat, pentru bunătatea și inteligența cu care ne-a tratat și pentru tot ce a făcut pentru generațiile ulterioare, fapt pentru care îi vom fi veșnic recunoscători.

Să Vă odihnească Domnul în pace, scumpul și iubitul nostru Profesor, iar chipul Măriei voastre, îl vom păstra veșnic viu încă mult timp înainte.

SEMNE, LIMBAJ, COMUNICARE –
CONSIDERAȚII GENERALE

OVERVIEW OF SIGNS, SPEECH
AND COMMUNICATION

AVANTAJELE UTILIZĂRII PRINCIPIILOR FILOZOFICE ÎN CERCETAREA FAPTELOR DE LIMBĂ

Angela SAJIN,
doctorandă

(Universitatea Cooperatist-Comercială din Moldova);

Vasile BOTNARCIUC,
profesor universitar, doctor habilitat în filologie,
(Universitatea Cooperatist-Comercială din Moldova);

Ion EȚCU,
profesor universitar, doctor habilitat în filologie,
(Universitatea Cooperatist-Comercială din Moldova)

Abstract

This happened with few exceptions hold, that philosophy has not enjoyed the attention to linguistics. The statement refers particularly to the field of linguistics, represented by grammar.

That is because of the process of accumulation and definitive description of the empirical linguistics, it means the concrete facts which have not yet reached the saturation state necessary to leave the level of perfection and to engage in it's own research as Eugen Coșeriu said, referring only to the situation in the Romanian language and not only: „Apparently, out of an autonomy desire, poorly understood, many linguistics considered philosophy as vain and useless exercise”.

But there is another point of view that share and we can't do any scientific research without governed by a set of gnoseology principles. Such principles are necessary since they are the guiding rules for any researcher who is forced to take care of them in their activity. If these principles are especially ignored epistemological chances and empirizm possibilities obvious increase. In fact, epistemological principles are necessary and the serious and honest scientist is forced always to report the investigation and practical ideas, in order to keep right and follow the right way, also the appropriate methods of research in finding out and uncovering the applied truth of the subject of his research.

Keywords: *gnostic, words combination, lexeme, language, structural model, emic level, ethic level, notion, ontic, synthesis, system, systemic.*

Rezumat

Așa s-a creat situația că postulatele de bază ale filosofiei ca știință generală despre realitate nu s-au bucurat de o reflectare cuvenită în cercetările de lingvistică. Aserțiunea dată se referă, în special, la gramatică.

Situația în cauză s-a creat din lipsa unei descrieri definitive a lingvisticii empirice, când faptele concrete de limbă au fost doar acumulate și nu descrise profund. În această ordine de idei, Eugen Coșeriu subliniază, referindu-se atât la limba română, cât și la alte limbi: „Se pare că, dintr-o dorință de autonomie prost înțeleasă, mulți lingviști considerau filosofia ca un exercițiu zadarnic și inutil”.

Dar, în acest sens, există și un alt punct de vedere, la care ne alăturăm și noi: nu putem face o cercetare științifică fără ca să nu fim ghidați de un set de principii gnoseologice. Aceste principii sunt necesare chiar investigații, deoarece ele sunt niște reguli de bază pentru orice cercetător, de care acesta trebuie să țină seama în activitatea sa. Dacă însă aceste principii

sunt ignorate, suferă conturul epistemologic și cel empiric al cercetării. De fapt, respectarea principiilor epistemologice este un fapt absolut necesar unei cercetări, iată de ce orice om de știință serios și onest este obligat de a-și pune în acord una cu alta atât principiile teoretice de investigare, cât și cele practice, pentru a păstra corectitudine în cercetare.

Cuvinte-cheie: *gnostic, îmbinare de cuvinte, lexem, limbă, model structural, nivel emic, nivel etic, noțiune, ontic, sinteză, sistem, sistemic.*

Așa s-a întâmplat că filozofia, cu puține excepții, nu s-a prea bucurat de atenția lingviștilor. Afirmatia se referă, mai ales, la domeniul lingvisticii, reprezentat de gramatică. O fi de vină faptul că încă nu s-a încheiat definitiv procesul de acumulare și descriere a faptelor concrete, adică *lingvistica empirică* nu a atins încă starea de saturație necesară pentru a putea părăsi nivelul *prereflecției* și a se angaja în cercetarea propriei sale specificități, ori o fi având dreptate Eugen Coșeriu, când afirma, referindu-se doar la starea de lucruri din lingvistica românească: „După cât se pare, dintr-o dorință de autonomie rău înțeleasă mulți lingviști continuă să considere filozofia ca pe un exercițiu zadarnic și inutil”¹, deocamdată e greu de spus. Dar ceea ce se știe cu certitudine este că prima încercare de a reconsidera unele teze ale gramaticii tradiționale, pornindu-se de la fundamentarea lor filozofică, s-a înfăptuit încă în 1966, odată cu publicarea lucrării monografice „Propoziția nominativă. Caracteristici gramaticale”, semnată de cercetătorul Ion Ețcu. Merită reținută afirmația făcută aici potrivit căreia în sintaxologia românească se recunoștea doar existența unui „singur model structural și anume – propoziția bimembră, pe baza căruia se făceau generalizări largi, ce pretindeau a caracteriza întreaga structură sintactică a limbii noastre”².

Pentru a depăși această stare de lucruri, „fără a diminua rolul logicii formale în relevarea esenței și specificului multor fenomene lingvistice”, se cere ca analiza științifică a structurii sintactice în toată complexitatea ei să se facă doar pe baza logicii dialectice, care se ocupă cu cercetarea legilor fundamentale, ce guvernează realitatea obiectivă luată în ansamblu”³.

În felul acesta și-au început principiile gnoseologice marșul lor anevoios în domeniul cercetării faptelor de sintaxă românească. Primele rezultate, obținute pe baza unei abordări netradiționale a problemelor tradiționale, au fost surprinzătoare prin noutatea și prin logica expunerii. Deși au fost luate în discuție conținutul și sfera de aplicare a noțiunilor de *propoziție, subiect, predicat, parte principală și parte secundară de propoziție, predicție, modalitate, timp, persoană, propoziție bimembră și propoziție monomembră, completă și necompletă, verbală și nominală*, nici una dintre sugestiile propuse, nu numai că nu a fost acceptată ca soluție pentru fortificarea fundamentului sintaxologiei clasice, măcinat de contradicții, ci lucrarea în întregime a trecut

¹Coșeriu, 2000, p. 25-26.

²Ețcu, 1966, p. 44.

³*ibidem*, p. 83.

aproape neobservată. Cu toate acestea, sintaxologul Ion Ețcu n-a disperat și și-a continuat cercetarea fenomenelor sintactice pe baza legilor și principiilor gnoseologice, care s-a încheiat cu publicarea unei suite de articole în revista Institutului de Limbă și Literatură al AȘM.

Rezultatele obținute s-au dovedit a fi pe măsura așteptărilor: s-a demonstrat necesitatea adoptării a doi termeni distincți ca volum și sferă de utilizare – *enunț* pentru denumirea unităților de comunicare concrete, adică a entităților ontice, și *propoziție* pentru denumirea esenței enunțurilor, a abstracției științifice, existente doar în mintea cercetătorului, adică a entităților gnostice. În urma reducerii numărului nelimitat de enunțuri concrete, sesizabile cu organele de simț, a generalizării și abstractizării, s-a obținut un număr limitat de propoziții (*subiect + predicat*, *subiect + predicat + atribut*, *subiect + predicat + complement direct*, *subiect + predicat + complement indirect*, *subiect + predicat + circumstanțial de timp*, *subiect + predicat + circumstanțial de loc* etc.), care se prezintă ca niște sisteme, entități dialectice, unități invariante ce dispun de un conținut abstract și de forme abstracte. S-a dezvoltat specificul fiecărei propoziții atât sub aspectul elementelor constitutive, cât și sub aspectul legăturii dintre aceste elemente. Analiza detaliată a raporturilor dintre elementele constitutive ale propozițiilor-sistem, dintre propozițiile-sistem și celelalte părți ale propozițiilor, părți asistemice sau secundare, precum și raporturile dintre propoziții, ca unități structurale ale sintaxologiei, i-au permis autorului să dezvăluie particularitățile sintagmatice și paradigmatică ale propozițiilor. Dintre mulțimea de concluzii cu care se încheie această suită de articole vom reproduce doar una singură: „pe baza raporturilor sintagmatice sistemice iau naștere unitățile de bază ale sintaxei limbii (adică ale sintaxologiei) – sistemele propoziționale: SP, SPC_d, SPA, SPC_{ag}, SPCC_i, SPCC_t, SPC_{ind}, SPC_dCC_i, SPC_dC_{ind}, iar pe baza raporturilor sintagmatice unilaterale, extrasistemice iau naștere variantele propozițiilor dezvoltate: SP+(CC_i, CC_t, CC_c, CC_m, CC_s), SPC_d+(CC_i, CC_t, CC_c, CC_m, CC_s, CC_{inst}, C_{ind}) ș.a.m.d.”⁴

Ulterior această concepție a fost îmbrățișată și susținută și de alți cercetători. Printre primii susținători s-au manifestat savanții S. Berejan și Al. Dârul, acest interes l-au demonstrat public pentru prima dată în 1976, la conferința Unională de la Bălți, când a fost prezentată comunicarea colectivă „Rolul gramaticii în formarea unei reprezentări științifice a sistemului limbii”. Concepută ca un manifest metodologic, care trebuia să contribuie la scoaterea gramaticii clasice din încorsetarea în care se zbătea neputincioasă ani în șir, fără a izbuti să modifice cât de cât statul ei de tributară docilă a logicii formale, cei trei semnatari ai studiului ofereau specialiștilor sintaxologi un model de depășire a situației confuze în domeniul gramaticii

⁴LLM, 1976, p. 39.

clasice, formulând răspunsuri clare și bine argumentate, în temei, la trei întrebări principale:

- 1) De ce lingvistul are stringentă nevoie de filozofie?
- 2) Cum trebuie să decurgă fundamentarea gnoseologică a cercetărilor lingvistice?
- 3) La ce rezultate ne putem aștepta în urma aplicării legilor fundamentale și a principiilor gnoseologice la cercetarea fenomenelor de limbă?

Să încercăm să reproducem succint răspunsurile la întrebările menționate.

La o examinare atentă, subliniază autorii articolului, în gramatica clasică cu diversitatea ei de teorii particulare pot fi descoperite urme ale diferitelor curente filozofice, dar e greu să descoperi o teorie concepută în întregime pe baza aplicării conștiente și consecvente a legilor și categoriilor fundamentale ale filozofiei, demonstrându-se elocvent care ar fi rațiunea unui demers filozofic: una e când filozofia își croiește drum în mod spontan și cu totul alta este când cercetătorul se înarmează conștient cu această busolă de nădejde, care îl ajută să determine, cu încredere și fără pierdere zadarnică de energie, calea ce duce drept spre atingerea scopului, spre cunoașterea adevărului. Convingerea aceasta cei trei savanți o dublează cu convingerea unor corifei ai științei mondiale. Primul lor aliat pe această cale este Albert Einstein, care sublinia că „știința fără teoria cunoașterii (în măsură în care lucrul acesta, îndeobște, ar putea fi admis) devine primitivă și confuză.” O opinie similară a formulat un alt mare fizician german, Max Born, laureat al premiului Nobel: „orice savant - naturalist [...] este profund convins că munca lui se împletește în modul cel mai strâns cu filozofia și că fără o cunoaștere serioasă a literaturii filozofice munca lui va fi zadarnică. De această idee m-am condus eu însumi, străduindu-mă să le-o inspir elevilor mei ca să-i fac capabili să analizeze critic conceptele și sistemele recunoscute deja, să le găsească defectele și să le depășească cu ajutorul unor noi concepte, după cum ne-a învățat Einstein.” Și pentru a o încheia cu justificările și temeinicele argumentări, cercetătorii S. Berejan, I. Ețcu și Al. Dârul invocă personalitatea unui renumit savant rus, V. A. Mihelson, care descria în felul următor viitorul unui fizician certat cu filozofia: „un fizician care nu dorește să rămână în rolul de salahor științific, care doar adună fapte, trebuie să fie totodată și filozof”⁵.

Afară de lipsa unei temeinice fundamentări filozofice, stagnarea teoriei gramaticale era pusă, în comunicare, pe seama discrepanței dintre procesul de instruire, foarte puțin predispus la schimbări, și știință, care se află în veșnică mișcare. Pentru a face cât mai evident pericolul tănuț în această discrepanță, autorii studiului fac apel la autoritatea fizicianului de renume mondial Louis de Broglie, care considera că nu-i nimic mai opus științei decât funcția de predare, deoarece „predarea, prin esența sa, are vocația

---

⁵Бережан *et alii*, 1982, п. 22.

dogmatismului, străduindu-se să-i dea o formă definitivă, împietrită stării în care se află cunoștințele noastre, stare, în realitate, totdeauna temporară”. Dar, continuă de Brogle, „predarea te obligă mereu să alegi între două puncte de vedere opuse. Iar această alegere e necesar s-o faci public și, când ea e făcută, e necesar un anumit efort ca să te contrazici pe tine însuși, punând la îndoială opiniile tale de altădată; dar în unele cazuri, progresul științei se obține anume cu un așa preț”. Și cu toate acestea, își încheie raționamentele de Brogle, „cercetarea și predarea sunt aproape de nedespărțit și, de cele mai dese ori, sufăr din cauza izolării reciproce. Cercetarea alimentează predarea, iar predarea e necesară ca forța științei să treacă de la generația precedentă la generația următoare, consolidează cercetarea”⁶.

Un lucru destul de important au căutat să remarce savanții S. Berejan, I. Ețcu și Al. Dârul în acest studiu și anume: „filozofizarea” lingvisticii nu înseamnă în nici un caz înlocuirea metodelor particulare de cercetare a faptelor de limbă cu cele filozofice. Delimitarea obligatorie a celor două trepte ale cunoașterii științifice - *empirică* și *teoretică* - preconizate de teoria cunoașterii în cazul aplicării ei la gramatică, precum și la limbă, în genere, ar trebui să urmeze următoarea cale: de la concret, de la fenomen (pe calea contemplării vii, a observării faptelor și a fenomenelor de limbă) se va trece la identificarea generalului, adică a esenței (pe calea gândirii abstracte, reducând concretul imens la abstractul limitat și formând noțiuni științifice), iar apoi abstracțiile științifice deduse se aplică din nou la substanța vie a limbii și anume la vorbire sau la text în vederea unei studieri a lor mai profunde și mai complete. În felul acesta, gramatica, făcând uz de noțiuni și categorii științifice, are de a face cu o materie verbală concretă. Doar se știe că, în limbă, ca entitate ontică nu există nici *substantive*, nici *verbe*, nici *părți de vorbire*, nici *cazuri*, nici *moduri*, nici *aspecte*, cu care s-ar putea spune că operează gramatica ca știință. Acestea toate sunt doar *abstracții științifice*, adică *categorii gnostice*, cu ajutorul cărora și este cercetată mai profund și mai deplin anume realitatea ontică - limba, structura ei gramaticală.

Implicarea legilor și principiilor gnoseologice în cercetarea faptelor de limbă ar urma să aibă drept rezultat, în primul rând, delimitarea clară a obiectului de studiu (planul ontic) de știința despre acest obiect (planul gnostic), delimitare care nu numai că nu întotdeauna se face, ci uneori chiar se ignorează cu desăvârșire, iar în al doilea rând, efectuarea unei serii întregi de alte delimitări științifice sunt absolut necesare, deoarece ascensiunea științei, în genere, e legată de procesul dihotomizării. Lingvistica, de exemplu, e de neconceput astăzi fără asemenea dihotomii ca: *limbă* și *vorbire*, *sincronie* și *diacronie*, *substanță* și *structură*, *planul expresiei* și *planul*

---

⁶*ibidem*, p. 21.

conținutului, paradigmatică și sintagmatică, nivelul etic și nivelul emic, lingvistica emițătorului și lingvistica receptorului, limbă și metalimbă.

În continuare, vom remarca un alt studiu semnat de cercetătorii S. Berejan și I. Ețcu, intitulat „Interpretarea gramaticii în lumina unor noțiuni filozofice și științifice fundamentale”, studiu care a fost prezentat în cadrul unei conferințe internaționale, care s-a desfășurat în 1982 tot la Bălți. Și de data aceasta, cei doi cercetători și-au demonstrat convingerea fermă că deficiențele de ordin metodologic, precum și folosirea nechibzuită a categoriilor filozofice și științifice generale la interpretarea faptelor de limbă, dau naștere la greșeli regretabile. Referindu-se la principiul dihotomizării, S. Berejan și I. Ețcu au atras atenția că F. de Saussure e primul lingvist al sec. al XX-lea care a aplicat, ce e drept, spontan și inconștient, legea dialectică a dedublării unicului și cunoașterii părților lui contrare. La una dintre aceste dihotomii – *limbă - vorbire* – apelează foarte des lingviștii ce țin de diferite orientări lingvistice și metodologice. După o serie de raționamente bine ordonate, urmează concluzia că *în lumina legii mai sus menționate* „vorbirea în toate formele existenței sale, reprezentând o entitate care poate fi sesizată cu organele de simț, constituie începutul cunoașterii lingvistice”. În urma comparării și clasificării faptelor de vorbire, a analizei și abstractizării de particular și individual, generalizând și sintetizând, pas cu pas, pătrundem în interiorul faptelor de vorbire și identificăm *generalul abstract și rațional* care constituie esența lor. Limba ca entitate esențială de acum nu mai este sesizată cu organele de simț, ci se află în întregime în competența rațiunii noastre.

Deseori, „lingviștii care recunosc dihotomia limbă-vorbire [...] nu-și dau osteneala să clarifice ce obligațiuni impun folosirea acestor categorii [...] comit substituirea nejustificată a noțiunilor, în particular, a generalului abstract, rațional prin generalul concret, senzorial. Anume ca rezultat al unei asemenea substituiri a noțiunilor *parte de vorbire, propoziție, parte de propoziție* ș.a. în literatura lingvistică sunt tratate când ca unități ale vorbirii, când ca unități ale limbii, în ambele cazuri opiniile cercetătorilor nefiind o concluzie logică din aplicarea legii dialectice privind dedublarea unicului”⁷.

Altă greșeală regretabilă, semnalată de S. Berejan și I. Ețcu, se referă la absolutizarea subiectului și predicatului ca unicele părți principale ale propoziției. „E greu să-ți imaginezi că pentru reproducerea verbală a celor mai diverse situații extraglotice limba omenească a elaborat doar un tip de propoziție standard – propoziția bimembră. Și dacă e adevărat că subiectul și predicatul sunt părți principale de aceea că prezența lor este necesară și suficientă pentru formarea unei unități funcționale întregi și independente, atunci și raționamentul invers trebuie considerat adevărat: orice parte de

---

⁷RLȘL, 2003, p. 45.

propoziție a cărei prezență este necesară pentru integritatea și independența propoziției este parte principală”⁸.

Cauza stării de lucruri în lingvistica teoretică când se confundă planul ontic cu cel gnostic „trebuie căutată, probabil, în fundamentarea filozofică insuficientă a investigațiilor lingvistice, a concepțiilor promovate, a noilor idei preconizate, în special de tinerii cercetători, în procesul studierii limbilor istorice, în ignorarea, în mare parte inconștientă, a tezelor primordiale ale teoriei cunoașterii, în general, și a cunoașterii științifice, în special. Dacă cercetătorii lingviști, mai ales cei începători, *ar apela mai des la sursele filozofice, la teoria cunoașterii științifice și la metodologia cercetării științifice, atât ei, cât și știința despre limbă, ar fi scutiți de incoerențe și contradicții flagrante, s-ar irosi mai puțin timp și s-ar depune mai puține eforturi în căutarea adevărurilor obiective fără rătăcirii nedorite*”⁹.

Așadar, nu se poate face nici o cercetare științifică, fără ca aceasta să fie guvernată de o serie de principii gnoseologice. Atare principii sunt necesare, dat fiind faptul că ele reprezintă normele călăuzitoare pentru orice cercetător, care este obligat să țină seama de ele în activitatea sa. Dacă aceste principii epistemologice sunt ignorate intenționat, șansele și posibilitățile de empirism vădit cresc. Principiile epistemologice sunt, în fond, repere absolut necesare, la care cercetătorul științific, serios și onest, e obligat să-și raporteze în permanență ideile și activitatea de investigare practică, pentru a se putea menține și urma calea cea mai dreaptă, respectiv metodele adecvate de cercetare, în aflarea și descoperirea adevărului aplicat la obiectul cercetării sale.

Referințe bibliografice

Conceptul de propoziție în lumina teoriei marxist-leniniste a cunoașterii // Limba și literatura moldovenească, 1974, nr. 3, 4; 1976, nr. 1, 4 [=Conceptul...].

COȘERIU, Eugen. *Lecții de lingvistică generală*. Chișinău: ARC, 2000 [=Coșeriu, 2000].

Limba și literatura moldovenească, 1976, nr. 4 [=LLM, 1976].

Revista de lingvistică și știință literară, 2003, nr. 1-2 [=RLȘL, 2003].

БЕРЕЖАН, С.Г., ЕЦКУ, И. *Осмысление грамматики языка в свете некоторых основополагающих филологических и общенаучных понятий* // Оптимизация грамматики в свете ленинской теории отражения. Кишинев, 1982, P. 42-47 [=Бережан *et alii*, 1982].

ЕȚCU, I. *Propoziția nominativă. Caracteristici gramaticale*. Chișinău, 1966 [=Ețcu, 1966].

⁸*ibidem*, p. 46.

⁹RLȘL, 2003, p. 67; *sublinierea ne aparține*.

WRITING AS A REFLECTION OF THE CIVILIZATION FROM ANTIQUITY TO THE MODERN TIMES

Andrij ROVENCHAK,
Associate Professor, Ph.D.

(Ivan Franko National University of Lviv, Ukraine)

Abstract

In the paper, a short discussion on the role of writing in the history of humanity is presented. The origins of writing are analyzed and some facts of modern script inventions are found to confirm its two-fold nature, both from economical (trade) and spiritual (religious) needs. Similar development of writing in different world regions and identical internal structure of logographic scripts can be the evidence for the universality of human thinking. A correlation between the types of civilization and the “philosophy” of writing is pointed.

Keywords: *writing, civilization, Antiquity, modern times.*

Rezumat

În articol, este abordat rolul scrisului în istoria omenirii. Originea scrisului este analizată de rând cu unele inovații contemporane în acest domeniu pentru a demonstra caracterul biaspectual al acestuia, motivat atât de necesitățile economice (comerciale), cât și de cele spirituale (religioase). Evoluția similară a sistemelor de scriere în diferite regiuni ale lumii și structura internă identică a logografurilor pot fi dovada universalității gândirii umane. Se pune accentul și pe corelația dintre tipurile de civilizație și filozofia scrisului.

Cuvinte-cheie: *scris, civilizație, Antichitate, modernitate.*

1. Origins of Writing

Writing systems are generally believed to be successors of the so-called proto-writing, i. e., early ideographic or mnemonic symbols. The following world regions can be listed as independent birthplaces of writing: Mesopotamia, Egypt, Indus Valley, China, Crete and Mesoamerica.

1.1. *Mesopotamia*

Sumerian cuneiform is probably the most ancient known writing. It originated in the fourth millennium BC. Its roots are seen in the early pictographs impressed on clay tablets. The Proto-Elamite script from Iran is slightly younger; it was developed around the turn of the third millennium BC¹⁰.

1.2. *Egypt*

The origins of Egyptian hieroglyphs (also fourth millennium BC) remain obscure as all the attested inscriptions show quite developed form of writing. Recent findings in Abydos¹¹ can challenge the primogeniture of archaic Sumerian cuneiform signs borne on the clay tablets from Uruk.

---

¹⁰Coulmas, 2004, p. 98–105.

¹¹Mitchell, 1999.

Hieroglyphic writing developed through centuries into hieratic and demotic scripts. Modern alphabets can be traced back to these later forms.

1.3. *Indus Valley*

The inscriptions found in Harappa and Mohenjo Daro (third millennium BC) still remain undeciphered. They were used presumably to record a Dravidian language¹².

1.4. *China*

Chinese characters are the only old writing system survived till today. First known inscriptions are the oracle bones from mid and late second millennium BC. Recently, some ritual symbols from the seventh millennium BC were discovered at Jiahu, Henan Province but they are not considered as writing¹³.

1.5. *Europe*

Minoan Cretan hieroglyphic script (second millenium BC) is often considered as an independent creation being the earliest of the group of the so-called Aegean scripts, which include in particular Linear A¹⁴. Some earlier symbols from the southeastern Europe, Vinča signs found, e.g., on the Tărtăria tablets, are rather a for of pre-writing¹⁵.

1.6. *Mesoamerica*

The earliest known script in Mesoamerica is Olmec and belongs to the first millennium BC¹⁶.

To a large extent, the emergence of writing in these societies is connected with economical needs, specifically those of trade. We can thus note that the economical component played an important – if not a determining – part in the origin of writing. This observation mentioned yet by Rousseau¹⁷ is analyzed by Derrida¹⁸.

2. Writing Development Stages

The development of writing can be schematically given as follows.

In *pictography*, visible signs express meaning without being conventionally associated with fixed linguistic form¹⁹. That is, pictography is not writing itself.

---

¹²Rogers, 2005, p. 201.

¹³Li *et alii*, 2003.

¹⁴Owens, 1996.

¹⁵Winn, 1981; Owens, 1999.

¹⁶Rodríguez Martínez *et alii*, 2006.

¹⁷Rousseau, 1826, p. 229.

¹⁸Derrida, 1997, p. 299–300.

¹⁹Coulmas, 2004, p. 406.

Sentence writing is a type of writing in which symbols correspond to linguistic units larger than words (i. e., phrases or sentences). Examples include:

- Ewe proverbs²⁰ (West Africa), e. g.,

World is like a baobab tree; no one can embrace it.

In this proverb, the nut on the right symbolizes the world.

- Nsibidi script²¹ (Nigeria):

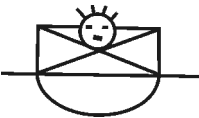

A young man and his sweetheart

A man and woman in bed who are tired of one another, lying back to back, it is the usual sign of a quarrel. When a woman makes this sign for a man it means that she does not want him to come to her house again.

- *Walam Olum*, the epic of the Delawares²², in which each symbol corresponds to a particular verse:

On the earth, [was] an extended fog, and there the great Manito was.

It is worth to note that now this epic is generally believed to be a hoax²³ but this fact does not influence the typological attribution of the writing itself.

In known developed writing systems the stage of sentence writing is not attested, that is why this form of writing is often considered as a forerunner (like pictography), but not writing properly. It could well be a deadlock branch in the evolution of some scripts.

The terms ‘ideogram’ (ideograph) and ‘logogram’ (logograph) are often mixed. However, ideograms stand for non-linguistic symbols (like numbers) and logograms are written signs representing words or morphemes²⁴. The first stage of writing is believed to be logographic.

Rebus principle is “representing a word by means of the logogram of another which is phonetically similar or homophonous”²⁵. Examples from English include *Xmas* for *Christmas* or *4U* instead of “for you”. Below,

²⁰Friedrich, 1966, Abb. 21.

²¹Dayrell 1911.

²²Velie, 1991, p. 94–95; The *Walam Olum*.

²³Oestreicher, 1996.

²⁴Coulmas, 2004, p. 309.

²⁵*ibidem*, p. 433.

examples from Chinese characters and Egyptian hieroglyphic script are shown.

The grey-shaded element on the left is called ‘key’, ‘radical’ or ‘determinative’: it says that the whole sign depicts an animal saying something like *miào* (the phonetic value of the black element meaning ‘sprout’), and it is not hard to guess that the character 猫 means ‘cat’ (*māo* in Chinese)²⁶:

<clawed beast> + miào = māo

This word is written in the following way: the left-most sign reads *nfr* and means ‘beautiful, good’. Its phonetic value is pleonastically confirmed by two upper signs in the second column, *f* and *r*. The lowest semicircle sign is the feminine suffix *t*. The meaning of the word is determined by the right sign depicting a woman, it is ‘beautiful woman’²⁷:

nfr + *f* + *r* + *t* + <woman> = *nfr-t*

In other logographic systems similar features can be found as well, cf. Sumerian²⁸ or Mayan²⁹.

In *syllabaries*, written signs denote syllables. They developed from logographic systems by means of systematic application of the rebus principle and further standardization of the sign inventory. This led to the reduction of the number of symbols used in writing (usually from several thousands in a logographic system to less than a hundred in a syllabary).

Alphabets consist of symbols for (roughly) individual phonemes. In the history of Semitic scripts, syllabaries evolved into so-called ‘consonant alphabets’ or ‘abjads’³⁰, sometimes considered as a form of syllabary. The introduction of vowels is a later invention.

3. “Western” Civilization

This term refers to the civilization originated in the Middle East and Europe. “Western” Civilization is characterized by the development of exact science, aspiration for cognition via subjugation. The earliest example is Sumer with its highly developed mathematics and astronomy. In Ancient Greece, the scientific knowledge arose in its modern sense.

Sumerian cuneiform was a precursor of Semitic Akkadian and Assyrian cuneiform scripts, in which the number of signs gradually decreased and phonetic side was pushed onto the first place. Several cuneiform scripts are known not being direct descendants of the abovementioned ones. These are

²⁶Zhongwen.com.

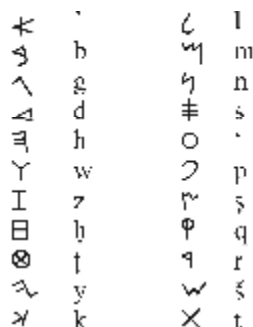
²⁷Rogers, 2005, p. 112.

²⁸Senner, 1989.

²⁹Campbell, 1990; Knorozov, 1963.

³⁰Daniels, 1990.

Persian cuneiform (almost entirely syllabic script) and Ugaritic alphabet (being precise, it is an abjad). They preserved only an external form of writing. None of cuneiform scripts overlasted 100 AD³¹.

Aramaic script from the fifth century BC. These scripts are syllabic, each symbol denotes a consonant + inherent vowel (usually ‘a’ or ‘o’), and other vowels are written with diacritics attached to the basic sign. Such a principle resembles an alphabetic script, however, the tendency to reduce the script inventory is not held. For instance, in Devanagari there are some fifty basic symbols, but the total number, including ligatures for the consonant clusters, reaches several hundreds.

5. Modern parallels

In modern world, the relations between script usage and cultural, religious and other peculiarities of its users are observed.

Latin (or Roman) script is a descendant of the Western variety of Greek alphabet via the Etruscan script. Roman alphabet is identified with globalization and expansion of the “Western” civilization and its values.

Arabic script is connected with the Islamic world. That is why in particular, aiming at the secularization of Turkey, Mustafa Kemal Atatürk introduced the Latin-based alphabet in 1928 instead of the Arabic orthography (see Fig. 2).

Cyrillic script is associated with Orthodoxy. Probably, the most striking example is the usage of the Latin-based orthography by Croats who are Catholics and Cyrillic script of their neighbors Serbs who are Orthodox. Note that in modern Serbian a considerable synchronous digraphia can be observed as both Cyrillic and Latin scripts are official, the latter not in the least because of globalization tendencies. Also it would be curiously to mention that in a largely Orthodox Romania the Latin-based orthography is quite a recent innovation as the Romanian language was written in a modification of the Cyrillic script till the 1860s³³.

Figure 2: Atatürk introducing the new Turkish alphabet to the people of Sivas. September 20, 1928 (Source: http://en.wikipedia.org/wiki/Turkish_alphabet)

³³Jensen, 1969, p. 491–493.

A more detailed discussion on the correlation of religion and writing can be found in the works by Coulmas³⁴ and Goody³⁵.

6. Creation of Writing Systems in the Modern Times

Writing systems appeared also in the Modern Age. Representatives of colonized peoples in the North America or Africa understood that giving a script to their languages can strengthen them. New orthographies are generally Latin-based (note that in the Soviet Union and Russia the Cyrillic script was used for these purposes). However, the most interesting are the cases of the indigenous script invention.

North America. In 1821, Sequoyah (also known as George Gist or Guess) presented his syllabary to the Cherokee tribal elders. This script quickly gained acceptance within the Cherokee Nation. Albeit being suppressed by the surrounding Roman orthography, Sequoyah's invention is still used today³⁶.

The writing system of Silas John is known for Apache (originated around 1904). It has a limited usage, being a writing to record solely sixty-two prayers of the cult lead by Silas John. Its special feature is that some symbols contained not only the phonetic value, but the instructions for gestures (kinesic value) as well³⁷.

Several scripts are known in Alaska: picture-writing of Lily Savok and her mother, Kiloraq Ruth Eyak (before 1914); picture writing of Edna Kenick (1940s)³⁸; syllabic script of Isaak (Kiatuak) and Charley Krerruertsau's script (both around 1909)³⁹. The invention of Uyaqoq (Helper Neck) is the best known. It quickly developed form picture writing into a syllabic script⁴⁰.

Africa, meaning Sub-Saharan Africa, is a homeland for many writing systems created in 19–20th centuries. The Vai script (Liberia, 1830s, Mómolu Duwalu Bukɛɛ is often credited as its inventor) is the best known example. Some evidences support the proposition that its creation was inspired by the Cherokee syllabary known from Austin Curtis, an American missionary⁴¹. Interestingly, the Vai are known as traders⁴² and one can see here modern parallel to the economical component in the origin of writing. Other scripts of the region were probably the result of the “stimulus diffusion” from Vai,

---

³⁴Coulmas, 2004, p. 435–436.

³⁵Goody, 1986.

³⁶Coulmas, 2004, p. 74.

³⁷Basso *et alii*, 1973.

³⁸Korhonen, 2006, p. 9.

³⁹Inuktitut.

⁴⁰Friedrich, 1966; Schmitt, 1951.

⁴¹Tuchscherer *et alii*, 2002; Tuchscherer, 2005.

⁴²Jones, 1981.

they include Mende, Kpelle, Loma, Bambara syllabaries, Bassa, Wolof, and N'ko alphabets, etc.⁴³ counting together with some recent inventions several dozens⁴⁴.

Sequoyah.

Source:

http://en.wikipedia.org/wiki/Cherokee_syllabary

King Ibrahim Njoya.

Source: Mafundikwa 2004, p. 82.

Uyaqoq (Helper Neck).

The image was located at <http://uyaqok.com>, this site currently down⁴⁵.

Figure 3: *Script inventors of the modern time*

Some scripts were created within local Christian churches for constructed languages: Yoruba 'holy' writing⁴⁶ (1920s, Aladura Church, Nigeria) and Oberi Okaimé script⁴⁷ (1930s, Calabar, Nigeria). Mandombe syllabary⁴⁸ (1978) is promoted by the Kimbanguist Church (Dem. Rep. Congo) for natural languages Kikongo, Lingala, Swahili, etc. While the role of missionaries both in adapting existent scripts and in creating new forms of writing is obvious, the fact that some religious organizations created new writing systems and even special languages is of yet another special interest. This can indicate that the spiritual component in the emergence of writing is very important. Note, in particular, abstract decorations of *churingas*, the worship items playing a central part in the totemic beliefs in some aboriginal Australian tribes⁴⁹, which can be treated as precursors of writing (though never developed any further in this region).

The most interesting African indigenous invention is probably the Bamum script devised by King Ibrahim Njoya (Foumban, Cameroon). In its original form (1896) the script was logographic but it rapidly evolved into a syllabic one (with alphabetic elements) in some two decades⁵⁰. Even more, it

⁴³Dalby, 1967.

⁴⁴Tuchscherer, 2005; Rovenchak *et alii*, 2011.

⁴⁵I am grateful to Christin Engstrom for helping to rediscover the file with image.

⁴⁶Dalby, 1969.

⁴⁷Hau, 1961.

⁴⁸Pasch, 2010.

⁴⁹Durkheim *et alii*, 2001; Black, 1964.

⁵⁰Coulmas, 2004, p. 37.

had a descendant script (1910) for neighboring Eghap (or Bagam) language⁵¹!

7. Conclusions

Several conclusions can be made regarding the development of writing and its relation to that of mankind:

1) Logographic writing systems have similar *internal* structure (while outer form might be quite different), which can be justified by the universality of human thinking.

2) Quite clear correlation exists between the way of writing and that of thinking.

3) In modern times, many writing systems appeared under the influence of external forces (conquerors or missionaries) via the “stimulus diffusion”. In some of them, a simplified and condensed form of the development of writing throughout the human history can be detected.

4) Both economical and spiritual components are important in the origin of writing⁵². Such a two-fold nature is also confirmed by new inventions of script.

These facts support the thesis that writing is one of the most important elements in the history of humanity reflecting various aspects of the Civilization.

References

BASSO, K. H.; ANDERSON, N. A *Western Apache writing system: The symbols of Silas John* // Science, New Series. Vol. 180, No. 4090, 1973. P. 1013–1022 [=Basso *et alii*, 1973].

BLACK, R. *Sacred and Ceremonial Objects and Designs* // Old and New Australian Aboriginal Art. Sydney: Angus and Robertson, 1964. P. 63–70 [=Black, 1964].

CAMPBELL, L. *Philological Studies and Mayan Languages* // Historical Linguistics and Philology (ed. by J. Fisiak). Mouton de Gruyter, 1990. P. 87–105 [=Campbell, 1990].

COULMAS, F. *Blackwell Encyclopedia of Writing Systems*. Blackwell Publishing, 2004 [=Coulmas, 2004].

DALBY, D. *A Survey of the Indigenous Scripts of Liberia and Sierra Leone: Vai, Mende, Loma, Kpelle and Bassa* // African Language Studies. Vol. 8, 1967. P. 1–51 [=Dalby, 1967].

DALBY, D. *Further Indigenous Scripts of West Africa: Manding, Wolof and Fula Alphabets and Yoruba ‘holy’ Writing* // African Language Studies. Vol. 10, 1969. P. 161–181 [=Dalby, 1969].

⁵¹Tuchscherer, 1999.

⁵²cf. Gaur, 2005, p. 4; Goody, 1986.

DANIELS, P. T. *Fundamentals of Grammatology* //Journal of the American Oriental Society. Vol. 110, 1990. P. 727–731 [=Daniels, 1990].

DAYRELL, E. *Further Notes on 'Nsibidi Signs with their Meanings from the Ikom District, Southern Nigeria* //The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. 41, 1911. P. 521–540 [=Dayrell, 1911].

DERRIDA, J. *Of Grammatology*. Johns Hopkins University Press, 1997 [=Derrida, 1997].

DURKHEIM, É.; COSMAN, C.; CLADIS, M. S. *The Elementary Forms of Religious Life*. Oxford University Press, 2001 [=Durkheim et alii, 2001].

FERGUSON, Ch. A.; HEATH, Sh. B.; HWANG, D. *Language in the USA*. CUP Archive, 1981 [=Ferguson et alii, 1981].

FRIEDRICH, J. *Geschichte der Schrift unter besonderer Berücksichtigung ihrer geistigen Entwicklung*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1966 [=Friedrich, 1966].

GAUR, A. *Literacy and the Politics of Writing*. Intellect Books, 2005 [=Gaur, 2005].

GOODY, J. *The Logic of Writing and the Organization of Society*. Cambridge University Press, 1986 [Goody, 1986].

HAU, K. *Oberi Okaimε Script, Text, and Counting System* //Bulletin del'IFAN. Vol. 23. P. 291–308, 1961 [=Hau, 1961].

Inuktitut. <http://www.christusrex.org/www1/pater/JPN-inuit.html>.

JENSEN, H. *Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. 3e Neubearbeitete und Erweiterte Auflage*. Berlin: Veb Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1969 [=Jensen, 1969].

JONES, A. *Who were the Vai?* //Journal of African History. Vol. 22. P. 159–178, 1981 [=Jones, 1981].

KORHONEN, M. *Literacy and Health: The Importance of Higher-level Literacy Skills, A Discussion Paper for Inuit Communities*. Ottawa: Ajunnginiq Centre, 2006 [=Korhonen, 2006].

KNOROZOV, Ju. V. *Письменность индейцев майя [Writing of the Maya Indians]*. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1963 [=Knorozov, 1963].

LI, X.; HARBOTTLE, G.; ZHANG, J.; WANG, Ch. *The Earliest Writing? Sign Use in the Seventh Millennium BC at Jiahu, Henan Province, China* //Antiquity. Vol. 77. No. 295. P. 31–44, 2003 [=Li et alii, 2003].

MAFUNDIKWA, S. *African Alphabets: The Story of Writing in Africa*. New York: Mark Butty Publisher, 2004 [Mafundikwa, 2004].

McLUHAN, M.; LOGAN, R. K. *Alphabet, Mother of Invention* //ETC: A Review of General Semantics. Vol. 34. P. 373–383, 1977 [=McLuhan et alii, 1977].

MITCHELL, L. *Earliest Egyptian Glyphs* //Archeology. Vol. 52. No. 2. P. 28–29, 1999 [=Mitchell, 1999].

OESTREICHER, D. M. *Unraveling the Walam Olum* //Natural History. Vol. 105. No. 10. P. 14–21, 1996 [=Oestreicher, 1996].

OWENS, G. A. *The Common Origin of Cretan Hieroglyphs and Linear A* //Kadmos. Vol. 35. No. 2. P. 105–110, 1996 [=Owens, 1996].

OWENS, G. A. *Balkan Neolithic Scripts* //Kadmos. Vol. 38. No. 1–2. P. 1114–120, 1999 [=Owens, 1999].

PASCH, H. *Mandombe* //Afrikanistik online, <http://www.afrikanistik-online.de/archiv/2010/2724>, 2010 [=Pasch, 2010].

RODRÍGUEZ MARTÍNEZ, Ma. d. C.; ORTÍZ CEBALLOS, P.; COE, M. D.; DIEHL, R. A.; HOUSTON, S. D.; TAUBE, K. A.; DELGADO CALDERÓN, A. *Oldest Writing in the New World* //Science. Vol. 311. P. 1610–1614, 2006 [=Rodríguez Martínez *et alii*, 2006].

ROGERS, H. *Writing Systems: A Linguistic Approach*. Blackwell Publishing, 2005 [=Rogers, 2005].

ROUSSEAU, J.-J. *Essai sur l'origine des langues, où il est parlé de la mélodie et de l'imitation musicale* //Oeuvres complètes de Jean-Jacques Rousseau. T. II. P. 213–301, 1826 [=Rousseau, 1826].

ROVENCHAK, A.; GLAVY, J. *African Writing Systems of the Modern Age: The Sub-Saharan Region*. New Haven–Lviv–Abidjan: Athinkra, 2011 [=Rovenchak *et alii*, 2011].

SCHMITT, A. *Die Alaska-Schrift und ihre schriftgeschichtliche Bedeutung*. Marburg: Simons, 1951 [=Schmitt, 1951].

SCHMITT, A. *Die Bamum-Schrift: 3 Bde*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1963 [=Schmitt, 1963].

SENNER, W. M. *The Origins of Writing*. University of Nebraska Press, 1989 [=Senner, 1989].

TUCHSCHERER, K. *The Lost Script of the Bagam* //African Affairs. Vol. 98. No. 390. P. 55–77, 1999 [=Tuchscherer, 1999].

TUCHSCHERER, K. *History of Writing in Africa* //Africana: The Encyclopedia of the African and African American Experience (second edition). (Ed. by K. A. Appiah & H. L. Gates, Jr.). New York, 2005 [=Tuchscherer, 2005].

TUCHSCHERER, K.; HAIR, P. E. H. *Cherokee and West Africa: Examining the Origins of the Vai Script* //History in Africa. Vol. 29. P. 427–486, 2002 [=Tuchscherer *et alii*, 2002].

VELIE, A. R. *Walam Olum* //American Indian Literature: An Anthology. University of Oklahoma Press. P. 92–133, 1991 [=Velie, 1991].

The Walam Olum. <http://www.sacred-texts.com/nam/walam/index.htm>. This is a scanned excerpt from: Brinton, Daniel G. (1885): *The Lenâpé and Their Legends*. Brinton's Library of Aboriginal Literature. No. V. Philadelphia [=The Walam Olum].

WINN, S. M. *Pre-writing in Southeastern Europe: The Sign System of the Vinča Culture ca. 4000 BCE*. Calgary: Western Publishers, 1981 [=Winn, 1981].

Zhongwen.com. Chinese Characters and Culture. <http://www.zhongwen.com> [=Zhongwen.com].

ФОНЕТИЧЕСКИЙ И ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ ПРИНЦИПЫ ОЗНАЧИВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО МИРА

Виктория ГРИНЧЕНКО,

преподаватель, аспирантка

(Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия)

45

Limbaŷi context, Anul III, vol. 2, 2011

Abstract

In the article, types of writing in contemporary languages, especially in Chinese, are discussed. They are related to the conceptualization of reality by the human individual.

Keywords: *type of writing, Chinese, hieroglyph, objective reality, subjective reality.*

Rezumat

În articol, se abordează problema tipurilor de scriere în limbile contemporane și, mai cu seamă, în limba chineză. Acestea sunt corelate cu conceptualizarea realității de către individul uman.

Cuvinte-cheie: *tip de scriere, limba chineză, ieroglif, realitatea obiectivă, realitatea subiectivă.*

В настоящее время общепринятым считается положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой специфичный способ его концептуализации⁵³. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель или картина мира и говорящий организует содержание высказывания в соответствии с этой моделью.

Представление о языковой концептуализации мира, специфичной для каждого отдельного языка, восходит к идеям Вильгельма фон Гумбольдта. Согласно его учению, различные языки являются различными мировидениями и специфику каждого конкретного языка обуславливает языковое сознание народа⁵⁴.

Чтобы ответить на вопрос, что именно рассматривать и как рассматривать, прежде всего, хотелось бы обратиться к системе «трех миров», выведенной К.Р. Поппером. Мир состоит, по крайней мере, из трех различных субмиров: первый — это физический мир или мир физических состояний; второй — духовный (**mental**) мир, мир состояний духа или ментальных состояний; третий — мир умопостигаемых сущностей (**intelligibles**) или идей в объективном смысле; это мир возможных предметов мысли, мир теорий «в себе» и их логических отношений, аргументов «в себе» и проблемных ситуаций «в себе»⁵⁵.

---

⁵³Вежбицкая, 1996, с. 75.

⁵⁴Гумбольдт, 2000, с. 80.

⁵⁵Поппер, 2002, с. 85.

Человеческий язык принадлежит к всем трем мирам. В той мере, в какой он состоит из физических действий или физических символов, он принадлежит первому миру. В той мере, в какой он выражает субъективное или психологическое состояние, или в той мере, в какой усвоение или понимание языка включает изменение нашего субъективного состояния, он принадлежит второму миру. И в той мере, в какой язык содержит информацию, в той мере, в какой он говорит, высказывает или описывает нечто, передает любой смысл или любое осмысленное сообщение, которое может влечь за собой другое, согласовываться с другим или противоречить ему — он принадлежит третьему миру.

Но в своей статье мы остановимся, прежде всего, на мире физическом.

Слова, идеи и вещи – это аналогические и взаимодействующие ряды явлений⁵⁶. Но соотношение между ними – сложное. Слово – это не только средство выражения мысли, но и форма ее становления, орган образования мысли (как говорил Гумбольдт) – и вместе с тем сама сформировавшаяся мысль.

Слова на той или иной стадии развития образуют внутренне объединенную систему морфологических и семантических рядов в их сложных соотношениях и пересечениях. Отдельные слова, как смысловые структуры, существуют лишь в контексте этих систем, в их пределах они обнаруживают по-разному свои смысловые возможности. Все слова в составе лексической системы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они соотносены друг с другом и непосредственно как члены одного и того же семантического ряда, и опосредствованно как звенья параллельных или соприкасающихся семантических рядов⁵⁷. В сущности, полное раскрытие смысловой структуры слова, т. е. не только его вещественного отношения, но и целостного «пучка» его значений, всех его грамматических форм и функций, его экспрессивных и стилистических оттенков, строя его «внутренних» форм возможно лишь на фоне всей лексической системы и в связи с ней⁵⁸.

В этой связи представляется интересным рассмотрение китайского языка, так как он является одним из немногих языков, который до сегодняшнего дня сохраняет пиктографическую письменность. При этом, из-за традиционного стремления китайцев сохранить свою историю и брать от истории самое лучшее, многие письменные памятники древности сохранились и дошли до наших дней. Это

---

⁵⁶Виноградов, 1999, с. 36.

⁵⁷Виноградов, 1999, с. 58.

⁵⁸Виноградов, 1999, с. 73.

позволяет нам увидеть всю ретроспективу развития китайского языка и письменности и провести ее анализ.

В китайском языке существует очень четкое разграничение между письменностью и фонетическим звучанием языка. Письменность, в глазах древних китайцев, была отражением не предметов, но их теней и следов, то есть превращенных, измененных образов, в конечном счете — самого акта преобразования бытия, которое обнажает предел всех вещей⁵⁹.

В результате, китайская письменность, будучи в своем исходном виде идеографической, получала статус самостоятельной, отвлеченной от своих физических прототипов реальности (считалось, например, что символы «Книги Перемен» являют сокровенный, «истинный» образ тех или иных ритуальных предметов). Так письменность оказывалась могущественным фактором согласования природы и культуры, естества вещей и человеческого творчества.

Если говорить о природе китайской письменности, надо сказать, что уже в древности письменные знаки превзошли уровень пиктограмм. В основе иероглифической письменности лежат простейшие изобразительные и указательные знаки. К последним относятся, например, 上 и 下, где их значения «верх» и «низ» условно обозначены вертикалью над и под горизонтальной чертой, что как бы имитирует соответствующий указательный жест. Пиктографический, т.е. чисто изобразительный, знак первоначально представлял собой примитивный рисунок. Например, рот изображался полукругом, выпуклостью вниз, с поперечной линией сверху; таково происхождение иероглифа 口 «рот». С течением времени рисунки схематизировались и, в конце концов, приобрели современный вид, где от первоначальной изобразительности не осталось и следа. Ни один иероглиф не сохранился в той форме, в которой он имел непосредственно понятную пиктографическую выразительность. Значение всех рисуночных знаков, а следовательно, и всех простейших лексически значимых элементов иероглифики сейчас совершенно условно.

В китайской письменности рисуночные знаки, пиктограммы, составляют ничтожное меньшинство. Гораздо значительнее число так называемых идеограмм. Например, иероглиф 立 первоначально имел вид рисунка человека, стоящего, расставив ноги. К этому изображению добавлена горизонтальная черта внизу, однако этот рисунок представлял собой изображение не человека как такового, а его позы и значил «стоять». В сложной идеограмме условный смысл вытекает из

---

⁵⁹Малявин, 2001, с. 346.

соотношения значений частей. Например, иероглиф в первоначальной форме изображал постройку - святилище или жилище правителя (верхняя часть иероглифа с чертой под ней - изображение крыши), перед ней коленопреклоненную фигуру человека и слева от нее рот. Все это изображало почтительное выслушивание повеления, откуда значение иероглифа «приказание». Как видно из этого примера, значение древней идеограммы, как правило, понятно только в свете тех культурно-исторических условий, в которых она создавалась.

Идеограммы продолжали составляться и из готовых графических элементов, уже утративших изобразительный характер и приобретших чисто условное значение. Таково происхождение большинства иероглифов, смысл которых в их нынешнем виде связан со значением входящих в них элементов. Таков, например, иероглиф , который состоит из элементов «человек» и «копье» и значит теперь «рубить», а первоначально - «ударять копьем (врага)».

Большинство иероглифов не представляет собой ни простых изобразительных знаков, ни идеограмм, а принадлежит к третьему, смешанному типу, так называемым фоноидеограммам. В фоноидеографическом иероглифе слово, им обозначаемое, фонетически тождественно слову, обозначаемому одной его частью, другими словами, чтение знака в целом совпадает с чтением одной его части. Например, иероглиф «злословить, чернить, порочить» и , одно из значений которого «дурной, плохой, зло», оба произносятся *фэй*; все знаки «апельсин», «устрица» и «сладкий» читаются *гань* (в китайском языке). Другая часть знака имеет идеографическое значение. Именно она определяет область понятий, к которой относится конкретное значение данного знака, отчего и называется «детерминатив» или «ключ».

Существовало два способа создания фоноидеографических знаков. Во-первых, фоноидеографические иероглифы появились в результате обозначения нового производного значения какого-либо слова новым иероглифом, состоящим из первоначального иероглифа и добавленного к нему детерминатива. Звучание обоих знаков в этом случае оставалось одинаковым, так как они имели разные значения одного слова. Например, когда слово *фэй* кроме значения «дурной, плохой, зло» приобрело значение «злословить», был создан новый знак путем прибавления к детерминатива «слово». Впоследствии, наличие отдельного иероглифа для каждого значения приводило к распаду первоначально единого слова на два отдельных. Развитие

каждого из них могло идти различными путями и приводить к значительному ослаблению связи между ними. Во-вторых, фоноидеографические иероглифы появились в результате обозначения некоторого слова новым иероглифом, состоящим из уже существующего иероглифа с тем же звучанием (т.е. обозначающим омонимичное слово) и добавленного к нему детерминатива. Древний китайский язык был богат омонимами, поскольку число односложных слов в нем преобладало, а количество самих слогов, по условиям его фонетической системы, было ограничено. Таким образом, нетрудно было найти омонимичное слово и путем прибавления детерминатива к обозначающему его иероглифу придать последнему новое значение. Так для обозначения слова *гань* «устрица» использован в качестве фонетика омонимичный знак *гань* 甘, значение которого «сладкий». К нему добавлен детерминатив 虫, указывающий, что значение этого иероглифа относится к миру насекомых, слизняков, т.е. создан знак 蚶.

При создании иероглифа звучание и значение его были нераздельны. Нет сомнения, что в древнем Китае знак создавался для обозначения слова и приобретал значение этого слова. Например, знак 山 был создан для обозначения слова *шань* «гора», читался *шань* и значил то же, что *шань* (т.е. «гора»).

Важно отметить, что иероглифы употребляются для обозначения соответствующих понятий как самостоятельно, так и в составе сочетаний нескольких (двух, трех и более) иероглифов. Упрощенно это можно объяснить следующим образом. Иероглиф по своему происхождению представляет собой знак, обозначающий слово. Если идти по пути обозначения всего многообразия слов соответствующими им и имеющими отличительный вид иероглифами, то в итоге придется оперировать системой письма, насчитывающей сотни тысяч знаков. Очевидно, это является нереальным. Здесь и оказывается удобным выходом из положения прием обозначения какого-либо понятия не новым иероглифом, а комбинацией уже существующих иероглифов. При этом иероглифы для сочетания подбираются не произвольным образом, а так, чтобы их значения во взаимодействии описывали значение обозначаемого сочетанием иероглифов понятия.

Так, например, для обозначения такого понятия как «студент» употребляется сочетание иероглифов 学生, состоящее из иероглифов 学 «учиться» и 生 «рождаться». Понятие «завод» обозначается сочетанием иероглифов 工場, состоящим из иероглифа 工 «работа» и иероглифа 場 «место».

Таким путем ограниченным (хотя и значительным) числом иероглифов, имеющих определенные значения, можно обозначить широкое многообразие понятий.

В связи с вышеизложенным необходимо сказать несколько слов по поводу чтений иероглифов. Как видно, иероглиф входит в состав иероглифического сочетания с оным чтением. При этом собственное значение иероглифа в составе иероглифического сочетания не сохраняется, а лишь участвует в формировании значения иероглифического сочетания. По этой причине оному чтению иероглифа едва ли возможно присвоить определенное значение. Русские слова, поставленные в соответствие с китайским словом, не должны рассматриваться как их перевод. Эти слова являются лишь средством раскрытия значения она.

Используя рассмотренный способ обозначения слов (когда значение какого-либо понятия передается сочетанием иероглифов, собственные значения которых в совокупности выражают, хотя и условно, смысл этого понятия), возможно составить разнообразные иероглифические сочетания. При этом, что интересно, сначала составляется иероглифическое сочетание, для которого подбираются иероглифы с соответствующими значениями, а затем оно прочитывается и получается слово. Т.е. в данном случае имеет место явление обогащения устного языка письменным.

Таким образом, китайская письменность имела прежде всего зрительную природу; она зародилась и развивалась обособленно от устной речи. Еще одним важным следствием зрительной природы письма стала относительная неразвитость в китайском языке грамматических и синтаксических форм. Китайский иероглиф обозначает одновременно конкретный предмет и абстрактное понятие, он лишен морфологических показателей рода, числа, времени действия и даже частей речи. Значение слова определяется, как правило, его положением во фразе.

Таким образом, язык служит наглядным воплощением одной из интереснейших особенностей китайского мышления, а именно: отсутствия четкого разграничения между частью и целым, сущностью и декором, принципом и явлением. В китайской литературе перечисление конкретных признаков заменяет общее определение предмета или понятия, а изложение текста сводится к выбору наиболее содержательной цитаты из него.

В любом случае, китайские мудрецы видели назначение слова в том, чтобы в равной мере выражать и скрывать, называть и утаивать, что и запечатлено в многозначительном высказывании Конфуция: «Если

слова выражают то, что нужно, этого достаточно»⁶⁰. Это означает в действительности, что текст призван выражать меньше, чем в нем сказано, ибо он сопротивляется любому развертыванию, расширению смысла.

Несмотря на стремление отразить в письменных знаках звучание соответствующих слов, в Китае так и не возникло ничего подобного звуковой азбуке, принятой в Корее и Японии. Причина тому лежит, без сомнения, в особенностях звукового строя китайского языка, состоящего из весьма ограниченного числа слогов (немногим более 400 в нормативном произношении⁶¹ против, например, 1200 в английском языке). Учитывая, что в китайском лексиконе насчитывается до 50 тыс. слов⁶², каждый слог соответствует здесь необычайно большому количеству слов. Правда, каждый слог в нормативном произношении может произноситься четырьмя разными способами — так называемыми тонами, — что для китайцев (но далеко не всегда для иностранцев) значительно уменьшает вероятность смешения слов при восприятии языка на слух. Система четырех тонов прослеживается в китайском языке еще с времен Цинь Шихуанди. Тем не менее даже в базовой китайской лексике слогу «и» в четвертом тоне соответствуют более сорока различных иероглифов. Для того чтобы лучше различать одинаково звучащие слова, китайцы со временем все чаще стали прибегать к созданию двусложных (так называемых биномов) и даже трехсложных слов. Впервые такие слова вошли в лексикон в первые столетия н. э. благодаря переводам буддистской литературы Индии на китайский язык. Многосложные слова составляют основу словарного фонда современного китайского языка. Правда, не существует вполне объективных критериев различения между знаками, представляющими отдельное слово, и знаками, образующими бином. Читатель китайских текстов должен узнавать различные типы слов, полагаясь на свою эрудицию и опыт.

Помимо чисто лингвистических, существовали еще политические и социальные причины, воспрепятствовавшие переходу китайцев к слоговому или алфавитному письму. Иероглифическая письменность, оторванная от устной речи, была едва ли не главным фактором сохранения политического и культурного единства «китайского мира» при наличии большого числа местных диалектов. Кроме того, знание иероглифов и выраженной в них многовековой традиции книжной культуры, которое требовало многих лет кропотливого учения, стало главным отличительным признаком правящей элиты старого Китая.

---

⁶⁰Семенас, 2005, с. 54.

⁶¹Софронов, 2007, с. 328.

⁶²Ван Ли, 1990, с. 245.

Несмотря на то, что уже к середине I тыс. н. э. письменный язык стал чисто книжным, образованные верхи старательно культивировали и совершенствовали его вплоть до нынешнего столетия.

Позднее, письмо становится едва ли не самым простым и общепонятным средством выражения творческой индивидуальности, в своем роде зеркалом душевного состояния пишущего. Впервые об этом заявил на рубеже н. э. ученый Ян Сюн, утверждавший, что «письмена — это картины сердца».

Таким образом, получается, что физический мир в китайской лингвистической традиции - это словесное означивание физических действий или физических символов окружающего мира. В чем же отличительная особенность китайского языка в данном контексте?

Для европейских языков, качественно значимой единицей является слово, состоящее из одного или нескольких слогов. Важный признак данной лингвистической единицы - это ударение. Носителем всех видов ударения является слог. Соответственно, слог участвует в формировании ритма речи, ее смысловой окраске. Причем деление слова на слоги может происходить разными способами. И слоги, полученные в результате такого деления, могут совпадать, а могут и не совпадать с морфемами. С китайским языком ситуация обстоит немного по-другому. В китайском языке любой отрезок речи делится на слоги только единственным образом. Это значит, что фонетическое деление китайской речи на слоги и семантическое деление на морфемы - значимые единицы речи - происходит без остатка и приводит к одним и тем же слоговым морфемам. Таким образом, слог китайского языка выступает в речи как слоговая морфема, при этом он всегда обладает устойчивым значением, неотделимым от этого слога. В речи он может выступать и односложным словом и частью многосложной лексической единицы.

Еще одной неотъемлемой характеристикой морфемы китайского языка является тон. На формирование тона - как смысловоразличительного признака - влияет движение высоты и интенсивности голоса. Тон принадлежит самому слогу и сохраняется при любом его проявлении в речи. И только определенный слог, произнесенный определенным тоном обладает смыслом.

На письме слоговые морфемы закрепляются с помощью индивидуальных письменных знаков - иероглифов, которые первоначально имели полностью пиктографическую основу. Но в ходе развития языка все более заметным становится процесс перехода к фонетическому письму. Слоговая морфема - это минимальный носитель смысла. Этот смысл может быть как вещественным -

знаменательным или служебным – так и нулевым в зависимости от знаковой функции слога в речи.

Слоговая морфема китайского языка является лингвистическим знаком в точном смысле этого слова: она представляет собой двустороннее единство описанной ранее фонетической нормы и некоторого содержания. Основой всех возможных – знаменательных и служебных – значений морфемы является ее глубинный смысл, который непосредственно связан с ее знаковой функцией.

Семантика морфемы китайского языка обнаруживает способность к изменению в очень широком диапазоне. Ее индивидуальное или словарное значение варьируется в зависимости от окружающих ее знаменательных или служебных морфем, входящих вместе с ней в состав лексической единицы, где происходит определение ее значения. По своей природе это взаимодействие представляет собой не автоматический, а творческий процесс. Наряду со стандартными синтаксическими сочетаниями морфем, в языке допускаются нестандартные, построенные на метафоре и метонимии, сочетания. И основанием для этих сочетаний является то, что говорящий знает не только значение слов, но также и свойства предметов, обозначенных ими. Они представляют собой отраженные в речи способы восприятия и постижения мира.

Вот именно таким путем и происходит означивание окружающего мира и действительности в китайском языке.

Использованная литература

ВЕЖБИЦКАЯ, А. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари, 1996 [=Вежбицкая, 1996].

ВИНОГРАДОВ, В.В. *История слов*. Москва, 1999 [=Виноградов, 1999].

ГУМБОЛЬДТ, В. фон. *Природа и свойства языка вообще* // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Москва, 2000 [=Гумбольдт, 2000].

МАЛЯВИН, В. В. *Китайская цивилизация*. Москва, 2001 [=Малявин, 2001].

ПОППЕР, К.Р. *Объективное знание. Эволюционный подход*. Москва, 2002 [=Поппер, 2002].

СЕМЕНАС, А. Л. *Лексика китайского языка*. Москва: АСТ: Восток–Запад, 2005 [=Семенас, 2005].

СОФРОНОВ, М. В. *Китайский язык и китайская письменность. Курс лекций*. Москва: АСТ: Восток–Запад, 2007 [=Софронов, 2007].

ВАН ЛИ (Ван Ляо-и). *Собрание сочинений в 20-ти томах*. Том 12: История китайского языкознания. Древняя фонология в эпоху Цин. Издательство Шаньдун цзяюу чубаньшэ, 1990 [=Ван Ли, 1990].

АСИММЕТРИЧНЫЙ ДУАЛИЗМ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Фанира САМИГУЛИНА,

кандидат филологических наук, доцент

(Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия)

Abstract

The article examines the actually problems of how the communicative meaning would be realized on the ground of grammar categories, the mechanisms and specific character of its creation.

Keywords: *oppositions of the grammatical categories, communicative sense, category of the intensity, illocutionary act.*

Rezumat

În articol, se examinează felul în care este transmisă semnificația comunicativă prin categoriile gramaticale.

Cuvinte-cheie: *opозиția dintre categoriile gramaticale, sens comunicativ, categoria intensității, act ilocutiv.*

Содержание и форма языкового знака, как отмечал С.О. Карцевский, пребывают в состоянии подвижного равновесия и характеризуются стремлением к нарушению такого равновесия, так как коммуникативные потребности заставляют нас искать новые способы для обозначения прежнего содержания и они же толкают говорящих к переосмыслению формы, наполнению ее новым содержанием, что отражается в асимметричном дуализме знака⁶³. При этом значения слов и грамматических форм транспонируются, преобразуются и усложняются так, что обозначающее знака стремится обладать иными функциями, нежели его собственные, а обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными, косвенными средствами, нежели его собственный знак⁶⁴. Таким образом, асимметрия – это преобразование семантики слова или грамматической формы, которая способна при этом усложняться контекстуальной многозначностью, так что форма, приобретая новую, необычную для нее, переносную функцию, не теряет исходной, но приобретает при этом еще и дополнительную нагруженность, и потому усложненность текста порождает особый «семантический фон» – оценочный, модальный, эмоциональный⁶⁵, тем самым создавая особую напряженность между языковой формой и смысловым контекстом и отражая творческое начало в использовании языка – рождение новых смыслов⁶⁶.

⁶³Карцевский, 1965, с. 85.

⁶⁴Рябцева, 2005, с. 356.

⁶⁵Ковтунова, 1986, с. 166-171.

⁶⁶Рябцева, 2005, с. 356.

Всё сказанное выше относится и к уровню грамматической семантики. Так, в любом дискурсе (письменном или устном) часто встречаются оппозиции грамматических категорий, реализующие не столько свое грамматическое значение, сколько передающие дополнительную эмоциональную информацию, например:

Но, к сожалению, до суда эти преступления не доходили, не доходят и не дойдут (ТВ).

Я любила, люблю и буду любить Осю больше брата, больше мужа, больше сына. Про такую любовь я не читала ни в каких стихах (Л. Брик).

Светит солнце, идут люди, стоят у лавок очереди... опять тупость, безнадежность, опять впереди пустой долгий день, да нет, не день, а дни, пустые, долгие, ни на что не нужные! Зачем жить, для чего? (И. Бунин)

Это связано с тем, что человек вкладывает в язык и извлекает из его использования гораздо больше информации, чем осознает и вербализует. В данном случае значимым свойством языка выступает его способность запечатлевать и передавать имплицитные смыслы, то есть какую-либо неявно выраженную информацию, в частности, эмоциональную.

Количественная характеристика (интенсивность) является одним из важнейших параметров классификации эмоций. Выделенность сигнала, его интенсивность ведет к экспрессивности. Экспрессивные элементы позволяют оптимально выразить, передать содержание сообщения, способствуют достижению психологических целей. Это характерно и для использования в речи оппозиций грамматических категорий. Данные экспрессивные средства подчеркивают, усиливают содержательный сигнал сообщения, позволяя тем самым воспринять имплицитные смыслы. Они способствуют трансформации логического содержания высказывания. Интенсификация высказывания за счет употребления одновременно двух членов оппозиции грамматической категории времени способствует трансформации логического содержания, появлению имплицитного метасмысла: “уверенность, убежденность говорящего в сказанном”:

Промотает он ее, голубушка! Дом промотал - и деревню промотает (М. Салтыков-Щедрин).

Здесь наблюдается проявление коннотативного значения у оппозиции грамматической категории времени в дополнение к основному грамматическому, что возможно благодаря асимметричности языкового знака, способствующей преобразованию семантики грамматической формы, ее осложнению контекстуальными смыслами. Всё это ведет к большей смысловой нагруженности высказывания в целом и порождает эмоциональный семантический

фон. В результате возникшей напряженности между языковой формой и смыслом контекста появляются новые смыслы. Так, в приведенном выше примере оппозиция грамматической категории времени передает большее количество информации: она не только реализует свои основные грамматические значения, но и передает новую дополнительную информацию в своем коннотативном значении (убежденность в сказанном):

Этого не произошло и не произойдет. Я вас уверяю, есть масса вещей не просто неизвестных, а в какой-то степени непознаваемых нашими современными методами (газ).

Известно, что элементам языковой системы свойственны два типа фундаментальных отношений (парадигматические и синтагматические), которые в свою очередь базируются на двух способах мыслительных операций: селекции и комбинации. Селекция и комбинация языковых знаков осуществляется еще до реализации в речи. В ней зримо представлена только одна сторона мыслительных операций – комбинация единиц. Естественно, что два плана языка находятся в тесной связи. Как показывают исследования в области нейролингвистики, их взаимодействие составляет основу выражения любых языковых значений. Но результатом взаимодействия двух осей языка может явиться и возникновение экспрессивности. Это происходит, если нарушается граница между этими осями. Например, при использовании в речи всех частных грамматических значений какой-либо грамматической категории, когда парадигма превращается в синтагму, то есть принцип оппозиции проецируется с оси селекции на ось комбинаторики. В данном случае происходит отклонение от нормы. Экспрессивный эффект возникает из-за того, что принцип лексической эквивалентности, лежащий в основе отношений на оси селекции, используется в отношениях на оси комбинаторики как противопоставление и сопоставление равноценных в лексическом плане, но вариантов в грамматическом форм. При этом «значительное число явлений, связанных с творческим процессом, имеет в своей основе именно это нарушение, словно существует связь между эстетикой и отклонением от нормы...»⁶⁷. При передаче рациональной информации на оси комбинаторики актуализируется лишь один член виртуальной оппозиции какой-либо категории. Нечто иное происходит, если создавать высказывание, последовательно присоединяя друг к другу, например, временные формы одного глагола:

---

⁶⁷Барт, 1992, с. 155.

...Террором ничего поделать нельзя с животным, на какой бы ступени развития оно ни стояло. Это я *утверждал, утверждаю и буду утверждать...* (М. Булгаков).

Здесь «наложение» друг на друга языковых осей влечет за собой видимые изменения смысла. В основе использования оппозиций грамматических категорий на оси комбинаторики лежит сознательно достигаемое напряжение между принципом сходства и принципом различия. Как и всякая категория знакового уровня, грамматическая категория является двуплановой (план содержания – грамматическое значение; план выражения – парадигма словоформ, объединенных общим значением этой категории). Однородные частные грамматические значения, заключенные в общее ядерное значение, противопоставлены друг другу в пределах данного значения характером конкретного содержания, например, категория числа расчленяется на значения единственного и множественного. Таким образом, в структурном аспекте грамматическая категория представляет собой оппозицию составляющих ее грамматических значений. Как известно, грамматическое значение обладает особым семантическим содержанием (отражает качественные, количественные, временные и другие характеристики реальной действительности) и входит в систему семантических оппозиций. Оно организует язык в целом, «опосредуя выражение элементами языка не только рационального, но и эмоционального сознания»⁶⁸. Это положение обуславливает потенциальные экспрессивные возможности грамматических категорий.

Грамматическая категория может реализовываться в любой парадигматической системе словоформ, но минимальная граница – двучленность. Двоичные оппозиции воспринимаются всегда эмоционально. Это явление достаточно полно описано в работе В.В. Иванова, в которой он характеризует двоичное противопоставление как эмоциональное противопоставление, так как оно связано с первичной классификацией мира на полезно и вредно⁶⁹. При этом члены бинарной оппозиции грамматической категории в эмоциональном дискурсе на оси комбинаторики структурируются двумя способами: либо противопоставляются («Князь Шуйский удавился? Иван Петрович? Лжешь! Не удавился – **удавлен он!**» (А. Толстой); *Ирак стоит перед выбором: **разоружиться** или **быть разоруженным*** (ТВ)), либо сопоставляются («Они *лжнимые* специалисты/ книжки видали, книжки заучили, книжки повторили и в книжках ничегошеньки не поняли. Бывают

---

⁶⁸Блох, 1986, с. 5.

⁶⁹Иванов, 1978, с. 104-107.

такие *ученые* и даже *ученейшие* люди» (В. Ленин); *Я говорю себе - будут и горше страницы, / Будут горчайшие, будут последние строки* (Ю.Д. Левитанский). Приобретаемое дополнительное коммуникативное значение всегда формируется на базе основного грамматического значения (является его следствием) и передает эмоциональную информацию об отношении говорящего к сказанному, о его стремлении воздействовать на воспринимающего высказывание в желаемом направлении, так как высказывание, текст всегда прагматически определены.

Существует два типа коммуникативных установок: информировать и повлиять. Опозиции грамматических категорий как средство создания экспрессивности чаще применяются для реализации второй установки. Так, для создания убеждающего высказывания используется принцип симультанной реализации двух или трех семантических компонентов структуры грамматического значения одной и той же грамматической категории:

Ты не совсем прав. Такие люди, как Владимир Семенович Высоцкий, как Александр Розенбаум, начинали изучать совершенно изменившийся во времени теневой, назовем его так, мир... Но сами эти достойнейшие люди никогда не переступали и не переступят букву закона (газ.).

Глагольные формы, взятые по отдельности, сообщают о времени протекания действия, а в совокупности «убеждают», что это действие будет происходить постоянно, без изменений:

Без риска никогда никто заработать не мог, не может и не сможет (ТВ). Я на шестнадцати аршинах сижу и буду сидеть (М. Булгаков).

Таким образом, экспрессивный эффект на грамматическом уровне языка объясняется с учетом количественно-качественных отношений между членами опозиции одной грамматической категории. Изучение категории интенсивности в языке, ее анализ в парадигматическом аспекте полярности на грамматическом уровне позволяет высказать положение о поляризации смысла в связи с поляризацией формы, что согласуется с известным законом Вебера-Фехнера о силе ощущений. Это в свою очередь показывает детерминированность способности имплицировать больший объем практически значимой информации в дискурсе и выражать его минимумом языковых средств особенностями работы мозга. Специфика мышления человека и его восприятия определяет способы категоризации и концептуализации знаний о мире, в частности особенности репрезентации количества в языковой картине мира, его прагматическую заданность в условиях коммуникации. Количественная интерпретация всегда имеет аксиологический смысл.

Так, в психологии восприятия интенсивность проявления признака какого-либо явления и отношение к нему почти всегда тесно связаны друг с другом, имеют большую практическую значимость в жизнедеятельности человека, по сути, выходя далеко за рамки количественно-градационной интерпретации окружающего⁷⁰. Поэтому количественная интерпретация играет особо важную роль в категоризации и концептуализации знаний о мире, что отражается не только в лексике языка, но и в грамматике и иллюстрируется прагматическим потенциалом идеи количества (интенсивности), репрезентированной в синтагматике в рамках оппозиции грамматической категории⁷¹.

Заметим, что подобная функция оппозиций грамматических категорий (передача уверенности, убежденности) важна во всех видах речи, особенно в ораторской, где для теории доводов значимым является такое состояние оратора, как уверенность и неуверенность. В последнее время данное «средство убеждения» особо часто встречается в рекламных объявлениях:

*Современная магия виртуальных пространств и древнейшие традиции колдовства, использовавшиеся во благо, помогли многим. Помогут и вам!; Скидка **15%** на все звонки...для тех, кто говорил, говорит и будет говорить..., Мы побеждали в прошлом, победим и сейчас.*

В приведенных образцах выполняется один из главных советов риторов – не показывать хотя бы малейшего сомнения – благодаря применению оппозиции грамматической категории времени в качестве экспрессивного средства, усиливающего убедительность любого сообщения, что способствует формированию определенной установки на его восприятие. Это возможно за счет того, что оппозиции глагольной грамматической категории времени при помещении их на ось комбинаторики могут передавать дополнительные значения, выходящие за пределы установленных значений для данной категории. В приведенных выше примерах частные грамматические значения времени расположены последовательно друг за другом в виде восходящей грамматической градации. При таком употреблении оппозиция грамматической категории времени приобретает на оси комбинаторики (помимо грамматического значения) коммуникативное значение уверенности, убежденности говорящего в истинности сказанного. В данном случае важно не указание на конкретное время происходящего действия, гораздо важнее здесь указание на

---

⁷⁰Рябцева, 2005, с. 542-544.

⁷¹Самигулина, 2008.

постоянство, на то, что данное действие вне времени, оно будет происходить неизменно, всегда:

Любовь к службе была, есть и будет, и я никогда не откажусь от флота (газ.).
(о Дж. Лондоне) *Его читали, читают и будут читать, потому что он дорога, сама идея дороги, воспетая им...* (П. Вайль).

Несмотря на различную лексическую семантику глаголов, обозначающих действие, общим коммуникативным смыслом для этих высказываний является значение уверенности, убежденности в сказанном. Оно возникает у оппозиции грамматической категории времени благодаря одновременной актуализации всех частных грамматических значений семантического пространства общего грамматического значения. Схематично модель такого употребления оппозиции категории времени можно представить следующим образом: ПВ → НВ → БВ:

Сердце – это самый важный орган у человека. О сердце много говорили, говорят и будут говорить (ТВ).

При таком использовании временной парадигмы в экспрессивном дискурсе при помощи грамматических средств подчеркивается значение стабильности, неизменности. Акцентирование в данном случае происходит при помощи исключения других альтернатив. Со временем в сознании человека всегда связано понятие изменчивости, например: *Все течет, все изменяется. Времена меняются* и т.п. Но когда в высказывании каждая временная форма заполнена одним и тем же действием, то это действие как бы присутствует неизменным во все времена: прошлом, настоящем, будущем. Вследствие этого действие воспринимается как постоянное, неизменное. Количество частных грамматических значений, таким образом, порождает качественно новое значение - коммуникативное значение уверенности, убежденности в сказанном. Грамматическое значение, обозначающее конкретное время протекания действия, отходит на второй план. При подобном использовании временной парадигмы на первый план выходит коммуникативное значение, которое помогает передать мысль, чувство в убеждающей форме с целью усиления воздействия на воспринимающего данное высказывание:

Валя, валяет и еще много нам наваяет наш обаятельный Семен Альтов (газ.).
Мусор в прессе – это всегда было, всегда есть и всегда будет (А. Мигранян).

По этой причине трехчленная оппозиция грамматической категории времени часто встречается в высказываниях, в которых передается не только личное убеждение в истинности сказанного самого говорящего, но и его желание воздействовать на мысли, настроение слушателя/читателя и убедить его в своей правоте, передать свое чувство, «заразить» им, например:

Еще раз подчеркну, историю переписывали, переписывают и переписывать будут. Это и есть история (В. Хотиненко).

Насилие было, есть и будет (М. Веллер).

Последовательное представление всех форм грамматического времени (прошедшее - настоящее - будущее) демонстрирует начало действия, его настоящее течение и уверенность в продолжении действия в будущем, что и проявляется в категоричности всей фразы. Поэтому этот прием часто используется в публицистике, известной своей эмоциональностью и желанием воздействовать.

Таким образом, экспрессивный дискурс, транслирующий эмоциональное значение, может формироваться в коммуникативном акте при помощи не только лексической, но и грамматической семантики. Способствуют передаче различных установок грамматические категории трех- и двучленной структуры, переведенные с оси селекции на ось комбинаторики в полном объеме или частично. Способ их расположения (сопоставление или противопоставление) отражается в специфике содержания коммуникативного значения и влияет на большую или меньшую экспрессивность конструкции. Тем самым грамматический уровень имеет свой набор средств для передачи не только рациональной, но и эмоциональной информации, в связи с чем в речевой коммуникации благодаря асимметричному дуализму языкового знака возможно моделирование коммуникативной установки не только на уровне лексической, но и на уровне грамматической семантики.

Библиографический список:

БАРТ, Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». Москва: Прогресс, 1975. С. 114-163 [=Барт, 1975].

БЛОХ, М.Я. *Теоретические основы грамматики*. Москва: Высшая школа, 1986 [=Блох, 1986].

ИВАНОВ, В.В. *Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем*. Москва: Советское радио, 1978 [=Иванов, 1978].

КАРЦЕВСКИЙ, С.О. *Об асимметричном дуализме языкового знака* // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. Ч.2. Москва: Наука, 1965 [=Карцевский, 1965].

КОВТУНОВА, И.И. *Поэтический синтаксис*. Москва: Наука, 1986 [=Ковтунова, 1986].

РЯБЦЕВА, Н.К. *Язык и естественный интеллект*. Москва: Academia, 2005 [=Рябцева, 2005].

САМИГУЛИНА, Ф.Г. *Языковая семантика: реализация когнитивных и коммуникативных задач в дискурсе*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008 [=Самигулина, 2008].

TIPURI DE SEMNE, DE LIMBAJ ȘI DE MECANISME
INTERACȚIONALE ÎN COMUNICARE

TYPES OF SIGNS, SPEECH AND INTERACTIONAL
MECHANISMS IN COMMUNICATION

INTERACȚIUNEA MEDIATĂ CONTROLATĂ.
COMPORTAMENTUL COMUNICATIV AL INTERLOCUTORILOR
ÎN TALK SHOW-UL ROMÂNESC ACTUAL
(INVITAȚI - ROMÂNI DIN DIASPORĂ)

Luminița HOARȚĂ CĂRĂUȘU,
profesor universitar, doctor în filologie
(Universitatea „Alexandru Ioan Cuza”, Iași, România)

65

Limbaj și context, Anul III, vol. 2, 2011

Abstract

This paper brings together some observations concerning the special conditions of development of verbal interaction in a particular situational context of communication. We address some issues that arose in a controlled mediated interaction (type "talk show"). The analysis is a case study of the talk show of the TV program "100% Guaranteed", a talk show in which Căciuleanu Gigi, choreographer and dancer, Romanian diaspora, was invited.

Keywords: *verbal interaction, situational context, mediated interaction.*

Rezumat

Lucrarea reunește câteva observații referitoare la condițiile speciale de desfășurare a unei interacțiuni verbale, într-un context situațional special al comunicării. Abordăm câteva aspecte care au apărut în cadrul unei interacțiuni mediate controlate (de tip «talk show»). Studiul reprezintă o analiză de caz a talk show-ului din cadrul emisiunii televizate «Garantat 100%», talk show în care este invitat Gigi Căciuleanu, coregraf și dansator, român din diasporă.

Cuvinte-cheie: *interacțiune verbală, context situațional, interacțiune mediată.*

1. Introducere

„Discursul mediatic”⁷² poate fi înțeles ca „un discurs general care amalgamează și focalizează cunoștințele și credințele despre ce a fost, este și ar trebui să fie, evident cu accentuarea prezentului („news”, „now”, „hic et nunc”), dar fără excluderea memoriei și prospectivei.

Produsele mass-media „sunt purtătoare (și nu simple suporturi) de reprezentări sociale, de curente socio-culturale, de moduri de viață”, centralitatea discursului mediatic în societatea postmodernă implicând „variate dimensiuni ale convergenței: *convergența mediilor* (televiziune + computer în televiziunea digitală, televiziune + presă scrisă în diversele ziare preponderent iconice); *intertextualitatea mediilor* (presa scrisă glosează pe marginea unor cazuri prezentate la televiziune, emisiunile televizate anunță seara *scoop-urile* principalelor ziare de a doua zi); *interdisciplinaritatea cercetării* care conjugă obiective și metode din sociologie, antropologie, semiotică, lingvistică etc.”⁷³.

---

⁷²Rovența Frumușani, 2004, p. 106.

⁷³Rovența Frumușani, 2004, p. 111-112.

În cadrul discursului mediatic, se evidențiază **dezbateră televizată**, un așa-numit „gen televizual”⁷⁴, care ar trebui analizată, în opinia lui Noël Nel⁷⁵, din două perspective, și anume, **perspectiva conversațională** și **perspectiva televizuală**.

Astfel, avându-se în vedere prima perspectivă, dezbateră televizată este o structură ierarhizată de schimburi verbale, fiind guvernată de reguli instituționale și de ritualuri. Dezbateră televizată este, în același timp, tributară unui context conținând elemente fixe legate de locul în care se desfășoară dezbateră, elemente conjuncturale, legate de participării la dezbateră televizată⁷⁶. Dezbateră televizată este „o situație televizată care plasează oratorii față în față, sub ochii telespectatorilor”, locutorii vorbind, „adresându-se, în același timp, persoanelor de față și publicului”⁷⁷.

În ceea ce privește perspectiva televizuală, dezbateră televizată este „o emisiune sau un fragment de emisiune, animată de obiectivul informației și traversată de dimensiunea polemico-contractuală a comunicării”. În privința sistemului de reprezentare, emisiunea de acest tip propune „un regim de vizibilitate care se caracterizează prin obiectivitate, dar care nu exclude spectacularul”, contractul său de credibilitate susținându-se pe „o etică a emisiunii în direct și a adevărului care nu refuză nici dramaturgia emoției, nici performanța actorului, nici activitatea instanței de punere în scenă”⁷⁸.

În literatura de specialitate⁷⁹, s-a făcut distincție între **dezbateră televizată**, pe de o parte, și **talk show-ul**, pe de altă parte.

Astfel, **dezbateră televizată** este „o formă de interacțiune verbală, organizată cu scopul de a scoate în evidență **adevărul**, oricare ar fi configurația sa, în legătură cu o temă problematizată, implicând un dispozitiv televizual”. Dezbateră televizată corespunde „**punerii în scenă** a cuvântului menit să «descopere adevărul»”⁸⁰.

Pe de altă parte, **talk show-ul** presupune „discuții amabile de salon, fără asperități și fără profunzime”⁸¹, reprezentând „un duel oratoric, opunând unul sau mai mulți locutori unei persoane (sau mai multor persoane), în prezența (sau nu) unui public în studio, sub responsabilitatea unui moderator”⁸². Talk show-ul este „o formă de interacțiune verbală, organizată cu scopul de a scoate în evidență un conflict sau o dramă umană, sub diferite

---

⁷⁴Charaudeau *et alii*, 1997.

⁷⁵Nel, 1990, p. 17.

⁷⁶Nel, 1990, p. 17.

⁷⁷Nel, 1990, p. 17.

⁷⁸Nel, 1990, p. 25.

⁷⁹Charaudeau *et alii*, 1997, p. 77.

⁸⁰Charaudeau *et alii*, 1997, p. 81.

⁸¹Nel, 1990, p. 23.

⁸²Nel, 1990, p. 24.

configurații, în strânsă legătură cu o temă-pretext, implicând un dispozitiv televizual”, talk show-ul corespunzând unei „*puneri în spectacol* a cuvântului menit să servească un tratament sensibil, emoțional al celor două forme de dezordine umană: conflictele între indivizi și dramele intime ale persoanei, cu scopul «revelației eului»”⁸³.

Studiul nostru analizează talk show-ul din cadrul emisiunii televizate *Garantat 100%*, talk show moderat de către Cătălin Ștefănescu, invitat fiind Gigi Căciuleanu, coregraf și dansator, român din diasporă (vezi anexa 1).

2. Perspectiva conversațională

Orice talk show este o formă de interacțiune verbală, orice act conversațional fiind determinat de prezența a cel puțin doi protagoniști, care, alternativ, joacă rolul vorbitorului și al receptorului. Vorbitorul, care își planifică discursul la nivel cognitiv, trebuie să semnaleze acest proces de planificare receptorului, pentru a-i indica faptul că mai are să-i spună ceva sau că este dispus să-i cedeze cuvântul, marcând, astfel, posibilitatea unei intervenții a partenerului. Rolul receptorului însă constă în a asculta, în liniște, discursul vorbitorului și a-i semnală, frecvent și în mod regulat, că îl ascultă, că înțelege, că este de acord cu ceea ce acesta spune, satisfăcând, astfel, scopul „controlului vorbitorului”, fără a întrerupe fluxul dialogului. Cu alte cuvinte, pentru a exista schimbul comunicativ, nu este suficient ca doi sau mai mulți locutori să vorbească în mod alternativ, ci trebuie ca ei să-și vorbească, adică să fie ambii „angajați” în schimbul comunicativ și să producă „semne” ale acestui angajament mutual, recurgând la diverse „procedee de validare interlocutivă”⁸⁴.

Interacțiunea verbală din cadrul talk show-ului pe care îl analizăm este structurată în acte de vorbire „în doi membri” numite *perechi de adiacență*⁸⁵. Secvențele în discuție formează un schimb conversațional de replici, având caracter dialogic și înscriindu-se sub semnul obligativității⁸⁶. Referitor la talk show-ul pe care îl analizăm, *perechile de adiacență* se pot observa în cadrul diverselor secvențe ale actelor de vorbire, ca de exemplu:

- *salut / răspuns la salut:*

„CȘ: da. bună seara ↑
GC: bună seara.”

- *întrebare / răspuns:*

„CȘ: ce-ai adus gigi?”

⁸³Charaudeau *et alii*, 1997, p. 81.

⁸⁴Kerbrat-Orecchioni, 1996, p. 4.

⁸⁵Meibauer, 1994, p. 134.

⁸⁶Hoarță Cărăușu, 2003, p. 54.

GC: eu am adus un film ↑ + pe care l-am văzut ↑ + când eram copil ↑ + și care m-a ↑ + m-a trăsnet la cap total. +++ am fost bolnav trei zile ↑ + literalmente am stat în pat ↑ + cu ↑ + cu temperatură ↑ + după ce-am văzut acest film ↑ la strada ↓ de felini. +++ așa. ++ deci asta este ↑ cred opera de artă care m-a ↑ + zguduit. + din temelii.”;

„ CȘ: o capodoperă. da. ++ când erai copil ↑ vedeai filmu’ ăsta?

GC: eu am văzut [xxx] da’ mic fiind. da. + da da. l-am văzut ↑”.

În punctul relevant pentru schimbarea emițătorului, intră în acțiune două *reguli de alocare a rolului de emițător*, și anume, desemnarea emițătorului următor de către cel care vorbește și autoselectarea ca emițător⁸⁷. Astfel, psihologii au descoperit că „între momentul în care o persoană își termină mesajul și momentul în care cealaltă începe să vorbească poate fi un interval de timp atât de scurt, încât poate fi considerat aproape inexistent – în anumite cazuri, este mai mic de 50 de miimi de secundă”⁸⁸, acest lucru numindu-se „tranziție lină”⁸⁹, pentru că trecerea de la un vorbitor la altul este atât de netedă.

Cele două reguli ale accesului la cuvânt permit ocurența unor fenomene, printre care se numără *suprapunerile* unor intervenții comunicative, suprapuneri ce pot fi definite ca fiind „vorbirea simultană a doi (sau mai mulți) participanți la o conversație”⁹⁰. Există două tipuri de suprapuneri, și anume, *suprapunerile propriu-zise*, care „apar în punctul relevant pentru schimbarea emițătorului, când locutorul în curs nu-și desemnează succesorul, mai mulți participanți fiind la fel de îndreptățiți să-și asume rolul de emițător”, suprapunerile fiind, în acest caz, un rezultat al competiției pentru rolul de emițător, și *suprapunerile - rezultat al întreruperii locutorului*, care sunt „produse înainte de încheierea intervenției locutorului în curs, ca urmare a întreruperii acestuia de către un alt participant”, acest tip de suprapuneri fiind „forme de violare teritorială, grave prin aceea că pot constitui preludiul unui conflict”⁹¹.

În talk show-ul analizat, suprapunerile apar, deoarece vorbitorul în curs este întrerupt de către un alt participant la interacțiune, dar și pentru că locutorul în curs nu-și desemnează succesorul:

„RP: nu. pentru că tot timpul am făcut ↑ + lucrurile pe care eu le-am considerat bine. +++ nu m-am considerat niciodată o instanță ↑ ++ care să ↑ ++ dea un verdict ↑ + verdict absolut. + am dat verdictul meu. +++ uite ↑ ++ asta-mi place ↑ + asta cred eu că ↑ + merită văzut ↑ + citit ↑ ascultat în românia ↑ ++ astea sînt zonele în care eu mă simt bine. +++ încercați ↑ ++ asta a fost. ++ niciodată n-a

⁸⁷Ionescu Ruxăndoiu, 1999, p. 45.

⁸⁸Collett, 2005, p. 88.

⁸⁹*ibidem*.

⁹⁰Ionescu Ruxăndoiu, 1999, p. 46.

⁹¹Ionescu Ruxăndoiu, 1999, p. 46-47.

fost ceva ↑ ++ î ↑ ++ FORȚAT să zic. +++ ceva în care să zic dacă vă uitați la mine
↑ [*nu mai trebuie să vă uitați nicăieri.*

CȘ: *eu am dreptate da.*”;

„GC: da sigur. + [da.

CȘ: *doamnelor și domnilor ↓*”;

„RP: din păcate nu. + pentru că ↑ + ora la care se fac lansările este cinci. ++ eu lucrez ↑ +++ în consultanță financiară ↑ +++ care ↑ + începe dimineața la nouă ↑ + și se termină la ↑ + șase ↑ șapte ↑ + șapte și jumate ↑ +++ [în general ↑ urmăresc filmele.

CȘ: *hai să-ți povestesc ceva de la lansare.*”

Pentru a vorbi pe rând într-o conversație, „este necesar ca vorbitorul și ascultătorul să își poată indica unul altuia, dacă vor sau nu cuvântul”, vorbitul pe rând fiind organizat „printr-un set de semnale convenționale, pe care oamenii le emit în timp ce vorbesc și ascultă”⁹². Din acest motiv, „orice conversație funcționează pe două niveluri – un dialog „oficial”, în care se schimbă idei și opinii, și un dialog „neoficial”, în care se schimbă semnalele despre momentul intervenției și se exprimă gradul de hotărâre în a continua conversația”⁹³.

Folosind mărci care indică momentul intervenției, ascultătorul poate indica, dacă vrea să evite sau să preia rolul vorbitorului, iar vorbitorul în curs poate indica, dacă vrea să păstreze rolul de emițător sau să îl cedeze receptorului.

Există mai multe moduri în care ascultătorul poate să-i arate vorbitorului că vrea să vorbească. Carla Bazzanella⁹⁴ numește acest tip de semnale *mărci care servesc la preluarea replicii*, considerând că acestea „ajută la stabilirea contactului lingvistic și la preluarea cuvântului”⁹⁵.

Ca semnale care servesc la preluarea replicii, ajutând la stabilirea contactului lingvistic între protagoniștii actului lingvistic și la preluarea cuvântului de către ascultător, sunt utilizate, în talk show-ul analizat, mărci pragmatice de tipul: *deci, în concluzie, iată, vreau să spun, dar și, și, dar, iar* etc.:

„GC: de altfel am venit prin ↑ ++ aproape prin emisiunea voastră ↑ ++ silvia gheață m-a ↑ + invitat la ↑ + acest spectacol la teatrul național ↑ de foarte multă lume m-a redescoperit ↑ și chiar m-a descoperit. și ↑ ++ eu am descoperit foarte multă lume.

CȘ: *iar* răzvan e pentru prima dată la noi ↑ dar ↓ + într-o formă sau alta ↑ + vă leagă dansul foarte tare pentru că ↑ +++ nu știu. + într-un fel și prin garantat sută la sută ↑ +++ gigi ↓ ++ mare coregraf și dansator ↑ +++ răzvan ↑ + a susținut ↑ + unul dintre spectacolele despre care-am povestit aici ↑ + la garantat sută la sută ↑

⁹²Collett, 2005, p. 89.

⁹³*ibidem.*

⁹⁴Bazzanella, 1995, p. 232.

⁹⁵*ibidem.*

+ e vorba despre un spectacol al vavei ștefănescu ↑ + cvartet pentru o lavalieră-i spune. ++

GC: *și mi-a propus acum să mă susțină pentru alt spectacol. ++ chiar acum ↑ + în culise ↑ + deci vă dați seama.*”;

„GC: încerc. ++ să mă scol de pe scaun. (aplauze) +++ înainte să încep ↑

CȘ: te rog.

GC: *vreau să spun* că asta-i un dans care l-am făcut pentru cătălin ștefănescu. ++ă ↑ + în primu' rând pentru că este pe o muzică de jazz ↑ + foarte frumoasă ↑ + pe charlie parker ↑ + și apoi pentru că-i propun o ↑ + un exercițiu de STIL ↑ +++ adică ↑ + așa cum ↑ ă ↑ ++ ravel a inventat un concert pentru mâna stângă ↑ ++ la pian ↑ ++ mâna mea stângă-i partea mea stângă ↑ și mâna mea dreaptă -i ↑ + toată ↑ +++ tot corpu' meu ↑ ++ partea ↑ mm ↑ ++ dreaptă a corpului. deci am inventat ↑ ++ un dans ↑ ++ ă ↑ numai cu partea dreaptă a corpului. ++ braț și picior. +++ blocând celălalt în buzunar. +++ ceea ce-i greu pentru că nu ține cârma.”

Mărcile pragmatice ale acordului indică acceptarea unei teze, a unei concluzii a partenerului, și, de aceea, ocurența lor presupune dialogul. Se aprobă, se împărtășește opinia alocutorului, cu alte cuvinte, se consideră că ceea ce afirmă alocutorul este adevărat. Asentimentul este marcat, în talk show-ul pe care îl analizăm, prin intermediul *mărcilor pragmatice ale acordului* de tipul *bine spus, ai dreptate, exact, foarte bine, da, just, natural, adevărat, normal, absolut, perfect* etc. *Mărcile pragmatice ale acordului, confirmării, adeziunii* indică acordul din partea interlocutorului, în privința aserției transmise de către vorbitor:

„CȘ: bun. + și-avem acolo ca să zică ↑ let zepelin trei ↑ și-o carte. + le dăm împreună. + la același ↑

RP: *da*.

CȘ: bun. +++ trebuie să aflu neapărat ↓ + pe cuvânt că nu știu ↑ + cum v-ați cunoscut? ++ de unde ↑ + de unde și ce legături vă leagă. cum v-ați cunoscut gigi?” ;

„RP: cred că de fapt prima dată a fost o ↑ + aveam o rubrică care se chema întâlniri de dragoste. ++ și l-am rugat pe gigi să scrie despre întâlnirea lui cu ↑ +++ doamna papa.

GC: *exact.*”;

„GC: nu. + voiam să spun că un lucru care m-a ↑ ++ î ↑ ++ m-a chiar m-a zdruncinat ↑ ++ a fost că răzvan mi-a cerut să ↑ ++ să comentez ↑ + campionatul european de fotbal ↑

CȘ: *da. exact.*

GC: de fotbal. ++ și eu i-am zis dar eu nu știu nimic despre fotbal ↑ ++ dar ↑ + adevărul este c-am făcut la un moment dat un film ↑ unde se dansa ↑ ++ dansul meu ↑ ++ a fost ă ↑ ++ așa ↑ ++ a fost î ↑ ++ aproape aspirat de către niște sportivi care făceau fotbal. ++ și-atuncea am zis <Î da> de ce nu? dar n-am scris despre fotbal ↓ + îți dai seama.”

Sorin Stati⁹⁶ distinge *acordul* de *confirmare*, aceasta din urmă fiind „o reacție la o cerere explicită de confirmare, formulată de partener”⁹⁷. *Da*, ca marcă a confirmării, occură într-un schimb de replici între cei doi invitați ai talk show-ului moderat de către Cătălin Ștefănescu, Gigi Căciuleanu și Răzvan Penescu:

„RP: cum ↑ ++
GC: cu măiastra nu?
RP: *da da da*.”

Dezacordul se exprimă, mai întâi, prin reluarea, în formă negativă, a frazei contestate sau prin mărci pragmatice de tipul: *din contra*, *nu* sau printr-o expresie echivalentă. Locutorul își exprimă dezacordul, refuzul, vizavi de intervenția locutorului, utilizând formule explicite de tipul: „Nu sunt de acord”, „Este fals” și fraze performative de tipul „Contest afirmațiile tale”. În talk show-ul la care facem referire, funcționează, ca marcă a dezacordului, adverbul de negație *nu*:

„CȘ: (aplaudând): gigi căciuleanu ↓ doamnelor și domnilor ↑ +++ mulțumim frumos gigi. +++ *da*. ă ↑ ++ până-ți tragi sufletu’ o să-l întreb ceva pe ↑ + pe răzvan. +++ ă ↑ ++ asta țineam neapărat să te-ntreb ↑ + răzvan ↓ și nu neapărat așa ↓ + într-un context î ↑ ++ cu camere. ++ și ↑ + la meseria asta. dar ↑ ++ uite c-am ocazia acuma să-ntreb. ++ ai avut vreodată ↑ ++ vreo problemă de legitimitate ↑ + cu liternet? +++ și imediat nuanțez. +++ iarăși știu foarte mulți oameni care-ar spune ↑ +++ cine-i dom’ le penescu asta și ce-i aia liternet? î ↑ ++ instituțiile culturale ↑ ++ apropo ↑ + te-a deranjat când am spus că ești o instituție culturală? ++ instituțiile culturale sînt cîteva ↑ și sînt foarte serioase. +++ este criticu’ cutare ↑ + e revista cutare ↑ + este gruparea cutare ↑ + cine e asta care vine și ne explică cum e cu literatura. ai avut probleme din astea de legitimitate?

RP: *nu*. pentru că tot timpul am făcut ↑ + lucrurile pe care eu le-am considerat bine. +++ nu m-am considerat niciodată o instanță ↑ ++ care să ↑ ++ dea un verdict ↑ + verdict absolut. + am dat verdictul meu. +++ uite ↑ ++ asta-mi place ↑ + asta cred eu că ↑ + merită văzut ↑ + citit ↑ ascultat în românia ↑ ++ astea sînt zonele în care eu mă simt bine. +++ încercați ↑ ++ asta a fost. ++ niciodată n-a fost ceva ↑ ++ î ↑ ++ FORȚAT să zic. +++ ceva în care să zic dacă vă uitați la mine ↑ [nu mai trebuie să vă uitați nicăieri. ” ;

„GC: (râde) am mișcat o etajeră ↑ ++ și mă doare mîna.

CȘ: exact. ++ ă ↑ ++ și am reumatism. ++ gigi ↑ + când se-ntâmplă momente din astea ↑ + dezarmezi?

GC: *nu*. ++ i-am spus că ↑ ++ dimpotrivă. ++ dansul nu-i o terapie ↑ + și că ↑ +++ cred că nu există nici o zi din viața mea în care nu m-a durut nu numai un lucru. ++ vreo patru cinci în același timp. ++ și î ↑ ++ ca să spun ceea ce este CEL MAI GREU. +++ nu-i să te SCOLI să dansezi ↑ ++ ci să te-așezi după ce-ai dansat.

⁹⁶Stati, 2002, p. 54 și 72.

⁹⁷Năstase, 2003, p. 219.

(râde) +++ nu. ++ doamna aceea a fost minunată pentru c-a venit ca la VRACI ↓ ++ și ↑ ++ î ↑ + chiar m-a ↑ m-a ↑ m-a ↑ ++ toată lumea a râs da' eu am fost emoționat ↑ ++ pentru că ↑ + mi-am zis domnule ↑ ++ îmi pare rău că n-o pot ajuta. ++ probabil că dac-aș fi atins-o i-ar fi trecut umăru'. ++ atins-o frumos ↓ + vreau să spun. da.”

Perspectiva generală asupra politeteii este una „fundamental *prescriptivă*”, politetea fiind înțeleasă ca „un set de norme sociale – variabil de la o comunitate la alta – din care decurg reguli practice de comportament – inclusiv reguli privind comportamentul lingvistic – pentru membrii fiecărei comunități considerate”⁹⁸. Politetea, ca „principiu universal și parametru esențial al dialogului intercultural”, constituie „un mecanism esențial în reglarea echilibrului ritual între actorii sociali și, deci, în fabricarea acordului, satisfacției reciproce prin intermediul forței limbajului și nu al limbajului forței”⁹⁹.

În vreme ce *politetea negativă* „este legată de evitarea sau redresarea situației”¹⁰⁰, *politetea pozitivă* vizează „dorința fiecăruia de a se bucura de aprecierea și acordul semenilor săi”¹⁰¹. Politetea pozitivă „are o funcție integrativă”, insistând asupra „elementelor de comunitate”, în timp ce politetea negativă se bazează pe „menținerea (și chiar pe sublinierea) distanței dintre indivizi”¹⁰².

Politetea *pozitivă* „reflectă un efort de apreciere între colocutori, presupunând tratarea receptorului ca membru al grupului căruia îi aparține emițătorul, ca persoană cunoscută, agreeată și apreciată”¹⁰³. Politetea pozitivă consistă în faptul de „a produce orice act de vorbire pentru destinatar, cu un caracter esențial „antiamenințător”: manifestări ale acordului, oferte, invitații, complimente, mulțumiri, formule de bun-venit etc”¹⁰⁴.

Una dintre strategiile acestui tip de politete este *satisfacerea eului pozitiv al receptorului* prin oferirea continuă de „cadouri” (bunuri materiale și spirituale, simpatie, înțelegere, cooperare)¹⁰⁵, cu alte cuvinte, *formularea unor constatări despre receptor care să reflecte atenția acordată celor mai diverse aspecte referitoare la condiția acestuia*: interese, dorințe, necesități, bunuri. Se înscrie, astfel, în politetea pozitivă maniera în care Cătălin Ștefănescu, moderatorul și realizatorul talk show-ului în discuție, își prezintă, la începutul emisiunii, invitații:

⁹⁸Ionescu Ruxăndoiu, 2003, p. 65-66.

⁹⁹Rovența Frumușani, 2004, p. 48.

¹⁰⁰Rovența Frumușani, 2004, p. 46.

¹⁰¹Ionescu Ruxăndoiu, 1999, p. 107.

¹⁰²Ionescu Ruxăndoiu, 1999, p. 108.

¹⁰³Ionescu Ruxăndoiu, 2003, p. 79.

¹⁰⁴Kerbrat-Orecchioni, 1996, p. 61.

¹⁰⁵Ionescu Ruxăndoiu, 2003, p. 80.

„CȘ: salutare. salutare la toată lumea ↑ bine v-am regăsit la garantat sută la sută. vă invit din nou ↑ la o călătorie prin povești frumoase despre oameni ↑ ++ cărți ↑ ++ filme ↑ ++ muzici ↑ ++ și spectacole. +++ și ca să n-o mai lungesc ↑ + vă propun să vedeți ↑ + ce vă oferim azi ↑ + la garantat sută la sută. (fundal sonor muzical) *cunoscutul coregraf și dansator gigi căciuleanu* ↓ + *împreună cu* ↑ + *răzvan penescu* ↓ + *creatorul fenomenului linternet* ↑ + sînt invitații primei părți ai emisiunii de azi. ++ continuăm seria taxi driver. + în seara asta ↑ + avem ocazia ↑ + să vedem din nou ↑ + <F românia din taxi>. împreună cu mircea bogdan ↑ + un taximetrist care nu se sfiește să recite versuri ↑ + și să recomande lecturile sale din copilărie. +++ la arhivele garantat sută la sută ↑ + îl vedem pe nea Petru Armean. + un țăran care și-a construit un pian ↑ + și care-și invită consătenii la seri ↑ + de <F mozart>. +++ invitații părții a doua a emisiunii ↑ + sînt membrii excelentului grup byron. + la rubrica mari români ↑ + ne vom aminti de dinu lipati. + iar la final ↑ + ca de obicei ↑ + ascultăm cântarea oferită de prietenii și colegii din trupa de muzică de la garantat sută la sută. +++ (fundal sonor muzical) *un mare coregraf și dansator* ↓ + *plecat din românia cu mulți ani în urmă* ↑ + *acum conduce baletul național din chile* ↑ +++ *predă cursuri la paris* ↑ + *scrie minunat* ↑ + *montează spectacole în europa și în america de sud.* +++ *pe de altă parte* ↓ ++ *un om care nu și-a trîmbițat pasiunea* ↑ + *și-a pus-o la lucru în slujba ideilor în care crede. reușind să construiască o admirabilă instituție culturală.* + *e vorba despre linternet.* ++ *aceștia sînt primii doi invitați ai emisiunii de azi.* ++ **DOAMNELOR ȘI DOMNILOR** ↑ ++ *să le spunem bun venit la garantat sută la sută* ↑ ++ *domnilor gigi căciuleanu și răzvan penescu.* (aplauze) (fundal sonor muzical) da. bună seara ↑ GC: bună seara.”

Și Gigi Căciuleanu se dovedește a fi politicos pozitiv cu realizatorul emisiunii, Cătălin Ștefănescu, atunci când îi mărturisește că ceea ce urmează să danseze în seara în care se desfășoară talk show-ul analizat este un dans pe care l-a creat, gândindu-se la realizatorul și moderatorul emisiunii, știind că acesta preferă muzica de jazz:

„GC: vreau să spun că ăsta-i un dans care l-am făcut pentru cătălin ștefănescu. ++ă ↑ + în primu' rînd pentru că este pe o muzică de jazz ↑ + foarte frumoasă ↑ + pe charlie parker ↑ + și apoi pentru că-i propun o ↑ + un exercițiu de STIL ↑ +++ adică ↑ + așa cum ↑ + ravel a inventat un concert pentru mîna stîngă ↑ ++ la pian ↑ ++ mîna mea stîngă-i partea mea stîngă ↑ și mîna mea dreaptă -i ↑ + toată ↑ +++ tot corpul meu ↑ ++ partea ↑ mm ↑ ++ dreaptă a corpului. deci am inventat ↑ ++ un dans ↑ ++ ă ↑ numai cu partea dreaptă a corpului. ++ braț și picior. +++ blocând celălalt în buzunar. +++ ceea ce-i greu pentru că nu ține cîrma. (muzică. GC dansează)”.

O altă strategie care se înscrie în politețea pozitivă este *utilizarea glumelor* (această strategie „se bazează pe cunoștințe și valori comune, făcându-l pe receptor să se simtă în largul lui”)¹⁰⁶. O astfel de glumă utilizează Cătălin Ștefănescu, atunci când vorbește despre un moment hazliu petrecut la lansarea cărții lui Gigi Căciuleanu, *Vînd volume vectori*:

¹⁰⁶Ionescu Ruxăndoiu, 2003, p. 84.

„CŞ: gigi căciuleanu a vorbit foarte frumos la lansare ↑ ++ a fost lume foarte multă ↑ ++ și la un moment dat ↑ ++ o doamnă din ↑ ++ PRIMUL rând ↑ +++ după ce-a ASCULTAT ↑ ++ cu RĂBDARE ↑ ++ gigi a explicat ↑ a ↑ +++ a vorbit foarte mult despre corp ↓ + despre dans ↑ + despre faptu' că ↑ ++ aici nu avem un manual de dans ↑ +++ și la un moment dat ↑ + doamna foarte liniștită ↑ ++ a-ntrebat așa. +++ i-a zis. domnule căciuleanu ↓ ++ cartea asta a dumneavoastră despre masaj +++ ă ↑ +++ ce mișcări ar trebui să fac eu? ++ pentru că suflr. ++ am reumatism ↑ ++ am ↑ GC: (râde) am mișcat o etajeră ↑ ++ și mă doare mâna. CŞ: exact. ++ ă ↑ și am reumatism. ++ gigi ↑ + când se-ntâmplă momente din astea ↑ + dezarmezi?”

Politețea pozitivă „se manifestă mai ales între interlocutori și public, ținta perfectă a politeții pozitive fiind publicul”¹⁰⁷. Astfel, Cătălin Ștefănescu și cei doi invitați ai săi își mărturisesc respectul, simpatia și solidaritatea față de publicul spectator și telespectator prin gestul de a-i oferi cadouri, reprezentând obiecte care au însemnat ceva fundamental în viața lor:

„CŞ: mulțumesc frumos pentru c-ați acceptat invitația noastră ↑ +++ ă ↑ ++ să-ncep așa. + cu ce să-ncep? ++ începem cu ↑ ++ un lucru foarte important ↓ +++ înainte de a povesti cum v-ați cunoscut ↑ + și ca-n [xxx] ce legături vă leagă ↑ ++ ă ↑ ++ s-aflăm ↑ + ce fel de obiecte ați adus ↑ + pentru că ↑ +++ în noul format la garantat sută la sută ↑ + am zis că ne folosim într-un mod sublim de invitații din prima parte a emisiunii ↑ + domniile lor sînt rugate ↑ + să aducă ↑ + un obiect ↓ + o carte ↑ + un film ↑ + o muzică ↑ ++ ceva care la un moment dat ↑ + le-a schimbat viața. + și-a însemnat ceva fundamental în viața lor. + o operă de artă cu care se identifică ↓ + într-o formă sau alta. +++ ă ↑ ++ ce-ai adus gigi?

GC: eu am adus un film ↑ + pe care l-am văzut ↑ + când eram copil ↑ + și care m-a ↑ + m-a trăsnit la cap total. +++ am fost bolnav trei zile ↑ + literalmente am stat în pat ↑ + cu ↑ + cu temperatură ↑ + după ce-am văzut acest film ↑ la strada ↓ de felini. +++ așa. ++ deci asta este ↑ cred opera de artă care m-a ↑ + zguduit. + din temelii.”

3. Perspectiva televizuală

Pentru a demonstra adevărul conținut în afirmația potrivit căreia talk show-ul utilizează „un melanj de genuri (interviuri, varietăți, muzică, reportaje, anchete) pentru a dezamorsa tensiunea dramatică și a distra atât publicul din sală, cât și telespectatorii”¹⁰⁸, propunem spre analiză unul dintre momentele memorabile ale talk show-ului a cărui analiză o întreprindem, anume dansul lui Gigi Căciuleanu pe una dintre poeziile sale. Nicoleta Popa Blaniariu¹⁰⁹ sugerează că „*vorbirea* coregrafică actualizează o *limbă* pe care – susțin adepții dansului fundamental/primar (*basic dance*) – fiecare o poartă în sine, ca pe o facultate ancestrală de expresie și pe care o poate vehicula, prin mișcările sale, chiar fără a-i cunoaște *gramatica*”. Încercăm să subliniem faptul că există o corespondență perfectă între

¹⁰⁷Militaru, 2007, p. 410.

¹⁰⁸Charaudeau et alii, 1997, p. 80.

¹⁰⁹Popa Blaniariu, 2008, p. 22-23.

comunicarea verbală și limbajul coregrafic în privința informației transmise, lucru demonstrat magistral de către renumitul coregraf și dansator, Gigi Căciuleanu, prin dansul său pe versurile propriei poezii:

„(pe fundal se aude vocea lui Gigi Căciuleanu care-și recită propria poezie)
 GC: a fi ↑ +++ sau ↑ ++ poate doar ↑ ++ a ÎNCERCA SĂ fii. sau ca și cum ↑ + ai fi
 fără să fii. FIR-AR SĂ FIE ↓ +++ să poți ↑ +++ sau să nu poți +++ să intri ↑ +++
 sau ↑ ++ să-ți IEȘI + din fire ↑ ++ de parc-ar fi să NICI NU-ȚI PESE de fericire ↑
 ++ de ne ↑ ++ fericire ↑ ++ nimic sau tot. sau nesfârșire. A ADORMI ↓ +++ A
 STA DE VEGHE ↓ +++ când te trezești ↑ ++ e parc-ai adormi pe dos. +++ un
 singur somn ↑ +++ cu vise diferite. +++ un pas mai mult ↑ ++ sau unul mai puțin
 ↑ ++ pe drum ascuns ↑ +++ în câmp deschis ↑ +++ aicea jos ↓ ++ totul nu pare-a
 fi DECÂT ↑ +++ PĂRERERE. +++ de bine sau de rău ↑ +++ putere ↑ ++ slăbiciune ↑
 +++ cădere ↑ +++ înălțare ↑ +++ a ști. +++ a nu mai ști nimic ↑ de ↑ +++ tine
 însuși. +++ a fi ↑ +++ sau a nu ↑ ++ fi. +++ luminează ↑ +++ hău ↑ +++ totul nu-i
 altceva ↓ ++ decât un semn ↓ ++ de întrebare.
 (aplauze)”

Pentru a susține afirmațiile anterioare, anexăm un număr de 31 de imagini (vezi anexa 2), fiecare imagine corespunzând următorilor termeni din poezia scrisă și recitată de către Gigi Căciuleanu: imaginea 1: „a încerca”; imaginea 2: „să poți”; imaginea 3: „sau să nu poți”; imaginea 4: „să intri”; imaginea 5: „să-ți ieși”; imaginea 6: „din fire”; imaginea 7: „să nici nu-ți pese”; imaginea 8: „de fericire”; imaginea 9: „de ne-”; imaginea 10: „fericire”; imaginea 11: „nimic”; imaginea 12: „tot”; imaginea 13: „neant”; imaginea 14: „nesfârșire”; imaginea 15: „a adormi”; imaginea 16: „a sta de veghe”; imaginea 17: „a dormi pe dos”; imaginea 18: „un pas mai mult”; imaginea 19: „sau unul mai puțin”; imaginea 20: „drum ascuns”; imaginea 21: „în câmp deschis”; imaginea 22: „părere”; imaginea 23: „de bine”; imaginea 24: „sau de rău”; imaginea 25: „putere”; imaginea 26: „slăbiciune”; imaginea 27: „cădere”; imaginea 28: „înălțare”; imaginea 29: „a ști”; imaginea 30: „sau a nu ști”; imaginea 31: „a fi”; imaginea 31: „sau a nu fi”.

Atenta observare și analiză a imaginilor și a termenilor corespondenți ne determină să subscriem opiniei profesioniștilor dansului care „îi subliniază funcția de comunicare”¹¹⁰. Astfel, Martha Graham este de părere că „dansul înseamnă *comunicare* și marea dorință ar fi aceea de a putea vorbi cu precizie, frumusețe și elocință”¹¹¹. Cu precizie, frumusețe și elocință „vorbește” Gigi Căciuleanu prin dansul său, gesturile suprapunându-se peste cuvintele propriei poezii. De obicei, dansul „intră în sfera comunicării nu numai prin relația pe care o stabilește cu publicul sau între dansatori, ci și datorită raportului *intersemiotic* dintre muzică și dans.”¹¹² Ceea ce este original la

¹¹⁰Popa Blanariu, 2008, p. 231.

¹¹¹Graham, *apud* Popa Blanariu, 2008, p. 231.

¹¹²Popa Blanariu, 2008, p. 232.

dansul lui Gigi Căciuleanu pe care îl luăm în discuție este faptul că raportul intersemiotic se manifestă, de data aceasta, între poezie și dans.

Referințe bibliografice

- BAZZANELLA, Carla. *I segnali discorsivi* // L. Renzi, *Grande grammatica italiana di consultazione*. Bologna, 1995 [=Bazzanella, 1995].
- CHARAUDEAU, Patrick, GHIGLIONE, Rodolphe. *La parole confisquée. Un genre télévisuel: le talk show*. Paris: Dunod, 1997 [=Charaudeau et alii, 1997].
- COLLETT, Peter. *Cartea gesturilor. Cum putem citi gândurile oamenilor din acțiunile lor*. București: Editura Trei, 2005 [=Collett, 2005].
- HOARȚĂ CĂRĂUȘU, Luminița. *Elemente de analiză a structurii conversației*. Iași: Editura Cermi, 2003 [=Hoarță Cărașu, 2003].
- HOARȚĂ CĂRĂUȘU, Luminița. *Pragmalingvistică. Concepte și taxinomii*. Iași: Editura Cermi, 2004 [=Hoarță Cărașu, 2004].
- HOARȚĂ CĂRĂUȘU, Luminița (coordonator). *Corpus de limbă română vorbită actuală*. Iași: Editura Cermi, 2005 [=Hoarță Cărașu, 2005].
- HOARȚĂ CĂRĂUȘU, Luminița. *Teorii și practici ale comunicării*. Iași: Editura Cermi, 2008 [=Hoarță Cărașu, 2008].
- IONESCU RUXĂNDIOIU, Liliana. *Conversația. Structuri și strategii*. București: Editura All Educational, 1999 [=Ionescu Ruxăndoiu, 1999].
- IONESCU RUXĂNDIOIU, Liliana. *Limbaj și comunicare. Elemente de pragmatică lingvistică*. București: Editura All Educational, 2003 [=Ionescu Ruxăndoiu, 2003].
- KERBRAT-ORECCHIONI, Catherine. *La conversation*. Paris, 1996 [=Kerbrat-Orecchioni, 1996].
- MEIBAUER, Jörg. *Pragmatik. Eine Einführung*. Tübingen, 1994 [=Meibauer, 1994].
- MILITARU, Marina-Luminița. *Strategii ale politeții și ale impoliteții în talk-show-ul electoral // Limba română. Stadiul actual al cercetării*. București: Editura Universității București, 2007. P. 407-412 [=Militaru, 2007].
- NĂSTASE, Vera. *Acordul afirmativ în limba română vorbită* // Laurenția Dascălu Jinga, Liana Pop (coordonatoare). *Dialogul în româna vorbită*. București: Editura Oscar Print, 2003 [=Năstase, 2003].
- NEL, Noël. *Le débat télévisé*. Paris: Armand Colin, 1990 [=Nel, 1990].
- POPA BLANARIU, Nicoleta. *Când gestul rupe tăcerea. Dansul și paradigmele comunicării*. Iași: Editura Fides, 2008 [=Popa Blanariu, 2008].
- ROVENȚA-FRUMUȘANI, Daniela. *Analiza discursului. Ipoteze și ipostaze*. București: Editura Tritonic, 2004 [=Rovența-Frumușani, 2004].
- STATI, Sorin. *Principii di analisi argomentativa*. Bologna, 2002 [=Stati, 2002].

Anexa 1

Situația de comunicare

data înregistrării: 22 martie 2009

ora înregistrării: 22 și 10 minute

autorul înregistrării: Luminița Hoarță Cărăușu

locul înregistrării: postul de televiziune TVR 1, talk show-ul *Garantat 100%*¹¹³

participanții: CȘ – Cătălin Ștefănescu, realizator; GC – Gigi Căciuleanu, coregraf și dansator; RP – Răzvan Penescu, creatorul fenomenului linternet

autorul transcrierii: Luminița Hoarță Cărăușu

durata totală a pasajelor transcrise: 309

Observație ortografică: Pentru *sînt* s-a notat *sînt* și nu *sunt*.

CȘ: salutare. salutare la toată lumea ↑ bine v-am regăsit la garantat sută la sută. vă invit din nou ↑ la o călătorie prin povești frumoase despre oameni ↑ ++ cărți ↑ ++ filme ↑ ++ muzici ↑ ++ și spectacole. +++ și ca să n-o mai lungesc ↑ + vă propun să vedeți ↑ + ce vă oferim azi ↑ + la garantat sută la sută. (fundal sonor muzical) cunoscutul coregraf și dansator gigi căciuleanu ↓ + împreună cu ↑ + răzvan penescu ↓ + creatorul fenomenului linternet ↑ + sînt invitații primei părți a emisiunii de azi. ++ continuăm seria taxi driver. + în seara asta ↑ + avem ocazia ↑ + să vedem din nou ↑ + <F românia din taxi>. împreună cu mircea bogdan ↑ + un taximetrist care nu se sfiește să recite versuri ↑ + și să recomande lecturile sale din copilărie. +++ la arhivele garantat sută la sută ↑ + îl vedem pe nea Petru Armean. + un țaran care și-a construit un pian ↑ + și care-și invită consătenii la seri ↑ + de <F mozart>. +++ invitații părții a doua a emisiunii ↑ + sînt membrii excelentului grup byron. + la rubrica mari români ↑ + ne vom aminti de dinu lipati. + iar la final ↑ + ca de obicei ↑ + ascultăm cântarea oferită de prietenii și colegii din trupa de muzică de la garantat sută la sută. +++ (fundal sonor muzical) un mare coregraf și dansator ↓ + plecat din românia cu mulți ani în urmă ↑ + acum conduce baletul național din chile ↑ +++ predă cursuri la paris ↑ + scrie minunat ↑ + montează spectacole în europa și în america de sud. +++ pe de altă parte ↓ ++ un om care nu și-a trîmbițat pasiunea ↑ + și-a pus-o la lucru în slujba ideilor în care crede. reușind să construiască o admirabilă instituție culturală. + e vorba despre linternet. ++ aceștia sînt primii doi invitați ai emisiunii de azi. ++ DOAMNELOR ȘI DOMNILOR ↑ ++ să le spunem bun venit la garantat sută la sută ↑ ++ domnilor gigi căciuleanu și răzvan penescu. (aplauze) (fundal sonor muzical) da. bună seara ↑

GC: bună seara.

CȘ: mulțumesc frumos pentru c-ați acceptat invitația noastră ↑ +++ ă ↑ ++ să-ncep așa. + cu ce să-ncep? ++ începem cu ↑ ++ un lucru foarte important ↓ +++ înainte de a povesti cum v-ați cunoscut ↑ + și ca-n [xxx] ce legături vă leagă ↑ ++ ă ↑ ++ s-aflăm ↑ + ce fel de obiecte ați adus ↑ + pentru că ↑ +++ în noul format la garantat sută la sută ↑ + am zis că ne folosim într-un mod sublim de invitații din prima parte a emisiunii ↑ + domniile lor sînt rugate ↑ + să aducă ↑ + un obiect ↓ + o carte ↑ + un film ↑ + o muzică ↑ ++ ceva care la un moment dat ↑ + le-a

¹¹³ Talk show-ul a fost transcris după convențiile de transcriere utilizate în Hoarță Cărăușu, 2005, p. 11-13.

schimbat viața. + și-a însemnat ceva fundamental în viața lor. + o operă de artă cu care se identifică ↓ + într-o formă sau alta. +++ ă ↑ ++ ce-ai adus gigi?

GC: eu am adus un film ↑ + pe care l-am văzut ↑ + când eram copil ↑ + și care m-a ↑ + m-a trăsnet la cap total. +++ am fost bolnav trei zile ↑ + literalmente am stat în pat ↑ + cu ↑ + cu temperatură ↑ + după ce-am văzut acest film ↑ la strada ↓ de felini. +++ așa. ++ deci asta este ↑ cred opera de artă care m-a ↑ + zguduit. + din temelii.

CȘ: o capodoperă. da. ++ când erai copil ↑ vedeai filmu' ăsta?

GC: eu am văzut [xxx] da' mic fiind. da. + da da. l-am văzut ↑

CȘ: eu mă uitam la veronica. (râde)

GC: (râde)

CȘ: da. + e foarte adevărat. e un film cu totul și cu totul remarcabil. + e ↑ + da. sînt foarte curios la cine-o să ajungă ↑ + filmul ăsta ↑ + răzvan ↑

GC: s-ajungă la toți.

RP: eu am adus o carte și un CD. + cartea este ↑ ++ una care nu pot să spun că mi-a schimbat viața ↑ + dar care m-a marcat foarte tare. + e o poveste despre speranță ↑ +++ despre iubirea de aproape ↑ ++ se cheamă îngerii nimănui ↑ ++ de rodica mătușă ↑ ++ apărută la compania ↑ ++ și este despre o doctoriță ↑ + din constanța ↑ + care a avut grijă ↑ + de copiii bolnavi de sida. +++ și pentru a ↑ ++ tempera un pic î ↑ +++ partea oarecum ↑ + melancolică a primei ↑ primei cărți ↑ am adus și primu' cântec rock pe care l-am ascultat eu ↑ ++ de pe let zepelin trei ↑ + since I' ve been loving you. +++

CȘ: bun. + și-avem acolo ca să zică ↑ let zepelin trei ↑ și-o carte. + le dăm împreună. + la același ↑

RP: da.

CȘ: bun. +++ trebuie să aflu neapărat ↓ + pe cuvânt că nu știu ↑ + cum v-ați cunoscut? ++ de unde ↑ + de unde și ce legături vă leagă. cum v-ați cunoscut gigi?

GC: chiar că nu mai știu cum ne-am cunoscut. ++ cred c-am început deodată ↑ +++ deodat-am început ↑ + el m-a rugat să trec de partea cealalt-a oglinzii ↑ + și să scriu. ++ adică eu i-am spus la un moment dat ↑ + nu știu. când ↑ + cum ↑ +++ c-am niște cufere întregi cu ↑ + cu ↑ + desene ↑ + cu ↑ + chestii scrise cu dansuri notate într-un fel mai poetic așa ↑ + și el mi-a zis hai să le publicăm într-un fel. + nu? + cam așa a fost. ++

RP: cred că de fapt prima dat-a fost o ↑ + aveam o rubrică care se chema întâlniri de dragoste. ++ și l-am rugat pe gigi să scrie despre întâlnirea lui cu ↑ +++ doamna papa.

GC: exact.

RP: cum ↑ ++

GC: cu măiastra nu?

RP: da da da.

GC: minunat. ++ mersi.

RP: și așa ↑ ++ ne-am întâlnit. +++ bine. + eu îl văzusem ↑ + la teatrul național într-un spectacol fabulos ↑ prima dată când venise după revoluție ↑ +++ rămăsesem cu gura căscată ↑ + nu credeam c-o să-l cunosc vreodată ↑ + așa ↑ + norocu' a făcut ca ↑ +++ făcând liternetu' să ↑ + am tupeu' să trimit mail-uri unui număr foarte mare de oameni ↑ + și să primesc uneori răspunsuri ↑ + foarte

personale ↑ +++ cum a fost acest text al lui gigi ↑ +++ și ↑ + de-acolo s-a legat. + mi-a plăcut așa de mult cum a scris ↑ încât ↑ + l-am rugat ↑ ++ să mai dea ceva ↑ + să mai încerc ↑ încercăm să facem ceva împreună ↑ + și s-a legat ceva ↑ + care acum ne-a adus aici. ++ cine știe unde ne va duce săptămâna viitoare ↑ +++ anu' viitor ↑ +++

CȘ: e de spus neapărat următorul lucru. + gigi căciuleanu e ↑ + un FOARTE vechi prieten al emisiunii noastre ↑ ++

GC: de altfel am venit prin ↑ ++ aproape prin emisiunea voastră ↑ ++ silvia gheață m-a ↑ + invitat la ↑ + acest spectacol la teatrul național ↑ de foarte multă lume m-a redescoperit ↑ și chiar m-a descoperit. și ↑ ++ eu am descoperit foarte multă lume.

CȘ: iar răzvan e pentru prima dată la noi ↑ dar ↓ + într-o formă sau alta ↑ + vă leagă dansul foarte tare pentru că ↑ +++ nu știu. + într-un fel și prin garantat sută la sută ↑ +++ gigi ↓ ++ mare coregraf și dansator ↑ +++ răzvan ↑ + a susținut ↑ + unul dintre spectacolele despre care-am povestit aici ↑ + la garantat sută la sută ↑ + e vorba despre un spectacol al vavei ștefănescu ↑ + cvartet pentru o lavalieră-i spune. ++

GC: și mi-a propus acum să mă susțină pentru alt spectacol. ++ chiar acumă ↑ + în culise ↑ + deci vă dați seama.

CȘ: (râde) +++ gigi ai lansat o carte. ă ↑ ++ cartea asta este chiar aici ↓ + la noi ↓ + pe masă. GC: așa da-o și pe asta. + că tot e-aicea nu? + dacă el a venit cu DOUĂ ↑ + să vin și eu cu două. + că mă fac de răs. +++

CȘ: (râde)

GC: nu. + voiam să spun că un lucru care m-a ↑ ++ î ↑ ++ m-a chiar m-a zdruncinat ↑ ++ a fost că răzvan mi-a cerut să ↑ ++ să comentez ↑ + campionatul european de fotbal ↑

CȘ: da. exact.

GC: de fotbal. ++ și eu i-am zis dar eu nu știu nimic despre fotbal ↑ ++ dar ↑ + adevărul este c-am făcut la un moment dat un film ↑ unde se dansa ↑ ++ dansul meu ↑ ++ a fost ă ↑ ++ așa ↑ ++ a fost î ↑ ++ aproape aspirat de către niște sportivi care făceau fotbal. ++ și-atuncea am zis <Î da> de ce nu? dar n-am scris despre fotbal ↓ + îți dai seama.

CȘ: (râde)

RP: a fost o idee ↑ ++ să prez ↑ + entăm țările care participă la campionatu' european de fotbal prin multe ↑ ++ aspecte culturale. ++ gigi s-a ocupat de partea de dans.

GC: nu numai.

RP: da.

GC: de partea ↑ mm ↑ ++

RP: de spectacol.

GC: așa. ++ dansu' e viață. ++ nu? + atunci de partea ↑ ++ existențială. și ↑ ++ puteți citi și pe liternet ↑ + deschideți liternet nu ca să mă citiți pe mine. ++ ca să citiți toate ↑ ++ mm↑ toate minunățiile pe care le publică răzvan ↑ +++ stând noaptea și lucrând foarte greu ↑ + ca să scoată acest liternet. + ca noi toți. + adică tot ce se face bine se face noaptea și greu.

CȘ: bun. ++ te-am întrebat gigi ceva despre carte ↑ + tu te-ai făcut că nu m-auzi ↑ + ajungem imediat la carte ↑ + ÎNSĂ ↑ +++ noi avem o rubrică nouă. + aici. + la

garantat sută la sută ↑ +++ e ceva foarte scurt care ↑ + cred că se urmărește cu mare atenție ↑ +++ rubrica noastră se cheamă taxi driver ↑ ++ și e ↑ ++ în fiecare ediție ↑ ++ e o poveste ↑ + cu câte un taximetrist din bucurești. + care e-ntr-un fel sau altu' ↑ + un soi de ↑ + prim ↑ + sociolog ↑ î ↑ ++ psiholog ↑ î ↑ +++ ce să mai spun? ++ CRITIC de artă ↑ + de altfel ↑ î ↑ + oameni cu care se poate povesti despre toată lumea din jurul lor ↑ + dar și despre literatură și despre artă ↑ + vă propun să ne-ntâlnim astăzi ↑ + la taxi driver ↑ cu domnul mircea bogdan. [...]

CȘ: gigi ↑ ++ ă ↑ + știu sigur c-abia stai pe scaun ↑ ++ m-au întreat colegii mei înainte de-a începe emisiunea asta ↑ + când o să danseze domnul căciuleanu? și le-am spus ↓ NU ȘTIU. ++ când are chef. + când simte nevoia ↑ ++

GC: când mi se [xxx] pielea.

CȘ: atunci o să-ncepem. + dar pentru c-ai adus vorba despre asta ↓ + încercăm ceva?

GC: da sigur. + [da.

CȘ: doamnelor și domnilor ↓]

GC: încerc. ++ să mă scol de pe scaun. (apluaze) +++ înainte să încep ↑

CȘ: te rog.

GC: vreau să spun că ăsta-i un dans care l-am făcut pentru cătălin ștefănescu. ++ă ↑ + în primu' rând pentru că este pe o muzică de jazz ↑ + foarte frumoasă ↑ + pe charlie parker ↑ + și apoi pentru că-i propun o ↑ + un exercițiu de STIL ↑ +++ adică ↑ + așa cum ↑ ă ↑ ++ ravel a inventat un concert pentru mâna stângă ↑ ++ la pian ↑ ++ mâna mea stângă-i partea mea stângă ↑ și mâna mea dreaptă -i ↑ + toată ↑ +++ tot corpu' meu ↑ ++ partea ↑ mm ↑ ++ dreaptă a corpului. deci am inventat ↑ ++ un dans ↑ ++ ă ↑ numai cu partea dreaptă a corpului. ++ braț și picior. +++ blocând celălalt în buzunar. +++ ceea ce-i greu pentru că nu ține cârma.

(muzică. GC dansează)

(apluaze)

CȘ: (aplaudând): gigi căciuleanu ↓ doamnelor și domnilor ↑ +++ mulțumim frumos gigi. +++ da. ă ↑ ++ până-ți tragi sufletu' o să-l întreb ceva pe ↑ + pe răzvan. +++ ă ↑ ++ asta țineam neapărat să te-ntreb ↑ + răzvane ↓ și nu neapărat așa ↓ + într-un context î ↑ ++ cu camere. ++ și ↑ + la meseria asta. dar ↑ ++ uite c-am ocazia acuma să-ntreb. ++ ai avut vreodată ↑ ++ vreo problemă de legitimitate ↑ + cu liternet? +++ și imediat nuanțez. +++ iarăși știu foarte mulți oameni care-ar spune ↑ +++ cine-i dom' le penescu ăsta și ce-i aia liternet? î ↑ ++ instituțiile culturale ↑ ++ apropo ↑ + te-a deranjat când am spus că ești o instituție culturală? ++ instituțiile culturale sînt cîteva ↑ și sînt foarte serioase. +++ este criticu' cutare ↑ + e revista cutare ↑ + este gruparea cutare ↑ + cine e ăsta care vine și ne explică cum e cu literatura. ai avut probleme din astea de legitimitate?

RP: nu. pentru că tot timpul am făcut ↑ + lucrurile pe care eu le-am considerat bine. +++ nu m-am considerat niciodată o instanță ↑ ++ care să ↑ ++ dea un verdict ↑ + verdict absolut. + am dat verdictul meu. +++ uite ↑ ++ asta-mi place ↑ + asta cred eu că ↑ + merită văzut ↑ + citit ↑ ascultat în românia ↑ ++ astea sînt zonele în care eu mă simt bine. +++ încercați ↑ ++ asta a fost. ++ niciodată n-a fost ceva ↑ ++ î ↑ ++ FORȚAT să zic. +++ ceva în care să zic dacă vă uitați la mine ↑ [nu mai trebuie să vă uitați nicăieri.

CȘ: eu am dreptate da.]

RP: eu am dreptate ↑ î ↑ + verdictele mele sînt cele mai bune ↑ +++ altcineva ai are dreptu' să spună nimic. ++ nu. ++ e o ↑ + alternativă ↑ +++ e ↑ ++ o formă ↑ + în care +++ niște oameni ↑ +++ mulți puțini ↑ ++ se simt aproape ↑ ++ se simt bine ↑ ++ și ↑ ++ împărtășesc ↑ ++ un set ↑ + de idealuri comune. ++ de ↑ ++ plăceri comune.

CȘ: ai fost la î ↑ + lansarea cărții vînd volume vectori?

RP: din păcate nu. + pentru că ↑ + ora la care se fac lansările este cinci. ++ eu lucrez ↑ +++ în consultanță financiară ↑ +++ care ↑ + începe dimineața la nouă ↑ + și se termină la ↑ + șase ↑ șapte ↑ + șapte și jumate ↑ +++ [în general ↑ urmăresc filmele.

CȘ: hai să-ți povestesc ceva de la lansare.]

RP: ă ↑ + filmele și teatrele.

CȘ: gigi căciuleanu a vorbit foarte frumos la lansare ↑ ++ a fost lume foarte multă ↑ ++ și la un moment dat ↑ ++ o doamnă din ↑ ++ PRIMUL rînd ↑ +++ după ce-a ASCULTAT ↑ ++ cu RĂBDARE ↑ ++ gigi a explicat ↑ a ↑ +++ a vorbit foarte mult despre corp ↓ + despre dans ↑ + despre faptu' că ↑ ++ aici nu avem un manual de dans ↑ +++ și la un moment dat ↑ + doamna foarte liniștită ↑ ++ a ntrebat așa. +++ i-a zis. domnule căciuleanu ↓ ++ cartea asta a dumneavoastră despre masaj +++ ă ↑ +++ ce mișcări ar trebui să fac eu? ++ pentru că sufăr. ++ am reumatism ↑ ++ am ↑

GC: (râde) am mișcat o etajeră ↑ ++ și mă doare mîna.

CȘ: exact. ++ ă ↑ și am reumatism. ++ gigi ↑ + când se-ntîmplă momente din astea ↑ + dezarmezi?

GC: nu. ++ i-am spus că ↑ ++ dimpotrivă. ++ dansul nu-i o terapie ↑ + și că ↑ +++ cred că nu există nici o zi din viața mea în care nu m-a durut nu numai un lucru. ++ vreo patru cinci în același timp. ++ și ↑ î ↑ ++ ca să spun ceea ce este CEL MAI GREU. +++ nu-i să te SCOLI să dansezi ↑ ++ ci să te-așezi după ce-ai dansat. (râde) +++ nu. ++ doamna aceea a fost minunată pentru c-a venit ca la VRACI ↓ ++ și ↑ ++ î ↑ + chiar m-a ↑ m-a ↑ m-a ↑ ++ toată lumea a rîs da' eu am fost emoționat ↑ ++ pentru că ↑ + mi-am zis domnule ↑ ++ îmi pare rău că n-o pot ajuta. ++ probabil că dac-aș fi atins-o i-ar fi trecut umăru'. ++ atins-o frumos ↓ + vreau să spun. da.

CȘ: gigi ce ne spune cartea asta? ++ adică ↑ ă ↑ +++ într-o formulă ↑ +++ a străzii ↑ + o să spun ↓ + cu ce vrăjește pe ceti ↑ + pe cetitoriu cartea asta?

GC: eu ↑ ++ în primul rînd este o carte pentru toată lumea. nu-i pentru dansatori. ++ numai. + este o carte pentru un public foarte larg ↑ +++ și pentru oameni care vor să descifreze MIȘCAREA. nu-i o carte de dans. +++ e-o carte despre mișcare. + ce-am crezut eu ↑ + că este important ↑ + în ↑ + mișcarea pe care-o fac ↑ ++ cum o fac ↑ + și de ce o fac. adică de ce-o fac nu poți să spui întotdeauna. ++ pentru că n-ai ↑ + nu ↑ n-ai cuvinte să spui. +++ și nici cum o faci. n-ai cuvinte. deci ↑ ++ pe undeva am inventat niște formule așa ↓ + care să concentreze ↓ ++ ă ↑ ++ ceea ce se-ntîmplă în corpu' ↑ ++ într-un corp care dansează.

CȘ: ce ↑ ++ cum adică AXE ale corpului? ++ adică ↑ +++ omu-i obișnuit să-și gândească corpu'-ntr-un mod foarte simplu. ++ e ↑ +++ în general corpu' nu e ceva la care acorzi atenție ↓ ++ iar cultura pentru așa ceva în spațiu' nostru ↑ + e departe de a fi una definită. ++ cum adică AXE ale corpului?

GC: problema-i dublă. ori omul vede corpul într-o totalitate ↑ + ori o vede ca un doctor. ++ cu porcării. adică cu anatomi ↑ ++ cu diafragmă. + vorbim de DIAFRAGMĂ. +++ dacă te gândești cum arată diafragma aia ↓ o chestie plină de sânge și scârboasă ↑ +++ nici nu-ți mai vine să te folosești de ea. +++ deci eu am trecut pe undeva prin ↑ + prin gardu' ăsta. + între ceea ce ↑ +++ între blocu' ăla care-i a corpului așa ↑ ++ care-l închipuie fiecare ↑ + ȘI ↑ ++ corpul ăla anatomic ↑ + făcut din zgârciuri ↑ + oase și mușchi ↑ ++ am inventat o paraanatomie așa ↑ ++ care-i a tuturor. ++ eu gădesc de regulă un număr ↓ ++ un număr de femei de exemplu ↑ +++ nu-mi pasă că se cheamă umerus și că ai un os un zgârci și-un tendon. +++ acolo ↑ ++ pă umărul ăla ↑ + se-ntâmplă atâtea lucruri. ++ atâtea capete se pot pune pe-acel umăr. ++ atâta ↑ + CĂLDURĂ poate emana din acel ↑ + umăr. + deci vreau să spun că este o poezie-ntreagă. nu numai o ↑ +++ serie de + linii. ++ dar revin și la LINII. + pentru că fără linii ↑ de exemplu ↓ + în momentul în care ↑ +++ iei un ă ↑ ++ ă ↑ ++ un desen de-ăla cu multe ↑ ++ multe fețe-așa ↑ ++ și cu cât reduci fețele alea devine rotund. +++ asta se-ntâmplă de exemplu cu ↑ +++ balerina aia care dansează ↑ +++ asta s-a făcut și-acuma cu mișcarea asta. aia care dansează ↑ + ă ↑ ++ lebăda ↑ ++ și se mișcă cu mâinile din spate și face-așa. (dansează). nu? + deci mâna aia care sînt niște ↑ + ++ axu' ăsta ↑ + axu' ăsta ↑ + ele se îmbină ↑ + și se ↑ ++ ă ↑ + unduie. și se ↑ ++ și se ↑ +++ și-au o concurență între ele. vreau să spun că acele axe dacă NU le știi nu poți să faci acest lucru. deci dacă și tu ↑ + tu știi că brațu' tău-i făcut ↑ ++ dacă știi că sîntem niște ↑ +++ ă ↑ ++ ființe ramificate. ++ sîntem niște copaci. uite. HOP ↑ (ridică un braț) +++ m-am ramificat. ++ sînt ca un stejar. ++ mi s-a ramificat mâna ca o FRUNZĂ. +++ dacă știu că axu' fiecărei ↑ + NERVURA fiecărei frunze ↑ ++ poate dansa și ea ↑ ++ dansez mai mult dacă știu că dansez cu mâna ca cu un bolovan. ++ asta-i tot.

CȘ: [xxx] am rămas ă ↑ +++ am rămas UIMIT ↑ în mometu-n care gigi mi-a spus că ↑ +++ POATE să danseze ↑ ++ pe o poezie. ++ și-am zis bine bine ↓ + pe-o poezie ↓ + da ↑ ++ ce-i dedesubt ↑ + ce muzici pui dedesubt? nu nu nu ↑ +++ dedesubt nu-i nicio muzică.

RP: da. pentru că poezia are un ritm.

CȘ: exact. +++ sînt cuvinte de gigi căciuleanu ↑ pe care dansează ↓ ++ gigi căciuleanu.

GC: și tăceri de gigi căciuleanu. ++ și pe-alea dansez.

CȘ: putem să vedem [toată treaba asta?

GC: da ↑ ++ am să-ncerc.] am să-ncerc.

CȘ: doamnelor și domnilor ↓ ++ gigi căciuleanu. ++ din nou.

(aplauze)

(pe fundal se aude vocea lui gigi căciuleanu care-și recită propria poezie)

GC: a fi ↑ +++ sau ↑ ++ poate doar ↑ ++ a ÎNCERCA SĂ fii. sau ca și cum ↑ + ai fi fără să fii. FIR-AR SĂ FIE ↓ +++ să poți ↑ +++ sau să nu poți +++ să intri ↑ +++ sau ↑ ++ să-ți IEȘI + din fire ↑ ++ de parc-ar fi să NICI NU-ȚI PESE de fericire ↑ ++ de ne ↑ ++ fericire ↑ ++ nimic sau tot. sau nesfârșire. A ADORMI ↓ +++ A STA DE VEGHE ↓ +++ când te trezești ↑ ++ e parc-ai adormi pe dos. +++ un singur somn ↑ +++ cu vise diferite. +++ un pas mai mult ↑ ++ sau unul mai puțin ↑ ++ pe drum ascuns ↑ +++ în câmp deschis ↑ +++ aicea jos ↓ ++ totul nu pare-a fi DECÂT ↑ +++ PĂRERE. +++ de bine sau de rău ↑ +++ putere ↑ ++ slăbiciune ↑

+++ cădere ↑ +++ înălțare ↑ +++ a ști. +++ a nu mai ști nimic ↑ de ↑ +++ tine însuși. +++ a fi ↑ +++ sau a nu ↑ ++ fi. +++ lumină ↑ +++ hău ↑ +++ totul nu-i altceva ↓ ++ decât un semn ↓ ++ de întrebare.

(aplauze)

CȘ: da. +++ mulțumim foarte frumos ↑ ++ gigi.

Anexa 2

SECVENȚELE ÎNTREBARE-RĂSPUNS ÎN INTERACȚIUNEA MEDIATĂ CONTROLATĂ

Alina PINTILII,
doctorandă

(Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași, România)

Abstract

The present study brings together several observations which refer to special conditions of holding a TV debate, in a special speech situational context. We address some issues that occurred in a media controlled interaction (a TV debate).

Keywords: *TV debate, speech, situational context.*

Rezumat

În emisiunile de tip talk-show sau dezbateri televizată, secvențele întrebare-răspuns prezintă o serie de particularități generate mai ales de orientarea către publicul telespectator, dar și de funcția de conturare a imaginii publice pe care acestea o îndeplinesc. Pentru cei care participă la interacțiunea mediată controlată, miza este mult mai mare decât în cazul unei interacțiuni directe libere, de unde construcția mai complexă a întrebărilor și a răspunsurilor, importanța procedurilor de atenuare a unor posibile amenințări și funcțiile diverse ale secvențelor metacomunicative (cu un accent deosebit pe organizarea discursului).

Cuvinte-cheie: *interacțiune mediată controlată, vorbire, context situațional.*

1. Discursul mediatic. *Talk-show*-ul și dezbateri televizată

Discursul mediatic, produs al comunicării în masă mediată de canale precum televiziunea, radioul, ziarele sau, mai nou, internetul, prezintă o serie de trăsături specifice, cele mai importante fiind sintetizate în lucrarea Danielei Rovența-Frumușani „Analiza discursului. Ipoteze și ipostaze”. Astfel, discursul mediatic:

- „operează ca o narațiune socială coerentă care induce problematici și ierarhii tematice”¹¹⁴;
- „actualizează fenomene de mediere specifice: operații lingvistice de «transpunere» (schematizare, selectare, determinare, modalizare etc.), o instanță mediatoare (martorul, expertul, moderatorul, politicianul etc.), un suport de mediatizare, o intenționalitate comunicativă”¹¹⁵;
- „împrumută caracteristicile mitului legendei, povestirii folclorice, dar oferă o «schematizare», un micro-univers socio-cultural acceptabil”¹¹⁶.

Ca materializare a discursului mediatic, *talk-show*-ul aduce în plus o altă serie de particularități. În primul rând, în cazul *talk-show*-ului, un rol important îl are dimensiunea de spectacol, prin care se ajunge la o exhibare a convențiilor implicite ale unei conversații: emițător și receptor, canal și mesaj, schimbare a rolului conversațional; totul se află „la vedere”.

¹¹⁴Rovența-Frumușani, 2005, p. 120.

¹¹⁵Rovența-Frumușani, 2005, p. 120-121.

¹¹⁶Rovența-Frumușani, 2005, p. 121.

Interacțiunea verbală din talk-show pune în scenă și contractul comunicațional, rolurile interacționale fiind asumate și, în general, respectate. Cu alte cuvinte, intervențiile participanților sunt în strânsă legătură cu rolul pe care fiecare și-l asumă: moderatorul, criticul literar, scriitorul pentru o dezbatere pe teme literare sau reprezentantul puterii, respectiv al opoziției, pentru o dezbatere pe teme politice. În felul acesta, sunt respectate și așteptările publicului vizat, așteptări dirijate chiar de la începutul discuțiilor, când sunt prezentați participanții la discuție.

Definitoriul pentru talk-show este apoi tropul comunicațional, despre care vorbește Catherine Kerbrat-Orecchioni¹¹⁷, căci interacțiunea verbală este aici, în esența ei, teatrală, astfel încât interlocutorii discută între ei în aparență, dar în realitate se adresează publicului (spectator și telespectator)¹¹⁸. În fine, un alt aspect pe care îl amintim este cel al caracterului hibrid al interacțiunii verbale în acest context. Îl numim hibrid, deoarece este greu de definit în termeni clari, ca discuție sau conversație, așa cum sunt aceștia înțeleși în pragmatică: „Conversația se definește în opoziție cu *discuția*, care presupune un cadru instituțional (școală, tribunal etc.), și – cel puțin parțial – prealocarea rolului de *E*. În cazul conversației, participanții se manifestă ca indivizi (intervenția considerațiilor de statut și de rol ca factor restrictiv, fără să fie exclusă, nu este esențială), pe când *discuția* se poartă din perspectiva rolului social al participanților”¹¹⁹.

Cele două forme de interacțiune verbală se îmbină în talk-show, fără ca ponderea lor să fie egală sau să poată fi determinată exact. Totul depinde de relațiile dintre participanți, de modul în care moderatorul conduce dezbateră și de tema dezbătută. De exemplu, într-o emisiune precum „Tănase și Dinescu” de la „Realitatea TV” *discuția* este de multe ori înlocuită cu *conversația*, având în vedere relația dintre cei doi participanți.

Dacă admitem distincția pe care Patrick Charaudeau o face între talk-show și dezbateră televizată¹²⁰, putem spune că în aceasta din urmă avem a face cu *discuția*, căci, spre deosebire de talk-show, care este orientat către „dramatizare și divertisment”¹²¹, dezbateră urmărește „descoperirea adevărului”¹²². Lejeritatea schimbului verbal din talk-show este, astfel,

¹¹⁷Kerbrat-Orecchioni, 1996, p. 20.

¹¹⁸„...un allocataire peut en cacher un autre; c'est-à-dire qu'il arrive que le «bon» destinataire ne soit pas celui que sélectionnent les marqueurs dévolus à cet emploi...” (Kerbrat-Orecchioni, 1996, p. 19).

¹¹⁹Ionescu-Ruxăndoiu, 1999, p. 39.

¹²⁰Considerăm că această distincție este însă una destul de greu de aplicat în cazul emisiunilor de la noi (având în vedere că acestea se deosebesc într-o oarecare măsură de cele din Occident, la care se referă Charaudeau și Ghiglione).

¹²¹Charaudeau *et alii*, 2005, p. 111.

¹²²Charaudeau *et alii*, 2005, p. 112.

înlocuită cu încrâncenarea fiecărui participant, preocupat de a ajunge și de a-i conduce și pe telespectatori la acest adevăr.

2. Secvențele întrebare-răspuns în talk-show și în dezbateră televizată

2.1. Definitorii pentru o dezbateră televizată, ca și pentru talk-show, sunt, în primul rând, schimburile verbale de tip întrebare-răspuns, caracterizate printr-un sistem destul de bine pus la punct în ceea ce privește alocarea cuvântului. Din această perspectivă, unele interacțiuni mediate controlate au caracterul unor ceremonii, căci o trăsătură generală a conversației – și anume aceea că nu este fixat sau indicat dinainte ceea ce vor spune participanții¹²³ – nu mai este valabilă în cazul lor. După cum arată Sacks, Schegloff și Jefferson, în dezbateri ordinea în care participanții iau cuvântul este în directă relație cu caracterul a ceea ce ei urmează să spună, părțile putând fi caracterizate ca „pro” sau „contra”, iar intervențiile lor fiind organizate tocmai în funcție de această încadrare¹²⁴.

În ceea ce privește primul termen al acestor schimburi verbale, Noël Nel consideră că orice întrebare articulează atât dimensiunea cognitivă, cât și dimensiunea interacțională a comunicării. Din punct de vedere cognitiv, întrebarea este „une activité fondamentale de l'esprit humain”¹²⁵, iar din punct de vedere interacțional, ea presupune o serie de premise, rezumate astfel de Klinke și Grice:

1. Locutorul L1 nu este în posesia informației cerute.
2. L1 crede că L2 dispune de această informație.
3. L1 crede că L2 nu i-ar oferi din proprie inițiativă informația.
4. L1 crede că L2 este pregătit și apt să-i furnizeze informația.
5. Eventual, L1 crede că L2 o va face în maniera cea mai scurtă posibilă¹²⁶.

În emisiunile televizate, aceste premise nu se mai verifică în totalitate. Moderatorul, L1, nu întreabă dintr-o nevoie de informare proprie, ci deoarece presupune că publicul spectator nu este în posesia informației cerute (principiile jurnalistice îl obligă chiar să fie dinainte informat). În formularea întrebării, moderatorul este, așadar, în cele mai multe cazuri, un intermediar între adevăratul L1 – publicul. La fel, presupunerea că L2 nu i-ar oferi din proprie inițiativă informația poate fi anulată, dacă ținem cont de specificul comunicării televizuale, care presupune că invitatul este prezent în emisiune tocmai pentru a oferi informații, fiind pe deplin conștient de rolul său (în virtutea contractului comunicațional implicit). Întrebarea

¹²³ „What parties say is not fixed or specified in advance” (Sacks *et alii*, apud Schenkein, 1978, p. 20).

¹²⁴Schenkein, 1978, p. 21.

¹²⁵Nel, 1991, p. 56.

¹²⁶*ibidem*.

moderatorului nu este, în acest caz, decât un pretext pentru ca L2 – invitatul – să poată spune ceea ce s-a pregătit anterior să spună în intervențiile sale¹²⁷.

După Andra Șerbănescu, întrebarea în interviul mass-media ar îndeplini trei funcții:

1) „din punctul de vedere al celui care ia interviul, ea îi conturează imaginea publică”;

2) „din punctul de vedere al publicului, întrebarea reflectă interesul societății la un moment dat privind un anumit eveniment/o anumită temă”;

3) „din punctul de vedere al interviuatului, întrebarea funcționează ca element care îi declanșează o reacție verbală, limitându-i posibilitățile de autoexprimare, impunându-i, în anumite limite, criteriul de selecție pentru a transmite publicului anumite mesaje, conform unei intenții (...)”¹²⁸.

Admițând că există atât asemănări, cât și diferențe între interviu și emisiunile de tip dezbateri sau talk-show, vom spune totuși că cele trei funcții ale întrebării sunt valabile și în acestea din urmă, cu observația că funcția de conturare a imaginii publice acționează în aceeași (dacă nu chiar într-o mai mare măsură) și asupra interviuatului/invitatului. Iar acest lucru se datorează faptului că întrebarea moderatorului este esențial dialogică, fiind în mod clar orientată către partenerul de discuție. Adresându-i acestuia o întrebare, moderatorul îi atribuie deja competențe, trăsături, defecte etc.

În ceea ce privește răspunsul, acesta poate fi o rezolvare a problemei ridicate prin întrebare sau poate, la fel de bine, să ridice alte întrebări, să suscite alte probleme¹²⁹. Discutând răspunsul la o întrebare în termeni de „rezolvare” și considerând că orice schimb presupune o structură ternară de intervenții și de acte de discurs (cerere, acceptare, mulțumire, fiecare presupunând acte subordonate și directe), Noël Nel propune o clasificare a „închiderilor” posibile. Astfel, când intervenția reactivă (prin care înțelege mulțumiri, răspuns, acceptare, infirmare, replică, evaluare și care se opune intervenției inițiative, de tip întrebare, cerere de informații etc.) e satisfăcătoare, ea conduce la o rezolvare pozitivă satisfăcătoare. O rezolvare pozitivă poate fi și nesatisfăcătoare, ca în cazul refuzului opus unei oferte sau al respingerii unei afirmații. Iar dacă enunțiatorul nu se mulțumește cu răspunsul negativ și relansează interacțiunea, suntem în fața unei rezolvări negative, care poate fi locală (dacă relansarea se finalizează cu un răspuns pozitiv) sau globală (ca în schimburile polemice)¹³⁰.

¹²⁷ „Lorsqu’il questionne, l’homme politique n’est pas seulement ou vraiment poussé par le seul désir d’être informé. D’ailleurs, souvent il l’est déjà. La question s’inscrit alors dans le cadre élargi d’une théorie de l’action” (Nel, 1990, p. 57).

¹²⁸ Șerbănescu, 2002, p. 66.

¹²⁹ cf. Nel, 1990, p. 57.

¹³⁰ Nel, 1990, p. 57-58.

2.2. Pornind de la aceste premise, vom analiza două dezbateri televizate, diferite ca tematică, dar având același număr de participanți: la ambele participă câte trei invitați, fiecare cu un rol bine definit în cadrul situației de comunicare, identitatea lor socio-profesională fiind în directă legătură cu temele abordate. Scopul analizei este de a observa în ce măsură tema unei dezbateri influențează structura schimburilor de tip întrebare-răspuns.

În cea dintâi înregistrare analizată (D1), tema o constituie literatura obscenă, astfel încât avem de-a face, în termenii lui Charaudeau, cu un „salon literar”¹³¹. Invitații, în număr de trei, corespund exigențelor temei și anunță chiar o distribuție a opiniilor/rolurilor: doi scriitori (despre care telespectatorul, în cazul în care nu îi cunoaște, poate presupune că sunt autori de literatură obscenă) și un critic literar (care, prin profesie, își poate asuma rolul de judecător). Moderatorul dă dovadă de o prezență destul de discretă, intervenind doar atunci când este necesară „dirijarea” discuției în direcția dorită (prin anunțarea temei, prin sugerarea unor răspunsuri posibile, pentru a stârni interesul interlocutorilor).

A doua înregistrare (D2) este o dezbatere despre societatea civilă, statutul social al invitaților fiind și aici o premisă importantă pentru rolul lor interacțional, dar, spre deosebire de emisiunea anterioară, moderatorul este mult mai prezent în organizarea interacțiunii verbale.

Ambele dezbateri se caracterizează, în mare parte, prin atitudinea cooperantă a celor patru participanți, astfel încât vom identifica:

- *mărci discursive ale politeții pozitive:*

„<F IONUȚ> ↑ + cum vezi problema?” (D1/211)

- *semnale de ascultare:*

„D: = să-și impună vocea.

C: *da*. + păi întotdeauna ↑ diavolul apare ispititor.” (D1/215)

- *mărci pragmatice de acord și confirmare:*

„A: = ați și fost la tevere în perioada electorală [tot în acest studio

C: <S EGZACT>]” (D2/237)

Între cele două dezbateri analizate apar însă o serie de diferențe, la baza cărora se află tematica generală abordată, căci avem de-a face cu o dezbatere culturală și una politică. Vom vedea, în cele ce urmează, că secvențele întrebare-răspuns sunt mult mai atent structurate în dezbaterea politică, în timp ce în cea culturală, discuția avansează de la sine, invitații putând interveni când și cum doresc.

Propunem, așadar, spre analiză comparativă următoarele secvențe:

(D1)

„A: = înainte să-l întreb și pe Dan ce↑ + <R vă întreb dacă nu credeți că există totuși un risc> + riscul de a ↑ + cum să zic? de_a stimula greșit pe om. de_ai

¹³¹Charaudeau *et alii*, 2005, p. 184.

stimula greșit pe unii ++ de_ai stimula către droguri↑ către sex bolnav [către mai știu ce.

C: de data asta↓] + aș putea răspunde?

A: <F TE ROG. TE ROG.>

C: deși↓ e cumva în continuarea a ceea ce ↑ + spusese ↓ + și ultima oară + ă↑ + deci nu↑ + chiar nu văd literatura la nivelul acesta ca fiind pedagogică. + dar ↑ + și dincolo =

A: <Î nu neapărat pedagogic> nu mă refer la faptu_n sine. pedagogic ↑ nepedagogic ++ =

C: ba da↑ + pentru că + îmi spuneai de înfruntarea↑ + [xxx] în a face acte + când scriu + î: ↑++ nu înseamnă ↑ că ↓ + neapărat ↓ + că vreau [lucru ăsta.

D: [xxx] <Î e și o terapeutică>. Nu puteți <F SĂ_MBOLNĂVIȚI> lectorul în permanență =

C: = dacă lectorul↑ =

D: <F NUMAI PATOLOGIE> ↑ +++

C: nu contează altceva ↑ =

D: = nu vindecați. =

C: decât + mă iertați↓ ++ să vă dau un exemplu + î: ↓ + din mine. păi dacă arta e atât de + veridică la un moment dat ↑ și de un livresc atât de ++ [xxx] sunt duse atât de extrem ↑ încât lumea nu [xxx]=” (CLRA, p. 212-213)

„A: pentru ca să înțeleagă telespectatorii despre ce vorbim ↓ eu aș spune să ne spuneți de la început care au fost marii câștigători ai acestei ++ gale ↓ ca uamenii să-și facă o idee despre ce înseamnă această gală a societății civile. așadar care au fost marii câștigători?

B: pentru fiecare din cele opt ă: + secțiuni care corespund unor domenii de activitate a existat câte un câștigător și câte doi nominalizați ↓ dar într-adevăr s-a dat un mare premiu pentru cea mai bună inițiativă a societății civile în anul două_mii_patru. e vorba de fundația concept cu campania nu da șpagă.

A: tot vorbim de societatea civilă domnule pârvolescu ++ ce-o fi aceea societate civilă? ++ civilii știm ce înseamnă de obicei.

C: cei care nu sunt militari ↓ nu-i așa? ă: ↑ + societatea civilă: + simplu + reprezintă asociațiile și fundațiile + dar în sens larg + așa se folosește în românia + să definești ceea ce dumneavoastră numeați mai devreme organizații neguvernamentale ↓ dar în sens larg din societatea civilă fac parte și organizațiile patronale ↑ și media + este tot ceea ce nu e guvernamental. + acolo unde nu există pârghii guvernamentale există societate civilă + și unde nu există comunități naturale cum este familia ↓ deși unii ar crede chiar că și familia ar face parte din societatea civilă ↑ + ă ↑ noi ne referim aici când vorbim de gala societății civile doar la organizațiile neguvernamentale. proiectele au fost în majoritatea cazurilor ale unor organizații neguvernamentale ↑ asociații sau fundații ++ cum se spune fundația concept a câștigat anul acesta marele premiu ↓ ++ pe de altă parte ă: ↑ + din societatea civilă pot face parte și inițiative individuale sau grupuri de inițiativă care doresc să rezolve o anumită problemă concretă ↓ dar nu iau o formă juridică + pentru că e și problema aceasta a formei juridice. majoritatea dau însă forma de asociație sau de fundație.

A: această societate civilă a noastră a românilor se apropie cât de cât de societățile + din occident care contribuie în mod temeinic la edificarea statului de drept.

C: acum depinde ce + mergem mai departe. dumneavoastră mi-ați pus deja o întrebare < FUARTE DELICATĂ >. societatea civilă este o alternativă la guvernare ↓ care încearcă să restabilească echilibrele în societate și care încearcă să promoveze acele inițiative private pe care guvernul nu le poate susține. ă: ↑ din acest punct de vedere + nu putem face o comparație directă cu ceea ce se întâmplă în occident ↓ dar cred că în românia constatăm că în acești cincisprezece ani societatea civilă s-a fortificat + iar anul două_mii_patru + a fost un an ă: ↑ foarte bun. și când spun că s-a fortificat nu mă gândesc la inițiativele civice ↓ cum este și cazul campaniei de care vorbim ↓ nu da șpagă + ci mă refer la domeniile sectoriale + din ce în ce mai mult ↓ asociațiile și fundațiile au căpătat expertiză ++ și sînt complementare administrației publice în foarte foarte multe domenii ++” (CLRA, p. 231-232)

În cea dintâi secvență, întrebarea moderatorului poate fi descompusă în trei părți:

1. „înainte să-l întreb și pe Dan ce↑”
2. „<R vă întreb dacă nu credeți că există totuși un risc>”
3. „+ riscul de a ↑ + cum să zic? de_a stimula greșit pe om. de_ai stimula greșit pe unii ++ de_ai stimula către droguri↑ către sex bolnav [către mai știu ce.”

Prima parte este un act subordonat, îndeplinind funcția interactivă de pregătire¹³². Prin această primă parte a intervenției sale, moderatorul – ca „distribuitor oficial al rolurilor”¹³³ – reglează și alternanța la preluarea cuvântului, asigurându-se că interlocutorul numit direct nu va interveni încă, lăsându-l pe invitatul ales de el să preia rolul de emițător. Cea de-a doua parte a intervenției moderatorului este un act director, întrebarea propriu-zisă, iar partea finală este un act subordonat, de tipul „justificare”.

În a doua secvență, întrebarea moderatorului este construită mai complex. Din nou, putem descompune intervenția în mai multe părți:

1. „pentru ca să înțeleagă telespectatorii despre ce vorbim ↓”
2. „eu aș spune să ne spuneți de la început care au fost marii câștigători ai acestei ++ gale ↓”
3. „ca uamenii să-și facă o idee despre ce înseamnă această gală a societății civile.”
4. „așadar care au fost marii câștigători?”

După modelul de mai sus, avem din nou a face cu structura act subordonat (pregătire) – act director (cerere de informații) – act subordonat (justificare), adăugându-se însă, de data aceasta, reluarea întrebării (4), marcată și la nivelul intonației. Spre deosebire de dezbateră culturală, în

¹³²Vezi analiza pe care o realizează Noël Nel (Nel, 1990, p. 61 și urm.).

¹³³Cf. Kerbrat-Orecchioni, 1996, p. 30.

dezbaterea pe teme politice observăm, așadar, o mai mare agresivitate din partea moderatorului, care își pregătește întrebarea cu o trimitere la publicul spectator (conținutul implicit al actului de pregătire fiind „eu înțeleg despre ce vorbim, dar telespectatorii nu”) și își încheie intervenția cu o reluare care îl avertizează pe interlocutor că se așteaptă un răspuns punctual.

Preluând ipoteza lui Goffman, după care interlocutorii încearcă în permanență să își mențină „fața” (*face*), Noël Nel afirmă că orice act de limbaj este o amenințare pentru fața interlocutorilor și orice intervenție, orice schimb este o încercare fie de a exprima această amenințare potențială, fie de a o neutraliza¹³⁴. Având în vedere rolul de mediator (între invitați, între telespectatori și invitați) al moderatorului, vom identifica, în ambele intervenții citate, o serie de procedee de atenuare a potențialelor amenințări. În cea dintâi secvență, apare adverbul „totuși”, care este, aici, o marcă pragmatică de solicitare a acordului¹³⁵. La fel, în secvența a doua, atenuarea se realizează prin intermediul verbului la condițional-optativ „aș spune” (procedeul supramodalizării¹³⁶).

În ceea ce privește răspunsurile, și aici apar diferențe impuse de tematica emisiunilor. În secvența D1, fiind vorba de o interacțiune verbală care aduce în prim plan ethosul vorbitorilor – prin trimiterea la concepțiile lor intime – răspunsul este un prilej pentru invitat de a-și proteja imaginea:

„C: deși↓ e cumva în continuarea a ceea ce ↑ + spusese ↓ + și ultima oară + ă↑ + deci nu↑ + chiar nu văd literatura la nivelul acesta ca fiind pedagogică. + dar ↑ + și dincolo =”

Răspunsul dat este o „combatere presupozitională”¹³⁷, căci interlocutorul C nu respinge conținutul spus (caz în care am fi avut de-a face cu o combatere propozițională), ci conținutul implicit al întrebării (întrebarea lui A este interpretată de C ca pe o afirmare a convingerii că literatura trebuie să aibă un conținut pedagogic). Având în vedere că o combatere presupozitională este mai amenințătoare pentru fața pozitivă a interlocutorului¹³⁸, de aici pornește o discuție contradictorie între participanți, astfel încât putem afirma că întrebarea inițială, care are o rezolvare negativă, declanșează un schimb polemic.

Nu la fel se întâmplă în secvența D2, moderatorul fiind aici o prezență mult mai pregnantă. Răspunsul la prima întrebare – la fel ca răspunsurile la toate întrebările din această secvență – este o rezolvare pozitivă satisfăcătoare, astfel încât moderatorul poate trece la întrebările pentru

¹³⁴Nel, 1990, p. 58.

¹³⁵Pentru o clasificare a adverbilor ca mărci pragmatice vezi Hoarță Cărăușu, 2007, p. 326-330.

¹³⁶cf. Nel, 1990, p. 59.

¹³⁷Nel, 1990, p. 63.

¹³⁸Nel, 1990, p. 63.

ceilalți invitați, iar alocarea rolului de locutor se realizează fără suprapuneri sau întreruperi.

2.3. În schimburile verbale de tip întrebare-răspuns din discursul mediatic, apar, inevitabil (sau poate cu atât mai mult, având în vedere condițiile în care acesta se produce), și *secvențe metacomunicative*. Prin metacomunicare înțelegem vorbirea despre vorbire, cu toate funcțiile pe care aceasta le implică și care sunt rezumate astfel în „Encyclopedia of Rhetoric and Composition: Communication from Ancient Times to the Information Age”¹³⁹: „checking or controlling meaning, monitoring the channels of communication, and addressing the relationship between the interlocutors”. Liliana Ionescu-Ruxăndoiu amintește trei tipuri de secvențe metacomunicative: „care fac referire în mod explicit la organizarea discursivă, la conținutul discursului (comentarii și evaluări) și la expresia lingvistică (glose)”¹⁴⁰.

În cele două fragmente analizate, meta-comentariile nu sunt numeroase, dar funcțiile pe care le îndeplinesc sunt diverse. Astfel, în prima dezbatere (D1), secvența „C: de data asta ↓ + aș putea răspunde?” (care face, în mod clar, referire la organizarea discursului) poate fi interpretată ca un act de amenințare a feței moderatorului, căruia i se reproșează, în mod implicit, că nu își lasă interlocutorul să răspundă. În schimb, secvențele metacomunicative din intervențiile moderatorului au rolul de a organiza schimbul verbal și se subscriu principiului cooperării:

„A: = înainte *să-l întreb* și pe Dan ce↑ + <R *vă întreb...*”.

Și în a doua dezbatere (D2), comentariile metacomunicative (atât din intervențiile moderatorului, cât și din cele ale invitaților) îndeplinesc, în primul rând, rolul de organizare a schimbului verbal:

„A: *tot vorbim de societatea civilă domnule pârvulescu ++ ce-o fi aceea societate civilă?*”

„C: cei care nu sunt militari ↓ nu-i așa? ↑ + *societatea civilă: + simplu + reprezintă* asociațiile și fundațiile + dar *în sens larg* + așa se folosește în România + *să definești* ceea ce dumneavoastră numeți mai devreme organizații neguvernamentale ↓ dar *în sens larg* din societatea civilă fac parte și organizațiile patronale ↑ și media + *este* tot ceea ce nu e guvernamental.”

și

„C: acumă depinde ce + mergem mai departe. *dumneavoastră mi-ați pus deja o întrebare < FUARTE DELICATĂ >*”.

În primul exemplu, jurnalistul face referire la subiectul discuției pentru a-și pregăti întrebarea, secvența metacomunicativă marcând, în același timp, și o ruptură tematică produsă odată cu schimbarea interlocutorului (se trece de la discuția despre premii la cea despre societatea civilă¹⁴¹). Răspunsul primit

¹³⁹Enos, 1996, p. 437.

¹⁴⁰Dascălu Jinga, 2003, p. 144.

¹⁴¹În studiul dedicat funcțiilor discursive ale secvențelor metacomunicative, Liliana Ionescu-Ruxăndoiu remarcă faptul că glosele (secvențele care fac referire la

(exemplul al doilea) cuprinde explicarea termenului avansat de moderator, astfel încât avem a face cu o secvență metacomunicativă ce are în vedere expresia lingvistică („reprezintă”, „în sens larg”, „să definești”, „este”). Disponibilitatea interlocutorului este marcată, la rândul său, printr-un metacomentariu („simplu”). La fel, în al treilea exemplu, comentariul cu privire la întrebarea adresată este o strategie discursivă pentru pregătirea răspunsului, invitatul avertizând că răspunsul nu este ușor de dat și că se intră pe un teren sensibil.

Referințe bibliografice

CHARAUDEAU, Patrick; GHIGLIONE, R. *Talk-show-ul. Despre libertatea cuvântului ca mit* (trad. de Oana Pocovnicu). Iași: Editura Polirom, 2005 [=Charaudeau et alii, 2005].

ENOS, Theresa (ed.) *Encyclopedia of Rhetoric and Composition: Communication from Ancient Times to the Information Age*. Hardcover: Garland Publishing, 1996 [=Enos, 1996].

HOARȚĂ CĂRĂUȘU, Luminița (coord.). *Corpus de limbă română vorbită actual*. Iași: Editura Cermi, 2005 [=Hoarță Cărăușu, 2005].

HOARȚĂ CĂRĂUȘU, Luminița. *Dinamica morfosintaxei și pragmaticii limbii române actuale*. Iași: Editura Cermi, 2007 [=Hoarță Cărăușu, 2007].

IONESCU-RUXĂNDIOIU, Liliana. *Conversația. Structuri și strategii*. București: Editura All Educational, 1999 [=Ionescu-Ruxăndoiu, 1999].

IONESCU-RUXĂNDIOIU, Liliana. *Funcții discursive ale secvențelor metacomunicative* // DASCĂLU JINGA, Laurenția, POP, Liana (coord.). *Dialogul în româna vorbită*. București: Editura Oscar Print, 2003 [=Ionescu-Ruxăndoiu, 2003].

KERBRAT-ORECCHIONI, Catherine. *La conversation*. Paris: Editions du Seuil, 1996 [=Kerbrat-Orecchioni, 1996].

NEL, Noël. *Le débat publique télévisé*. Paris: Armand Colin Editeur, 1991 [=Nel, 1991].

ROVENȚA-FRUMUȘANI, Daniela. *Analiza discursului. Ipoteze și ipostaze*. București: Editura Tritonic, 2005 [=Roventța-Frumușani, 2005].

SACKS, Harvey, SCHEGLOFF, Emanuel A., JEFFERSON, Gail, A *Simplest Systematics for the Organization or Turn Taking for Conversation* // SCHENKEIN, Jim (ed.). *Language, Thought and Culture. Advances in the Study of Cognition*. New York: Academic Press, 1978 [=Sacks et alii, 1978].

ȘERBĂNESCU, Andra. *Întrebarea. Teorie și practică*. Iași: Editura Polirom, 2002 [=Șerbănescu, 2002].

---

expresia lingvistică) „au efectul de a distribui accentele în discuție într-un mod particular sau pot fi folosite pentru a schimba subiectul, adesea cu intenția ascunsă de a-l pune pe partener în dificultate” (Dascălu Jinga, 2003, p. 148).

MĂRCI PRAGMATICE LOCUTIVE

Roxana VIERU,

asistent universitar, doctor în filologie

(Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași, România)

Abstract

The paper refers to the ways in which the linguistically encoded information of sentence meaning provides an indication of the direct, literal messages intended by the speaker. Every sentence has a Direct Message Potential. Sentence meaning can be divided up into two separate and distinct parts. On the one hand, sentence encodes a proposition, which represents a state of the world which the speaker wishes to bring to the addressee's attention and, on the other hand, there is everything else: Mood markers such as lexical expressions of varying length and complexity. This nonpropositional part of sentence meaning can be analyzed into different types of signals, called Pragmatic Markers.

These pragmatic markers signal the speaker's potential communicative intentions.

Pragmatic markers are not part of the propositional content of the sentence. Pragmatic markers have procedural (pragmatic) meaning and specify how the sentence of which they are part is related to the preceding discourse.

Keywords: *sentence, meaning, message, potential.*

Rezumat

*În articol, este studiată prezentarea mărcilor pragmatice care apar în diverse intervenții ale unui locutor, în cadrul unor conversații libere sau controlate (directe sau mediate). Nu am dorit o teoretizare *senso stricto* a acestora, întrucât definiții și clasificări ale lor, precum și alte probleme pe care le presupun au fost surprinse în literatura străină de specialitate și rezumate în multe lucrări românești de pragmatolingvistică. Ni s-a părut mai potrivită o abordare aplicativă, în sensul identificării și interpretării unor concepte – cum sunt mărcile pragmatice – pe un corpus de texte dat.*

Cuvinte-cheie: *propoziție, semnificație, potențial.*

Limbajul natural uman a constituit dintotdeauna centrul preocupărilor multor gânditori. De atunci și până în timpurile moderne, perspectiva cercetării lingvistice nu s-a schimbat prea mult. Textele-mostre supuse diverselor analize (din punct de vedere fonetic, lexical, morfologic, sintactic, semantic, stilistic etc.), fie ele scrise sau orale, erau oarecum nenaturale, adică create artificial după un set de reguli menite să le modeleze pentru ca acestea să fie corecte din punct de vedere lingvistic și logic.

Unele tendințe, întâlnite astăzi în lingvistică (care au ca punct de plecare științele non-lingvistice) vizează o abordare a textelor surprinse în dinamica lor, o abordare care face abstracție totală de corectitudinea menționată anterior. Cercetătorii etnometodologi, care propun o astfel de abordare, s-au oprit asupra componentei și structurii conversației¹⁴². Dincolo de nivelul pur lingvistic, ei au mai sesizat unele elemente care compun tabloul comunicativ, întregindu-l, și care sunt de altă natură decât cea strict

---

¹⁴²vezi Mey, 1993, subcap. 11.2.

lingvistică. Ca atare, ei abordează preponderent posibilitățile de transmitere a mesajelor pe căi paralingvistice (sesizând contribuția comunicativă a râsului, a tusei etc. în punctele relevante ale unei conversații) și unele mici elemente de natură verbală, ignorate până atunci de toate disciplinele lingvistice. Acestea din urmă sunt mărcile pragmatice, care pun în legătură ceea ce rostește locutorul la un moment dat cu mesajul emis anterior.

Bruce Fraser¹⁴³ afirma că informația encodată într-o expresie lingvistică oarecare este alcătuită dintr-o parte care reflectă conținutul semantic propriu-zis (reprezentând „o stare a lumii pe care vorbitorul vrea să o aducă în atenția adresantului”) și o parte care conține altceva, adică restul de informație (cea suplimentară, adiacentă) transmisă. Acest rest este definit de Fraser ca ansamblul mărcilor pragmatice. „Expresia care se constituie în marcă pragmatică”, mai adaugă el, „nu poate oferi și conținut informativ de tip propozițional (conținut semantic); nici elementele care, în planul textului, își aduc contribuția la semantica generală nu pot oferi un plus de informație pragmatică. În plus, dacă expresia menționată occură într-un context ca un anumit tip de marcă pragmatică, ea nu poate funcționa tot acolo ca un al doilea tip”.

Deborah Schiffrin definește mărcile pragmatice în relație directă și exclusivă cu unitățile de discurs, susținând imposibilitatea raportării la propoziție, act de vorbire sau „tone unit”¹⁴⁴. Cu toate acestea, lingvista încearcă să stabilească punți de legătură între funcțiile pragmatice ale unor cuvinte precum *and* (=și), *but* (=dar), *or* (=sau) și funcțiile gramaticale ale acestora. Așadar, în această privință, ea nu este la fel de tranșantă precum Fraser.

Există mai multe clasificări ale mărcilor pragmatice, realizate de diverși autori de lucrări de pragmalingvistică, pentru care s-a avut în vedere criteriul semantic, criteriul funcțional sau criteriul formal sau pentru care s-a ținut cont de tipul de text în care acestea se înscriu¹⁴⁵. Dintre aceste teorii ne vom opri la aceea a Carlei Bazanella¹⁴⁶, care împarte semnalele discursive (așa cum numește ea mărcile pragmatice) în metatextuale și iterative, iar pe acestea din urmă le împarte, la rândul lor, în semnale ale locutorului și semnale ale interlocutorului. Vom discuta, în materialul de față, despre mărcile locutorului, pe care le vom ilustra în cele ce urmează cu exemple din lucrarea „Corpus de limbă română vorbită actuală”¹⁴⁷.

---

¹⁴³Fraser, 1996, p. 167.

¹⁴⁴Schiffrin, 1987.

¹⁴⁵pentru o prezentare în limba română, pe scurt, a unor astfel de clasificări vezi Hoarță Cărăușu, 2003.

¹⁴⁶Bazanella, *apud* Hoarță Cărăușu, 2003, p. 84-90.

¹⁴⁷Hoarță Cărăușu *et alii*, 2005.

Într-o conversație normală, cei doi participanți la actul comunicațional trebuie nu doar să vorbească, ci să-și vorbească. Aceasta implică faptul că nu doar un participant se erijează în ipostază de emițător, ci rolurile se schimbă pe parcursul conversației; mai mult, în timp ce locutorul emite diverse judecăți de valoare, interlocutorul arată acestuia că mesajul său este perceput, că este sau nu de acord cu cele spuse etc., adică locutorul primește un feed-back de la cel (sau cei) spre care și-a îndreptat intervenția comunicativă.

Unul dintre participanții la actul comunicațional poate indica faptul că dorește să ia cuvântul prin așa-numitele mărci de preluare a replicii (1). În ipostaza nou dobândită de locutor, acesta fie că semnalează, în anumite puncte ale intervenției sale, faptul că are intenția de a-și continua, neîntrerupt, comunicarea (prin mărci menținătoare ale replicii) (2), fie că atrage atenția asupra a ceea ce urmează să spună (prin mărci de solicitare a atenției) (3), fie că așteaptă întărirea (confirmarea) sau respingerea, din partea interlocutorului (interlocutorilor), a unei afirmații (prin mărci de solicitare a acordului sau dezacordului) (4), fie că verifică, în mod constant, dacă interlocutorul său acordă atenție celor spuse de dânsul și dacă înțelege ceea ce i se spune (prin mărci de control al receptării) (5), fie că indică faptul că se afiliază grupului de interlocutori sau că este relaționat într-un anumit fel cu interlocutorul său (unic) (prin mărci cu funcție fatică) (6), fie că indică măsura în care ceea ce spune locutorul este considerat de acesta a fi conform cu realitatea (prin mărci ale aproximării) (7):

1. **mărci pragmatice de preluare a replicii:**

§ B: îi foarte complicat la noi?

A: da.

C: da.. (râde)

B: deci la noi dacă n-ai trecut în $\perp$ ți-ai lăsat testament $\downarrow$ esti valabil un testament $\downarrow$ (...) (p. 56)

§ B: u u unde.

A: în franța?

B: ei $\downarrow$ întâi am avut aicea ?

A: da' spuneai că întotdeauna = (p. 248-249)

2. **mărci pragmatice de menținere a replicii:**

§ A: da da' cel puțin va să zică în timpu' vieții $\downarrow$ + <R cel puțin o treime aparține copiilor> (p. 55).

§ L: (...) o să puteți să faceți și: $\downarrow$ + eu știu $\downarrow$ un pereti din asta [xxx] un pereti di rigips (p. 63).

§ A: (...) dar ce mă preocupă pe mine acum față de lucrurile discutate săptămâna trecută $\uparrow$ este să vedem + ä: $\uparrow$ + cum punem față_n față $\uparrow$ să zicem $\uparrow$ obscenitatea și libertatea scriitorului $\uparrow$ (...) (p. 210)

§ B: <R suntem de atâtea feluri $\uparrow$ în câți oameni cunoaștem> $\downarrow$ CRED $\downarrow$ <L deci fiecare individ te vede altfel $\downarrow$ <F SAU> $\downarrow$ fiecare OM pe care-l întâlnim

PROVOACĂ ALTCEVA din_năuntrul nostru> ↓ și splendoarea unui om ↑ este pân' la urmă dată ↑ de întâlnirile privilegiate ale vieții lui ? <R deci în clipa în care el întâlnește> ↑ ACEI OAMENI care fac să iasă din el TOT ce e mai minunat ↑ asta însemnând ↓ și UMORUL lui ↑ nu? și <R și și> BUNĂTATEA lui ↑ și GENEROZITATEA lui ↑ și <R mai știu eu ce> și INTELIGENȚA lui ↑ AIA sunt oameni importanți ai vieții cuiva? (p. 221)

§ B: teoria care e un $\perp$ humanitas a stîrnit + ADMIRAȚIE și bucurie ↑ în aceeași măsură în care a stîrnit ură ↓ ă: ↑ s-a-nîmplat ↑ $\perp$ <R bineînțeles nu asta e singurul izvor al urii> ? există ură în clipa în care ↑ ă: eu știu ↑ denunți ↑ + denunți în ghilimele ? + o nedreptate majoră ↑ + și nedreptatea aia are autori ↑ <R evident că cei care se simt vizați> ↑ te vor urî. (...) (p. 223)

§ D: (...) deci există ↑ cum să spun + raportat la stat există două + ă: două ipostaze ↑ una de ă cum să spun de viziune cri de analiză critică a inițiativelor statului ↑ și alta de complementaritate. (...) (p. 236)

§ A: <Î de vis> dar ai avut ↑ pff <S nu știu>↓ neplăceri ↑ piedici ↑ <R datorită faptului că ai avut un>↑ comunism ă: primar ↑ secundar ↑ (râde) și terțiar. (p. 248)

3. mărci pragmatice de solicitare a atenției:

§ A: da ↑ dar + vedeți asta ↑ că + ce ziceam eu cu echipa ↑ că nu are omu' ↓ + asta înseamnă ↑ ați văzut ↓ cînd a intrat ciocoiu ↑ <Î BĂI> ↑ + cari-i traba ? eu tre' să folosesc șansa <Î ASTA> ↑ a ↓ mersi mult. + eu tre' să folosesc șansa asta și să joc perfect ↑ că + data viitoare nu mai joc. știți ? + și el ari-un lot de jucători ↑ pe cari-i rulează. ceea ci mi sî pari foarti normal. +++ uitați-vă la real madrid. + că-l ari + pe Ronaldo. di ci-l scoati pe Ronaldo ? ++ pe figo ăla ↑ raul ↑ că-ăla owen care a fost la liverpool ↓ +++ țineți minte că a fost luni morientes ↑ care era la monaco ↓ + care era de fapt jucătoru' lu' + real madrid (p. 78).

§ B: adevăru-i cî uiti ↑ vezi ? chestia asta cu ateneu' ăsta care l-a făcut ↑

A: da' nu cred cî fac aicea.

B: eu așa am înțeles. cî la ateneu (p. 90).

§ B: auzi ↑ să_ț dau niști yin?

C: nu: ↑ (p. 103)

§ A: d_aia ț-am spus-o? hoțu' ↑ + vine c_un coleg + și vroiau ei sî meargă la internet. și-i spune lu' ăla ↑ știi? eu i_aud ↓ + „băi ↑ dacă (ezită) fii atent ↑ dacă deschide + bunică-mea: ↓ + ne dă zece mii de lei ↓ și putem pleca la internet” <R știi că ei vroiau ȘI BANI> ca să meargă la internet <S zice> „dacă deschide + unchi-miu” zice „fii atent ↑ nu știi numărul' de telefon de_acasă ↑ c_ăsta [te_ntreabă” ↑ (p. 110)

§ B: unchiul meu ↑ fratele ↑] nu știu ? dacă vă ↑ $\perp$ știu că ↑ de exemplu ↑ fratele mamei ↑ care ERA în perioada aceea în închiSOARE ↑ avusese complect ↑ î: <F NEBUNIA> totală: ↑ și iresponsabilitatea ↑ să încerce să facă un partID ↑ <JS închipuie-ți> ? î: ceva ↑ nu știu dacă era ↑ + liberal ↑ + sau democrat î: creȘTIN ? creștin ↓ <S notează> cu ↑ î: o un un un personalitatea ↑ un aristocrat ↑ foarte + foarte nobil ↑ care ne-a ajutat foarte mult ↑ un domn ↑ petre gheață (...) (p. 253)

4. *mărci pragmatice de solicitare a acordului și/sau a confirmării:*

- § A: omu ↑ pân' la urmă le-a băgat. + am stat frumos ↓ ne-am luat ziare ↓ ne-am luat apă ↓ ++ ș_ am plecat și iese_așa ↓ pe bulevardu' gări_înainte ↑ știi ? zic „băi ↑ da autobuzu' ăsta unde merge ↑ băi ? pă unde merge ăsta ↓ știi ?” nu? teoretic ↓ trebuia să iasă pe hărman ↓ acolo ↓ nu tata ? băi și mă duc pân' la șofer și_intreb „nu vă supăraț' ↑ autobuzu' ăsta unde merge ?” „<Î la PREDEAL ↑ >” (p. 99)
- § A: exact. nu există sinonimie lexicală perfectă ↑ ++ sau mai bine spus ↓ + este <Î FOARTE RARĂ>. <R nu putem spune chiar că nu există. > ++ este <Î FOARTE RARĂ> sinonimia lexicală perfectă. și-o să ne spună colega dumneavoastră. + există <Î deci> + două grade ↑ + așa-i ? (p. 140)
- § A: așa. + și_ați trecut din două mii ↑ + <Î sau nu> ↑ + două mii trei ați zis ↑ că + de_atunci s-a inițiat tratamentul'. din nouă_și_nouă ↑ când ați fost diagnosticată cu glicemia aia mare ↑ n-ați urmat nici un tratament ↑ până în două mii trei ↑ când ați ajuns la operație. da ? (p. 150)
- § A: e-o preponderență. e-apropo de ↑ ă ↑ cum să spun ? nonverbalul înăscut ↑ dar există și dobândit ↑ unde sînt niște norme sociale. pe care el și le însușeș însușește așa din mers ↑ nu-i așa ? numai fiindcă este ↑ membru al unei comunități culturale (p. 172).
- § B: păi ↑ care ? între anii patr- ↑ după instalarea comunismului ↑ până ↑ până ce-am plecat ? până-n șaizeș_patru ↓ <S nu> ? (...) (p. 251)

5. *mărci pragmatice de control al receptării:*

- § A: omu ↑ pân' la urmă le-a băgat. + am stat frumos ↓ ne-am luat ziare ↓ ne-am luat apă ↓ ++ ș_ am plecat și iese_așa ↓ pe bulevardu' gări_înainte ↑ știi ? zic „băi ↑ da autobuzu' ăsta unde merge ↑ băi ? pă unde merge ăsta ↓ știi ?” nu? teoretic ↓ trebuia să iasă pe hărman ↓ acolo ↓ nu tata ? băi și mă duc pân' la șofer și_intreb „nu vă supăraț' ↑ autobuzu' ăsta unde merge ?” „<Î la PREDEAL ↑ >” (p. 99)
- § B: (...) ă: după aceea la spital ↑ și după aceea chiar la morgă ? (râde) <J dai seama> ↓ ce plăcut a fost ? și fericiți că nu l-am (râde) găsit ↑ nici în apă ↑ pân' la urmă am fost fericiți ↓ (...) (p. 256)
- § B: proces mare ↑ tîmbălău ↑ un an și jumătate închisoare preventivă ↑ în care ↑ + < J poți să-ți dai seama ↓ un om care se scula la cinci dimineața ↑ să facă gimnastică ↑ dușuri ↑ dup-aceea citit cu glas tare franceză ↑ și engleză ↑ și germană ↑ > (...) (p. 256-257)

6. *mărci pragmatice cu funcție fatică:*

- § B: și foarte frumos primiți ↑ pentru că eu știi cu ci li pun ↑ geta? cum ornez eu masa di crăciun? (...) (p. 70)
- § A: și un om care se simte urît ↑ cum ziceți că v-ați simțit ↓ se poate amăgi cu gîndul ↑ domnule liiceanu ↑ că ura vine numai de la ceilalți spre el ? ura asta nu credeți că ↑ + te și încarcă la un moment_dat ? și că ea se și întoarce ? + sau dumneavoastră ați fost în stare să urăți ? (p. 223-224)

7. *mărci pragmatice ale aproximării:*

a) de reducere a preciziei:

§ B: deci la noi dacă n-ai trecut în $\perp$ ți-ai lăsat testament $\downarrow$ esti valabil un testament $\downarrow$ da' tes- și testamentu' tre' sî respecti LEGEA $\downarrow$ $\perp$ există nu știu ci $\perp$ s: spunea sorî-mea cî pi undeva la $\perp$ cam la DOUĂZECI la sutî din averi $\uparrow$ FACI CI VREI CU EA $\downarrow$ + la moșteniri $\downarrow$ + în REST trebuie sî respecti LEGEA $\uparrow$ cî-i $\perp$ sî-mparte în mod egal între nu știu ci sî (p. 56)

§ B: =da' tu $\uparrow$ + mâine mergi la dișpe? sau?

A: ihî. < Î cam așa > $\uparrow$ pi la prânz mă duc. (p. 88)

§ B: (...) DISPERARE $\uparrow$ un loc unde puteam să fac câte o ilustrație $\uparrow$ câte o vinieta $\uparrow$ ceva $\uparrow$ urzica ? (râde) așa am început ? aveam simțu' humorului $\downarrow$ <SJ care era cunoscut la urzica > $\downarrow$ da' la urzica nu trebuia $\uparrow$ să ai simțu' humorului $\downarrow$ era o problemă acolo $\downarrow$ (p. 258)

b) de lipsă totală a preciziei:

§ L: < Î CUM > ? da' asta a noastră i_n o mii nou' suti: =

A: = treiză' și ceva. nu? (p. 66)

c) de prezentă a preciziei:

§ A: cân' am fos' acuma la: și eu la mama floare $\uparrow$ chiar am văzt că aproape: de: doar și drumu' ăla aproape era pus cu + coceni cu din ăstea. (p. 108)

§ B: telefonul meu este exact ca al ei. de asta întreb dacă $\downarrow$ + nu ari cumva vreo problemî telefonu' ei $\uparrow$ ca sî știu dacă e vreo problemî din centralî $\uparrow$ + cu telefonu' meu $\uparrow$ sau e chiar telefonu' meu. (p. 113)

d) de subliniere a adevărului conținutului propozițional și punerea lui în evidență:

§ A: = da ++ ei da $\uparrow$ și_n condiții ăstea_i greu di crezut cî_l mai lasî la fotbal $\uparrow$ (p. 96)

e) diminuarea/augmentarea autorității și puterii vorbitorului:

§ A: iar $\uparrow$ ați văzut chestia cu cel mai bun jucător al româniei $\uparrow$ ăsta $\uparrow$ + mitică dragomir $\uparrow$ cu mutu nu știu ce. eu zic că cel mai bun jucător de fotbal în două mii patru $\uparrow$ a fost dorinel munteanu. punct. ++ nu există altu' mai bun ca el. (p. 82)

§ B: da ? acum încă $\uparrow$ sunt $\uparrow$ + sunt îmbiBAT $\downarrow$ <R îmbibat de această persoană care > $\downarrow$ era EXTRAordinară ? <S extraordinară> ? și <Î care m-a:> $\uparrow$ <J m-a făcut OM> $\downarrow$ + <J cred eu> ? (...) (p. 255)

§ B: (...) am ă: $\uparrow$ <Î am primit de la ei> $\uparrow$ <RS nu știu> $\downarrow$ această $\uparrow$ î: educație: î: F BIpolară> $\uparrow$ (râde) cum să-i spun $\uparrow$ care m m mi-a creat un fel de $\uparrow$ + ă combinație echilibrată: $\downarrow$ în mine fiind și: $\uparrow$ + ă: HAOSul $\downarrow$ și și <R spiritul ăsta de aventură> $\downarrow$ fără să fiu aventurier $\downarrow$ + de profesie $\downarrow$ =

La aceste tipuri de mărci mai adăugăm câteva.

Locutorul poate să considere, într-un anumit punct al intervenției sale, că ceea ce tocmai a afirmat nu este foarte clar și atunci redă același conținut noțional sub o altă formă (conținutul e același, expresia însă se schimbă);

această reluare modificată se semnaleză prin mărci reformulative (8).
Astfel:

8. mărci pragmatice reformulative:

- § A: exact. nu există sinonimie lexicală perfectă ↑ ++ sau mai bine spus ↓ + este <Î FOARTE RARĂ>. <R nu putem spune chiar că nu există. > ++ este <Î FOARTE RARĂ> sinonimia lexicală perfectă. și-o să ne spună colega dumneavoastră. + există <Î deci> + două grade ↑ + așa-i? (p. 140)
- § B: = în primu' rând un contract di închirieri nu esti obligatoriu sî sî_nchei în formî autentici. asta presupuni cî nu este în mod obligatoriu sî meargî la notariat ↑ și faci contractu' la notariat. + contractu' di închirieri ↑ al unei locuinți sau locațiune ↑ cum o numim noi în termeni juridici ↑ esti foarti valabil ↑ dacî esti încheiat și sub semnăturî privatî. + adică ↑ pur și simplu. părțile redactează un contract ↑ = (p. 182)

Există și situații când vorbitorul realizează că o anumită idee susținută de dânsul anterior nu este neapărat adevărată (întru totul) sau nu este sigur de veridicitatea ei și semnaleză lingvistic această părere prin mărci de corectură (9):

9. mărci pragmatice ale corecturii:

- § A: nu ↓ da' ↑ < R da' nu neapărat în cazul morții > ↑ + cred că-i și normal. + jumati din averi aparțini: COPIILOR. [sau ar trebui ↑ =
B: = da ↓ de fapt ↑] prima dată jumate ia: soțu' moștenitor ↓ soțu' ↑ + rămas viu ↓ + și cealaltă jumate o iau copiii + normal ↓ + și că pi [urmă și + de la soțu rămas viu sî-mparti ↓
C: da]
A: <R sau cel puțin atunci e numai un sfert ↑ sau o + [o treime ↑ aparțini copiilor >
B: da] da' + nu ↓ inițial un so so soțul moștenește [jumătati ↑ (p. 54-55)
- § A: nu cred cî ei nu vin. + sau eu știu dacî vin di fapt? + bănuiesc (p. 89)
- § A: că spre fundu' grădini_acolo ↑ adică_a lu' mama floare ↑ acolo_are ăla o:: e unu' care are_o gospodărie ↓ adică_are_o anex_acolo. + și ăla cam sta prost cu:: + cu vecini ↑ pân zonă p_acolo. și cân' mi-a zis mama floare ↓ mă gîndeam că zic „probabil lu' ăla” zic „i-o fi făcut ăștia” =
B: = cineva =
A: = „bucuria”. [...] (p. 107)
- § A: = și cheltuiala ↓ adică venitu' ă venitu' brut optășpi milioane ↓ cheltuiala zeci milioane și rezultă un venit net de: opt milioane. ă: + dumneavoastr_ăți plătit un impozit anticipat. (p. 167)
- § A: = unde e statuia ↑ lui alexandru lahovari?
B: exact ↓ de acolo pornea strada ↑ <J adică să nu > ↓ ⊥ traversa ↑ ⊥ tăia ↑ bulevardul magheru ↑ și ↑ + clădirea aceea veche ↑ pe colț ↑ care acuma e acoperită (zâmbește) de o reclamă ↑ + oribilă ↑ (p. 254)

Adverbe precum *așa* sau *da* pot să fie indici de ratificare tematică, prin care locutorul întărește faptul că tema conversației este într-adevăr aceea pe care el însuși o dezvoltă:

10. *mărci pragmatice de ratificare tematică*:

§ B: iar asta din + zona VASLUIULUI erau multi $\perp$ deci fiecare copil primea un loc di casî $\uparrow$ și ++ așa și <R eventual eventual construiau PĂRINȚII din timpu' vieții o CASÎ> ș-averea toată o luau fiul cel mai mari $\uparrow$ + și-asta o fost într-un fel bini pentru cî s-o păstrat moșii mari $\uparrow$ ++ nu s-o mai divizat în $\perp$

A: aha (p. 57)

§ A: palpitații? dumneavoastră n-aveți palpitații?

B: foarte rar.

A: da' dureri în piept nu aveți? obosiți mai repede la efort $\uparrow$ când [urcați scările $\uparrow$

B: a $\uparrow$ de obosit $\uparrow$] da. obosesc. da' acumă după operații obosesc. nu mai pot să mai bat un covor $\uparrow$ + da. și + când bati inima tari $\uparrow$ dacă iau un aspacardin $\uparrow$ = (p. 153)

Referințe bibliografice

HOARȚĂ CĂRĂUȘU, Luminița (coordonator), MINUȚ, Ana-Maria, GUIA, Sorin, STANCIU, Roxana. *Corpus de limbă română vorbită actuală*. Iași: Editura CERMI, 2005 [=Hoarță Cărăușu, 2005].

FRASER, Bruce. *Pragmatic Markers* //Pragmatics. No. 6/2, 1996 [=Fraser, 1996].

HOARȚĂ CĂRĂUȘU, Luminița. *Elemente de analiză a structurii conversației*. Iași: Editura CERMI, 2003 [=Hoarță Cărăușu, 2003].

MEY, Jakob. *Pragmatics. An Introduction*. Oxford, 1993 [=Mey, 1993].

SCHIFFRIN, Deborah. *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 [=Schiffrin, 1987].

QUELQUES REFLEXIONS SUR LES IDENTITÉS VISUELLES
ET LES MEDIAS MOLDAVES: LES LOGOTYPES ET LES STYLES
GRAPHIQUES DES ENTREPRISES ET COMPAGNIES
LES PLUS IMPORTANTES DE LA REPUBLIQUE DE MOLDOVA

106

Speech and Context, 2(III)2011

Angela COȘCIUG,

maître des conférences, docteur ès lettres

(Université d'État «Alec Russo», Bălți, République de Moldova)

Abstract

Visual identities are object classes of different kinds such as: logos, emblems, coats of arms etc.. Today, they are placed by some researchers in the given field, in close relationship with the media means, though they, in fact, don't have a purely media essence, but most often remain only some media supports of a certain scope, that have the ability to penetrate both the professional areas and in private and even personal spaces.

A visual identity remains an identity as long as it is unique, and this requires to maintain a certain distance between a certain visual unit and other visual units.

Today, in Moldova, visual identities that appear most often are the logos of organizations operating in the country. These logos are most often a mixture of icon and legisign, which manifest both structural, topical, and chromatic homogeneity, which shows once again the mythical character of the claim about the uniqueness of a logo at present.

Keywords: *visual identity, logo, emblem, business.*

Rezumat

Identitățile vizuale sunt clase de obiecte de diferit tip: logo-uri, embleme, blazoane etc. Astăzi, ele sunt puse, de unii cercetători în domeniul, în relație strânsă cu mijloacele mediatică, fără ca acestea să aibă, în fond, o esență pur mediatică, rămânând, de cele mai dese ori, doar niște suporturi mediatică de o anumită amploare, care au capacitatea de a pătrunde atât în spații profesionale, cât și în spații private și personale chiar.

O identitate vizuală rămâne identitate atât timp, cât ea are unicitate, iar pentru aceasta este nevoie de a păstra o anumită distanțare a unității vizuale față de alte unități vizuale.

Astăzi, în Republica Moldova, identitățile vizuale ce se impun cel mai des sunt logo-urile organizațiilor care funcționează pe teritoriul acestei țări. Aceste logo-uri sunt, de cele mai dese ori, un amalgam de icoană și legisemn, care înregistrează o anumită omogenitate atât structurală, topică, cât și cromatică, fapt care demonstrează încă o dată caracterul mitic al afirmației despre unicitatea unui logou la ora actuală.

Cuvinte-cheie: *identitate vizuală, logo, emblema, întreprindere.*

1. Identités visuelles et médias: vision générale

Si autrefois, dès Peirce jusqu'à Saussure et Greimas, les identités visuelles étaient un objet d'étude «clos» de la sémiotique¹⁴⁸, aujourd'hui elles «offrent un bon terrain d'observation pour saisir certaines des transformations qui affectent les médias, en termes de pratiques (ils sont utilisés en tant que supports par les compagnies et les organisations) et de représentations (ils

¹⁴⁸Brun *et alii*, 1996.

sont perçus comme un espace de mise en visibilité)»¹⁴⁹. Mais les identités visuelles ne relèvent pas de la catégorie «communication médias». Elles ont tout simplement la fonction de transformer des objets en «médias permanents» et «[...] favorisent la mise en visibilité médiatique»¹⁵⁰. Les identités visuelles prétendent – sans bien sûr le formuler en ces termes – pouvoir fabriquer de la «médiabilité» en reposant sur le principe selon lequel tout peut devenir un support médiatique pour l'entreprise soucieuse de communiquer envers ses publics¹⁵¹.

Aujourd'hui ces supports dits médiatiques sont trop variés: sacs en papier, sièges sociaux, sites Internet, enseignes, affiches publicitaires, emballages etc. A l'heure actuelle l'abondance ou la multiplication des supports médiatiques donne la possibilité de parler de l'*hypermédiatisation*.

À la suite de E. Boyer et V. Patrin-Leclère, nous ne pensons pas qu'il s'agisse dans tous les cas cités de vrais «médias». Comment mettre sur le même plan «médiatique» un siège social et un sac? Il nous semble que le siège social n'est pas un support médiatique, mais un espace de communication, porteur de signification symbolique, dans lequel circulent des informations dont certaines sont destinées à un public interne et d'autres à un public externe. Par conséquent, le siège social est doté tout simplement d'une *fonction* médiatique. Quant au sac, ce n'est qu'un élément d'emballage, un support médiatique. Autrement dit, tout objet ou même tout espace transformé en support médiatique dans le cadre de stratégies de communication ne peut être qu'un support et pas un vrai média. En même temps, les médias sont tous potentiellement des supports de communication sans pour autant que tout support médiatique soit un média. En d'autres termes, si tout média est un dispositif de médiatisation, tout dispositif de médiatisation n'est pas un média. C'est seulement la vision utilitariste qui assimile support et média et envisage les médias dans leur fonction de support.

1.1. Les identités visuelles et la publicité

Définie a *priori* comme non publicitaire, car l'espace du support visuel n'est pas acheté comme dans la publicité, aujourd'hui l'identité visuelle est de plus en plus traitée comme une «expression publicitaire»¹⁵² ou quelque chose qui a la fonction d'une image publicitaire.

2. Objet d'investigation de l'article

Dans cet article nous proposons une étude des logotypes et styles graphiques des entreprises et compagnies les plus importantes de la

---

¹⁴⁹Boyer *et alii*, 2005a.

¹⁵⁰*idem*.

¹⁵¹Boyer *et alii*, 2005a.

¹⁵²Boyer *et alii*, 2005b.

République de Moldova, telles que: l'Entreprise d'État «La Poste de Moldova», la Société Actionnaire «Bucuria», la Société Actionnaire «Cricova», la Société Actionnaire «Asito», la Compagnie d'État «Air Moldova», la compagnie «Moldcell» et la compagnie «Moldtelecom». Dans le tableau ci-dessous nous donnons leurs logotypes et styles graphiques:

Logotype et style graphique de l'Entreprise d'État «La Poste de Moldova»

Logotype et style graphique de la Société Actionnaire «Bucuria»

Logotype et style graphique de la Société Actionnaire «Cricova»

Logotype et style graphique de la Société Actionnaire «Asito»

Logotype et style graphique de la Compagnie d'État «Air Moldova»

Logotype et style graphique de la compagnie «Moldcell»

Logotype et style graphique de la compagnie «Moldtelecom»

Tabl.1: Logotypes et styles graphiques des entreprises et compagnies les plus importantes de la République de Moldova

3. Généralités sur l'approche des identités visuelles moldaves

Toutes les identités visuelles moldaves ont:

- 5) une capacité inégalable à s'infiltrer dans des espaces professionnels, privés ou même personnels;
- 6) une visibilité accrue grâce à tous leurs supports identifiables à chaque pas; ainsi, on peut trouver le logotype de la poste moldave sur toutes les boîtes de lettres du pays, sur toutes les autos qui transportent la poste et sur tous les uniformes des employés de la poste; outre le logotype comme tel, ces boîtes, ces autos et les uniformes sont en deux couleurs: le bleu foncé et le jaune – les couleurs du logotype de l'entreprise.

Les identités visuelles moldaves quel que soit leur type ont la propriété d'interagir entre elles de la façon à conditionner un rapprochement visuel qui souvent peut devenir dangereux pour les identités visuelles elles-mêmes, parce qu'il peut entraîner la disparition de certaines d'entre elles, car «trop de logos tue le logo».

A l'heure actuelle toutes les identités visuelles moldaves ont «une histoire», c'est-à-dire un parcours, un développement dans le temps; ainsi, le

logo actuel de la poste moldave est une forme transformée du logo de la poste soviétique. Comparez:

Par conséquent, l'unicité du logo n'est qu'un mythe aujourd'hui. A vrai dire, «la principale évolution graphique va dans le sens d'une relative indifférenciation, contradictoire avec la fonction identitaire de l'identité visuelle»¹⁵³ et les «nouvelles» identités visuelles lancées pour les nouvelles entreprises, compagnies, sociétés actionnaires et institutions moldaves utilisent à peu près les mêmes codes graphiques que les identités visuelles lancées depuis longtemps sur le marché, à la seule différence qu'aujourd'hui les graphistes et les designers de ces identités travaillent plus la forme, l'expressivité de l'identité, son côté esthétique, lui donnent un contour plus sophistiqué qui impose certaines difficultés d'interprétation au récepteur. Mais ce qui importe définitivement dans ces signes c'est toujours leur efficacité qui ne se mesure pas souvent au contour esthétique, mais à leur longévité.

La création et l'introduction d'une «nouvelle» identité visuelle dans la République de Moldova sont toujours liées à des dépenses financières considérables, mais auxquelles on se donne quand même pour conserver une dimension communicante importante qu'est l'identité visuelle de l'entreprise.

3.1. Logos et styles graphiques des entreprises et compagnies moldaves les plus importantes

3.1.1. Logo et style graphique de l'Entreprise d'Etat «La Poste de Moldova»

Tout logo est un ensemble de signes à un certain style graphique qui sont (1) distribués dans un espace-plan clôturé et (2) délimités à travers une sélection au moyen de jugements perceptuels visuels. Le logo comporte des éléments distingués *par la perception sur la base de leur prégnance (une sorte de résonance avec les expériences antérieures d'objets caractérisés par des formes de relation comparables) et de leur saillance (en vertu de la force propre de certains stimuli qui imposent leur prise en compte dans tout jugement perceptuel, comme les couleurs vives, par exemple, les contrastes, l'hypertrophie de certaines parties de l'image et du texte [...])*¹⁵⁴.

¹⁵³Boyer *et alii*, 2005b.

¹⁵⁴Marty.

Les jugements perceptuels regroupent les effets des stimuli visuels issus du logo de façon à le convertir en une collection d'objets d'expérience plans et colorés chacun étant un signe. Tous ces signes sont des objets d'expérience qui dirigent l'attention vers d'autres objets. En même temps, ce sont, en bonne partie, des lois qui prescrivent à leurs interprétants quels sont les éléments de forme ou de couleur qui sont significatifs.

Dans le logo de l'Entreprise d'Etat «La Poste de Moldova» ce sont le globe terrestre et le ciel qui sont sélectionnés. Pris isolément, chacune de ces réalités est un objet d'expérience et une loi qui prescrit les qualités de cet objet – par exemple, le globe est rond et le ciel est bleu. Cependant ces réalités (le globe et le ciel) entretiennent des relations proxémiques: le ciel entoure le globe, et elles sont des signes. En somme, ce logo renferme les signes suivants: (1) deux *symboles-emblème*¹⁵⁵: (a) le bleu foncé¹⁵⁶ - l'emblème du ciel et de la mer et (b) le jaune chaud - l'emblème de la terre; (2) trois *symboles-allégorie*¹⁵⁷: (a) le cercle (d'un millimètre) - l'allégorie du globe terrestre et (b) la ligne courbe (de deux à trois millimètres) - l'allégorie du mouvement autour de la terre et (c) le carré en bleu et jaune - l'allégorie de la proximité du ciel et de la terre, et (3) deux *symboles rhématiques*¹⁵⁸: (a) la poste (en roum. *Poșta* - New Times Roman, majuscules, 12, Bold) et (b) Moldova (New Times Roman, majuscules, 12, Bold).

Les relations que les signes du logo entretiennent l'un avec l'autre résultent de leurs qualités propres. Ainsi, les symboles-allégorie («le cercle», «la ligne courbe» et «le carré en deux couleurs») et les symboles rhématiques («la poste» et «Moldova») entretiennent des relations d'inclusion avec les symboles-emblème «le bleu» et «le jaune». Cela fait du logo un tout, par construction et par convention. C'est ce que les spécialistes appellent «effet de cadre».

Tous ces signes sont distribués dans un espace-plan carré. Cet espace-plan est clos, car il renferme des signes qui expriment un sens unique et fini: la poste de la Moldova fonctionne dans le monde entier, par voies aérienne, maritime et terrestre:

---

¹⁵⁵Rappelons que le symbole-emblème est un signe dans lequel un ensemble de qualités est conventionnellement lié à un autre ensemble de qualités que possède son objet.

¹⁵⁶Notons que dans le cas du bleu et du jaune une convention sociale s'est surimposée à un légisigne iconique; c'est l'habitude collective qui a créé l'emblème par l'usage répété du légisigne iconique (icône-image).

¹⁵⁷Rappelons que le symbole-allégorie est un signe dans lequel une dyade de qualités est conventionnellement liée à une autre dyade de qualités que possède son objet.

¹⁵⁸Un symbole rhématique est défini par la donnée d'un objet d'expérience et d'une loi qui prescrit les qualités de cet objet qui sont conventionnellement associées à un concept général, c'est-à-dire à une classe d'existants ou de faits.

3.1.2. Logo et style graphique de la Société Actionnaire «Bucuria»

Dans le logo de la Société Actionnaire «Bucuria» (en fr. *joie*) ce sont un ovale et un quadrilatère de fond en deux couleurs (en rouge sang et en blanc immaculé) qui sont sélectionnés et qui prescrivent des qualités et des propriétés: l'ovale en blanc immaculé sur un fond rouge sang fait allusion à un bonbon, car la société actionnaire s'occupe de la production des friandises; au centre du logo, sur le fond rouge sang de l'ovale on trouve le nom de la société en blanc immaculé; le rouge sang fait allusion à l'arôme des friandises, au plaisir et à la joie qu'on ressent en consommant les produits de la société actionnaire, et le blanc immaculé – au sucre de haute qualité, à la pureté des produits de cette société.

La style graphique de toutes les lettres du nom de la société «Bucuria» n'est pas le même. Ainsi, la lettre «C» est mise en relief à travers un style à part, tout ça pour accentuer la haute qualité de la production de la société (en roumain, le mot «qualité» se traduit «calitate» et, comme l'on voit facilement, commence par la lettre «c»):

Les réalités auxquelles le logo fait allusion (le sucre et les friandises produites du sucre par la société actionnaire) entretiennent des relations de conditionnement unilatéral: du sucre on fabrique des friandises.

Pour conclure, il faut mentionner que ce logo renferme les signes suivants: (1) deux *symboles-emblème*: (a) le rouge sang – l'emblème de l'arôme des friandises et de la joie produite par leur consommation et (b) le blanc immaculé – l'emblème du sucre et de la pureté des produits fabriqués par la société; (2) deux *symboles-allégorie*: (a) un ovale (d'un millimètre) – l'allégorie du bonbon et (b) un quadrilatère (d'un millimètre) en deux couleurs, placées d'une façon proportionnelle (le rouge sang et le blanc immaculé) – l'allégorie de la proportion entre le sucre et la joie qu'il produit s'il est consommé dans les friandises de la société, et (3) trois *symboles rhématiques*: (a) la fabrique des friandises (en roum. *Fabrica de cofetării*), (b) Bucuria et (c) ®.

Les relations que les signes du logo entretiennent l'un avec l'autre sont diverses. Ainsi, les symboles-allégorie («l'ovale» et «le quadrilatère en deux couleurs») et les symboles rhématiques («Fabrica de cofetării» et «Bucuria») entretiennent des relations d'inclusion avec les symboles-emblème «le rouge sang» et «le blanc immaculé». Ces relations font de ce logo aussi un tout, par construction et par convention.

Les signes de ce logo sont distribués dans un espace-plan quadrilatère et clos qui renferme des signes qui expriment un sens unique et fini: les friandises de la société sont pures du point de vue écologique et elles produisent de la joie à tous ceux qui les consomment.

3.1.3. Logo et style graphique de la Société Actionnaire «Cricova»

La Société Actionnaire «Cricova»¹⁵⁹ est, à l'heure actuelle, la plus grande société productrice de vins dans la République de Moldova. Sur son logo quadrilatère on voit, en premier lieu et sur le premier plan, une grappe de raisin et une coupe en rouge sang (l'emblème de l'Association Vinicole Moldave) et deux unités verbales: «Cricova» et «Combinatul de vinuri» (en fr. *Combinat de vins*). Les unités verbales sont en relation d'apposition l'une par rapport à l'autre. Le logo renferme une chromatique des plus simples: le jeu du rouge sang et du bordeaux (couleur de la grappe de raisin, de la coupe et d'une partie du fond du logo sous forme de rideau, faisant référence à la couleur du vin et au fait que ce vin doit être découvert par les consommateurs), du blanc (couleur des unités verbales du logo et de la deuxième partie de son fond sous forme de rayons des caves «Cricova», faisant référence à la pureté et à la douceur du vin, ainsi qu'à sa vieillesse (la moisissure de couleur blanche étant toujours découverte sur les tonneaux de vins (et les rayons), conservés dans les caves pendant beaucoup d'années)), du kaki, du gris et du noir, faisant aussi référence à la vieillesse du vin, car ce sont aussi les couleurs de la moisissure accumulée dans le temps, dans les caves. Les unités verbales «Cricova» et «Combinatul de vinuri» sont symétriquement situées en deux lignes par rapport au fond (elles sont situées au centre de celui-ci), ce qui donne l'idée de la qualité stable du produit:

¹⁵⁹C'est en même temps le nom de la localité où se trouve le siège central de la société.

Les unités verbales du logo connaissent deux styles graphiques. Ainsi, l'unité «Cricova» est rédigée en Book Antigua, 16, majuscules et «Combinatul de vinuri» - en Arial, 11, majuscules.

Les réalités auxquelles le logo fait allusion (la haute qualité (stable) et la pureté des vins produits par la société) entretiennent des relations de conditionnement unilatéral: des grappes de raisin on fabrique des vins de qualité.

Si l'on donne une empreinte sémiotique à l'étude de ce logo, il faut mentionner qu'il renferme: (1) cinq *symboles-emblème*: (a) le rouge sang et le bordeaux – les emblèmes du vin, (b) le blanc immaculé – l'emblème de la pureté, de la douceur et de la vieillesse du vin, (c) le kaki, le gris et le noir – les emblèmes de la vieillesse du vin; (2) un *symbole-allégorie*: un quadrilatère de fond sous forme de rideau – l'allégorie de la découverte des vins de qualité fabriqués par la société; (3) une *icône-image*¹⁶⁰ – la photo quadrilatère d'un secteur d'une cave de la société, et (3) deux *symboles rhématiques*: (a) Cricova et (b) Combinatul de vinuri.

Les signes du logo entretiennent l'un avec l'autre des relations multiples. Ainsi, l'icône-image de la cave et les symboles rhématiques («Combinatul de vinuri» et «Cricova») entretiennent des relations d'inclusion (tantôt totale, tantôt partielle) avec le symbole-emblème «le blanc immaculé». Ces relations font du logo un tout.

Les signes de ce logo sont distribués dans un espace-plan quadrilatère et semi-clos qui renferme des signes qui semblent exprimer un sens unique et fini: les vins produits par la société sont de haute qualité et purs du point de vue écologique. L'espace-plan est semi-clos et ses signes semblent seulement exprimer un sens unique et fini, car la société travaille toujours pour créer de nouveaux vins de qualité qui seront ultérieurement découverts et appréciés par les consommateurs.

3.1.4. Logo et style graphique de la Société Actionnaire «ASITO»

La Société Actionnaire «Asito» est une compagnie internationale d'assurances qui fonctionne dans la République de Moldova. Son logo renferme trois éléments: (1) deux carrés entremêlés, placés sous un angle de 40 à 45 degrés, l'un en bleu clair et l'autre en gris clair, (2) l'unité verbale

¹⁶⁰Dans la théorie de Ch.S. Peirce l'icône-image est un signe qui représente un objet parce qu'il possède un ensemble de qualités que possède cet objet. La relation entre le signe et l'objet qui caractérise l'icône-image est donc établie grâce à une communauté de qualités. Ces qualités sont sélectionnées dans le temps même de l'interprétation et le contexte est déterminant dans ce choix. En effet, à priori, une chose qui possède une qualité ou un ensemble de qualités peut représenter tout autre objet possédant cette qualité ou cet ensemble de qualités. Le contexte apportera alors des éléments indexicaux qui guideront ce choix en limitant les possibilités (c'est-à-dire les contraintes interprétantes) [Peirce, 1978, p. 124].

«Asito» en demi bleu clair et demi gris clair et (3) deux lignes parallèles en bleu et gris clair qui cadrent les carrés et l'unité verbale. Les carrés entremêlés s'accordent avec la conception quadridimensionnelle de l'espace aérien (présenté en bleu clair) et de celui terrestre (présenté en gris clair) où la compagnie est censée offrir ses services. Ce logo n'a pas de couleur de fond, car ses éléments se basent sur des dimensions spatiales vastes qui ne nécessitent pas de fond spécial. L'image et le mot sont placés sur une ligne droite et horizontale:

Les deux couleurs du logo sont des symboles-emblème, car elles représentent les espaces aérien et terrestre. Les deux carrés et les deux lignes droites et horizontales sont des symboles-allégorie, car ils donnent l'idée d'un secteur précis d'activité. Le mot «Asito» est un symbole rhématique comme toute unité verbale. Il est rédigé en Arial, 16, majuscules.

Les signes du logo entretiennent des relations d'inclusion qui font de lui un tout entier. Ainsi, les symboles-allégorie renferment les symboles-emblème.

Le logo a un espace-plan quadrilatère ou plutôt en bande. Il est clos, car ces unités expriment un sens unique et fini: la société «Asito» offre des assurances partout.

3.1.5. Logo et style graphique de la Compagnie d'État «Air Moldova»

A l'heure actuelle, la Compagnie d'État «Air Moldova» est l'unique compagnie de la République de Moldova qui offre des services de transport aérien. Son logo est aussi un signe complexe, ayant ses côtés allégorique et emblématique – une aile d'oiseau en trois couleurs: le bleu foncé, le jaune chaud et le rouge sang – et son côté rhématique – les unités «Air Moldova» et «born to fly» en bleu foncé aussi. Les couleurs du logo sont les couleurs du drapeau de la République de Moldova. Le symbole rhématique n'est pas représenté par une unité simple, mais par tout un syntagme en anglais. Le choix de l'anglais s'explique par son statut de langue première de communication internationale ce qui donne encore une fois l'idée de l'espace vaste que les avions de la compagnie peuvent parcourir, des frontières qu'ils peuvent enlever, des relations étroites qu'ils peuvent établir, etc. L'emplacement du symbole rhématique par rapport à celui allégorique est fait de la façon à donner continuellement cette idée d'aile déployée pour le vol:

Comme dans les autres logos analysés dans cet article, dans celui de cette compagnie les signes collaborent étroitement de façon à donner l'idée d'un tout à ce logo: les symboles-emblème sont présents dans les symboles-allégorie et le symbole rhématique, et l'idée du vol est présent en même temps dans les symboles-allégorie (l'aile et le fond en nuages) et celui rhématique (*born to fly*). Le symbole rhématique du logo est fait en deux styles différents: en majuscules et minuscules, en 16 et 11 ce qui donne encore une fois l'idée du vol et du changement.

L'espace-plan du logo est clos et il porte une signification unifiante et intègre: la compagnie est créée pour résister dans le temps.

3.1.6. Logo et style graphique de la compagnie «Moldcell»

La compagnie «Moldcell» est une des plus grandes compagnies du pays qui offre des services de téléphonie mobile. Son logo (allégorique, rhématique et emblématique à la fois) a un fond orange symbolisant le soleil couchant et indirectement les pays lointains, sur lequel sont imprimés en blanc immaculé le mot «Moldcell» (en majuscules) et l'image d'un oiseau volant (l'allégorie de la distance et de la vitesse) et du soleil couchant qui donne l'idée des possibilités illimitées de communication offertes par la compagnie. La symétrie du symbole rhématique par rapport à ceux allégoriques veut assurer les clients de la stabilité de la compagnie:

Le symbole rhématique est en Arial, 16, majuscules. Le logo a une forme quadrilatère et un point de vue en profondeur grâce à la ligne de l'horizon y présente. Par conséquent, son espace-plan est semi-clos.

3.1.7. Logo et style graphique de la compagnie «Moldtelecom»

Moldtelecom est la plus grande compagnie de télécommunications dans la République de Moldova. Son logo est seulement de nature symbolique et rhématique, car il renferme le syntagme «Operator Național Moldtelecom»¹⁶¹ (en blanc immaculé¹⁶², en majuscules et en deux styles différents), où les constituants sont en relation d'apposition l'un par rapport

¹⁶¹En fr. *Opérateur National Moldtelecom*.

¹⁶²Le blanc symbolise la haute qualité des services accordés par la compagnie.

à l'autre. Le logo a un fond gris pâle pour donner l'idée des possibilités illimitées de la compagnie dans le domaine des services de télécommunication. Le symbole rhématique est placé en deux lignes symétriques au centre du logo:

Tous les signes du logo sont en accord parfait, car ils expriment la même idée: la compagnie offrent des services de qualité dans le domaine des télécommunications.

Conclusions

Les identités visuelles renferment une classe vaste de choses: logos, emblèmes, blasons etc. Elles ne sont pas obligatoirement des médias. Dans la bonne majorité des cas elles ne sont que supports médiatiques qui pénètrent à l'heure actuelle dans des espaces aussi professionnels que privés et personnels.

Pour qu'une identité visuelle reste identité visuelle, elle doit respecter la distance par rapport à d'autres identités visuelles.

Dans la République de Moldova les identités visuelles les plus répandues restent aujourd'hui les logos et les styles graphiques des entreprises et compagnies qui fonctionnent sur son territoire.

La plupart de ces logos sont des symboles emblématiques et allégoriques combinés à des symboles rhématiques. Dans leurs styles graphiques et leur composition on observe une certaine homogénéité structurale et topique qui peut mener, un jour, à la disparition de ces logos.

Références

BOYER, Elodie, PATRIN-LECLERE, Valérie. *Identités visuelles et médias* //Communication and Langages, décembre, 2005 [=Boyer et alii, 2005a].

BOYER, Elodie, PATRIN-LECLERE, Valérie. *La valse des identités visuelles: entre «média permanent» et hystérie du nouveau* //Communication and Langages. 2005. n° 146 [=Boyer et alii, 2005b].

BRUN, Monique, RASQUINET, Philippe. *L'identité visuelle de l'entreprise, au-delà du logo*. Paris: Les Éditions d'Organisation, 1996. P. 162 [=Brun et alii, 1996].

MARTY, R. *Sémiotique générale* // <http://robert.marty.perso.cegetel.net/semiotique/parcours.htm> [=Marty].

PEIRCE, Ch. S. *Ecrits sur le signe*. Paris: Seuil, 1978 [=Peirce, 1978].

TERMENII DE RUDENIE:
REZULTATUL UNUI EXPERIMENT ASOCIATIV

Ala SAINENCO,

conferențiar universitar, doctor în filologie
(Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova);

Viorica POPA,

lector superior, doctor în filologie
(Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova)

Abstract

The article presents the results of a prior associative experiment on the segment of the term kinship, which included the lexemes husband, family, girl, boy, folk and sister. We have also analyzed the reactions indicated for the stimulus-words wedding, home and hearth. Registered associations, in general, confirmed the characteristics of a Romanian family, maintaining the traditional values and inherited by the emerging generation.

Keywords: *terms of kinship, family, associative experiment, lexeme, stimulus-word.*

Rezumat

În articol, sunt prezentate rezultatele unui experiment asociativ prealabil pe segmentul termenii de rudenie, care a inclus lexemele soț, familie, fată, băiat, neam și soră. Au fost analizate, de asemenea, reacțiile indicate pentru cuvintele-stimul nuntă, casă și vatră. Asocierile înregistrate confirmă, în linii generale, trăsăturile familiei românești, menținerea valorilor tradiționale și preluarea acestora de către generația în formare.

Cuvite-cheie: *termeni de rudenie, familie, experiment asociativ, lexem, cuvânt-stimul.*

1. Termenul *rudenie* desemnează, în limba română, legătură directă sau colaterală între persoanele care fac parte din aceeași familie. Definiția lexicografică a termenului *familie* – „formă socială de bază, întemeiată prin căsătorie, și care constă din soț, soție și din descendenții acestora”¹⁶³ – pune în evidență norma privind familia, conefrindu-i atributele unui fenomen social. În același sens, din punct de vedere etnologic, familia este definită ca fiind „un concept cultural, un concept al tradiției vii, pentru că nu este o repetare, ci o trăire în cadrul unor tipare educate, modificabile după personalitatea membrilor săi, în limitele date de mentalitatea colectivă a comunității în care trăiește”¹⁶⁴. Totalitatea relațiilor posibile de rudenie este concepută și ordonată, în limbă, printr-o serie de cuvinte de rudenie. Așa cum arată Claude Levi-Strauss, modul în care este structurat câmpul semantic al termenilor de rudenie indică asupra organizării de un anumit tip a familiei și a modului de a percepe familia și relațiile de rudenie: „între structura limbii și aceea a sistemului de înrudire există o corespondență formală”¹⁶⁵.

¹⁶³DEX, 1998.

¹⁶⁴Ciobănel, 1998, p. 14.

¹⁶⁵Levi- Strauss, 1978, p. 78.

Evidențiind câteva arii culturale în baza terminologiei de rudenie existente în limbile vorbite pe teritorii adiacente, Claude Levi-Strauss reliefează trăsături ale familiei și rudeniei, care determină, în mod direct, coeziunea socială:

a) *aria indo-europeană*: reglementarea căsătoriei pare a fi bazată pe următorul principiu: cu condiția edictării unui mic număr de prescripții negative (grade prohibite), densitatea și fluiditatea populației sunt suficiente pentru obținerea unui rezultat care, în alte societăți, ar fi posibil numai cu ajutorul unui număr mare de reguli pozitive și negative; acest fapt duce la o coeziune socială, rezultând din căsătorii între parteneri al căror grad de înrudire este foarte îndepărtat, dacă nu chiar imposibil de stabilit;

b) *aria chino-tibetană*: sistemele provin sau derivă din forma cea mai simplă cu puțință a schimbului generalizat, adică din căsătoria preferențială cu fiica fratelui mamei; acest tip de căsătorie asigură coeziunea socială în modul cel mai puțin costisitor, fiind totodată infinit extensibil la un număr oarecare de parteneri;

c) *aria africană*: sistemele au tendință comună de a dezvolta instituția numită „prețul logodnicei”, asociată cu prohibiția frecventă a căsătoriei cu soția fratelui soției; tipul de coeziune socială stabilit prin circulația bunurilor se apropie, într-o oarecare măsură, de tipul statistic de coeziune, existent în propriile noastre societăți;

d) *aria Oceaniei*: trăsăturile caracteristice, binecunoscute, ale sistemelor de înrudire polineziene ar avea ca echivalent, pe plan lingvistic, o structură simplă și elemente puțin numeroase;

e) *aria nord-americană*: însușirea distinctivă constă în asimilarea verilor prin alianță cu rude, nu cu aliați¹⁶⁶.

2. Structura familiei indo-europene, afirmă E. Benveniste, „după cum poate fi ea dedusă din semnificația termenilor de rudenie, reflectă o structură patriarhală a societății, în care legătura de rudenie se stabilește pe linie paternă și realizează tipul de „familie mare” [...] în frunte cu un străbun de gen masculin, în jurul căruia se grupau toți urmașii de gen masculin cu familiile lor mai mici. Pe de altă parte, termenii de rudenie se referă, în primul rând, la bărbat; iar cei care se referă la femeie sunt puțin numeroși, au un sens imprecis și o formă instabilă”¹⁶⁷.

Și, în pofida faptului că limbile moderne dezvoltă o nomenclatură proprie a termenilor de rudenie – reflectând și o altă structură a familiei și a relațiilor de rudenie – care ilustrează și diferențele de mentalitate de la un popor la altul, în limba română, ca și în alte limbi, o serie de termeni s-au păstrat din indo-europeană: *babă* (let. *baba*, rus., bl. *баба*, ceh. *baba*); *frate* (let. *bralis*, pr. *brote*, pl. *brat*, rus., bl., *брат*, sanscr. *bhrātā*, av. *brātar*, lat. *frāter*, fr. *frère*, arm.

¹⁶⁶Levi-Strauss, 1978, p. 78-80.

¹⁶⁷Benveniste, 1969, p. 144.

elbair, toh. A *pracar*, germ. *Bruder*); *gintă* (sanscr. *jnātih* „rudă”, lat. *gens, gentis*, span. *gente* „oameni”); *mamă* (let. *mate*, pr. *mute*, rus. *мать*, pl. *mac*, sanscr. *mātā*, av. *mātar*, lat. *māter*, arm. *mair*, fr. *maman, mère*, alb. *motër* „soră”, toh. A *mācar*, span. *madre, mamá*, germ. *Mutter, Mama*); *nepot* (ceh. *net, neteře* „nepot de la soră sau frate”, sanscr. *napāt*, av. *napāt*, lat. *nepos, nepotis*, alb. *nip*, span. *nieto*); *soră* (pr. *swestro*, rus., bl. *сестра*, pl. *siostra*, sanscr. *svasar*, av. *xvaṣhar*, lat. *sorrer*, got. *swistar*, arm. *koir*, toh. A *sar*, fr. *soeur*, germ. *Schwester*); *socru* (rus. *свекр*, pl. *świekiec*, sanscr. *śvaśurah*, av. *xvasura*, lat. *socer*, arm. *skesrair*, span. *suegro*); *tată* (pr. *tāws*, ucr. *tamo*, pl. *tata*, sanscr. *tatah*, lat. *tata*, alb. *tatë*); *ginere* (let. *znuots*, rus. *зять*, pl. *zięć*, sanscr. *jnātih*, fr. *gendre*, span. *yerno*) etc.

3. Așa cum etnogeneza românilor (respectiv, și geneza limbii române) nu poate fi separată de elementul creștin, respectiv, și caracterul creștin al termenilor de rudenie nu s-a adăugat ulterior în limba română, ci a intrat odată cu elementul latin, fiind concomitent latin și creștin de la început¹⁶⁸. Pe modelul rudeniei naturale, influențați și de alte etnii cu care au venit în contact, românii au cunoscut relații ca *frăția de cruce*, *nășia*, *cumetria* (acestea reflectându-se, evident, și la nivel de vocabular).

Un studiu privind tradițiile familiei românești în comparație cu cele ale altor popoare pune în evidență următoarele¹⁶⁹:

a) comparativ cu ceilalți europeni, atașamentul românilor față de familie rămâne foarte ridicat, aceasta ocupând primul loc în ierarhia de valori și fiind domeniul care continuă să le ofere cea mai mare satisfacție; divorțul are un nivel mediu, comparativ cu celelalte țări europene, și o mare stabilitate în timp;

b) românii prezintă o proporție destul de mare a familiilor extinse, multigeneraționale, atât din cauza unor presiuni economice, cât și a persistenței modelului tradițional;

c) atitudinile generale ale românilor cu privire la familie sunt preponderent de tip conservator; atașamentul față de viața de cuplu rămâne foarte ridicat; de exemplu, o relație stabilă este considerată importantă pentru a fi fericit de către 90% dintre români; oamenii căsătoriți sunt considerați mai fericiți de peste două treimi din populație;

d) modelul relațiilor de cuplu și al căsătoriei fericite este cel romantic, în care iubirea rămâne, aproape pentru toți românii, cea mai importantă; iubirea trebuie dublată însă de solidaritate între parteneri (încredere și sprijin reciproc, respect și înțelegere reciprocă, fidelitate), dar și de suport material – în principal, condiții bune de locuit și, în secundar, bani; norma fidelității rămâne deosebit de importantă în familia românească.

¹⁶⁸Ciubotaru, 1997.

¹⁶⁹Popescu, 2002.

4. Având drept punct de pornire trăsăturile evidențiate în cadrul studiului citat, scopul cercetării noastre a vizat analiza relațiilor asociative pe care le fac românii, pornind de la unii termeni de rudenie și stabilirea faptului dacă aceste valori persistă și se reflectă și la nivelul asocierilor.

Relațiile asociative au fost stabilite printr-un experiment asociativ, realizat cu tineri de vârstă de 18-25 de ani, pentru care limba maternă este română, care au, la momentul realizării experimentului, studii superioare și superioare necomplete și care sunt încadrați sau studiază pentru domenii de activitate diferite.

Tuturor participanților la experiment li s-a propus o singură listă de cuvinte-stimul. Lista a inclus 100 de termeni, selectați, sub aspectul părților de vorbire, proporțional cu fondul lexical comun. Anchetele au fost generate de calculator, astfel încât să nu existe două liste identice. Fiecare subiect anchetat a fost rugat să noteze primul cuvânt care i-a venit în minte la citirea cuvântului-stimul.

Printre cuvintele-stimul, ancheta a inclus și următorii termeni de rudenie:

- *băiat*, pl. *băieți*, s.m. „fiu, fecior (al cuiva)” (DEX); etimologia: necunoscută (DEX);

- *fată*, pl. *fete*, s.f. (în raport cu părinții) „fiică” (DEX); etimologia: lat. *feta* (DEX);

- *neam*, pl. *neamuri*, s.n. „persoană care face parte din aceeași familie cu cineva (în raport cu acesta)” (DLR, DEX); sinonim: *rudă*; etimologie: magh. *nem* (DEX);

- *părinte*, pl. *părinți*, s.m. la plural „tata și mama” (DLR, DEX); „fiecare dintre cei doi părinți” (DEX), mai precis (rar) „fiecare dintre cei doi părinți (considerați împreună sau formând o unitate)” (DLR); „bărbat considerat în raport cu copiii săi; termen cu care copilul se adresează acestui bărbat; tată” (DLR); etimologie: lat. *parens*, *-tis* (DEX);

- *soră*, pl. *surori*, s.f. „persoană de sex feminin, considerată în raport cu copiii acelorași părinți sau ai aceleiași tată ori aceleiași mame” (DEX; DLR); etimologie: lat. *soror*, *-oris* (DEX) „soră”;

- *soț*, pl. *soți*, s.m. „bărbat căsătorit, considerat în raport cu soția lui” (DEX; DLR); etimologie: lat. *socius* (DEX).

Termeni tangențiali:

- *nuntă*, *nunți*, s.f. 1. căsătorie (religioasă); ceremonial și petrecere organizate cu prilejul unei căsătorii (religioase). 2. persoanele care iau parte la o nuntă (1); (DEX); etimologie: lat. *nuptiae* (DEX);

- *casă*, *case*, s.f. 1. clădire destinată pentru a servi de locuință omului; 2. totalitatea celor care locuiesc împreună (formând o familie); 3. căsnicie; etimologie: lat. *casa* (DEX);

- *vatră*, *vetre*, s.f. 1. un fel de platformă înălțată, amenajată în tinda caselor țărănești, pe care se face focul pentru a pregăti mâncarea; parte plană din

interiorul cuptorului (de pâine) sau al sobei, care susține cuptorul sau soba în afară și pe care se poate șede sau dormi; 2. locuință, așezământ stabil; 3. locul principal, central al unei așezări, al unei instalații etc.; etimologie: alb. *vatre* (DEX).

5. În rezultatul experimentului, s-au stabilit următoarele asocieri:

- soț:

- *soție* – 14;

- câmpul semantic *iubire*: *iubire* – 7; *iubit* – 3; *iubitor* – 4; *dragoste*; *drăgostos*;

- alte calități: *bun* – 6; *fidel* – 3; *încredere*;

- alte substantive asociate: *copil* – 4; *casă* – 3; *viitor* – 2;

- ipostaze: *prieten* – 4; *partener* – 3; *concubin* – 2; *jumătate* – 2; *sprijin* – 3; *amant*;

- alte trăsături:

○ pozitive: *binevoitor*; *bucuros*; *cuminte*; *dulce*; *exemplar*; *frumos*; *grijuliu*; *harnic*; *ideal*; *indulgent*; *înțelept*;

○ negative: *rău* – 2; *infidel*; *egoist*;

- familie:

- *unită* – 10;

- persoane: *părinți* – 4; *copii* – 3; *mama/tata* – 3; *neam* – 2; *numeroasă* – 2; *persoane dragi*; *cuplu*; *soț*; *membri*; *ai mei*; *frate*; *grup*;

- sentimente:

○ pozitive: *dragoste/iubire/iubită* – 7; *fericire/fericită* – 6; *bucurie* – 2; *înțelegere* – 2; *dor*;

○ negative: *grea*;

- trăsături: *bogată* – 4; *bună/bunățate* – 4; *frumoasă* – 3; *mare (mulți - 1)* – 3; *prietenie* – 3; *întreg/întregită/împreună*;

- părinte:

- *mama* – 10;

- *tata* – 7;

- trăsături:

○ pozitive: *drag/dragoste/ iubitor/iubit etc.* – 10; *bun* – 6; *grijuliu* – 3; *prieten/ apropiat* – 3; *blând*; *îngăduitor*; *înțelept*; *inteligent*; *cumsecade*; *darnic*;

○ negative: *rău*;

- fată:

- *frumoasă* – 23;

- din același câmp semantic: *frumusețe* – 5; *simpatică*; *atrăgătoare*;

- câmpuri colaterale: *gingășie* – 4; *minunată*;

- alte trăsături:

○ pozitive: *deșteaptă* – 4; *cuminte* – 2; *tânăra* – 2; *bună*; *curajoasă*; *curată*; *deosebită*; *harnică*; *inocentă*; *îngrijită*; *modestă*; *veselă*; *vioaie*;

- negative: **nebună; rea; urâtă;**
- prin opoziție: **băiat** – 5;
- ipostaze: **fată mare** – 4; **domnișoară** -5; **fetiță; ființă; mireasă; prietenă;**
- băiat:
  - **fată** – 9
  - trăsături:
    - pozitive:
      - **frumusețe: Făt-Frumos; chipeș** – 5; **drăguț** – 2; **frumos** – 5; **simpatic** – 3; **înalt** – 4;
      - **inteligentă: deștept** – 4; **inteligent** – 5; **isteț;**
      - alte trăsături: **cuminte** – 3; **amabil; bun; bărbăție;**
      - negative: **minciunos; urât; violent;**
    - posturi: **prieten** – 3; **mascul** – 3; **ființă** – 2; **copil; fecior; jumătate;**
  - soră:
    - **frate** – 15; **rudă** – 4; **același sânge;**
    - trăsături pozitive: **prieten** – 9; **bună** – 9; **înțelegătoare/înțelegere** – 3; **iubită/iubitoare** – 5; **apropiat** – 2; **scumpă** – 3; **fidelă** – 2; **cuminte;**
- neam:
  - **rudă** – 28;
  - cine sunt: **apropiați** – 3; **familie** – 3; **îndepărtat** – 2; **soră** – 2; **bunica; unchi;**
  - ce reprezintă: **bază; bogăție; putere; rădăcină; relație;**
  - cum sunt: **drag** – 3; **bun; frumos; inteligent; mare; scump;**
  - sens larg: **patrie** – 4; **popor** – 3; **strămoși** – 3; **românesc; străvechi;**
- vatră:
  - **casă** – 5;
  - sens îngust: **casă** – 5; **părintească** – 4; **caldă** – 4; **bunici** – 2; **pâine** – 2;
  - **dor** - 2
  - sens larg: **strămoș** – 4; **baștină** – 2; **patrie** – 2; **sat** – 2; **Moldova; neam;**
- nuntă:
  - **frumoasă** – 10; din aceeași arie semantică: **ca-n poveste** – 2;
  - persoane: **mireasă** – 5; **nași; verișoară; vornice;**
  - trăsături și sentimente: **veselă/veselie** – 2/4; **mare** – 2; **fericire** – 2;
  - sinonime: **sărbătoare** – 4; **petrecere** – 2; **căsătorie; ceremonie; logodnă;**
  - aspect negativ: **cheltuială;**
- casă:
  - **familie** – 8;
  - trăsături: **mare** – 7; **părintească** – 5; **frumoasă** – 2; **bătrânească; prietenoasă; înaltă;**
  - sinonime: **locuință** – 3; **cuib** – 2; **adăpost;**
  - sentimente: **liniște** – 2; **mea** – 2; **iubire; dorință; iubire; alinare;**
  - alte entități asociate: **leagăn; mamă; cocostârc; baștină;**
  - părți ale casei: **acoperiș; ferestre; prispă.**

Asocierile înregistrate confirmă, în linii generale, trăsăturile familiei românești și menținerea valorilor tradiționale. *Familia* se asociază, în cele mai frecvente cazuri, cu trăsătura *unită*, fiind caracterizată preponderent prin trăsături, sentimente și atitudini pozitive: *dragoste, fericire, bucurie, înțelegere*. Asocieri asemănătoare au fost indicate și în cazul familiei mari: *neamul* reprezintă *bază, bogăție, putere* și se caracterizează prin trăsăturile: *drag; bun; frumos; inteligent; mare; scump*. Asocierile înregistrate pentru cuvântul *casă* pun, de asemenea, în evidență, valoarea pe care o are familia pentru român, aceasta asociindu-se, de cele mai dese ori, cu *casa părintească, familia, iubirea, liniștea*.

Faptul că modelul relațiilor de cuplu și al căsătoriei fericite este cel romantic, în care iubirea rămâne, aproape pentru toți românii, cea mai importantă și că iubirea trebuie dublată de solidaritate între parteneri este demonstrat și prin asocierile indicate pentru substantivul *soț*: *iubire, iubit iubit; dragoste, drăgostos; bun; fidel, încredere, copil; casă; viitor*.

Relația copii – părinți rămâne, în continuare, una afectivă, bazată pe înțelegere și afecțiune, *părinte* asociindu-se cu *drag, dragoste, iubit, iubit; bun; grijuliu; prieten, apropiat; blând; îngăduitor; înțelept; inteligent; cumsecade; darnic*. Relația în interiorul familiei, în mod special, cu sora, de asemenea, este marcată de o apropiere deosebită: *sora este prieten; bună; înțelegătoare; iubită; apropiată; scumpă; fidelă*.

Referințe bibliografice

BENVENISTE, Em. *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*. Paris, 1969 [=Benveniste, 1969].

CIOBĂNEL, A. I. *Înrudire și identitate*. București: Editura Enciclopedică, 2002 [=Ciobănel, 2002].

CIUBOTARU, M. *Forme și expresii ale conștiinței genealogice la români* // Arhiva genealogică, 3-4, IV (IX). Iași: Editura Academiei Române, 1997. P. 53-60 [=Ciubotaru, 1997].

Dicționarul explicativ al limbii române. Ediția a II-a. București: Editura Univers Enciclopedic, 1998 [DEX, 1998].

LEVI-STRAUSS, Cl. *Antropologie structurală*. București: Editura politică, 1978 [=Lévi-Strauss, 1978].

POPESCU, R. *Calitatea vieții de familie în România* – <http://www.iccv.ro/oldiccv/romana/articole/sescom/2002tineri/Raluca%20Popescu.pdf> [=Popescu].

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ
РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
(в тематическом поле «головные уборы»/«coiffe»)

Елена НИКОЛАЕВА,

кандидат культурологии, доцент

(Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия)

Татьяна ЮРИНА,

доцент

(Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия)

Abstract

The study contains semiotic analysis of Russian and French phrasal expressions from the thematic field «headwear» including their semantics and cultural codes. The investigation is based on the contrastive linguistics method.

Keywords: *semiotic analysis, phrasal expression, thematic field, contrastive method.*

Rezumat

Studiul înglobează o analiză semiotică a expresiilor ideomatice rusești și franceze din domeniul “articolelor de purtat pe cap”. Autoarele articolului acordă o atenție deosebită atât semanticii unităților în cauză, cât și codurilor culturale. Cercetarea se bazează pe metoda contrastiv-lingvistică.

Cuvinte-cheie: *analiză semiotică, expresii frazale, câmp tematic, metoda contrastivă.*

Введение

Феномен моды и концепт одежды занимают значительное место как в истории французской культуры, так и в самом французском языке.

В кросс-культурной системе гиперсимволов¹⁷⁰ французская мода стоит рядом с французскими винами и французской любовью. В русском языке прочно обосновались французские названия одежды: пальто (*paletot*, плащ), жакет (*jaquette*, куртка – от обобщенного прозвища французского крестьянина *Jacques*), жилет (*gilet* – от имени известного шута *Gill*, начавшего носить такой род одежды), блуза (*blouse*, от ср.-лат. *Pelusia*, «пелузская (одежда)»), берет (*béret*, баскская шапочка), и др.

Фразеологические единицы (ФЕ), относящиеся к семантическому полю лингвокультурного концепта «одежда», составляют существенную часть французской языковой картины мира (ЯКМ). В связи с этим особый интерес представляют способы лингвосемантического оформления социокультурной рефлексии на одежду во французской/русской ЯКМ. При этом, в отличие от франкоязычных фразеологизмов, связанных с зооморфным языковым

---

¹⁷⁰Urry, 2003.

кодом¹⁷¹ и такими тематическими полями как любовь, красота, женщина¹⁷², семья¹⁷³, и т.п., кросскультурные аспекты лингвокультурного концепта «**habillement**»/«одежда» остаются практически неисследованными. Существующие на настоящий момент работы, которые посвящены лингвокультурной семантике одежды, выполнены на материале только русскоязычных фразеологизмов¹⁷⁴. Таким образом, весьма актуален кросс-культурный анализ семантики русских и французских ФЕ, составляющих лингвоконцептосферу «одежда»/«**habillement**», в т.ч. относящихся к тематическому полю «головные уборы»/«**coiffe**». С древних времен головной убор – от корон египетских фараонов, королевских тиар и шляп знати до крестьянских шапок и платков – являлся особым социокультурным знаком, свидетельствующем не только о социальном статусе владельца, но и о его эстетическом самоощущении и внутреннем мире. Все это определенным образом зафиксировалось в языковых картинах мира разных народов.

В настоящей статье, являющейся продолжением исследований авторов по кросс-культурной семантике французской/русской лингвоконцептосферы «одежда»/«**habillement**»¹⁷⁵, на основе методологии контрастивной лингвистики¹⁷⁶ предпринят кросс-культурный анализ русских и французских ФЕ¹⁷⁷ в тематическом поле «головные уборы»/«**coiffe**». При этом рассматривается как внешняя семантическая «аура» фразеологизмов, так и их внутренняя форма, которая сохраняет в себе «следы» культуры (мифы, архетипы, обычаи и традиции, исторические события и элементы материальной культуры)¹⁷⁸. Под лингвокультурным концептом в контексте данного исследования понимается обьективированная средствами национального языка «многомерная ментальная единица»¹⁷⁹, включающая все порождаемое ею поле лингвокультурных коннотаций.

---

¹⁷¹Гукетлова, 2009.

¹⁷²Мензаирова, 2010.

¹⁷³Железнова, 2009.

¹⁷⁴Например: Першикова, 2006.

¹⁷⁵Николаева и др., 2010; Николаева и др., 2011.

¹⁷⁶Гак, 2010, с. 239-255.

¹⁷⁷Бирих и др., 2007; Даль, 1997; Черных, 1994; Назарян, 2002; *Les mots...*, 1991; *Rey et alii*, 1994.

¹⁷⁸Маслова, 2004, с.87.

¹⁷⁹Карасик, 2001, с.75.

1. Шляпы¹⁸⁰ и их субъекты в ЯКМ

Корпус ФЕ, образующих семантическое поле «*coiffe*»/«головные уборы», включает в себя несколько основных лексем: *chapeau/шляпа*, *bonnet/шапка*, *casque/каска*, *casquette/фуражка*, *béret/берет*. При этом *шляпа/chapeau* принадлежит центральное место и в русском, и во французском языковом пространстве, тематически связанном с головными уборами. В целом в европейской культуре и в обеих ЯКМ шляпа как артефакт исторически являлась знаком определенного (высокого) социального статуса, и, соответственно, лексемы *шляпа/chapeau* до сих обладают сильными социокультурными коннотациями.

Так совершенно идентичные в плане выражения и в плане содержания ФЕ *tirer son chapeau à qqn/снимать перед к.-л. шляпу* являются вербальным аналогом поклона, преклонения, признания превосходства, фиксирующим высшее уважение и восхищение поступками или достижениями какого-либо человека. ***Chapeau bas!*** (букв. *опустить шляпу!*), сходное по форме с военной командой, или абсолютно редуцированное ***Chapeau!*** означает высокую экспрессивную оценку – *Молодец! Браво!*

Семантический «след» этих ФЕ ведет в эпоху, когда снятие шляпы было обязательной частью ритуала приветствия знатных персон и, конечно, коронованных особ. И потому обратное действие ***enfonce son chapeau*** (букв. *надвинуть шляпу*) означает принять самоуверенный вид, т.е. символически встать на место если не самого короля, то по крайней мере того, кто остается в шляпе даже при короле. Французское ***coup de chapeau*** (букв. *взмах шляпой*) означает не только поклоны и реверансы, но и расшаркивание в переносном смысле, так же и ***tirer le chapeau à qn*** может в определенном контексте приобретать негативный смысл: *заискивать перед кем-л., раболепствовать*.

В русской культуре шляпа в значительной степени ассоциируется не столько со знатностью, сколько с интеллигентностью, ученостью, часто отторгаемой простонародьем. Так, например, в русской ЯКМ соответствующие саркастические референции выражаются эмоционально окрашенным фразеологизмом ***а еще в шляпе!*** Принято считать, что в русский язык слово «шляпа» (этимологически связанное со средневековым немецким ***slappe***, головной убор¹⁸¹) вошло в конце XVI века и относилось изначально к иноземной одежде. Большинство иностранцев того времени, носивших шляпу были либо послами

¹⁸⁰В целях лексико-грамматической компрессии лексема «шляпы» используется здесь в максимально широком смысле как абсолютный синоним словосочетания «головные уборы».

¹⁸¹Черных, 1994, т. 2, с. 481.

европейских государств, либо учеными людьми, специалистами, в основном, немцами. В русской семиосфере шляпа, как предмет гардероба и языковой концепт, во многом сохраняет соответственный семантический оттенок.

Схожая семантика присутствует и во французской ЯКМ: фразеологизм **tel cerveau, tel chapeau** (каков ум, такова и шляпа). Русские аналоги по Сеньке и шапка и по Ереме и колпак содержат более «низкие» лексемы – шапку, колпак, а не шляпу, и скорее отсылают к социальной иерархии (в древней Руси знатность боярского рода определяла высоту меховой шапки). Этот смысл сохранился во французской ФЕ **un gros bonnet** (букв. большая шапка) – большая шишка, важная персона.

С другой стороны, на умную голову всегда найдется соответствующая шляпа: **qui a bonne tête, ne manque pas de chapeau** (букв. у кого хорошая голова, тот не испытывает отсутствия шляпы), т.е. у кого есть голова на плечах, тот не пропадет.

Интересно, что французская шляпа/шапка метонимически может замещать собственно ум, рассудок, ментальное «я» человека. Безмозглый человек вербально изображается как голова без шляпы (**une tête sans chapeau**), а разговор с самим собой оказывается беседой с собственной шапкой: **parler à son bonnet** (букв. разговаривать со своей шапкой).

Слабоумие имеет еще одну «шляпную» референцию: **travailler du chapeau** (букв. деформировать шляпу, терять форму шляпы), т.е. спятить, быть полоумным, чокнутым, психовать (т.е. вести себя как сумасшедший). Иногда **chapeau** в данной лексико-грамматической конструкции заменяется на **visière** (козырек). Используемое в этой ФЕ старинное значение глагола **travailler** сохранилось ныне лишь в технических терминах (*портиться* – о пиве и вине, *коробиться* – о дереве, *оседать* – о каменной кладке и т.п.). В русском языке нет абсолютного фразеологического аналога – соответствующие смыслы передаются ФЕ *у него крыша поехала/крышу снесло*, в которой человек-дом вписан в космогоническую модель мира.

Символическая связь головного убора с умственными способностями хозяина представлена другой русской ФЕ – *и в шапке дурак, и без шапки дурак*. А у французов есть специальная шапка осла **bonnet d'âne**, символизирующая глупость – дурацкий колпак с ослиными ушами, который когда-то надевали на школьников в наказание. И тогда **être en bonnet d'âne** (букв. быть в шапке осла) означает быть наказанным, как провинившийся школьник.

В русской ЯКМ шапка также может быть знаком виновности: *на воре и шапка горит*. Здесь горящая шапка выступает в качестве метафоры бессознательной реакции виновного человека, который, в попытке

скрыть свою тайну, невольно выдает ее.

Отсутствие контроля рассудка над эмоциями у человека, которого ничего не стоит вывести из себя, выражается ФЕ **avoir la tête près du bonnet** (букв. *иметь голову рядом с шапкой*). Проксемическая разнесенность шапки и головы, которая должна быть в шапке, а не где-то около нее, интерпретируется как вспыльчивость, раздражительность, обидчивость, что-то сродни русским ФЕ *лезть в бутылку/на рожон*, в которых коммуникативная дистанция «человек – предмет» оказывается уже не интимной (в классификации Э. Холла), как во французских ФЕ, а личностно-социальной.

В некоторых случаях во французской ЯКМ головной убор выступает в качестве синецдохи по отношению к человеку в целом или даже к определенной группе людей: **chapeau** (*кардинальский сан*), **casque à pointe** (*остроконечная каска, т.е. солдат германской армии*), **casque d'or** (*золотая каска, т.е. белокурая героиня бандитских историй*), **les bérets verts** (*зеленые береты, т.е. десантно-диверсионная группа, «коммандос»*), **les bérets rouges** (*красные береты, парашотисты*), **les casques bleus** (*голубые каски, т.е. силы ООН*). Соответствующие тропы в русской ЯКМ проявляются гораздо слабее. Помимо устоявшейся ФЕ *голубые береты*, относящейся к российским десантникам, в разговорном дискурсе москвичей в 2000-2010 гг. бытовала лексема *кепка* как эвфемистическое прозвище столичного градоначальника того времени.

Кепка также входит в русскую ФЕ *метр с кепкой*, являющуюся саркастической гиперболой человека невысокого роста (возникла она в начале XX вв., когда бесплатный проезд позволялся ребенку, рост которого не превышал специальной метровой отметки на двери трамвая).

2. Шляпы¹⁸² в акциональном пространстве ЯКМ

Как говорилось выше и было выявлено в предыдущих исследованиях¹⁸³, для французской лингвоконцептосферы «**habillement**» наиболее характерной является зона минимальной (интимной) коммуникативной дистанции. Тогда как в соответствующем русскоязычном тематическом поле дистанция коммуникации символически может доходить до зоны публичности: например, *шапками закидаем* (о легкой победе над кажущимся слабым противником). Разница в коммуникативных дистанциях видна и в ФЕ **prendre sous son bonnet** (букв. *взять у себя под шапкой*) – выдумать, *взять с потолка*. В русской ФЕ *придти к шапочному разбору* (т.е. когда все уже окончилось) латентно присутствует идея пути, возможно, долгой

¹⁸²См. сноску “В целях лексико-грамматической компрессии...”.

¹⁸³Николаева и др., 2010; Николаева и др., 2011.

дороги. Справедливости ради надо заметить, что во французском языке есть ФЕ из тематического поля «*coiffe*», семантически относящаяся к пространству публичной коммуникации: ***jeter son bonnet par-dessus les moulins*** (букв. *кинуть свою шапку через мельницу*), т.е. признать себя не способным разрешить трудность. Известно, что это выражение датируется XXVII веком, когда голова была редко обнаженной. Некоторые люди, бессильные решить какую-то проблему, в ярости бросали свой головной убор на землю и даже его топтали. В этом контексте бросить шапку так, чтобы она перелетела сверху через мельницу, выражает соответствующий масштаб своей несостоятельности.

С другой стороны ФЕ ***jeter son bonnet par-dessus les moulins*** может означать пренебрежение (в основном для женщин) общественным мнением, правилами приличия. В русскую ЯКМ ее аналог вошел через классическую литературу (А.С. Грибоедов, Л.Н. Толстой), правда, чаще как редуцированное *в воздух чепчики бросать*, которым описывается чрезмерный восторг, присущий женским натурам, с намеком на мужской обычай подбрасывать вверх шляпы и шапки в моменты массового ликования. Однако в отличие от мужчин, обнажение головы для женщин было нарушением общественного этикета.

Важно, что в русской ЯКМ шляпа соотносится с мужским атрибутом одежды и мужской социальной ролью, в т.ч. ученого, а ее уменьшительный вариант *шляпка* или *чепчик* – с женскими поведенческими и психологическими кодами.

Еще одно значение ФЕ ***jeter son bonnet par-dessus les moulins*** – прервать свой рассказ по причине незнания продолжения, бросить думать о чем-либо. Оно происходит от употребляемой во французских волшебных сказках концовки ***je jetai mon bonnet par dessus les moulins et je ne sais ce que tout cela devint*** (...и не знаю, что из всего этого получилось).

Любопытны кросс-культурные совпадения и различия в русском и французском фразеологизмах *дело в шляпе* и ***l'affaire est dans le sac*** (букв. *дело в мешке*). Общий, порой несколько иронический смысл обеих ФЕ – дело сделано; все улажено, удачно разрешено. По поводу этимологии русской ФЕ существуют две версии. Согласно первой, фразеологизм может быть связан с бытовавшей некогда практикой зашивания важных бумаг под подкладку шапки (шляпы) в целях их безопасной доставки курьерами, которые могли подвергаться нападению грабителей. В другой трактовке, ФЕ отсылает к старинному обычаю решать спорные дела жеребьевкой, когда в шляпу бросали кусочки свинца или воска, монеты или другие мелкие предметы, один из которых был с меткой. Вытянувший счастливый жребий выигрывал спорное дело. И тогда ФЕ *прошляпнуть* обозначало упустить шанс, не

воспользоваться счастливым случаем. Формальной редукцией ФЕ *прошляпнуть* в русском разговорном дискурсе является выражение *Шляпа!*, и в этой связи примечательно, что по сравнению с упомянутой выше французской ФЕ *Chapeau!* ее русскоязычный лексический аналог имеет обратный (негативный) смысл: *болван, растяпа*.

Что касается французского *l'affaire est dans le sac*, считается, что оно связано именно с юридической практикой ведения дел. В XVI-XVIII вв. по окончании судебного процесса, документы и акты собирали в большие мешки из ткани или кожи. Судья заявлял, что «дело в мешке», когда оно было прекращено, и к нему больше не вернуться. Сегодня, французы используют это выражение, когда что-то закончено, завершено или когда думают, что предприятие (затея) не даст осечку, не сорвется, не провалится. Таким образом, при типологически одинаковых структурно-грамматических формах, семантике и контекстах эти две ФЕ несколько отличаются лексически в плане выражения.

Семантическая связь между шляпой и делом присутствует во французской ФЕ *t'occupe pas du chapeau de la gamine* (букв. *не занимайся шляпой девчонки*), что соответствует лишенному иносказательности русскому выражению *тебя не спрашивают/ не лезь не в свое дело*.

Примечательно, что французская ФЕ *porter le chapeau* (букв. *носить шляпу*) имеет в целом негативный смысл – расплачиваться за других, быть ответственным, быть виноватым. Так же как и *faire porter le chapeau à* (букв. *заставить к.-л. носить шляпу*) – свалить вину на к.-л./обвинить в неудаче. Надо отметить, что соответствующие ситуации в русской ЯКМ не отражены в тематическом поле «головные уборы», но имеют сильные референции в антропо- и зооморфном лексических кодах: *валить с больной головы на здоровую, сделать кого-либо козлом отпущения, вешать собак на к.-л.* Аналогичным образом, французскому *mettre son bonnet de travers* (букв. *надеть шапку криво*) соответствует русское *встать с левой ноги*.

В отличие от шляпы ношение шапки (*porter le bonnet*, т.е. быть профессором) весьма престижно, как и ношение фуражки (*porter la casquette*), которое подразумевает волевое принятие на себя ответственности, подобно профессиональной, например, у офицеров, летчиков, почтальонов, начальников вокзалов. При этом *avoir plusieurs casquettes* (иметь несколько фуражек) означает, что лицо исполняет несколько должностных функций. В русской ЯКМ головной убор, как символический предмет ответственности, присутствует лишь в ФЕ с персонифицированной исторической референцией – *тяжела ты, шапка Мономаха*.

Особой семантикой во французской ЯКМ обладает каска. *Avoir le*

(son) casque/le casque de pompier (букв. иметь (свою) каску/каска пожарного) значит быть с похмелья, иметь тяжелую голову. Каска маркирует и неумеренность самого хмельного действия: **s'en donner dans le casque** (букв. дать себе волю/излишествовать в каске, т.е. напиться, нализаться). При этом в русской ЯКМ тема пьянства в тематическом поле «головные уборы» не отражена. Нельзя не заметить, что французская метафора металлической каски, как мерила тяжести, значительно уступает экспрессивной оценке в русском сравнении *голова с похмелья гудит, как чугунный колокол*.

Интересно, что тема шапки во французской ЯКМ связана с отношениями между несколькими людьми. Так в ФЕ **triste comme un bonnet de nuit (sans coiffe)** (букв. грустный, как ночной колпак без подкладки, т.е. очень грустный, унылый) ночной колпак является символическим обозначением мужа, а подкладка – жены, и сам фразеологизм прочитывается *грустный, как муж без жены*. ФЕ **deux têtes sous le même bonnet** (букв. две головы под одной шапкой) указывает на сложные отношения между двумя людьми: непросто делить одну шапку на двоих. А вот три головы под одной шапкой уже мирно уживаются во французской ЯКМ – **ce sont trois têtes sous un bonnet** (т.е. все они заодно; единомышленники). В русской ЯКМ нет фразеологизмов подобной семантики.

Со шляпой/шапкой (**chapeau/bonnet**) во французской ЯКМ соотносятся еще ряд фразеологизмов, которые также не имеют русскоязычных аналогов идиоматического типа, например: **manger son chapeau** (букв. (съ)есть свою шляпу), т.е. признать себя побежденным (в разговорной, бытовой речи) или отказаться от своего мнения, изменить своим убеждениям (в политическом контексте). **En baver des ronds de chapeau** (букв. обалдеть от кругов шляпы) – *удивиться, остолбенеть, обалдеть от восхищения*, а также *терпеть, мучаться*. **Baver** – буквально переводится *пускать слюни*. В XIX в. глагол **en baver** ассоциировался с образом человека, который так долго оставался с открытым ртом, что слюна начинала течь изо рта. Позднее, к этому глаголу прибавилась **des ronds de chapeau** (букв. круги шляпы), т.е. круглые поля шляпы. В них по всей окружности помещали круглые кусочки свинца, которые поддерживали форму шляпы. Тяжесть таких шляп досаждала тем, кто их носил, и они мучились, но терпели.

Во французской ЯКМ шапка играет важную роль как символический репрезентант идеи свободы и революции – **bonnet de la liberté/bonnet rouge** (букв. колпак свободы/красный колпак, т.н. фригийский колпак, головной убор свободных граждан нижнего сословия древней Греции и Рима). Белая шапка выступает как символ одинаковости **c'est bonnet blanc et blanc bonnet** (букв. это шапка белая, а это белая шапка), т.е.

одно и то же, все едино. В русской ФЕ та же идея выражена несколько иными лексико-грамматическими средствами – *что в лоб, что по лбу*. Так же и в ФЕ ***tout bonnet la nuit est bon*** (букв. *ночью все шапки хороши*) используется метафорическая предметность шапки, в отличие от русских смысловых аналогов *ночью все кони вороные/все кошки черные*, в которых смысл передается в зооморфном коде иносказательности.

Семантическая аура шляпы во французской ЯКМ распространяется на предметную, материальную среду: ***chapeau chinois*** (букв. *китайская шляпа*, т.е. бумчук (муз. инструмент)), ***chapeau de capitaine*** (букв. *шляпа капитана*, т.е. финансовая премия капитану или фрахтователю от суммы фрахта), ***coup du chapeau*** (букв. *удар шляпой*, т.е. хеттрик в футболе, три гола, забитые в одном матче одним игроком, который уподобляется ловкому фокуснику, извлекающему шарики из своей шляпы). В некоторых ситуациях, когда в русской ЯКМ используются иконические знаки шляпы/шапки, например, шляпка гвоздя, шапка как верхняя часть текста, французские фразеологизмы задействуют образ головы (***tête***). При этом французские шляпки/шапки нередко (и гораздо чаще, чем в русской ЯКМ) относятся не к миру культуры, а к миру природы: (букв. *шляпа гриба*), ***casque noir*** (букв. *черная каска*, т.е. черноголовый дрозд), ***bonnet-de-prêtre*** (букв. *иерейская шапка*, т.е. бересклет, патиссон). Показательно восприятие природного цикла сквозь призму фразеологизмов в русской и французской культурах: ***janvier à trois bonnets*** (букв. *у января три шапки*) в сравнении *пришел марток – надевай семь порток*.

Заключение

Проведенный выше кросс-культурный анализ семантики русских и французских фразеологизмов тематического поля «головные уборы»/«***coiffe***» позволяет сделать некоторые общие выводы.

Семантика некоторых «шляпных» ФЕ обусловлена сходными социокультурными реалиями двух стран, принадлежащих к общей европейской культуре, например, в обеих ЯКМ лексема *шляпа* соотносится со знатностью и интеллигентностью. При этом, однако, лексические аналоги ***Chapeau!*** и ***Шляпа!*** обладают разной семантикой и противоположны по смыслу.

Среди всех ФЕ, составляющих лингвоконцептосферу «одежда»/«***habillement***», фразеологизмы из тематического поля «головные уборы»/«***coiffe***» наиболее часто демонстрируют метонимические переносы смыслов с человека на предмет его костюма, причем для французской ЯКМ это характерно в большей степени, чем для русской.

Коннотации в тематическом поле «***coiffe***» распространяются на более широкий круг ситуаций и поведенческих реакций, чем в

русском, при этом в качестве их семантических аналогов в русской ЯКМ иногда используются антропо- или зооморфные коды. Коммуникативные дистанции, представленные французскими фразеологизмами, в основном, значительно меньше, чем у соответствующих им русскоязычных ФЕ.

Литература

БИРИХ, А.К., МОКИЕНКО, В.М., СТЕПАНОВА, Л.И. *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. Москва: Аст, 2007 [=Бирих и др., 2007].

ГАК, В.Г. *Сравнительная типология французского и русского языков*. Москва: Либроком, 2010 [=Гак, 2010].

ГУКЕТЛОВА, Ф. Н. *Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков)*. Москва: РВИ-Тезаурис, 2009 [=Гукетлова, 2009].

ДАЛЬ, В. *Пословицы и поговорки русского народа / В 2 тт.* С-Петербург: Литера, 1997 [=Даль, 1997].

ЖЕЛЕЗНОВА, Ю. В. *Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья» (на материале русского и французского языков)*. Дис. ...канд. филол. наук. Ижевск: УдмГУ, 2009 [=Железнова, 2009].

КАРАСИК, В. И., СЛЫШКИН, Г.Г. *Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики*: Сб. науч. тр./Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001 [=Карасик и др., 2001].

МАСЛОВА, В.А. *Основы фразеологии*. Москва: Высшая школа, 2004 [=Маслова, 2004].

МЕНЗАИРОВА, Е. А. *Актуализация концептов «любовь» и «женщина» в песенном дискурсе*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ижевск: УдмГУ, 2010 [=Мензаирова, 2010].

НАЗАРЯН, А. Г. *Словарь устойчивых сравнений французского языка / **Dictionnaire des locutions comparatives de la langue française***. Москва: РУДН, 2002 [=Назарян, 2002].

НИКОЛАЕВА, Е.В., ЮРИНА, Т.Н. *Кросс-культурный анализ русской и французской лингвоконцептосфер «обувь»/«**chaussure**» // Культурное разнообразие в эпоху глобализации. Язык, культура, общество / **Cultural diversity in the epoch of globalization. Language, culture, society***. Материалы междунар. научно-практич. конференции. Мурманск: МГПУ, 2010 [=Николаева и др., 2010].

НИКОЛАЕВА, Е.В., ЮРИНА, Т.Н. *Лингвокультурный концепт «одежда»/«**habillement**» в русской и французской языковых картинах мира // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Вып. 9, 2011 [=Николаева и др., 2011].*

ПЕРШИКОВА, А. В. *Предметные фразеологизмы с компонентом-наименованием одежды семантической субкатегории лица в русском языке* // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. Т. 2. Казань: КГУ, 2006 [=Першикова, 2006].

ЧЕРНЫХ, П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Москва: Рус.яз., 1994 [=Черных, 1994].

Les mots du costume. Colette Guillemard Editions Belin, 1991 [=Les mots..., 1991].

REY, A., CHANTREAU, S. ***Le Robert Dictionnaire des expressions et locutions***. Paris, Dictionnaires le Robert, 1994 [=Rey et alii, 1994].

URRY, J. ***Global Complexity***. London: Sage, 2003 [=Urry, 2003].

NOTION DE COMPARAISON ET DES MOYENS DE SON EXPRESSION EN FRANÇAIS

Tatyana UDILOVA,
Docteur ès lettres, Maître des conférences
(Université Nationale de Zaporijia, Ukraine)

135

Limbaș și context, Anul III, vol. 2, 2011

Abstract

In the article we study the simile, its types (of equality and inequality, motivated and unmotivated, explicit or implicit, direct or figurative) and its expression in French by means of vocabulary, grammar and stylistics.

Keywords: *simile, type, equality, inequality, explicit, implicit, motivated, unmotivated, direct, figurative, vocabulary, grammar, stylistics.*

Rezumat

În articol, supunem cercetării comparația, tipurile ei (comparație de egalitate, inegalitate, motivată, nemotivată, explicită, implicită, directă, figurativă) și modalitățile de exprimare ale ei în franceză la nivel lexical, gramatical și stilistic.

Cuvinte-cheie: *comparație, tip, comparație de egalitate, comparație de inegalitate, comparație explicită, comparație implicită, comparație motivată, comparație nemotivată, comparație directă, comparație figurativă, vocabular, gramatică, stilistică*

La notion de comparaison est une notion complexe: d'une part c'est une catégorie philosophique, logique, cognitive qui joue un rôle décisif dans notre perception du monde; d'autre part, cette catégorie est actualisée dans la langue, par conséquent, elle peut être analysée comme une catégorie linguistique ayant ses moyens d'expression aux différents niveaux.

La comparaison est employée tout d'abord à des fins pragmatiques, c'est-à-dire pour produire un effet, une impression sur les communicants; en plus elle confère à l'énoncé un aspect personnel, subjectif, appréciatif, exprimant le rapport de celui qui parle à ce qu'il dit¹⁸⁴. C'est pourquoi, la comparaison est étudiée par de nombreuses sciences.

Ainsi, en philosophie elle est définie comme un acte de pensée, un «acte intellectuel consistant à rapprocher deux ou plusieurs réalités animées ou inanimées (concrètes ou abstraites) de même nature pour mettre en évidence leurs ressemblances et leurs différences»¹⁸⁵.

En psychologie, on fait état de la «comparaison sociale - tendance des individus à comparer leurs attitudes et capacités à celles d'autres individus»¹⁸⁶.

En rhétorique, il s'agit d'une figure qui établit, par l'intermédiaire d'un mot, un rapport de similitude, c'est-à-dire un «rapprochement [...] entre deux termes que l'esprit lie en raison d'une certaine analogie [...]»¹⁸⁷.

¹⁸⁴Трегубчак, Семантика...

¹⁸⁵TLF, <http://www.cnrtl.fr/definition/comparaison>

¹⁸⁶Larousse, <http://www.larousse.fr>

Au niveau logico-sémantique, cette catégorie est liée aux catégories aristotéliennes de base, celles de qualité, quantité, intensité, norme, degré, gradualité, mesure, etc., car elle crée un champs «qui a des zones communes avec d'autres champs: ceux de la qualité, de la quantité, de l'appréciation émotionnelle, de la causalité, de la gradualité, de la désignation des couleurs, etc.»¹⁸⁸. Par conséquent, la comparaison est une opération cognitive qui est à la base de l'appréciation des objets, des phénomènes, des processus et qui aide à créer l'image de leurs caractéristiques qualitatives et quantitatives, car on compare le nouveau avec ce qui est habituel, admis, normatif pour voir si c'est pareil ou différent. Si c'est différent, on cherche à mesurer l'intensité de cette différence qui peut être plus ou moins grande, c'est-à-dire avoir un certain degré. Souvent les caractéristiques du même type peuvent avoir plusieurs écarts qui forment une graduation. Ex.: *intéressant, plus intéressant, moins intéressant*, etc. Mais on peut comparer les traits, surtout les paramètres quantitatifs, (1) avec ses propres traits ou paramètres (dits «humains» ou «de son corps»), d'où les unités de mesure comme *pied, pouce*, etc. (on dit, ainsi, *mesurer cinq pieds six pouces*); ou (2) avec la quantité introduite par les objets comme *cuiller* (on dit, par exemple, *une cuillerée de lait*). D'habitude, la comparaison quantitative s'effectue par l'intermédiaire des unités normatives de mesure, nommées *étalons*¹⁸⁹. Par conséquent, les objets ont des traits ou des paramètres changeables et la comparaison transpose l'intensité et le degré du changement de ce trait ou de ce paramètre¹⁹⁰ et la ressemblance ou la différence des objets comparés peut être quantitative ou qualitative, quand on cherche à voir le degré plus ou moins haut de la qualité de leur trait commun¹⁹¹. Outre cela, quand l'intensité d'une caractéristique atteint un certain degré, elle devient autre, parce que ses changements quantitatifs entraînent toujours des changements qualitatifs.

La linguistique étudie la comparaison comme un «rapport de ressemblance établi entre deux termes d'un énoncé grâce à un troisième terme, nommé terme *introduceur*»¹⁹². Se basant sur cette affirmation, la plupart des linguistes trouvent que la comparaison peut entraîner au maximum trois éléments: le *comparé* qui est réel, le *comparant* qui est imagé, et l'*outil de comparaison* qui est le mot spécifique de lien entre les éléments de la comparaison, par exemple: *comme, pareil à, tel que, ressembler à*, etc. Mais

---

¹⁸⁷ *ibidem*.

¹⁸⁸ Трегубчак, *Семантика...*

¹⁸⁹ Петровичко, 2006, с. 46.

¹⁹⁰ Трегубчак, *Семантика...*

¹⁹¹ Николаева, [http...](http://)

¹⁹² *Larousse* // <http://www.larousse.fr/>

tous ces éléments ne sont pas toujours exprimés. Par contre, d'autres éléments peuvent être adjoints, par exemple, le point commun.

La *structure* de la comparaison peut en définir le type. Ainsi, la comparaison *motivée* contient quatre éléments, par exemple:

Cet adolescent (le comparé) *mange beaucoup* (le point commun) *comme* (l'outil de comparaison) *un ogre* (le comparant).

La comparaison *non motivée* se compose seulement de trois éléments (le point commun y étant omis):

Cet adolescent (le comparé) *mange comme* (l'outil de comparaison) *un ogre* (le comparant).

Les comparaisons motivée et non motivée sont des comparaisons *explicites* ou *simples*.

Les comparaisons *implicites* ou *figuratives* équivalent aux métaphores qui peuvent inclure:

(1) deux éléments:

Cet adolescent (le comparé) *est un ogre* (le comparant).

(2) un élément:

C'est un ogre (le comparant).

Si en comparant on cherche la ressemblance, on opère une comparaison d'*égalité*, mais si l'on met en relief la différence, on a affaire à la comparaison d'*inégalité*.

La comparaison peut être opérée entre:

- deux objets (ou personnes) ayant un trait commun:

Pierre est aussi fort que Jacques.

- deux situations dans l'espace:

Demain Pierre sera moins gai qu'hier.

- deux situations dans le temps:

Pierre se sent ici aussi bien que chez lui.

- deux qualités:

Il est plutôt brave que prudent (Ce type est appelé la comparaison épistémique¹⁹³).

En français, la comparaison peut être exprimée par des moyens d'ordre lexical, grammatical ou stylistique. Le but de cet article est de faire un aperçu général de ces moyens.

---

¹⁹³Fuchs, *http...*

Parmi les moyens lexicaux d'expression de la comparaison on cite les *mots corrélatifs* (ou les «outils de comparaison»). En français, le mot corrélatif le plus employé dans les comparaisons est *comme*. Il fait partie de plusieurs constructions:

- (1) V + *comme* + N: *boire comme un Polonais*, etc;
- (2) V + *comme* + *pour* + Inf.: *regarder comme pour demander*, etc;
- (3) V + *comme* + Adv.: *content comme hier*, etc;
- (4) V + *comme* + Loc. adv.: *se séparer comme à regret*, etc;
- (5) Adj. + *comme* + N: *bête comme cochon*, *blanc comme neige*, etc;
- (6) Adj. + *comme* + déterminatif + N: *Bavard comme une pie*, etc.

Comme peut être aussi renforcé par des adverbes ou des locutions adverbiales. On dit ainsi: *comme aussi*, *comme d'ailleurs*, etc.

Sauf *comme*, il existe d'autres mots corrélatifs:

- les substituts de *comme*: *ainsi*, *si*, *tant*, *autant*, *plutôt*, *à mesure*, *selon*, *de même que*, etc.
- les constructions binaires: *autant...*, *autant...;* *plus...*, *plus...;* *tel...*, *tel...*, etc;
- les locutions prépositives: *à l'exemple de...*, *à l'instar de...*, *comparativement à*, *à la façon de...*, *pareil à...*, *semblable à...*, *à la manière de...*, *à la...*, *en comparaison de...*, *contrairement à...*, etc.
- les locutions conjonctives: *ainsi que*, *de même que*, etc.

En outre, les unités lexicales suivantes peuvent exprimer la comparaison:

- les noms: *ressemblance*, *analogie*, *similitude*, *correspondance*, *égalité*, *communauté*, *parenté*, *parité*, *voisinage*, etc;
- les adjectifs: *identique*, *semblable*, *pareil*, *égal*, *même*, *équivalent*, *comparable*, *tel*, *différent*, *opposé*, *autre*, *éloigné*, etc;
- les noms employés comme adjectifs, par exemple, pour désigner les couleurs: *une robe citron*, *une jupe paille*, *un complet émeraude*, etc;
- les adverbes: *semblablement*, *tellement*, *pareillement*, etc;
- les verbes et les locutions verbales: *paraître*, *sembler*, *se montrer*, *ressembler*, *passer (pour)...*, *se présenter*, *avoir l'air de...*, *avoir la mine*, *avoir l'aspect*, *faire l'effet de...*, etc.
- les locutions phraséologiques et les parémies.

Les locutions phraséologiques et les parémies comparatives sont les unités stables auxquelles on doit attribuer une place à part parmi les moyens lexicaux d'expression de la comparaison. Les locutions phraséologiques comparatives sont assez nombreuses en français. Elles ont leur propre structure. La plupart d'elles se composent d'un point commun, de l'outil de comparaison et d'un comparant. Leur structure peut être analysée encore sous deux aspects: premièrement, sous l'aspect grammatical qui prend en compte l'appartenance à une partie du discours de l'élément qui précède l'unité exprimant le point commun. Dans ce cas, on délimite des locutions phraséologiques comparatives verbales (*avancer comme un escargot*, *boire comme une éponge*, *chanter comme un rossignol*, *courir comme une gazelle*,

dormir comme un loir, fumer comme un pompier, manger comme un ogre, nager comme un poisson, pleurer comme une madeleine, sauter comme un cabri, rire comme une baleine, etc.) et les locutions phraséologiques comparatives adjectivales (*bavard comme une pie, bête comme une oie, beau comme un dieu, bon comme du bon pain, con comme un mouton, doux comme un agneau, etc.*).

Le deuxième aspect d'analyse des locutions phraséologiques comparatives est la signification du comparant. Celui-ci peut désigner:

- (1) l'ethnie (*boire comme un Polonais, fort comme un Turc, menteur comme un Irlandais, etc.*);
- (2) un personnage biblique (*pleurer comme Madeleine, beau comme un Dieu, pauvre comme Job, etc.*);
- (3) un animal (*bavard comme une pie, bête comme une oie, etc.*);
- (4) une plante (*bête comme chou, blond comme les blés, etc.*);
- (5) une partie du corp (*bête comme ses pieds, jolie comme un coeur, etc.*);
- (6) un élément de la nature (*con comme la lune, belle comme le jour, etc.*);
- (7) un objet de la vie quotidienne (*con comme un pneu, con comme un balai, etc.*);
- (8) un personnage historique ou littéraire (*fier comme Artaban, riche comme Crésus, etc.*);
- (9) une activité ou une profession (*menteur comme un arracheur de dents, etc.*).

Certaines comparaisons parémiologiques ont une structure elliptique: *Tel père, tel fils*.

M. Konuchkevitch prétend que dans les comparaisons stables ou les locutions phraséologiques la différence entre la comparaison logique et imagée est effacée¹⁹⁴.

L'éventail de moyens grammaticaux, morphologiques et syntaxiques d'expression de la comparaison est grand. Avant tout, ce sont les formes morphologiques marquant les degrés de comparaison des adjectifs et des adverbes:

- le *positif* (où l'on fait la comparaison avec l'étalon d'une qualité; ainsi, dire *Il est beau*, signifie comparer les traits de ce «il» avec les traits de l'étalon de beauté);

- le *comparatif* avec ses trois variétés, exprimées par des adverbes spéciaux servant ici d'éléments analytiques (le comparatif de supériorité: *plus fort que...*, le comparatif d'égalité: *aussi fort que...*, le comparatif d'infériorité: *moins fort que...*). Le comparatif peut être renforcé par des adverbes supplémentaires. On dit ainsi *beaucoup plus fort que...* .

- le *superlatif* de deux types: le superlatif de supériorité - *le plus fort* - et le superlatif d'infériorité - *le moins fort*. Il existe aussi le superlatif absolu, exprimé par:

¹⁹⁴КОНЮШКЕВИЧ, 2002, с. 82.

(a) le suffixe *-issime*: *rarissime, richissime*, etc.;

(b) des adverbes spécifiques: *absolument fort, très peu fort, vraiment fort, affreusement faible, violemment malade*;

(c) la reprise de l'adjectif: *il est laid laid, elle est belle belle*, etc.;

(d) des constructions infinitives: *belle à ravir, laid à faire peur*, etc.

On peut y citer aussi les unités exprimant la gradation nuancée. Ce sont plutôt des unités lexico-grammaticales du type: *assez fort* (intensif), *un peu fort* (diminutif), *trop fort* (excessif), *encore plus fort* (progressif), *encore moins fort* (régressif), *tout à fait fort* (total), *trop peu fort, insuffisamment fort* (insuffisant), *pas du tout fort, nullement fort* (nul), etc.

Le français étant une langue analytique, la comparaison y est naturellement exprimée avant tout par les formes analytiques, comme dans les exemples cités. En outre, parallèlement avec les formes analytiques qui dominent, on peut trouver dans cette langue des unités synthétiques qui expriment la comparaison à travers:

(1) les suffixes *-et, -ot, -âtre, -aud* (qui introduisent, le plus souvent, des diminutifs), *-issime* (qui introduit un augmentatif ou une litote): *grandet, vieillot, bleuâtre, noiraud, richissime*;

(2) les préfixes *archi-, ultra-, sur-, super-, extra-, macro-, micro-*, etc: *archi-vieux, ultra-gauche, sur-humain, super-fort, extra-fin, macrocosmique, microélémentaire*, etc.

Il est aussi à noter qu'il y a des mots, surtout des adjectifs qui par leur contour sémantique expriment déjà un degré. Ce sont les anciens superlatifs latins lexicalisés: *majeur, mineur*, les adjectifs *ainé, excellent, extraordinaire, formidable, immense, énorme, magnifique, merveilleux, terrible, parfait*, etc. et les adjectifs qui expriment le sens du degré dans certains contextes: *préféré, premier, principal, sensationnel, unique, incomparable*, etc.

Au niveau syntaxique, la comparaison peut être exprimée par la juxtaposition de termes, la coordination, l'opposition, la négation et surtout par les subordonnées conjonctives. Les conjonctions et les locutions conjonctives introduisant la subordonnée de comparaison sont assez nombreuses: *comme, ainsi que, de même que, autant que, pour autant que, aussi que, à la manière que, selon que, d'autant plus/moins que, autre que, plutôt que*, etc.

La comparaison peut être exprimée aussi par des procédés stylistiques¹⁹⁵: la métaphore, la personnification, l'allégorie, l'analogie, l'antithèse, l'antiphrase, le chiasme et l'oxymore (les deux derniers expriment encore l'opposition), mais l'idée de comparaison est la plus forte dans le cas de deux figures: la comparaison et la métaphore.

Comme figure de style, la comparaison est imagée, figurative, illustrative; elle aide à faire imaginer ce qui est décrit en s'appuyant sur ce qui doit être connu. Elle se rapproche, en s'appuyant sur des analogies, des relations

¹⁹⁵La comparaison d'inégalité rendue par les figures de style est assez faible.

logiques admises, des relations logiques moins admises ou inconnues; elle précise des actions.

La comparaison par métaphore a une valeur d'illustration encore plus forte, parce qu'elle attribue à la correspondance établie entre deux éléments une connotation spécifique, car la métaphore est, avant tout, une métamorphose. La métaphore qu'on emploie souvent et quand on oublie son origine devient une catachrèse: *des pieds d'une chaise, les ailes de l'avion, les ailes du moulin, l'aile d'un bâtiment, une feuille de papier, la tête d'une armée, un bras de mer, des bras d'un fauteuil*, etc.

Si la comparaison simple se construit d'habitude de trois éléments, la métaphore peut en contenir deux (le comparant et le comparé) ou même un seul (le comparant). Dans ce cas, le point commun et le mot de lien ne sont pas exprimés. C'est pourquoi, le rapport d'analogie dans la métaphore reste sous-entendu. En plus, le signifié du comparant peut être peu connu ou même inconnu au destinataire. C'est pourquoi, la métaphore n'est pas toujours facilement compréhensible.

Conclusions

Il résulte que la comparaison est tout d'abord un acte de pensée qui est étudié par la linguistique comme un rapport de ressemblance entre deux éléments de l'énoncé. Ces rapports peuvent être ceux d'identité ou ceux de différence, d'égalité ou d'inégalité. La comparaison est le plus souvent représentée par toute une structure de trois éléments: le comparé, le comparant et l'outil de comparaison. Les moyens lexicaux exprimant la comparaison sont bien variés: mots corrélatifs, différentes parties de discours, locutions phraséologiques comparatives, etc. De toute la diversité des moyens grammaticaux, il faut citer tout d'abord les degrés de comparaison des adjectifs et des adverbes, et aussi les subordinées comparatives. Les procédés stylistiques d'expression de la comparaison les plus répandus sont la comparaison comme figure de style et la métaphore.

Références bibliographiques

FUCHS, C. *La comparaison: catégorie linguistique ou notionnelle?* // <http://www.lattice.cnrs.fr/Seance-1-La-comparaison-categorie> [=Fuchs, *http...*].

Trésor de la langue française // <http://www.cnrtl.fr> [=TLF].

Larousse // <http://www.larousse.fr/> [=Larousse, *http...*].

КОНЮШКЕВИЧ, М.И. *Категория сравнения и ее место в системе языка* // Вопросы функциональной грамматики. Сборник научных трудов. Выпуск 4. Гродно: ГГУ, 2002. С. 82-91 [=Конюшкевич, 2002].

НИКОЛАЕВА, А.В. *Лексические и словообразовательные средства выражения категории компаративности в современном английском языке (на базе словаря "Longman Dictionary of Contemporary English")* // Сборник трудов Второй

Международной научно-практической конференции "Международная педагогическая лексикография в теории и практике обучения в высшей школе" (25-26 августа 2001 года) // http://rspu.edu.ru/science/conferences/01_08_25/nikolaeva.html [=Николаева, 2001].

ПЕТРОЧЕНКО, Л.А., ФЕДЕРЯЕВА, Н.О. *О способах выражения категории компаративности* // Вестник ТГПУ, 2006. Вып.9(60). Серия гуманитарные науки (Филология). С. 45-51 [=Петrochenko и др., 2006].

ТРЕГУБЧАК, А. В. *Семантика сравнения и способы ее выражения* // <http://209.85.129.132/search?q=cache:jl-llASyра0J:www.avtoref.mgou.ru/> [=Трегубчак].

RIVALITĂȚI ANGLO-GERMANE:
GRADUL DE DEVIERE FAȚĂ DE LIMBA-BAZĂ
ȘI POSIBILELE CAUZE ALE DECALAJULUI
ÎN AREALUL DE RĂSPÂNDIRE¹⁹⁶

Gina MĂCIUCĂ,

profesor universitar, doctor în filologie
(Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava, România)

143

Limbaj și context, Anul III, vol. 2, 2011

Abstract

The author of the present paper takes it upon herself to compare the two most widely spoken representatives of Germanic languages – English and German – and expose their contrasts and similarities. The first section takes the reader crosswise through the grammar of the two descendants from West Germanic, whereas in the second and final one the author ventures to put the subsequent analytically-based evolution of English morphology down to a resurrection of pre-Norman tendencies as established by Scandinavian tribes, with concomitant assumption of the following preconditions: a growing tendency of plebeians – induced by the Norman Retreat, in all probability – to gradually fence in the French-speaking aristocracy, which came as a natural reaction against the posh sophisticated French morphology they had to put up with for two solid centuries, and which, most important of all, helped restore the English language to its former official position.

Keywords: *English vs German, common ancestor, drift-away, spread patterns.*

Rezumat

Autoarea articolului își pune drept scop de a compara două și cele mai frecvent vorbite limbi germanice - engleza și germana, prezentând deosebirile și asemănările acestora. În prima parte a articolului, cititorul este familiarizat cu gramatica celor două descendente ale germanei de vest, în timp ce în a doua și în ultima parte a articolului, autoarea se încumetă să reducă evoluția ulterioară analitică a morfologiei engleze la o reînviere a tendințelor pre-normande.

Cuvinte-cheie: *limba engleză, limba germană, strămoș comun, a deriva, modele răspândite.*

1. Gradul de deviere față de limba-bază

Dacă germana – cea mai conservatoare, după islandeză –, a rămas fidelă arhetipului germanicii comune, engleza se situează la polul opus, fiind în consonanță, sub acest aspect al evoluției aberante de la norma limbii-bază, cu cel mai puțin reprezentativ membru al grupului romanic, franceza. Prin urmare, chiar și o analiză extrem de sumară a gramaticii celor două limbi germanice investigate este în măsură să pună în evidență principalele disonanțe.

1.1. Nivel fonetic

---

¹⁹⁶Lucrarea de față încorporează un fragment din cercetarea efectuată în cadrul proiectului CNC SIS *Identitatea lexicală și morfologică a limbii române în contextul multilingvistic european. Consonanțe și disonanțe*, coordonat de autoare.

Pornind de la nivelul cel mai concret și mai ușor perceptibil al limbii, ortografia, putem afirma că, în limba germană, aceasta este preponderent fonetică – în pofida neinspiratelor tendințe etimologizante din ultima decadă –, conformându-se unor reguli stricte de pronunție.

De partea cealaltă, engleza derutează studentul începător printr-o ‘perfectă’ discordanță între grafie și fonetică, prima rămânând tributară variantei latinești, adoptate neoficial în sec. al XVII-lea, în timp ce acestea din urmă i s-a permis să evolueze după bunul plac, și, în plus, neîncorsetată de rigorile unor reguli precise de pronunție. Singura zonă în care contrastele par să se estompeze este cea a metafoniei, prin conservarea alternanțelor vocalice la cele trei forme de bază ale verbelor de conjugare *tare* sau neregulată (‘Ablaut’) – componente ale lexicului de bază, moștenit din germanica comună – precum și a celor care marchează opoziția singular-plural (‘Umlaut’) – în engleză doar la o serie limitată de substantive de origine germanică.

1.2. Nivel lexical

Consonanțele dintre cele două limbi germanice, atâtea câte există, transpar, cel mai vizibil, la nivelul vocabularului, din cel puțin trei cauze evidente:

(a) în primul rând, datorită componentelor comune care alcătuiesc stratul germanic, mai precis, fondul lexical principal, preluat din limba-bază, menit să reflecte, în mod natural, o *forma mentis* comună (consonanțele sunt mai ușor de receptat între engleză și dialectele din nordul Germaniei, așa-numita germană ‘de jos’).

(b) în al doilea, datorită elementelor comune de substrat germanic (preponderent celtic, în engleză, și mixt, în germană).

(c) în al treilea, datorită influențelor comune, exercitate de limbile latină (în engleză, atât, într-o primă fază, asupra substratului, cât și, apoi, a adstratului¹⁹⁷, și, în germană, asupra adstratului) și apoi franceză (asupra adstraturilor din cele două limbi: a celui din engleză, prin cele peste două secole de ocupație normandă¹⁹⁸, iar a celui din germană, mult mai recent, prin proximitate teritorială – cu precădere în sudul Germaniei, în Austria și în Elveția).

Disonanțele se raportează, mai cu seamă, la modalitățile de îmbogățire a vocabularului. Dacă germana, mai reticentă, și tributară aceluiași conservatorism, a recurs preponderent la mijloacele interne ale derivării și compunerii, descurajând potențialii studenți începători prin compuși

---

¹⁹⁷Vezi traducerea oficială a Bibliei, în timpul regelui James, când s-au operat împrumuturi în masă direct din această limbă.

¹⁹⁸Statisticile atestază că, în jurul anului 1450, jumătate din vocabularul curent al limbii engleze provenea din această limbă (cf. Austin, 2009, p. 16).

plurilexematici de dimensiuni impresionante¹⁹⁹, engleza, mai generoasă și mai puțin circumspectă, a împrumutat masiv din limbile romanice, în speță, dar și din majoritatea celorlaltor limbi cu care a avut contacte cruciale în diverse momente ale evoluției sale. Aceste conduite lingvistice, divergente în privința vocabularului, sunt în măsură să explice cel puțin parțial, în opinia noastră, decalajul înregistrat de cele două limbi germanice în configurarea ulterioară a arealului lor de răspândire (vezi detalii în secțiunea următoare).

În același timp, însă, se observă o tendință a englezei moderne, și îndeosebi a celei contemporane, de a utiliza, în mod frecvent, compunerea ca procedeu de îmbogățire lexicală. O dovadă a faptului că procedeul întâmpină încă rezistență din partea vorbitorilor nativi – nefiind perceput ca atare – o constituie și variantele diferite de ortografiere ale aceluiași compus, chiar în publicațiile care au rolul asumat de standardizare a limbii, de ex.: *key signature*²⁰⁰, dar *key-signature*²⁰¹; sau *key word*²⁰², dar *keyword*²⁰³.

Există, în mod natural, și excepții, una dintre acestea fiind ilustrată grăitor, în dialectul galez, de numele localității de baștină a premierului Lloyd George, care a îndeplinit această funcție politică în timpul primului război mondial: *Llanfairpwllgwyngyllgogerychwyrndrobwllllandisiliogogoch*²⁰⁴.

Veritabila monstruozitate lexică de mai sus – compusă, la rândul său, din alte aproximativ 22 de cuvinte – surclasează net formații germane de lungime modică, precum *Freundschaftsbezeugungen* ('dovezi de prietenie'), *Stadtverordnetenversammlungen* ('adunări ale executivului local') sau *Sonntagsnachmittagsausgehanzug* ('costumul pentru ieșirile de duminică după-amiază').

Din perioada guvernului condus de același premier, datează sintagmele 'monobloc'²⁰⁵, folosite cu referire la cele două curente de masă – pacifiștii, și cei care li se opuneau: *peace-at-all-price-apostles* ('adeptii păcii cu orice preț') și *fight-to-a-finish-statesmanship* ('politica [de stat a] luptei până la capăt'), precursorare ale formațiilor contemporane de tipul *the 'take-it-or-leave-it' stance* („comportare de tip *ori accepți condițiile, ori te retragi*”). Din fericire, asemenea exemple sunt, de obicei, considerate creații *ad hoc* ale idiostilului și, prin

¹⁹⁹Numiți plastic de Mark Twain cuvinte „aruncătoare de umbră” (cf. Ludwig, 1983, p. 155).

²⁰⁰cf. *CED*, p. 783, *CALD*, p. 697, *LDEL*, p. 720, *DOEI*, p. 441.

²⁰¹cf. *CULD*, p. 396.

²⁰²cf. *CED*, p. 783.

²⁰³cf. *DOEI*, p. 441.

²⁰⁴cf. Grümmer *et alii*, 1994, p. 38.

²⁰⁵Autoarea capitolului își asumă integral responsabilitatea pentru utilizarea termenului în acest context.

urmare, nu sunt incluse în lucrările lexicografice de referință²⁰⁶. Același lucru se întâmplă, în germană, cu compuși precum *Nichtsbisfünfzählenkönner* ('unul care nu e în stare să numere nici până la 5'²⁰⁷), aici cele două limbi fiind în perfectă consonanță.

1.3. Nivel morfologic

Nivelul morfologic este cel care generează majoritatea disonanțelor. În timp ce germana își face un titlu de glorie din faptul că reprezintă și astăzi prototipul morfologiei sintetice, moștenite din germanica comună – cu glisări mai pronunțate spre analitism, îndeosebi în sfera recțiunii –, engleza actuală este, de departe, cel mai viu exemplu al modului spectaculos în care o descendentă poate devia față de limba-bază. Astfel, de la o limbă cu o flexiune complexă, comparabilă cu latina, engleza a evoluat – cu precădere sub influența germanicilor scandinavi –, spre un analitism excesiv, ajungând, astăzi, să fie, între limbile germanice, mai puțin precară, morfologic, doar decât neerlandeza – mai ales sub aspectul flexiunii nominale. Ne-am aventurat chiar să afirmăm că s-a ajuns la un veritabil sincretism al claselor morfologice²⁰⁸, același lexem fiind capabil să reprezinte, prin conversiune gramaticală și adaptare contextuală, nu mai puțin de patru clase, de ex. *up*, în:

- 1) *John's up in his bedroom* (adverb);
- 2) *The water got up my nose* (prepoziție);
- 3) *We caught the up train* (adjectiv);
- 4) *They've upped their offer by a further 5%* (verb).

Fenomenul de schimbare a clasei lexico-morfologice sau a valorii gramaticale – care a cunoscut o mare amploare în ultimul timp –, greșit pe fondul unui sistem flexionar ca și inexistent, cum este cel al limbii engleze, a generat, la rândul său, un altul, extrem de periculos, mai ales, pentru comunicarea rapidă: ambiguitatea enunțului. Titlurile ziarelor – al căror scop suprem este comunicarea unui maximum de informații cu un minimum de efort lingvistic – oferă terenul predilect de manifestare a unor asemenea ambiguități, care dau naștere frecvent unui comic de limbaj mai mult sau mai puțin involuntar, de tipul celui de mai jos:

SQUAD HELPS DOG BITE VICTIM²⁰⁹.

²⁰⁶Formațiile reprezintă, în realitate, un tip special de sintaxă 'comprimată' – ne asumăm integral și riscul folosirii acestui termen.

²⁰⁷cf. Grümmer *et alii*, 1994, p. 39.

²⁰⁸Deși unii lingviști preferă să numească fenomenul, eufemistic, 'omonimie morfologică'.

²⁰⁹Comicul este generat, în acest exemplu, de dubla interpretare a lexemului *bite*: (a) ca substantiv ('mușcătură'), cu atributul nominal *dog* ('[de] câine'), formând, astfel, sintagma *dog bite* ('mușcătură de câine') în varianta semantică a autorului

1.4. Nivel sintactic

Precaritatea morfologică a limbii engleze se repercutează și asupra nivelului lingvistic imediat superior, impregnat de o accentuată omonimie. Tocmai pentru a contracara acest efect, gramaticile prescriptive mai vechi au instituit o topică relativ rigidă, mai cu seamă, în interiorul diverselor grupuri – numite și fraze –, corespunzătoare principalelor clase morfologice: verbal, nominal, pronominal, adjectival, adverbial, prepozițional.

Deși preponderent sintetică și, prin urmare, cu un risc mult diminuat de ambiguitate a mesajului comunicat, germana suferă, în mod paradoxal, de o rigidizare excesivă a topicii, mai cu seamă, în ceea ce privește ordinea constituenților grupului verbal în propoziția secundară. E adevărat că, în registrul familiar, vorbit și chiar scris – care permite omiterea conjuncțiilor subordonatoare –, se tinde tot mai mult, în germana modernă și contemporană, spre o relaxare a topicii și o reconfigurare a grupului verbal, cu desființarea așa-numitei ‘paranteze predicative’ prin dislocarea verbului lexical – în propoziția principală sau secundară – sau a operatorului²¹⁰ – în secundară –, din poziția sa finală și deplasarea acestuia spre centrul propoziției, îndeosebi în situațiile în care paranteza este peste măsură de amplă, ca în următorul exemplu:

„Der Unterricht *wird* auf der Grundlage des neuesten wissenschaftlichen Erkenntnisse mit dem Ziel, die Schüler zu selbständigem logischem Denken und zu verantwortungsbewußtem Herangehen an die Aufgabenstellungen zu erziehen, *betrieben*”²¹¹.

Frapează aici (vezi *Nota 9* pentru traducere) limbajul de lemn al epocii socialiste, unul dintre refugiile favorite ale specimenelor gigant care supraviețuiesc încă în limbă.

Iar dacă cititorul nefamiliarizat cu limba în cauză a trecut cu bine până acum de celelalte niveluri investigate, ajuns în acest punct, îi va da, cu siguranță, dreptate scriitorului Mark Twain, care afirma resemnat că “eternitatea există pentru ca oameni ca mine să învețe limba germană” și își corobora spusele cu următorul de-acum celebru exemplu, în care uriașa paranteză predicativă este formată din componenta verbală a unui verb plurilexemic cu particulă separabilă, și particula respectivă:

articolului (traducerea titlului: “Polițiștii ajută victima mușcată de câine” sau, mai aproape de original, dar mai departe de spiritul limbii române: “...victima mușcăturii de câine”) (cf. Bucaria, 2004, p. 60).

²¹⁰ ‘Operatorul’ reprezintă, în terminologia lingvistică, primul auxiliar din grupul verbal.

²¹¹ Traducerea exemplului (cu respectarea topicii verbelor în original): “Educația *este* pe baza celor mai noi cunoștințe științifice cu scopul, elevii pentru o gândire independentă, logică, și o abordare responsabilă a stabilirii sarcinilor să-i pregătească, *inläptuitä*” (Faulseit, 1965, p. 78).

„Er *reiste*, als die Koffer fertig waren und nachdem er Mutter und Schwester geküßt und nochmals sein angebetetes, einfach in weißen Musselin gekleidetes, mit einer frischen Rose in den sanften Wellen ihres reichen braunen Haares geschmücktes Gretchen, das mit bebenden Gliedern die Treppe herabgerannt war, um noch einmal sein armes gequältes Haupt an die Brust desjenigen zu legen, den es mehr liebte als das Leben selber, ans Herz gedrückt hatte, *ab*”²¹².

Înceind și noi paranteza începută în paragraful al doilea al secțiunii de față, trebuie, din păcate, să remarcăm că nu mai puțin adevărat e și faptul că stilul literar – și, îndeosebi, cel protocolar – nu încurajează încă instituirea, la nivel de normă, a modificărilor de topică, operate deja în stilul familiar, și nici, am adăuga, pe cei dornici să se lanseze în studiul germanei, și pentru care reguli mai puțin stricte în această zonă “crepusculară” a gramaticii – și nu numai – ar face mai accesibilă și mai atractivă limba geniilor care, supunându-se doar rigorilor sintactice ale eufoniei universale, au compus și, respectiv, pus pe muzică, *Oda bucuriei*, imnul de azi al Europei unite.

2. Posibilele cauze ale decalajului în arealul de răspândire

2.1. Detalii statistice

Dacă, în ciuda dificultăților de învățare expuse mai sus, germana se poate, totuși, mândri cu faptul că deține cel mai extins areal de răspândire dintre limbile Uniunii Europene (128 de milioane de vorbitori) – cu un punct de maxim în Europa Centrală –, iar la nivel mondial este a doua, dintre limbile germanice, ca număr de vorbitori nativi, engleza reușește să înregistreze un record absolut și în acest domeniu, fiind cotate pe locul întâi între limbile de circulație mondială și a doua ca număr de vorbitori în lume, după chineză. Acest prim loc îi revine, în realitate, grație diferenței de aproximativ 430 de milioane de vorbitori, care rezultă prin scăderea numărului celor care o vorbesc ca limbă maternă – și anume 330 de milioane

---

²¹²Traducerea exemplului (cu respectarea topicii verbelor în original): “El a *plecat*, când valizele gata au fost, și după ce mama și sora și-a sărutat, și încă o dată, adorata sa, simplu în muselină albă îmbrăcată, cu un trandafir proaspăt [rupt] în onduleurile gingașe ale bogatului său păr castaniu împodobită Gretchen, care cu picioare tremurânde treptele alergând coborâse, ca iarăși cășoru-i chinuit la pieptul aceluia să-și pună, pe care mai mult îl iubea decât însăși viața [sa], la piept a strâns, *în călătorie*” (Ludwig, 1983, p. 176). Citind traducerea de mai sus, ne vedem nevoiți să-i dăm din nou dreptate aceluiași scriitor american, care afirma – de această dată cu umorul și ironia-i caracteristice – referitor la confracții săi de breaslă din patria lui Goethe: „ Când scriitorul german se scufundă într-o propoziție, trece o bună bucată de timp până ce iese iar la suprafață pe coasta cealaltă a oceanului său, cu un verb în gură” (cf. Ludwig, *ibidem*).

–, din totalul celor care o utilizează în diverse scopuri – ce se ridică la 760 de milioane²¹³.

Dacă germana a deținut, un timp îndelungat, supremația incontestabilă în domeniul tehnic, engleza a acaparat treptat pe cel comercial, pentru ca, mai apoi, să se insinueze perfid în primul, în care deține astăzi monopolul absolut (vezi zona de mare impact a IT-ului).

2.2. Scurtă incursiune în diacronie

În ceea ce privește arealul de răspândire, putem afirma că o evoluție paradoxală înregistrează, de această dată, limba germană, fapt demonstrat cu relativă ușurință de o privire retrospectivă – fie aceasta și sumară – în istoria celor două limbi germanice investigate. Astfel, din bazinul matriceal al limbii – reprezentat de Germania propriu-zisă de astăzi –, au migrat cu regularitate vorbitori de limbă germană – organizați în triburi la început și, mai apoi, în comunități – spre diverse alte regiuni ale Europei, după cum urmează: sec. V d.H., spre Europa de Vest și Africa de Nord (francii, saxonii, șvabii și vandalii); sec. X-XIII, spre Polonia (triburi de agricultori); sec. XIII-XIV, spre Prusia și regiunile baltice (membrii ordinului Cavalerilor Teutoni); sec. XVIII, spre stepele Volgăi (comunități de agricultori).

Și totuși, contrar așteptărilor, în ciuda migrațiilor masive de populații vorbitoare de germană, această limbă nu a cunoscut nici pe departe expansiunea înfloritoare de care s-a bucurat surata ei insulară. Dacă adăugăm la cele de mai sus și faptul că valorile culturale, puse în circulație de germană și engleză, sunt la fel de impresionante de ambele părți, apare întrebarea firească asupra posibilelor cauze în măsură să justifice decalajul acesta, inexplicabil la prima vedere, pe care secolele l-au așezat între arealele geografice de răspândire ale celor două limbi.

Aceste cauze sunt multiple și variate, și pot fi grupate în două categorii: cauze de natură *extralingvistică*, care țin de conjunctura istorică, și cauze de natură *lingvistică*, care privesc evoluția limbii în sine.

Referitor la prima categorie, frapează, de la bun început, sinusoida trasată de contextul istoric, cu oscilații ce acoperă întreaga gamă de valori între cele două puncte de maxim, situate pe axa negativă, respectiv pozitivă. În acest sens, politica expansionistă asiduă, dusă pe parcursul ultimelor patru secole ale mileniului al doilea – favorizată de stăpânirea celei mai puternice forțe maritime –, a imprimat Insulelor Britanice o ascensiune spectaculoasă, de la poziția ingrătă de colonie, deținută timp de peste un mileniu, – prin invaziile succesive ale celților, romanilor, triburilor germanice de jos, ale vikingilor și

²¹³Acest raport între numărul de utilizatori și cel de vorbitori nativi situează engleza pe primul loc în lume. Prin comparație, chineza numără nu mai puțin de 875 de milioane de vorbitori nativi, cu o diferență de doar 180 de milioane de utilizatori până la impresionantul total de 1.055 miliarde.

normanzilor –, la cel mai important imperiu colonial, care s-a extins de la Atlantic la Pacific, prin ocuparea Americii de Nord, spre Oceanul Indian, prin cucerirea Indiei, apoi către Australia, Noua Zeelandă, Africa de Sud, Nigeria și Insulele Caraibe.

Pe de altă parte – așa cum am demonstrat în detaliu în secțiunea anterioară –, diacronia lingvistică a orientat engleza spre o morfologie aproape necuviincios de frustă, o sintaxă mai flexibilă în comparație cu cea a altor limbi intens vehiculate și, în final – dar nu și în ultimul rând ca importanță –, spre un lexic de tip mozaical, fără pudori conservatoare, și permanent deschis împrumuturilor.

În privința evoluției morfologice, îndrăznim să avansăm aici ipoteza unei reactivări a tendințelor epocii prenormande, trasate de triburile germanice scandinave, cu două posibile cauze: ca o reacție la cele două secole de încorsetare excesivă, impusă de sistemul flexionar sofisticat al limbii franceze²¹⁴, și, mai degrabă, ca o condiție favorizantă a primei cauze expuse mai sus, tendința plebei – accentuată după retragerea normanzilor – de a izola treptat aristocrația vorbitoare de franceză, fapt ce a condus la recâștigarea de către engleză a statutului de limbă oficială²¹⁵.

2.3. Concluzii privind posibilele cauze ale decalajului în arealul de răspândire, dintre cele două limbi germanice

Revenind la întrebarea care a declanșat demersul logic de mai sus, răspunsul se află, inevitabil, la intersecția celor două tipuri de cauze. În primul rând, Germaniei îi lipsește, prin comparație, ampla deschidere la mare a Insulelor Britanice, iar germanei - simplitatea morfologică a englezei. Dar, dacă faptul că nu beneficia de o putere maritimă pe măsură nu l-a împiedicat pe Bismarck să lanseze celebra ‘goană după Africa’ – urmată îndrăzneț de colonizarea unor teritorii din Papua și Micronezia –, în schimb, sistemul flexionar alambicat, sintaxa excesiv de rigidă și vocabularul conservator al germanei au constituit veritabile bariere pentru indigenii și așa prea puțin dornici să învețe o limbă impusă cu forța. Din același motiv, au trebuit să renunțe la limba maternă (pentru a putea comunica eficient cu

---

²¹⁴Același fenomen îl întâlnim și în limba română – cu precădere în zona lexicului –, inițiat de Școala Ardeleană ca o reacție împotriva excesivei latinizări din perioada respectivă.

²¹⁵În acest sens, se poate afirma că epidemia de ciumă bubonică, care a făcut ravagii în Europa și Asia în secolul al XIV-lea, a avut un rol cathartic și în accepția sa mai puțin abstractă, purificând nu numai populația de pe teritoriul englez – prin afectarea masivă a zonei urbane, reședința predilectă a claselor sociale superioare –, ci și limba de pe același teritoriu, prin carantina instituită și izolarea orașelor, ceea ce a avut ca efect resuscitarea resurselor lingvistice autohtone, conservate cu mare grijă în zonele rurale, pe tot parcursul stăpânirii normande.

membrii comunităților care *i-au adoptat*) majoritatea emigranților germani²¹⁶ din America de Nord și Africa de Sud, numiți eufemistic și ‘coloniști individuali’. Și tot bariera lingvistică a fost aceea care a stat în calea expansiunii masive a limbii germane dincolo de granițele teritoriului de origine, atunci când vorbitorii ei nativi – deținători ai unei tehnici avansate în toate domeniile – și-au asumat rolul de Prometei moderni prin inventarea tiparului, răspândind, astfel, focul sacru al cunoașterii în întreaga lume.

Printr-un exercițiu de imaginație, să ne închipuim în ce ritm s-ar fi extins arealul de utilizare a limbii engleze, dacă vorbitorii acesteia ar fi fost fericiții inițiatori ai iluminismului tehnic. E suficient să aruncăm o privire spre PC-ul de pe birou și avem răspunsul în fața ochilor. Căci ce altceva este tehnologia informațională în fond decât echivalentul modern al tiparului? Și aceasta are ca fundament știința ciberneticii, inventată de un cercetător american, Norbert Wiener, iar ca principali furnizori companiile gigant din țara de baștină a acestuia din urmă: o țară care deține supremația mondială în domeniul mediatic și al cărei *boom* economic și cultural a contribuit la ridicarea limbii sale oficiale la rangul de *lingua franca* a întregului mapamond. Și dacă mai adăugăm și faptul că respectiva limbă oficială a fost aleasă în Senat la o diferență de numai un vot de rivala ei și eterna perdantă, germana – probabil, din aceleași considerente de dificultate gramaticală – atunci avem tabloul aproape complet al argumentelor care justifică actualul decalaj dintre arealele de răspândire ale celor două surori germanice, din care mai lipsește doar un amănunt, deloc ne semnificativ: în timp ce sfârșitul celui de al doilea Război Mondial anunța, grație perioadei de avânt fără precedent, înregistrate de SUA, debutul epocii definitive de glorie a limbii engleze, rolul nefast de ghilotină europeană, asumat de regimul nazist, condamnă, în mod injust, națiunea germană, și, implicit, limba vorbită de aceasta, la un nemeritat con de umbră.

Iar dacă vorbitorii săi, prin actul de voință supremă a reîntregirii teritoriale, înfăptuite în 1990, și, mai apoi, prin rolul fast asumat, de această dată, de catalizator al unificării europene, au reușit să se reabiliteze moral și chiar să-și atragă simpatia, nu numai a locuitorilor Bătrânului Continent, ci și a lumii întregi, limba germană, păstrătoare a aceluiași atribut gramatical descurajant de odinioară – și, în plus, cu dificultățile generate de noile tendințe etimologizante în ortografie –, nu credem, în pofida strădaniilor admirabile de popularizare, întreprinse de autoritățile de la Berlin, că va reuși prea curând să recâștige terenul pe nedrept pierdut²¹⁷.

---

²¹⁶Excepție fac comunitățile *ámish* din Pennsylvania – unde se vorbește ‘Pennsylvania Dutch’, adică ‘Deutsch’ (germana) –, ca și alte comunități din Texas și America Latină.

²¹⁷Reforma protestantă din sec. al XVI-lea a conferit germanei statutul de reper lingvistic al civilizației europene, iar curentele filozofice de sorginte germană – și cu

Referințe bibliografice

- AUSTIN, P. K. (coord.) *1000 de limbi*. București: Editura Art, 2009 [=Austin, 2009].
- BRZOWSKA, D. *Germans in Polish Jokes and Poles in German Jokes // Linguistica Silesiana* 25, 2004. P. 159-166 [=Brzowska, 2004].
- BUCARIA, Ch. *Lexical and Structural Ambiguity in Humorous Headlines*. MA Thesis. Youngstown State University, 2004 [=Bucaria, 2004].
- DUMISTRĂCEL, St. *Germanul în mentalul rural românesc // Al. Zub (ed.), Identitate-alteritate în spațiul cultural românesc*. Iași: Editura Universității „Al. I. Cuza”, 1996. P. 221-239 [=Dumistrăcel, 1996].
- FAULSEIT, D. *Gutes und schlechtes Deutsch*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1972 [=Faulseit, 1972].
- GRÜMMER, G., DREWS, G. *Deutsch für Angeber*. Augsburg: Praesent Verlag, 1994 [=Grümmer et alii, 1994].
- LUDWIG, H. *Gepflegtes Deutsch*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1983 [=Ludwig, 1983].
- OPREA, I. *Comunicare culturală și comunicare lingvistică în spațiul european*. Iași: Institutul European, 2008 [=Oprea, 2008].

Dictionaries

- Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006 [=CALD].
- Chambers English Dictionary*. Edinburgh: Chambers Ltd, 1990 [=CED].
- Dictionar Oxford explicativ ilustrat al limbii engleze*. București: Litera Internațional, 2004 [=DOEI].
- KIRKPATRICK, E. M. (ed.) *Chambers Universal Learners' Dictionary*. Edinburgh: Chambers Ltd, 1980 [=CULD].
- Longman Dictionary of English Language and Culture*. Edinburgh: Pearson Education Ltd, 2003 [=LDEL].

---

reverberații pe întreg continentul – au ridicat-o în secolele XVIII–XIX la rang de rivală a favoritei saloanelor aristocratice, care era limba franceză.

LIMBAJ (LITERAR) ȘI CONDIȚIONARE SOCIALĂ

(LITERARY) LANGUAGE AND SOCIAL CONDITIONING

FENOMENUL PALATALIZĂRII ÎN CADRUL BILINGVISMULUI ROMÂNNO-RUS

Grigore CANTEMIR,

conferențiar universitar, doctor în filologie

(Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova)

155

Limbaj și context, Anul III, vol. 2, 2011

Abstract

In the following lines we intend to do the review of the phenomenon of palatalisation mainly characteristic for the Balkan linguistic area. We notice that front vowels 'e' and ,i' have produced a real "revolution" in the development of the consonant system from popular Latin to the modern literary Romanian language, due to, as numerous Romanian language historians claim/ affirm), also to the Slavic influence. For the literary Romanian from the Bessarabian area, the negative impact of the Russian way of pronouncing dental consonants is negative so far.

Keywords: *palatalization, a palatalized consonant, softened consonant, bilabial consonant, labia-dental, dental, place of articulation, regional pronunciation.*

Rezumat

În rândurile ce urmează, ne propunem să facem o trecere în revistă a fenomenului palatalizării, caracteristic, mai cu seamă, arealului lingvistic balcanic. Vom observa că vocalele anterioare „e” și „i” au produs o adevărată „revoluție” în evoluția sistemului consonantic de la latina populară la limba română, acest lucru datorându-se, după cum menționează mai mulți istoricieni ai limbii române, și influenței slave. Pentru limba română literară din arealul basarabean, impactul negativ al modului rusesc de pronunție a consoanelor dentale este, până la ora actuală, negativ.

Cuvinte-cheie: *palatalizare; consoană palatalizată; consoană muiată; consoane bilabiale, labiodentale, dentale; loc de articulație; pronunție regională.*

În pofida faptului că procesul fonetic anunțat în titlu are aproape două milenii, el fiind cercetat amănunțit de lingviștii ruși și români, acest fenomen e tratat de noi prin prismă diacronică, în special prin cea a bilingvismului româno-rus.

Deși nu este nou, termenul *palatalizare* a căpătat, în lingvistică, mai multe interpretări. „Dicționarul explicativ al limbii române” dă o definiție telegrafică acestui termen: „faptul de a (se) *palataliza*, modificare fonetică prin care o consoană oarecare devine palatală”²¹⁸. Dacă ne limităm la această definiție, în limba română, am avea doar două modificări palatale: *ch* și *gh*.

„Dicționarul de termeni lingvistici” dă o definiție mai largă palatalizării: „transformarea unui sunet nepalatal într-unul palatal, prin mutarea locului de articulație în regiunea palatului dur al cavității bucale, sub influența unui *i* sau *e* următor. Astfel, în limba română este cunoscută palatalizarea labialelor *b*, *p*, *m*, *f* și *v* în cuvinte cu pronunțare regională ca *g'ine* (bine), *k'icior* (picior), *n'ere* (miere), *h'erbe* (fierbe) [...] și palatalizarea dentalelor *d* și

---

²¹⁸DEX, 1998, p. 740.

t în *bağ'e* (bade), *fracē* (frate) etc. Tot palatalizare este și trecerea inversă, de la rostirea regională *brață*, *săc*, *șăd*, *zăr* la rostirea literară *brațe*, *sec*, *șed*, *zer*, prin palatalizarea parțială a consoanelor *ț*, *ș*, *s*, *z* (în locul lui *ă* nepalatal, apare *e* prepalatal)²¹⁹.

Am putea diviza fenomenul palatalizării în 3 părți:

1) palatalizarea labialelor, care ține de consoanele palatale veritabile din româna contemporană *chi* și *ghi*;

2) palatalizarea dentalelor, care ține mai mult de graiurile teritoriale și de prezența în acestea a unor variante dialectale care nu-și fac apariția în româna literară;

3) palatalizarea neliterară a dentalelor *d* și *t* sub influența limbii ruse.

În multe limbi, este răspândită palatalizarea consoanelor plasate înaintea vocalelor anterioare; în asemenea situații, fenomenul palatalizării se manifestă nu ca o caracteristică distinctivă a fonemelor, ci ca un proces fonetic pozițional. Ca o trăsătură diferențială, palatalizarea este caracteristică limbilor rusă, ucraineană, bielorusă, poloneză, lituaniană, irlandeză, japoneză ș.a.

Făcând o incursiune în istoria evoluției consonantismului de la latina populară la română, am putea observa că grupurile consonantice *cl* și *gl* au dat naștere, în limba noastră, la două consoane palatale – *ch* și *gh*. De exemplu: *clamat* > *cheamă*, *clavatoria* > *cheotoare*; *glacia* > *gheață*, *glandem* > *ghindă*.

Mai mulți lingviști menționează că, în cadrul modificărilor fonetice poziționale, vocalele prepalatale *e* și *i* au făcut o adevărată „revoluție” în sistemul consonantic românesc, dând naștere unor clase întregi de consoane, în special africatelor *č*, *ğ*, *ș*. Palatalizarea „este unul din fenomenele fonetice care au guvernat transformarea treptată a latinei în limbi romanice. Așadar, cel puțin prin consecințele ei imediate, palatalizarea dentalelor aparține nu numai istoriei limbii latine, ci și istoriei continuatoarelor acesteia, limbilor romanice”²²⁰, modificările cele mai importante fiind impuse de contactul acestor consoane cu vocalele anterioare”²²¹. Astfel:

- *c+e (i)* > *č*: *cera* > *ceară*; *cernere* > *a cerne*; *caelum* > *cer*;
- *qu+e(i)* > *č*: *quinque* > *cinci*; *coquere* > *a coace*; *quesivi* > *a cerși*;
- *g+e(i)* > *ğ*: *sagitta* > *săgeată*; *gelum* > *ger*;
- *gu+e (i)* > *ğ*: *extinguere* > *a stinge*; *sanguinare* > *a sîngera*; *ungere* > *a unge*; *sanguem* > *singe*.
- *c+e(i)* în hiat cu o vocală accentuată sau cu *o (u)* neaccentuat s-a transformat în *ț*: *arsicia* > *arșiță*; *discalciare* > *a descălța*; *inglacio* > *îngheț*;

²¹⁹Constantinescu-Dobridor, 1998, p. 236.

²²⁰Ivănescu, 1948, p. 28.

²²¹*ibidem*.

– *t* + o vocală anterioară în hiat > *t̥*: *credentia* > *credință*; *sementia* > *sămânță*; *hospitium* > *ospăț*;

O trăsătură distinctă a limbii române, care o deosebește de celelalte limbi romanice-surori, este că, în structura gramaticală și în fondul de bază al vocabularului ei, au pătruns organic elementele slave. Influența slavă asupra limbii române constituie, deci, un caz de substrat: limba noilor veniți în Peninsula Balcanică se suprapune peste limba popoarelor conviețuitoare și îi transmite o serie de trăsături caracteristice.

Sistemul fonetic al limbilor slave se deosebește de cel al limbilor romanice. Limba română a căpătat câteva trăsături de origine slavă, prin contactul cu limbile slave meridionale. Influența slavă nu e străină de palatalizarea labialelor în limba română vorbită și de palatalizarea ocluzivelor dentare în unele graiuri daco-romanice.

Lingviștii ruși disting trei faze ale palatalizării în istoria slavonei, care au periclitat schimbări calitative în cadrul sistemului consonantic, dictate, mai ales, de modul și locul de articulare.

Prima palatalizare presupune trecerea consoanelor postlinguale [k], [g], [h], urmate de vocalele anterioare, respectiv în [č'], [ž'], [š'], care, în limba rusă contemporană, se manifestă îndeosebi în cadrul derivării: *рука* – *ручка*, *ручной*, *вручать*; *друг* – *другок*, *дружно*, *дружить*; *порох* – *порошок*, *запорошить*.

În cadrul **celei de-a doua palatalizări**, consoanele [c], [z], [s], urmate de vocalele anterioare au trecut în categoria șuierătoarelor. Ce-i drept, aceste alternanțe nu sunt caracteristice pentru limba rusă contemporană, ele aflându-și loc doar în cadrul unor frazeologisme din slavona bisericească: *облакъ* — *темна вода во облацѣхъ*, *Богъ* — *почити въ Бозѣхъ*, *воздухъ* — *на воздусѣхъ*).

Cea de-a treia palatalizare se manifestă prin alternanța consoanelor [k], [g], [x] cu [k], [g], [x] în diferite dialecte slave. O trăsătură diferențială a acestui tip de palatalizare constă în faptul că ea nu se produce în mod obligatoriu după vocalele anterioare. De exemplu: *кѣнязя* – *кѣнязю*, *кѣнига* – *кѣнигоу*.²²² „Din punct de vedere fonetic, după prima palatalizare au apărut consoanele muiate [з', с', ц']", iar după cea de-a doua – consoanele moi [з'', с'', ц'"]”, observă cercetătorul rus V. V. Kolesov.²²³ În manuscrisele slavone vechi, efectele celei de-a doua palatalizări erau marcate cu slova „dzealo”: *звѣзда*, iar ale celei de-a treia, cu slova „zemlia”: *кѣнѣзь*, *польза*.

Acad. Al. Rosetti face deosebire între consoana palatalizată de consoana muiată în felul următor: „Consoana palatalizată este formată din două elemente în strâns contact: consoana propriu-zisă, de exemplu, *m* în pluralul *pomi* și *i*, elementul palatal următor. Spre deosebire de consoana palatalizată,

²²²Kolesov, 2008, p. 47.

²²³*ibidem*, p. 46.

consoana muiată este un sunet simplu. Limba română literară nu posedă consoane muiate²²⁴ (în mijloc de cuvânt – n.n. Gr. C.). Consoana muiată este produsă de o singură articulație, pe când consoana palatalizată e produsă prin două articulații succesive; pentru consoana muiată, zona de contact pe palat e mult mai întinsă decât pentru consoana palatalizată. Pentru consoana palatalizată, mușchiul lingual nu execută o ocluziune completă pe palat: între partea anterioară și partea posterioară a bolții palatului se poate observa un „culoar” caracteristic, rămas neatins de mușchiul lingual în timpul ocluziunii. Muierea consoanei se face prin extensiunea contactului mușchiului lingual pe palat. Procesul palatalizării constituie prima fază a procesului muierii unei consoane”²²⁵.

În limba rusă, variantele palatală/nepalatală au valoare fonologică atât în mijlocul cuvintelor, cât și la sfârșitul lor. De exemplu, [l'] palatal se opune lui [l] nepalatal: *галька* „prundiș mășcat”/ *галка* „pasăre”; *пыль* „praf”/ *пыл* „afect”; *моль* „molie”/ *мол* „adică” etc. ce-i drept, această opoziție este caracteristică și pentru limba română, dar într-o măsură mai mică. De exemplu: *mere/miere, pere/piere, vers/viers* „melodie”.

Printre particularitățile dialectale moldovenești sunt menționate:

- palatalizarea labialelor și a dentalelor: *chept, ghini, ș'ir, jin, n'el, n'imi, n'in'cî*; cf. literalele *piept, bine, fir, vin, miel, nimeni, nimica*;
- utilizarea lui *ž* în loc de *ğ*: *maržinî, curži*; cf. literalele *marginе, curge*²²⁶; a lui *ș* în loc de *č*: *chișior, fași*; cf. literalele *picior, face* ș.a.²²⁷.

Forme palatalizate ale cuvintelor se întâlnesc frecvent în limba veche. O caracteristică a palatalizării, comună pentru scrierile cărturarilor epocii vechi, este palatalizarea fricativei *f* și *p*: „În privința lui *f*, de multe ori, manuscrisele prezintă forme nealterate în concurență cu cele palatalizate: *fierbinți, fiară*; alte manuscrise: *hiară, înherbântat*. Trecerea lui *p* la *k* apare în *киасми* – a *chiasmi* „a compune, a scrie, a alcătui”: „și pentru aceia unii de la alții *chizmind* și însemnând și pe scurt scriind”²²⁸.

²²⁴Vom observa că variantele moi ale consoanelor pot apărea și în mijloc de cuvânt. Astfel, *v* tare din cuvântul *vers* face opoziție fonologică cu *v'* (moale) din cuvântul *viers* „melodie”: „Cânta o privighetoare cu viersul de fată mare” (I. Creangă, Amintiri din copilărie); sau: *mere* – *miere*. Ce-i drept, aceste cazuri sunt rarissime în comparație cu limba rusă, care are, ca trăsătură distinctă, consoane moi în mijloc de cuvânt: *аленький, беленький* etc.

²²⁵Rosetti, 1955, p. 199.

²²⁶După cum se știe, în graiul moldovenesc lipsește africata *ğ*. Peste tot, în locul ei apare *j*. Președintele PCRM Vl. Voronin, candidatul la președinție din partea lui I. Dodon, Zinaida Greceanii ș.a. pronunță, în loc de *buget*, *bujet*, *bijăt*.

²²⁷Berejan, 2007, p. 26.

²²⁸Rosetti et alii, 1971, p. 245.

Primul care a semnalat fenomenul palatalizării în limba română, adică primul dialectolog al nostru, a fost Dimitrie Cantemir. Autorul „Descrierii Moldovei” are meritul de a se fi oprit, pentru prima oară la noi, asupra unui fenomen fonetic esențial pentru graiul moldovenesc, palatalizarea labialelor²²⁹. El nu folosește un termen special pentru acest fenomen, ci relatează doar că „femeile moldovence au o pronunțare deosebită de a bărbaților, căci schimbă *bi* și *vi* în *ghi*, ca *bine* < *bene* > *ghine*, *vie* < *vinea* > *ghie*, *pizmă* „invidie” > *chizmă*, *piatră* < *petra* > *chiatră*; *n* inițial notat cu litera *ng*, de unii greu de pronunțat, ca *mie* > *mnghie* etc.²³⁰.

Afirmația lui Dimitrie Cantemir pornește de la constatarea că femeile vorbesc mai dialectal decât bărbații. Faptul se explică prin aceea că bărbații, prin natura ocupațiilor lor, călătoresc mai mult, vin în contact cu vorbitorii altor graiuri. Dacă totuși, remarcă în continuare autorul, un bărbat folosește „acea pronunțare”, atunci el, ca șoarecele, „se trădează totdeauna” cu gura lui că a stat prea mult la sânul maică-sa”. Astfel de bărbați sunt, de regulă, ironizați, fiind numiți „feciori de babă”²³¹.

Pasajul despre palatalizarea labialelor din „Descrierea Moldovei” a atras atenția mai multor cărturari. Afirmația lui Dimitrie Cantemir că femeile vorbesc altfel decât bărbații a constituit un subiect de controversă²³². S-a spus că principele moldovean se referea, când afirma că bărbații, de regulă, nu palatalizează labialele, la clasa din care făcea parte el, deci la boierime. Femeile din aceeași clasă palatalizau labialele, ca și femeile și bărbații din popor, adică de la sate. Prin urmare, expresia „fecior de babă” ar fi circulat în interiorul clasei boierești, și nu s-ar referi la toți bărbații care palatalizau labialele.

Noi credem însă că D. Cantemir nu avea în vedere numai clasa boierească. Desigur că cei ce foloseau expresia „fecior de babă” plecau de la distincția dintre o vorbire mai îngrijită și una populară, ceea ce presupune un oarecare grad de cultură.

Această distincție o mai puteau face și alții, nu numai reprezentanții clasei boierești. Amănuntul că un bărbat care păstrează fenomenul palatalizării labialelor „a stat prea mult la sânul maică-sa” este important, deoarece arată că cei vizați nu au venit în contact, în măsura cuvenită, cu alți vorbitori, care nu palatalizau labialele. Această deosebire dintre graiul bărbaților și cel al femeilor de la țară se mai păstrează și astăzi. Când D. Cantemir afirma că „femeile moldovence au o pronunțare deosebită de a bărbaților”, el nu putea

²²⁹De aceea D. Macrea începe studiul Palatalizarea labialelor din volumul său „Probleme de fonetică”, cu discuția părerilor lui Dimitrie Cantemir despre aceste fenomene.

²³⁰Cantemir, 1997, p. 227.

²³¹*idem*.

²³²Ivănescu, 1948, p. 176-178.

opune o rostire generală, a femeilor, alteia, cu totul restrânse, a bărbaților din clasa boierească²³³. Desigur că aceștia vorbeau cu mai puține palatale, lucru firesc, dar nu erau singurii care evitau fenomenul în discuție. La răspândirea formelor fără palatale nu au contribuit deci numai reprezentanții clasei boierești.

Un alt fapt pe care-l subliniem este acela că Dimitrie Cantemir privește fenomenul palatalizării labialelor din punctul de vedere al limbii literare. Acesta îl face să ajungă la concluzia că formele cu palatale trebuie evitate. Ideea o pune în practică chiar începând cu prima sa operă „Divanul sau gâlceava înțeleptului cu lumea”. Aici apar formele hipercorecte *obial* „ogheal” și *piloți* „chiloți”²³⁴, semnificative pentru preocuparea autorului ca nu cumva să se strecoare în scrisul său palatale în locul labialelor. În această lucrare bine „pieptănată” de fenomenul palatalizării, labiodentala *f* apare, de cele mai multe ori, nepalatalizată în forma verbală *a pofti*, și doar arareori *f* este palatalizat: „...în puțină vreme toate cele ale pohtei trupului meu să fac...”²³⁵.

Vom observa că rusescul *одеало* a dat naștere, în limba română, la două cuvinte: *ogheal* „cuvertură, plapumă”, rezultat al palatalizării dentalei [d], și *obială* „bucată de pânză sau de postav cu care țaranii (uneori și militarii) își înfășoară laba piciorului în loc de ciorap sau peste ciorap”, rezultat al depalatalizării lui *gh* din *ogheal*.

Em. Petrovici susține că palatalizarea labialelor apare la D. Cantemir numai în două cuvinte: *hiriș* (< *hire* (*fire*) și *chezi* (pluralul lui *piază*)²³⁶. Există însă și alte câteva forme cu palatale în opera Principelui moldovean.

Labiala care apare cel mai frecvent palatalizată în textele vechi este *f*. Observația aceasta este valabilă și pentru opera lui D. Cantemir. Totuși el se deosebește întrucâtva de cronicarii moldoveni. La M. Costin, de exemplu, întâlnim când *f*, când *h*²³⁷. La D. Cantemir, atestăm, mai ales, *f*. Acest lucru se poate remarca chiar începând cu *Divanul*, unde, cu excepția a două cazuri (D, 35, 115), toate formele verbului *a fi* apar ca în limba literară. Forme ca *hiece*, *hiecare*, de la Varlaam sau *hieci*, *hieru*, *înherați*, *herbea*, *herbinteală* de la

²³³Vorbind despre caracterul popular al cronicii lui Ion Neculce, academicianul Iorgu Iordan spune chiar că „între vorbirea maselor populare și cea a clasei conducătoare nu existau aproape deloc deosebiri nici chiar atunci când boierii erau (ceea ce se întâmplă foarte rar) oameni culți. Aceștia aveau, desigur, un vocabular mai bogat, construiau fraze mai complexe, dar, considerată în total, limba folosită de ei era, calitativ vorbind, identică cu a țăranilor”.

²³⁴Cantemir, 1990, p. 125.

²³⁵*ibidem*, p. 21.

²³⁶Petrovici, 1958, p. 129.

²³⁷Aici trebuie să citim, de fiecare dată, *h* (fricativă palatală surdă). În alfabetul chirilic, nu exista un semn special pentru a nota acest sunet.

M. Costin nu vor mai apărea la D. Cantemir. În comparație cu Varlaam și cu cronicarii moldoveni, D. Cantemir face deci un pas înainte în ceea ce privește eliminarea din scris a formelor cu faringala *h* în locul labiodentalei *f*.

D. Cantemir a contribuit la o mai mare circulație, în scris, a lui *f* în locul lui *h* în zona unde *h* era unanim acceptat. „Divanul”, tipărit încă în 1698, a putut servi ca model în această privință. Este, de altfel, opera cea mai „curată” a lui Dimitrie Cantemir în privința tratamentului labialelor, ceea ce s-ar putea explica și prin dimensiunile ei reduse. Tot aici apar și cele dintâi hiperurbanisme la D. Cantemir. Prezența acestor forme arată, o dată în plus, că autorul era preocupat de curățirea limbii scrise de anumite fonetisme.

Bilabiala *m* este palatalizată numai o singură dată în cuvântul *hămesi*: „foamea leșinându-l și hemnisindu-l”²³⁸. Desigur că aici *n* se pronunța *n'*, căci în alfabetul chirilic, nu există un semn special pentru a nota nazala palatală, așa ca în spaniolă, bunăoară: *doña*.

Labiodentala *v* nu apare palatalizată în operele scrise de Dimitrie Cantemir în limba română. Din „Descrierea Moldovei” aflăm însă că silaba *vi* este palatalizată: *vie* – *ghie*).

Putem conchide deci că pe vremea lui D. Cantemir întreaga serie a labialelor era palatalizată.

Fenomenul palatalizării este destul de frecvent la I. Creangă. Pot fi discutate, în primul rând, fapte dialectale general moldovenești, nesesizate până acum. Vom observa că aproape toate labialele urmate de iot suferă, *la personajele* lui I. Creangă, fenomenul palatalizării, lucru neobservat însă *la povestitorul* Creangă:

a) bilabialele *b* și *p*. Cuvântul *piuă*, are, la povestitorul din Humulești, forma *chiuă*: „Degeaba mai bați apa-n chiuă să s-aleagă unt” (Ion Creangă, vol. II, *Moș Nicifor Coțcarul*, p. 17). *P* urmat de palatală > *k'* în: *pochii*, *chilos*: „Trăsnea, fiind mai chilos”, unde *chilos* < *pilos*²³⁹, pop. „tare, puternic, rezistent; răbdător, tenace” < *pilă* + suf. *-os*), *chilit* („...de chilit la țuică...” = de pilit la țuică, unde „*a pili*” a bea, a consuma băuturi alcoolice; a se ameți” < fig. *pilo*), *să chirotească* („să-si chirotească din picioare”, spune tatăl lui Nică, unde *a chiroți* < *piroți* „a moșăi, a dormita”). Palatalizarea lui *b* este prezentă în text prin verbul *a ghili* (pânza), unde *a ghili* < ucr. *biliti* „a albi, a înălbi”: „...mă uitam pe furiș cum se joacă apa cu piciorușele cele mândre ale unor fete ce *ghileau* pânza...” (Ion Creangă, vol. I, *Amintiri din copilărie*, p. 255). Vom observa că slavonul *белитъ* are, în limba română, două reflexe: una arhaică, prezentă prin verbul cu forma nepalatalizată *a beli* cu sensul de „a jupuia”, ca la C. Negruzzi, în nuvela „Alexandru Lăpușeanul”: „Capul lui Moțoc vrem! El ne *belește* și ne pradă”, și alta literară, cu palatalizarea

²³⁸Cantemir, 1990, p. 73.

²³⁹Vom observa rădăcinile latine ale acestui cuvânt: *pilum* „păr”, *pilum* + *-osus* = *pilosus* „păros”.

dentalei *d* în *gh* la cuvintele de origine slavă: ∂_{IABOIV} > diavol, pronunțat regional *ghiavol*.

b) labiodentalele *v* și *f*. *F* urmat de iot > *h* (ca în sudul Moldovei și în alte regiuni), în: *de-a puterea hi*. De altfel, aceasta este singura situație în care *f* se palatalizează. La fel ca *f*, *v* urmat de iot se găsește nepalatalizat. Totuși ar fi de semnalat forma *ghivorniță* („o givorniță cumplită”), din „Povestea lui Stan Pățitul”, care provine, fără îndoială, din *viforniță*, cu o fază de palatalizare a lui *v*, specifică nordului Moldovei > *viforniță* > *ghivorniță*, ca în nordul Transilvaniei și Crișana, cu refacerea africateri.

c) palatalizarea lui *m* este rarisimă. Suscită interes doar adjectivul *ghițoasă* în care întrezărim forma literară *mițoasă*. Transformarea poate fi explicată prin înmuierea pe *m* și palatalizarea lui în *n'*: *mițoasă* > *nițoasă* > *ng'it'oasă* > *g'it'oasă*. S-ar putea ca *g'it'oasă* să aibă la bază substantivul *vițe* (de păr, de lână), deci să provină din *vițoasă*, unde *v* s-a palatalizat în stadiul *g'*, ca în *vin* > *ghin* > *hin*.

Dentala *d* apare palatalizată la Creangă în formele *ghiavole*, *ghibăcia* și *ghibăcești*: „Însă mama ne mai dă atunci câteva pe deasupra, și mai îndesate, zicând: – Na-vă, *ghiavoli* ce sânteți” (Ion Creangă, vol. I, *Amintiri din copilărie*, p. 241).

Regional, în graiurile nordice, labiodentala *v* se transformă în *h*, înaintea lui *o* sau *u*. Forma *bihol* (< v. sl. *byvol*) se întâlnește sistematic. Alături de *hulpe*, *holbură*, *hultur*, D. Cantemir folosește și *vulpe* (< lat. *vulpes*), *volbură* (< lat. *volvula*), *vultur* (< lat. *vultur*, *-uris*, uneori pe aceeași pagină²⁴⁰).

Se mai păstrează încă *h* în verbul *a pohti* (< v. sl. *pohotěti*) și în substantivul *pohță*, postverbal al lui *pohti*. Formele cele mai frecvente sunt cele cu *h*²⁴¹.

Labialele palatalizate sunt foarte răspândite în zona Moldovei.

O caracteristică a graiului din zonă este tratamentul bilabialei *p*. Aceasta este palatalizată și, astfel, este transformată în ocluziva palatală surdă *č*. Acesta este un stadiu final de palatalizare, care presupune înlocuirea bilabialei *p* cu palatala surdă *č*: *čăkiță*, *kihniță*, *kiătră*.

Deși fenomenul „palatalizării labialelor” cuprinde o parte importantă a teritoriului dacoromân, aria subdialectului moldovean reprezintă zona tipică a formelor cu labiale palatalizate, căci aici fenomenul se produce cu consecvență. „Așa-numitele graiuri centrale, care ocupă cea mai întinsă parte a teritoriului de la est de Prut și de dincolo de Nistru, au trăsături fonetice identice cu cele răspândite în graiurile din provincia Moldova (România). De pildă: realizarea africaterilor prepalatale *č*, *š* în stadiul de fricativare *š*, *ž* (*šerc* „cerc”, *șer* „ger”), realizarea labializării labiodentalelor *f*

²⁴⁰Textele sudice au chiar din secolul al XVI-lea numai forme cu *v*.

²⁴¹Încă din secolul al XVI-lea, notăm și trecerea lui *h* slav în *f*: *pohti* < *pofti*.

v în stadiul *š, ž* (*šérbi* „fierbe”, *žîn* „vin”), palatalizarea labialelor *p, b, m*, în stadiul *č, ġ, ŋ* (*čept* „piept”, *ġini* „bine”, *ŋiriști* „miriște”) etc.”²⁴².

În Republica Moldova însă, la trăsăturile dialectale comune cu Moldova de peste Prut s-au adăugat alte particularități, apărute în timpul îndelungatei perioade de dominație rusească și sovietică, ce a durat mai bine de un secol și jumătate. E vorba de anumite alterații ale vorbirii populare.

„Deformările ce au îndepărtat vorbirea din Republica Moldova de baza sa comună românească se explică ușor sub raport lingvistic, ele fiind urmarea logică a deosebit de puternicei și masivei influențe a limbii ruse culte și vorbite, oficiale și populare”²⁴³.

După 1945, când s-au întors la vatră veteranii celui de-al doilea război mondial, cei care au luptat în armata sovietică au adus cu sine nu numai obiceiuri noi, ci și cuvinte de origine rusească, pe care le-au introdus direct în limbajul cotidian fără să le traducă, fără să le mai „pieptene” câtuși de puțin, să le adapteze la specificul limbii noastre. „La români, au existat o serie de adresări ale copiilor față de cei mai în vârstă. Dacă era vorba despre frați – *bade, bădiță, nene, nea*; dacă era vorba despre surori – *lele, leliță, liță, țată*. Frații și surorile părinților erau numiți *moși* și *mătușe*. Tot *moș* și *mătușă* li se spunea oamenilor în etate, iar celor mai tineri li se spunea *lele, leliță, țată, țățică, bade, bădiță* etc.”²⁴⁴.

Tot atunci a început și procesul de palatalizare a dentalelor din cuvintele de origine rusească: „Spre regretul nostru, în perioada postbelică, au fost împrumutate din limba rusă o serie de adresări destul de caraghioase și străine nouă, ce sunt frecvent utilizate în limba vorbită – *ghiaghe, chioche, chiochică, ghiaghică* etc., adică niște adaptări din limba rusă care sună destul de respingător. Aceste anomalii trebuie cu orice preț depășite prin readucerea la viață a adresărilor noastre tradiționale ce se utilizează de români pretutindeni – domn, doamnă, unchi, tuță etc.”²⁴⁵.

Scriitorii noștri folosesc, în creațiile lor, cuvinte conținând consoane palatele pentru a reda coloritul moldovenesc. De exemplu: „Mătușa în fustă cafenie nu mai picură²⁴⁶. Se uită de pe scăunașul ei când la cântar, când la vânzător și parcă ar zice în sine sa: „Ia să cumpăr și eu niște *scrânghiță*” (Ion Druță). Vom observa că varianta literară a elementului palatalizat este

²⁴²Pavel, 1995, p. 62.

²⁴³Berejan, 2007, p. 41.

²⁴⁴Capcelea, 1998, p. 30.

²⁴⁵Profesorul bălțean, dl Valeriu Capcelea, nu este filolog, ci filosof, de aceea a preluat cuvintele amintite așa cum sunt pronunțate în arealul basarabean, adică rostite cu dentalele [d] și [t] palatalizate: nu *дядя* și *тетя*, ca în limba rusă literară, ci *gheaghea, chiochea*.

²⁴⁶I. Druță ar fi putut scrie *chicură*, dar el nu-și permite să coboare la nivelul personajelor sale din popor, care palatalizează.

scrumbie, care provine din grecescul *skumbri*²⁴⁷, unde s-a produs metateza, *r* trecând după *k*. La hotarul dintre două silabe (*scrum-bi-e*), consoana *b*, aflându-se în poziție tare, îl disimilează pe *m* (avem două consoane labiale), transformându-l în *n*; *b* urmat de *i* s-a palatalizat în *gh*; s-a schimbat structura cuvântului, recurgându-se la sufixul *-i*; desinența *e* a fost înlocuită prin *ă*.

Un alt tip de palatalizare pentru rostirea neliterară a vorbitorilor de limba română din arealul basarabean îl constituie modul de articulare a dentalelor [t] și [d]. În limba rusă, există consoane tari și moi, care „se deosebesc între ele printr-o articulare distinctă. După locul de articulare, la formarea consoanelor moi, limba se deplasează în partea anterioară a cavității bucale, pe când la articularea celor tari, în partea ei posterioară; comp.: [в'ил]– [вьл], [л'ёр] – [лог], [р'яд] – [рад]. La articularea consoanelor moi, cu mișcarea limbii înainte, spre palatul gurii (palat < lat. palātum) are loc palatalizarea”²⁴⁸.

Prin rostirea palatalizată a dentalelor rusești în manieră basarabeană, acestea, am putea zice, au suferit cea de-a patra palatalizare.

Foneticienii ruși atenționează și asupra modului de articulare a dentalelor [t] și [d]. La rostirea dentalelor tari, faza de pronunție a lor se termină cu o ocluzie bine distinctă. La rostirea dentalelor moi (palatalizate), organele aparatului fonator de deschid mai lent, ca la pronunția africatelor: [ц'ебѣ – тебѣ], [дз'евочка – девочка]. Nivelul acestei „africatizări” poate fi diferit: unii pronunță dentala mai aproape de africată, alții invers. Trebuie să avem însă în vedere că „țecăitul” excesiv caracterizează pronunția neliterară²⁴⁹.

La ora actuală, chiar dacă are un guvern liberal-democratic, Republica Moldova este singurul stat ex-sovietic în care minoritățile etnice neruse (ucraineni, găgăuzi, bulgari, evrei, parțial țigani) sunt supuse continuu unui proces de rusificare prin menținerea învățământului public pentru acestea, în mare parte, doar în limba rusă. Noțiunea de rusofon/rusolingv, inventată de propaganda sovietică, a fost și rămâne un eufemism pentru tot ce înseamnă etnic alofon. Minoritățile etnice neruse au fost decupate întotdeauna din ansamblul corpului nostru social și alinate sau subordonate minorității ruse, în contrabalanță lingvistică față de majoritatea etnică română. Lingvistic și cultural vorbind, ucrainenii, găgăuzii și bulgarii, dar și mulți băștinași care și-au făcut studiile în limba rusă, au fost și rămân un fel de „auxilia”²⁵⁰ ale comunității etnice rusești, preluând până și felul de a articula consoanele dentale *d* și *t*.

²⁴⁷DEX, 1998, p. 965.

²⁴⁸Касаткин, 2006, с. 42.

²⁴⁹Матусевич, 1976, p. 134.

²⁵⁰Romanii numeau *auxilia* unitățile militare pe teritoriul Imperiului, alcătuite din băștinași.

Anume acest mod de articulare a consoanelor dentale caracterizează, adesea, limbajul tineretului studios de la liceele și instituțiile de învățământ superior din Republica Moldova, care, nu este secret, în pauzele dintre ore, vorbesc rusește, transpunând în limba maternă felul de a articula dentalele după modelul rusesc. Palatalizează, vizibil, juristul Partidului Comuniștilor Sergiu Sârbu, președintele CEC Iurie Cegan și foarte mulți alți conaționali de-ai noștri, care au preluat modul de articulație rusesc. La rubrica „Publicitate” a postului „Jurnal TV”, de după cadru, se aude vocea unui băiețandru, care, de mic, adică parcă neinfluențat de pronunția rusească, deja palatalizează: „Pentru că dacă fiecare **dzin** noi ar zâmbi **dze** două ori mai **dzes...**”

„Influența limbii ruse s-a răsfrânt asupra limbii române, care și-a pierdut apanajul latin original și a suportat influențele parazitare, cum ar fi împrumuturile improprii, ortoepia palatalizată străină auzului românesc”²⁵¹. De aceea, ține de datoria noastră, a tuturor, ca în procesul de însușire a limbii române și de cultivare a ei, să-i debarasăm pe vorbitorii ei de fenomenul palatalizării, care nu este caracteristic limbii române literare.

Artiștii cuvântului folosesc fenomenul palatalizării pentru a reda coloritul limbajului basarabean. Astfel, o emisiune televizată cu Seva (Vsevolod Cernei) și Bogdan (Dascal) are genericul „Las’ că-i ghini”.

Lingvistul Valentin Mândăcanu povestea, pe paginile hebdomadarului „Literatura și Arta”, despre un mancurt de la Mihăileni, care, vroind să devină „nacialnic”, a strigat, într-o seară, la club, cât îl țineau bojocii, într-o rusească pocită, palatalizând: „Chișa, bre!!!”, adică **тише** „liniște”.

Profesorul Eugeniu Coșeriu, vorbind cu drag despre particularitățile graiului moldovenesc, semnalează că „e foarte interesant să vezi că în graiul nostru moldovenesc există diferența dintre **dz** și **z**: ...**dzamă** și **pază**. Iar arunci când vreau să vorbesc ca între noi și ca la noi acasă, atunci nu mă tem că îmi vor spune că ești basarabean și nu știi bine românește, nu mă sfiesc atunci să spun «Îi ghini și așa!»”²⁵².

Referințe bibliografice

- BEREJAN, Silviu. *Itinerar sociolingvistic*. Chișinău, 2007 [=Berejan, 2007].
- CANTEMIR, Dimitrie. *Descrierea Moldovei*. Chișinău: Litera, 1997 [=Cantemir, 1997].
- CANTEMIR, Dimitrie. *Divanul sau gălceava înțeleptului cu lumea*. București: Minerva, 1990 [=Cantemir, 1990].
- CAPCELEA, Valeriu. *Tradițiile naționale*. Chișinău: Evrica, 1998 [=Capcelea, 1998].
- CONSTANTINESCU-DOBRIDOR, Gheorghe. *Dicționar de termeni lingvistici*. București: Teora, 1998 [=Constantinescu-Dobridor, 1998].

²⁵¹Guțu, p. 6.

²⁵²Coșeriu, 2007, p. 53.

COȘERIU, Eugeniu, *Universul din scoică*. Interviu realizat de Gheorghe Popa, Nicolae Leahu, Maria Șleahțișchi. Chișinău: Știința, 2007 [=Coșeriu, 2007].

CREANGĂ, Ion. *Opere*. Vol. I. Chișinău: Literatura artistică, 1989 [=Creangă, 1989a].

CREANGĂ, Ion. *Opere*. Vol. II. Chișinău: Literatura artistică, 1989 [=Creangă, 1989b].

DEX, Univers Enciclopedic. Ediția a II-a. București, 1998 [=DEX, 1998].

GUȚU, Ana, *Despre controversata problemă a limbii și identității în Republica Moldova* [=Guțu].

IVĂNESCU, George. *Probleme capitale ale vechii române literare*. Vol. XI-XII. Iași, 1948 [=Ivănescu, 1948].

PAVEL, Vasile. *Limba română și graiurile ei teritoriale (Cu referire la denumirea corectă a limbii românilor de la est de Prut)* //Revistă de Lingvistică și Știință Literară”. Nr. 5, 1995. P. 60-63 [=Pavel, 1995].

PETROVICI, Emil. *Limba lui D. Cantemir*. București, 1958 [=Petrovici, 1958].

ROSETTI, Alexandru, CAZACU, Boris, ONU, Liviu. *Istoria limbii române literare, II. De la origini până la începutul secolului al XVIII-lea*. București: Editura Științifică, 1971 [=Rosetti et alii, 1971].

ROSETTI, Alexandru. *Despre consoanele palatalizate și consoanele muiate*, 1955 [=Rosetti, 1955].

КАСАТКИН, Л. Л. *Современный русский язык. Фонетика*. Москва: Изд-во „Академия”, 2006 [=Касаткин, 2006].

КОЛЕСОВ, В. В. *Историческая грамматика русского языка*. Санкт-Петербург: Изд-во „Русский мир”, 2008 [=Колесов, 2008].

МАТУСЕВИЧ, М. И. *Современный русский язык. Фонетика*. Москва: Изд-во „Просвещение”, 1976 [=Матусевич, 1976].

МАРКЕТИНГОВОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК НОВЫЙ ФОРМАТ ЛИНГВИСТИКИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Наталья ХАЛИНА,

профессор, доктор филологических наук

(Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия)

167

Limbaj și context, Anul III, vol. 2, 2011

Abstract

The author presents some personal ideas on the new type of linguistics – the marketing linguistics.

Keywords: *linguistics, marketing.*

Rezumat

Autoarea prezintă unele reflecții personale asupra unui nou tip de lingvistică – cea de marketing.

Cuvinte-cheie: *lingvistică, marketing.*

Развитие человечества к началу нового тысячелетия вступило в новую фазу, которая была означена как информационное общество. Преодоление рубежа столетий позволило обнаружить специфические черты бытования в информационном пространстве, что привело к необходимости введения понятия «цифровое общество».

Смысл нового общества, по мнению одного из приверженцев идеи цифрового общества Дж. Тапскотта, состоит в борьбе за будущее, способности создавать новые товары и услуги, возможности преобразовывать предприятия в новые структуры, используя цифровую форму передачи информации²⁵³. Новую эру, как полагает исследователь, уместно было бы назвать «песочный век», поскольку все – торговля, сделки, общение между людьми, научные открытия – совершается заряженными частицами в кристалликах кремния или стеклянных волокнах, которые получают из простого песка.

Отличительной чертой цифрового общества является то, что информация становится базовым ресурсом социального субъекта и создает базу для форматворческого проявления логики сети. Сетевая логика является главным методологическим средством практического воплощения информационно-технологической парадигмы, упраздняющим дистанцию между означаемым и означающим. В подобной эпистемической ситуации актуальным признается понимание языка как маркетинг-структуры, которая подготавливает к сбыту некоторую теорию, концепцию, идею, т.е., формирует среду для размещения экономически полезной, а, следовательно, эволюционно целесообразной концепции в семантическом поле социального субъекта. Лингвистическое исследование приобретает черты

---

²⁵³Тапскотт, 1999.

маркетингового исследования, которое понимается в качестве особого способа взаимодействия, через информацию связывающего маркетологов – исследователей-дистрибьютеров лингвистического знания – с информационными рынками, потребителями информации, «конкурентами», со всеми элементами внешней среды маркетинга. Актуальными в жизнедеятельности общества становятся идеи и понятия маркетинговой парадигмы.

М.Е. Морозова отмечает, что маркетинговые исследования, в отличие от научных, проводятся в среде, порожденной социальными явлениями, и ориентированы атрибутами рынка²⁵⁴. Делая выводы, касающиеся маркетинговой парадигмы, автор обращает внимание на несколько аспектов: на отсутствие в маркетинговых исследованиях вектора направленности (когда собирается актуальная, релевантная информация и провоцируются своевременные решения по принципу «здесь и сейчас»), на объективность результатов маркетинговых исследований в рамках контура рынка и на социально-экономическую значимость, опору на реальные факты и реальное состояние всех компонентов рынка.

О. Юлдашева полагает, что новая маркетинговая парадигма, появившись в связи с перенасыщенностью современного рынка товарами и услугами, формулирует новые задачи создания инновационных технологий потребления, на базе которых можно разрабатывать комплекс товаров и услуг, а также обучать потребителя использовать их, получая удовлетворение²⁵⁵. В новой маркетинговой парадигме особое место отводится автором когнитивному маркетингу, в основе которого лежит концепция построения организации (бизнес-системы или бизнес-структуры). В рамках концепции построения организации возможно формирование у бизнес-партнеров, в том числе покупателей и потребителей, и конечных розничных потребителей, общего восприятия, означающего схожую систему взглядов на окружающий мир, ценности, деловые и личные ориентиры участников (цели), мотивы, стиль жизни и работы. Фактически речь идет о формировании общей картины мира, предполагающей тождественность не только соотношения означающего и означаемого, но и сходства лингвистического перформанса, по которому и должен определяться стиль жизни и работы.

Исследование специфики лингвистического перформанса составляет объект маркетингового языкознания, столь разнообразно представленного в таких научно-исследовательских практиках, как

---

²⁵⁴Морозова, *Концептуальная...*

²⁵⁵Юлдашева, 2007.

политическая лингвистика, юридическая лингвистика и медиалингвистика.

Когнитивный маркетинг ориентирован на создание и продвижение технологий потребления, рассматриваемых К. Ланкастером в качестве альтернативы технологиям производства, т.е. совокупности товаров, потребляемых потребителем в определенных сочетаниях, которые не зависят от необходимых потребителю характеристик на выходе²⁵⁶. Таким образом, маркетинговое языкознание, избирая в качестве материала исследования речевые особенности правовых отношений, формальные и семантические структуры политического идеоцикла, организационные особенности структурирования информационного потока в средствах массовой информации, более нацелено на технологии потребления знака и текста, чем на технологии производства указанных величин исчисления социального континуума. Маркетинговое языкознание выступает в качестве разновидности прикладной лингвистики, моделируемой сетевой логикой и призванной модифицировать связь между означаемым и означающим в соответствии с требованиями информационно-технологической парадигмы. Причем процедура установления связи между означаемым и означающим приобретает формат технологии, обучающей использованию знака, т.е. его потреблению, а следовательно, пониманию знака как некоего интеллектуального и социально-коммуникативного продукта.

О.У. Юдашева отмечает, что технология потребления представляет собой специфическое сочетание определенных продуктов, которые потребитель предпочитает использовать в определенный промежуток времени²⁵⁷. Сам же термин «технология потребления», по утверждению автора, включает три аспекта: стандарт потребления, принятый в обществе; предпочтения потребителей (потребление определенных брендов), технология эксплуатации конкретного продукта.

В настоящее время, в лингвосомиотических работах речь ведется лишь об языке потребления текста и потребления как текста. Идея лингвистического стандарта потребления пока не обсуждается, несмотря на ее актуальность, очевидно потому, что понятие нормы признается достаточным для регулирования отношений на рынке услуг, поставляемых собственно языком и теми, кто его использует для проектирования предметной среды, так называемого *дизайна повседневной реальности*. И.Б. Левонтина указывает на то, что большое количество новых русских слов связано с динамикой языковой картины мира, что обусловило ряд изменений, связанных с распространением

---

²⁵⁶Ланкастер, 1993.

²⁵⁷Юдашева, 2007.

ценностей общества потребления²⁵⁸. Динамика языковой картины мира и социальных приоритетов предопределяет, как полагает автор, три основных направления концептуальных изменений: 1) изменение ценностного статуса успеха и достижения; 2) изменение представлений о самооценке; 3) изменения, связанные с распространением ценностей общества потребления.

В.И. Ильин обращает внимание на то, что изучение потребления в развитых странах современного Запада привело исследователей к выводу, что потребление становится для широких масс населения систематическим актом манипуляции знаками²⁵⁹. В условиях обезличивания человека организацией и работой, а также массовым производством одинаковых вещей, современное, как считает М. Томас, потребление заполняет образующийся вакуум идентичности, так как потребление превращается в поиск ответа на вопрос «Кто я?»²⁶⁰.

Потребляя, полагает В.И. Ильин, мы создаем текст, в соответствии с которым о нас судят. В одних случаях текст пишется стилем потребления сознательно, в других случаях текст создается по привычке, автоматически. При этом знак выполняет двоякую функцию: а) является носителем информации о социальном опыте, о месте в иерархии; с его помощью судят о стиле жизни; б) выступает в качестве культурного ресурса, формирующего социальную иерархию и определяющего социальную мобильность в ней.

Ученые, которые исследуют потребление с точки зрения лингвосомиотики, предпочитают не использовать в работе термины «технология потребления» и «стандарты потребления», поскольку это, по их мнению, не только вносит некоторый диссонанс в систему описания современного лингвистического материала, опирающуюся на положения прескриптивного языкознания, но и требует соответствующего преобразования всей системы описания, что сопровождается признанием того, что в современной коммуникации язык выступает в роли маркетинг-структуры. О функционировании последней уместней рассуждать, используя понятие *маркетинговой парадигмы*, в также понятие «стандарт потребления» вместо понятия *нормы*.

О.У. Юдашева понимает *стандарт потребления* как определенную группу продуктов и услуг, которая является общепризнанным необходимым набором, потребляемым в определенном обществе²⁶¹. Стандарты потребления внедряются на трех уровнях: (1) на

---

²⁵⁸Левонтина, 2007.

²⁵⁹Ильин, 2000.

²⁶⁰Thomas, 1997.

²⁶¹Юдашева, 2007.

потребительском рынке (через воспитание предпочтений к определенному стилю жизни, к определенным брендовым товарам); (2) на рынке производителей (через продвижение новых технологий потребления и через обучение ими пользоваться) и деловых покупателей; (3) на уровне государства (через стимулирование законодательного введения новых стандартов потребления).

Под *технологией потребления* идеи, идеологии, представленной через конкретную лингвистическую форму (лексическую единицу, синтаксическую конструкцию), следует понимать, как мы полагаем, прежде всего количество отбираемых и используемых единиц, размер и частоту использований, предпочтения использования именно одной формы, варианты и случаи использования лингвистической единицы. Технология потребления идеологии согласуется с технологией потребления лингвистической единицы как единицы, означающей некую единицу социального дискурса. Технология потребления идеологии, подобно технологии потребления конкретного продукта, включает последовательность определенных действий, которые совершаются потребителем, требуют определенных навыков, знаний, обеспечивают эффективное использование единицы или комплекса единиц, а также приносят потребителю удовлетворение. Стандарт потребления продукта продвигает компания, которая продает продукты; стандарт потребления лингвистической формы, своим употреблением проектирующей предметную среду, «продвигается» общественным/политическим деятелем, политической партией, радио- и телеканалами, интернеткоммуникацией.

Когнитивный маркетинг, актуальный для рынка потребления как товара, ориентирован на создание и продвижение технологии потребления, включающей стандарт потребления, предпочтения к определенным маркам/типам словоупотребления и технологию потребления конкретного продукта, группы сопутствующих продуктов/лингвистического проекта предметной среды, которую продвигает компания/политический деятель, обучая потребителя тому, как пользоваться данными продуктами/отобранными словоформами.

В плане создания и продвижения технологии потребления достаточно показателен художественный текст Н. Дубовицкого «Околоноля», который следует отнести к текстам гипературы, ориентированным на новую технологическую парадигму: «Однажды родные просторы вдруг перестроились и огласились гласностью. Потрескалась и разохлась советская крепость, загуляли по ней лихие сквозняки, зашевелились внутри крепостные, закашляли, закряхтели понемногу, позевывая и тараща очи, стали вываливаться наружу,

вытягиваться на запах запада. Умы смутились, и рожденные лакействовать, выброшенные на свободу, впадали кто в коматозное смирение, кто в самый вульгарный нигилизм. Партбоссы ругали партию, комсомольцы заводили темные какие-то банки и биржи, прапорщики подались в киллеры, герои соцтруда распродавали потихоньку оборонку и нефтянку, а на досуге митинговали, ругали реформаторов и оплакивали былое величие красной державы».

В этом текст проектируется дискурс человека новой России и «проговаривается» проект связей денотата формирующейся – виртуальной – среды и знака русского языка, что в совокупности представляет новую культурную среду. Культурная среда, по мнению И. Кастельса²⁶², представляет собой образец эфимерной символической коммуникации в культурной области, организованной вокруг преимущественно интегрированной системы электронных средств связи. Символическое пространство сформировано и структурировано в подвижный и диверсифицированный гипертекст, из которого черпаются знаки, участвующие в организации мыслительной деятельности современного человека.

Диверсифицированный текст «Околоноля», по своим структурным характеристикам, не противоречит синхронному лингвистическому дискурсу, воспроизводящему характерные контуры информационно-сетевого общества и имплицитную семантику парадигмальных установок постмодернизма. Он опирается на категорию **Differance**; в нем структурируется мир абсолютного исчезновения, мир человеческого существования, противопоставленный миру **Presence**, миру Бытия как присутствия.

Синтаксис оформления идеологической концепции автора соответствует принципам эстетического плюрализма (**aesthetic pluralism**), предполагающего существование в современном индустриальном обществе нескольких типов культуры: высокой, средневысокой, средненизкой, квазинародно-низкой и молодежно-этнической. Между этими культурами не существует непроницаемых границ, но каждая из них имеет право на суверенность, если удовлетворяет вкусам своих создателей и потребителей.

Представленный выше текст построен в соответствии с требованиями когнитивного маркетинга. Когнитивный маркетинг, как отмечает О. Юдашева, нацелен на формирование единого восприятия всех участников цепочки по созданию ценности и воспроизводству спроса на нее²⁶³, к которым относятся не только поставщики (электронные средства массовой информации), производители (Н.

---

²⁶²Кастельс, 2000.

²⁶³Юдашева, 2007.

Дубовицкий), посредники (театральные учреждения, осуществившие постановку драматического переложения текста Н. Дубовицкого), различные институциональные организации (в том числе президентские структуры и правительственные учреждения), но и потребители ценностей (продукции, услуг, лингвистического перформанса).

О.У. Юдашева утверждает, что технология потребления создает у потребителя чувства и ощущения, которые он переносит на потребляемые продукты. В случае потребления художественного продукта оформляются чувства и ощущения, которые переносятся на социальную среду и применяются при ее проектировании, а затем и при воплощении проекта в реальность. Технологии потребления конкретного товара продвигаются больше средствами рекламы, а стандарт потребления – посредством пропаганды образа жизни, в конечном счете, все зависит от стратегии и ресурсов компании. Процессу потребления лучше обучать на страницах журналов, в Интернете, через курсы, клубы, презентации, консультации, а лучше через художественное произведение, что в принципе и осуществляется автором предложенного к рассмотрению текста.

Методы маркетинговых исследований, применяемые в сфере маркетинга, подразделяются на количественные и качественные. Количественные методы имеют дело с числовыми статистическими характеристиками изучаемых совокупностей, пригодных для статистического анализа. Качественные методы нацелены на рассмотрение изучаемых предметов и явлений, характеристики которых выражены качественными категориями. Как дополнительные выделяются этнографические методы, которые по своей сути относятся к качественным методам, но основные способы получения информации в них не связаны с непосредственным общением с респондентами. Эти методы направлены на изучение поведения потребителей в естественных условиях в виде наблюдения и ведения дневников. Приближенным, в некоторой степени, к маркетинговым исследованиям, использующим качественные методы в области собственно лингвистических исследований, следует признать и описание лингвокультуры коммерческих фирм (так называемого организационного дискурса²⁶⁴), которое предполагает изучение языковой среды коммерческой организации – единства дискурса и поведенческих фреймов, отражающих культуру компании.

Д.В. Нежданов и О.Ф. Русакова приходят к выводу, что широкая и интенсивная экспансия маркетинговой парадигмы есть следствие развития коммуникативных систем и технологий, отстаивающих идеи

---

²⁶⁴Березовская, 2011.

консьюмеризма (рекламы, консалтинга, пиар и пр.)²⁶⁵. С.Н. Пшизова полагает, что на смену гражданоцентричной (**citizencentric**) модели политической коммуникации приходит рыночноориентированная (**marketoriented**), что влечет за собой ценностную девальвацию парадигмы гражданского общества²⁶⁶.

В.И. Черенков, рассматривая эволюцию маркетинга, делает интересное замечание, касающееся того, что в конечном итоге вся человеческая жизнь, биологическая и социальная, все феномены природы представляют собой совокупность обменов, что поддерживает гипотезу о существовании маркетинговых отношений во всех сферах жизнедеятельности²⁶⁷. Автор приводит слова Филипа Котлера, который размышляя о том, какой станет главная концепция маркетинга – обмен, взаимоотношение, сеть – заключает, что самые грандиозные изменения ждут впереди, поскольку глобальные технологии развиваются²⁶⁸.

И.А. Гусейнова считает необходимым исследовать маркетинговый дискурс в качестве вербализованной формы объективации рыночного мышления и сознания, а также отрегулированного механизма становления и развития жанровой системности, способствующего поддержанию взаимоотношений между предприятиями, а также предприятиями и целевым адресатом в функциональном пространстве маркетинговой коммуникации²⁶⁹. Маркетинговый дискурс предлагается также рассматривать как коммуникативный процесс, протекание которого возможно в виде интерактивного взаимодействия. Этот тип дискурса направлен, по мнению автора, на упорядочение речевого взаимодействия людей внутри профессионального сообщества, служит продвижению «системных продуктов» – наиболее полезных и общественно выгодных инноваций. Маркетинговый дискурс вырабатывает и поддерживает определенный тип рыночного мышления, являясь макросистемой жанровых ресурсов, благодаря которой осуществляется концептуальное насыщение информационной структуры жанра, закладывающей семиологический код общения и алгоритм речевого поведения.

Современный этап развития маркетинговой парадигмы соотносим с глобальным интегрированно-коммуниктивным маркетингом, классификацию периодов эволюции которого мы находим у В.И. Черенкова²⁷⁰. Так автор выделяет *прамаркетинг* (свойственный началу

---

²⁶⁵Нежданов и др., 2009.

²⁶⁶Пшизова, 2009.

²⁶⁷Черенков, 2006.

²⁶⁸Котлер, 2000.

²⁶⁹Гусейнова, 2009.

²⁷⁰Черенков, 2006.

XX-го в.), *становящийся маркетинг* (начало XX-го в. – конец первой половины XX-го в.), *неоклассический маркетинг* (50-е гг. XX-го в. – рубеж 60-70-х гг. того же века), *конкурентно-становящийся маркетинг* (60-70-е гг. XX-го в. – 80-90-е гг. того же века), *эмпатический маркетинг* (80-е гг. XX-го в. – середина 90-х гг. того же века).

Маркетинговое языкознание начинает оформляться в нечто самостоятельное на рубеже 2010-2020 гг., т.е. в период глобального интегрировано-коммуникативного маркетинга. В значительной степени этому способствуют политические технологии, опирающиеся на когнитивный маркетинг, одним из направлений которого является превращение продукта в технологию потребления с учетом того, что потребители приобретают не товары и услуги, а ценности. Как отмечает О. Юдашева, технология потребления формируется еще на стадии проектирования технологии производства продукта²⁷¹: конечный потребитель должен получать определенные знания о технологии производства того или иного продукта, чтобы у него появились предпочтения к выбору той или иной технологии потребления. Подобные знания и предоставляет маркетинговое языкознание, избирающее объектом исследования рекламу, политический текст, медиатекст, речевое сопровождение юридических практик, организационную деятельность и лингвокультуру, ее обслуживающую, а также терминологические системы (TQM-тезаурусы), поддерживающие современный образовательный процесс.

Выделение маркетингового языкознания как некоего самостоятельного научного дискурса обусловлено прежде всего модификацией постмодернистской парадигмы в маркетинговую, определяющую и обстоятельства жизни современного человека, и характер его лингвистического перформанса.

«Осетвление» условий существования индивидуума и общества полагает оформление соответствующей реакции в технологиях языкового анализа, для которых скромного потенциала «компетенций» явно недостаточно. Констатируя лингвистичность человеческого разума и знания, Ю. Фримен и Г. Сколимовский приходят к выводу, что «концептуальная структура разума изменяется вместе со смещением и развитием структуры нашего знания»²⁷². Изменение функций языка в цифровую эпоху влияет на структуру его описания, которая обретает некий «сетевой» характер.

В 60-ые гг. XX-го в. «внутреннее» человеческого языка обретает статус глубинной структуры, коррелирующей со здравым рассудком

---

²⁷¹Юдашева, 2007.

²⁷²Фримен и др., 2006, с. 263.

(или «бадейным сознанием»²⁷³), с лингвистической компетенцией и лингвистическим **performance**. В конце XX-го в. социальная приоритетность и ценность последнего обуславливает методологический кризис в лингвистике: языкознание не столь методологически семиотично, чтобы компетентно анализировать **performance**.

Обретение **performance** статуса повседневной действительности поставило языкознание перед необходимостью освоения и претворения в жизнь азов аналитической философии, к которым следует отнести техники отделения истины от значения, разрезания языка в стержне языка другого и задания значения наглядным путем. Подобные техники обусловлены работой исследователей с англоязычной версией естественного языка, более ориентированной на изучение его пропозициональной специфики, менее – на трансцендентальную семантику.

В информационную эпоху трансцендентальную семантику как константную характеристику сетевого общества следует рассматривать, опираясь на феномен информации. Отражательная природа информации позволяет прогнозировать существование в языковых единицах, на разных уровнях языковой организации, особых разновидностей информационных структур, материальными носителями которых языковые единицы являются.

Языковая единица, подобно всякой материальной системе, существует постольку, поскольку ей удастся отразить направленные на нее воздействия (акции), иначе она неминуемо гибнет и распадается; самосохранение ее реализуется через отражение и зависит от ее отражательных способностей²⁷⁴. Каждая языковая единица наделена не тождественными с другими отражательными способностями функциями, характеризующимися разной степенью информационной активности, которая определяет отраженное разнообразие²⁷⁵ нового знания реципиента.

Актуальными при описании нового знания реципиента в условиях маркетинговой парадигмы становятся идеи языкового маркетинга. Термин «языковой маркетинг» начал использоваться в официальных и аналитических разработках с конца 90-х гг. прошлого столетия. Л.М. Мухарямова²⁷⁶ обращает внимание на то, что интерес к маркетингу в области языка обусловлен возрастающими возможностями

---

²⁷³Поппер, *apud* Морозова.

²⁷⁴Айдинян, 1991.

²⁷⁵Блюменау, 1982.

²⁷⁶Мухарямова, 2003.

информационного общества, потенциалом всемирной паутины²⁷⁷. В исследовании феномена языкового маркетинга Л.М Мухарямова прибегает к работам зарубежных ученых: К. Бэкера, С. Джонса, Ф. Домингеса.

К. Бэкер и С. Джонс создали модель анализа языкового маркетинга, основанную на этапах осуществления маркетинговых стратегий²⁷⁸. Они предлагают к рассмотрению следующие этапы анализа языкового маркетинга: 1) выделение конкретного компонента, подлежащего маркетинговому освоению (стандартизация или использование какого-то конкретного словаря, новых технических терминов и пр.); 2) идентификация клиентов с точки зрения уровня языковой компетенции и соответствующих запросов, персональных компетенций; изучение запросов потребителей, что помогает достичь дифференцированного определения сегментов рынка и целевых групп; 3) увязывание языкового продукта со специфическими группами как объектами целевой ориентации; 4) повышение притягательности продукта (например, через использование новой «упаковки» - языковой стандартизации, новой терминологии, словаря), то-есть акцентирование всех проявлений пользы и ценностей, связанных со знанием языка; 5) продвижение продукта (когда язык тиражируется через плакаты, газетную рекламу, журналы, телевидение, видеоматериалы, картинки, карикатуры и пр.); 6) предвидение контрпропаганды и реагирование на нее (здесь актуален компонент маркетинговой стратегии в ситуации расширения использования языка меньшинств); 7) распространение продукта, предполагающее разумным образом расположенные точки «сбыта» с учетом образования, а следовательно, уровня языковой компетенции аудитории; 8) использование критерия «добавленной стоимости» в практике языкового маркетинга (это означает, что полученные результаты превышают порог рентабельности и потребительских затрат, также в виде возросшей компетенции или улучшения качества жизни (в языковом планировании деньги не отделены от процесса принятия решений)); 9) мониторинг результатов, обеспечивающих обратные связи, оценка продукта и стратегии маркетинга; 10) пересмотр стратегии маркетинга и реализации соответствующего плана²⁷⁹.

Ф. Домингес в работе «К модели языкового маркетинга» выделяет в языке как предмете маркетинга три важнейших стратегических элемента: потребителя (посредствующего или конечного),

---

²⁷⁷Мухарямова, 2003.

²⁷⁸Baker et alii, 1998.

²⁷⁹Там же.

неконтролируемые переменные (социокультурная и экономическая среда); переменные, контролируемые специалистами в области языкового планирования (техника или политика, отвечающие продукту, дистрибуции, продвижению а среде)²⁸⁰. Автор считает, что при принятии решений в контексте языковой политики не учитывается то, что реалии языковой жизни и индивидуального языкового поведения складываются во многом за счет «неконтролируемых переменных». Со стороны планирующих субъектов необходимо выделение сегментов для адаптации продуктов (языковые обучающие материалы) и услуги (языковые рекомендации и языковое обучение) к запросам и ожиданиям потребителей. Языковой маркетинг предполагает комбинацию маркетинговых техник: политики дистрибуции и политики промоушена. Первая должна влиять на разграничение устных и письменных дистрибьютеров, опосредованных и «коротких» каналов; вторая призвана оказывать воздействие на языковое поведение, имея дело с коммуникационными выгодами.

По мнению Ф. Домингеса, маркетинг представляет собой обогащающий подход к теории языкового планирования и, по определению, мультидисциплинарную область исследования²⁸¹. Анализируя представленные позиции зарубежных авторов в области маркетинга языка, Л.М. Мухарямова задается вопросом, насколько маркетинговые подходы к языку могут оказаться эффективными в российских условиях. Полезность маркетинговых подходов к языку усматривается автором в следующем: 1) возможность противостояния непомерному вторжению иноязычных заимствований, загрязнению языка и языкового поведения канцеляризмами, жаргонной лексикой, грубыми ошибками, «ляпами»; 2) возможность оптимизации режима двуязычия в зонах прямого контакта русского языка и языков народов России, устранение резких диспропорций между национально-русскими и русско-национальными компонентами; 3) более реалистично и эффективно подойти к решению проблемы недостаточного уровня лингвистической компетенции тех, кто является носителем родного языка наряду с языком кросс-культурной коммуникации, в подавляющем большинстве русским языком; 4) защита позиций русского языка в зоне его традиционного присутствия в странах ближнего зарубежья, включая защиту прав так называемого русскоязычного населения²⁸².

Л.М. Мухарямова приходит к выводу, что в информационном веке рациональное регулирование языковых процессов и языковых

---

²⁸⁰Dominguez, 1998.

²⁸¹Dominguez, 1990, p. 13.

²⁸²Мухарямова, 2003.

отношений предполагает участие политической воли и реализации искусства стратегического маркетинга, для чего необходимо создание институциональной среды, включающей ряд субъектов социального маркетинга в языковой сфере: государственные органы, институт экспертов и квалифицированных аналитиков, сеть учителей и преподавателей, осознающих свою миссию, ответственно настроенных деятелей средств массовой информации и книгоиздания, институты гражданского общества.

Предметное проектирование институциональной среды позволит реализовать ключевую задачу маркетингового подхода – соотнести ограниченные ресурсы, эффективную реализацию продукта и рациональное воздействие на добровольное поведение потребителей. Исследованием направлений проектирования предметной среды и должно заниматься маркетинговое языкознание, используя стратегии маркетинговой парадигмы в техническом плане и опираясь на парадигму выживания (**paradigm of survival**) Карла-Эрика Линна²⁸³, ключевой позицией которой становится положение о том, что оптимальное поведение индивидуума в социуме подобно маркетингу самого себя.

К.-Э. Линн, оттолкнувшись от иерархии потребностей А. Маслоу, переходит к социально-биологическому взгляду на человека (каковым и является покупатель) как на «переносчика/совершенствователя генома». Биологическое и социальное поведение человека, по мнению исследователя, подчиняется «задаче транспортировки генома», базисными условиями реализации которой выступают еда, питье, сон, жилище и язык, добавим мы. В рамках «персонального» маркетинга индивидуум решает лингвистическим путем важнейшую для воспроизводства задачу социальной идентификации. Таким образом, маркетинговое языкознание нацелено на изучение лингвистического воспроизводства социального субъекта, которое осуществляется посредством лингвистического перформанса. Как считает В.И. Черенков, зрелое состояние любого общества предполагает, что по достижении обществом некоторых пороговых уровней социально-экономического развития, в нем происходит переоценка ценностей²⁸⁴. Подобная аксиологическая трансформация неизбежно получает лингвистическую поддержку, предопределяя формы лингвистического воспроизводства социального субъекта и социума в целом и поставляя материал для маркетингового языкознания.

Литература

---

²⁸³Linn, 1992.

²⁸⁴Черенков, 2006.

BAKER, C., JONES, S.P. *Language Marketing* // Baker C., Jones S.P. *Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education*. Clevedon, Philadelphia, Toronto, Johannesburg, 1998 [=Baker et alii, 1998].

DOMINGUEZ, F. *Toward a Language-marketing Model* // International Journal of the Sociology of Language. Vol. 134 (10), 1998 [=Dominguez, 1998].

LINN, C.-E. *Das Metaprodukt: Produktenwicklung und Marketing von Markenartikeln*. Gersthofen: Verlag Voderne Industrie, 1992 [=Linn, 1992].

THOMAS, M.J. *Consumer Market Research: does it have Validity? Some Postmodern Thoughts* // Marketing Intelligence & Planning. Vol. 15. No 2, 1997. P. 54–59 [=Thomas, 1997].

АЙДИНЯН, Р.М. *Система понятий и принципов гносеологии*. Ленинград: Наука, 1991 [=Айдинян, 1991].

БЕРЕЗОВСКАЯ, Я.С. *Организационный дискурс коммерческой фирмы. Автореф. на соиск. уч. степ. к.ф.н.* Челябинск, 2011 [=Березовская, 2011].

БЛЮМЕНАУ, Д.И. *Проблемы свертывания научной информации*. Ленинград: Наука, 1982 [=Блюменау, 1982].

ГУСЕЙНОВА, И.Л. *Жанровая организация маркетингового дискурса*. Москва: Рема, 2009 [=Гусейнова, 2009].

ИЛЬИН, В.П. *Поведение потребителей*. Санкт-Петербург: Питер, 2000 [=Ильин, 2000].

КАСТЕЛЬС, М. *Информационная эпоха: экономика, общество, культура*. Москва: ГУ ВШЭ, 2000 [=Кастельс, 2000].

КОТЛЕР, Ф. *Маркетинг в третьем тысячелетии: Как создать, завоевать и удержать рынок*. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2000 [=Котлер, 2000].

ЛАНКАСТЕР, К. *Перемены и новаторство в технологии потребления* // Теория потребительского поведения и спроса. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 1993. С. 326-336 [=Ланкастер, 1993].

ЛЕВОНТИНА, И.Б. *Язык потребления (о некоторых явлениях в русском языке)* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог - 2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007). Москва: Издательский центр РГГУ, 2007. С. 359-363 [=Левонтина, 2007].

МОРОЗОВА, М.Е. *Концептуальная и языковая парадигма в маркетинговых исследованиях* // http://www.pglu.ru/lib.publications/University_Readings/2009/IV/uch-2009_IV_00008.pdf [=Морозова, Концептуальная...].

МУХАРЬЯМОВА, Л.М. *Языковой маркетинг: направления стратегии планирования* // Государственная служба. № 6, 2003. С. 64-73 [=Мухарьямова, 2003].

НЕЖДАНОВ, Д.В., РУСАКОВА, О.Ф. *Метафора «политический рынок» как дискурсивный компонент теоретико-методологической основы политических исследований* // *Полития*. № 4 (55), 2009. С. 185-195 [=Нежданов и др., 2009].

ПШИЗОВА, С.Н. *От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе* // *Полис*. № 2, 2009. С. 109-123 [=Пшизова, 2009].

ТАПСКОТТ, Дж. *Электронно-цифровое общество*. Москва: Релф-бук, 1999 [=Тапскотт, 1999].

ФРИМЕН, Ю., СКАЛИМОВСКИЙ, Г. *Поиск объективности у Пирса и Поппера* // *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук*. Карл Поппер и его критики, 2006. С. 222-279 [=Фримен, 2006].

ЧЕРЕНКОВ, В.И. *Генерализация маркетинговой теории: эволюция маркетинга и парадигмы выживания Карла-Эрика Линна* // *Маркетинг в России и за рубежом*. № 4, 2006. С. 421-425 [=Черенков, 2006].

ЮЛДАШЕВА, О. *Новая маркетинговая парадигма: когнитивный маркетинг или искусство создания и продвижения технологий потребления* // *КОМПАС промышленной реконструктуризации* // [http:// www. compass-r.ru/st-2-05-16.htm](http://www.compass-r.ru/st-2-05-16.htm), 2007 [=Юлдашева, 2007].

**SPEECH ACTS AND REGIONAL VARIATIONS IN FRENCH:
THE CASE OF COMPLIMENTS ON SKILLS
IN CAMEROON AND CANADIAN FRENCH**

**Bernard MULO FARENKIA,
Professor, Ph.D.
(Cape Breton University, Canada)**

182

Abstract

The present study examines differences and similarities in the realization of compliments on skills in Cameroon and Canadian French. The data were collected by the means of a Discourse Completion Test (DCT) administered to 55 participants in Yaoundé (Cameroon) and 39 respondents in Montréal (Canada). The 278 compliments collected were analyzed according to the three super-strategies identified in the corpus, namely direct compliments, indirect compliments and compliments with external modification, i.e. supporting acts. The results show a strong preference for direct compliments in both sub-cultures. While the Cameroonian participants most frequently used double head acts, i.e. the combination of two direct compliments, the Canadian informants mostly favoured single head acts, i.e. single direct compliment. Differences in terms of situational distribution of the direct compliments were also identified. Moreover, the Cameroonian informants used six indirect compliments, while there was no occurrence of indirect compliments in the Canadian data. With regard to the use of supportive moves to modify the compliments, the results reveal that 'gratitude', 'wish', 'apology' and 'comment' were largely used in both data sets, while some external modifiers such as 'greeting' and 'self-introductions' only appeared in the Cameroonian responses.

Keywords: *politeness, compliment strategies, Cameroon French, Canadian French, regional pragmatic variation.*

Rezumat

În articol, autorul analizează diferențele și asemănările în receptarea complimentelor în limba franceză, în Camerun și Canada. Faptele de limbă analizate în articol au fost obținute în urma unei testări a 55 de persoane din Yaoundé (Camerun) și a 39 de persoane din Montreal (Canada). Testul se baza pe completarea unui discurs cu unități eliptice, cu caracter de compliment. În urma testării, au fost înregistrate 278 de unități de acest fel. Acestea au fost analizate, ținându-se cont de cele trei strategii majore care au permis identificarea unităților cu sens de compliment direct, indirect și celor cu modificare externă, adică cu caracter de unități de justificare. Analiza efectuată atestă faptul că vorbitorii de limbă franceză din Camerun și Canada preferă să întrebuințeze unități cu sens de compliment direct. Persoanele supuse testării din Camerun au utilizat mai frecvent două unități cu sens de compliment direct, în timp ce canadienii au preferat să întrebuințeze, în bună parte, o singură unitate cu sens de compliment direct. Studiul în cauză a identificat și diferențele în ceea ce privește distribuția unităților cu sens de compliment direct. Mai mult decât atât, participanții la testare din Camerun au folosit șase unități cu sens de compliment indirect, în timp ce canadienii nu au întrebuințat nici una. În ceea ce privește folosirea unităților cu scopul de a modifica sensul unor complimente, rezultatele testării arată că „recunoștința”, „dorința”, „scuza” și „comentariul” au fost, în mare măsură, întrebuințate în discursurile propuse de ambele părți, în timp ce unitățile cu sens de „salut” și „auto-prezentare” au apărut numai în răspunsurile camerunenilor.

Cuvinte-cheie: *politețe, strategii de complimentare, limba franceză din Camerun, limba franceză canadiană, variații pragmatice regionale.*

1. Introduction

The present paper examines compliment strategies in two 'non hexagonal' varieties of French, i.e. two varieties of French spoken outside France: Cameroon French and Canadian French. Several (comparative) studies have dealt with phonological, syntactic, lexical and semantic features of one or many varieties of French around the world, with some researchers focussing on the history, profile and features of 'Frenches' spoken outside France.²⁸⁵ French in Canada (Québec, Ontario, Acadia, etc.) has been intensively studied.²⁸⁶ So too is French spoken in Cameroon.²⁸⁷ One of these studies has explicitly dealt with regional pragmatic variations. As far as French spoken in Cameroon and Canada is concerned there is, to the best of our knowledge, no work comparing both varieties on any of the aspects listed above. Moreover, very little has been discussed about the similarities and differences in the realization of speech acts and/or politeness strategies in different regional varieties of French. With respect to other pluricentric languages such as English, Spanish and German, many aspects of pragmatic variation have been addressed.²⁸⁸ Some few studies have been published on pragmatic variation in varieties of French (see section 2.2). Although the speech act of complimenting has received extensive attention, the research carried out on this speech act has so far focused on inter-lingual and/or cross-cultural variation, i.e. the comparison of at least two different languages and/or cultures.

The present study has two main goals. It attempts to extend the scope of research on pragmatic variation in pluricentric languages to speech acts other than requests, offers or apologies on the one hand. It intends to contribute to studies on regional pragmatic variations in French on the other hand. After this introduction, section 2 presents the background of the study followed by the discussion of the method used (section 3). The findings are then presented and discussed in section 4, followed by a conclusion and some reflections for future research in section 5.

2. Background

2.1. Compliments and politeness / face-work

---

²⁸⁵Dumont, 1983; Manessy, 1994; Pöll, 2001 & 2005; Thibault, 2008.

²⁸⁶See, for instance, Mougeon & Beniak, 1989; Martineau et. al., 2009; Wiesmath, 2006.

²⁸⁷See, for instance, Biloa, 2003; Mendo Ze, 1999; Zang Zang, 1998.

²⁸⁸See the edited volume of Schneider & Barron (2008) with ten different studies on the realization of speech acts and other pragmatic phenomena in different regional varieties of English, Spanish, German, French, and Dutch.

Holmes defines a compliment as “a speech act which explicitly or implicitly attributes credit to someone other than the speaker, usually the person addressed, for some ‘good’ (possession, characteristic, skill etc.) which is positively valued by the speaker and the hearer”²⁸⁹. In most studies, compliments are considered as expressive speech acts with multiple functions. According to Kerbrat-Orecchioni²⁹⁰, compliments are “verbal gifts”, aimed at enhancing the face of the recipient. Other researchers argue that compliments are employed to negotiate or affirm solidarity between speaker and addressee²⁹¹ and to encourage desired behaviour in specific situations. Furthermore, compliments could serve as intensifier of other speech acts or as indirect ways of apologizing, thanking, advising, asking for information, etc. in addition to that, compliments may be used as mitigating devices of face-threatening acts like criticism, reprimanding, etc. on the level of discourse organization, and some speakers may use compliments as conversation openers.²⁹² In general, the speech act of complimenting is perceived as a positive politeness strategy, as it is realized to show that the compliment giver notices or attends to the recipient’s face desires. In written discourse, book reviews for instance “compliments contribute to establishing rapport and solidarity with the reviewee while redressing the face-threatening acts in the genre”.²⁹³ It is worth noting that certain functions of compliments may be culture or situation specific. In a study on compliment behaviour in Cameroon²⁹⁴ we found that compliments in asymmetric situations in general and professional settings in particular, serve strategic functions, i.e. they are generally used by speakers of lower status as “face flattering acts” to obtain favour from addressees in higher positions.

Although compliments are face boosting acts, they may also threaten the face of the people involved in the compliment exchange. Generally, the positive interpretation of compliments depends on how successful the speaker weight specific situational, linguistic and socio-cultural factors such as gender, social distance, power distance, setting, linguistic forms, topic, etc. Otherwise, the ‘verbal gift’ could also be interpreted as a face-threatening act: for instance, if the addressee believes that compliments offered to him/her accompany hidden intentions, are not sincere, exaggerated, represent an intrusion in his/her private sphere, compel him/her to share the complimented object with the speaker, etc. the compliments may provoke negative reactions.

---

²⁸⁹Holmes, 1986, S. 485.

²⁹⁰Kerbrat-Orecchioni, 2005.

²⁹¹See, for instance, Herbert, 1989, Holmes, 1988.

²⁹²Traverso, 1996, S. 107.

²⁹³Gea Valor, 2000, S. 24.

²⁹⁴See Mulo Farenkia, 2006.

Complimenting is a very complex speech act, governed by specific cultural, linguistic, or situational norms. Giving compliments without respect of such norms may lead to misunderstanding in interpersonal or intercultural encounters. For example, compliments to an unknown addressee or to a person of the opposite sex in a public context and on a 'sensitive' topic (e.g. physical appearance) could be considered as face-threatening, depending on the cultural practices and background of the speaker and the addressee. It is important to be aware of the cultural norms of underlying language use in general and compliment act in particular.

Research on compliments have largely benefited from several comparative studies in which the culture specific features of compliment behaviour have been highlighted. However, it has been ignored that differences in complimenting behaviour may also occur when speakers and addressees use two different varieties of the same language. In order words, "pragmatic differences may occur across varieties of the same language."²⁹⁵ A new research paradigm, 'variational pragmatics' was officially introduced in 2005 and further developed by Barron and Schneider²⁹⁶ to address regional pragmatic variations.

2.2. Variational pragmatics

The scope of most cross-cultural pragmatic studies has been to pinpoint variation in speech acts strategies and realizations in at least two different languages/cultures.²⁹⁷ While languages in intercultural pragmatics studies "are seen as homogenous wholes from a pragmatic point of view"²⁹⁸, the researchers seem to ignore that "Speakers who share the same native language do not necessarily share the same culture. For instance, native speakers of English in Ireland and the United States use language in different ways [...]. Neither do Americans in the US all use English in the same way [...] On the other hand, cultures may be shared by speakers with different native languages. Thus, as language use in interaction is shaped by cultural values, pragmatic similarities may occur across languages, while pragmatic differences may occur across varieties of the same language."²⁹⁹

Differences and similarities in different varieties of the same language have been either neglected or treated as peripheral phenomena. In most cross-cultural orientated studies, the impact of region has not been accurately addressed. For instance, the seminal work of Blum-Kulka et. al. (1989) in their Cross-cultural Speech Act Realization Project dealt with many

---

²⁹⁵Barron *et alii*, 2009, S. 425.

²⁹⁶See Schneider, 2010.

²⁹⁷Wierzbicka, 2003.

²⁹⁸Barron, 2005, S. 520.

²⁹⁹Barron *et alii*, 2009, S. 425.

languages and language varieties, there was however no explicit attempt to compare the data across varieties of the same languages. On the other hand, dialectology, a study of language variation, has long been concerned with how macro-social factors correlate with linguistic choices. The focus has been, however, on “the central levels of the language system, i.e. on pronunciation, vocabulary and grammar, whereas language use in terms of communicative functions, linguistic action and interactive behavior has been almost ignored.”³⁰⁰ So, while cross-cultural pragmatics has ignored pragmatic variations across varieties of the same language³⁰¹, dialectology has ignored pragmatic aspects in the study of language variation³⁰².

In order to fill these two gaps in research, ‘variational pragmatics’ was conceptualized as a discipline at the interface of pragmatics and sociolinguistics, aiming at “introducing the examination of regional and social variation in pragmatics research [...] [and] adding the pragmatic level to the other language levels overwhelmingly analyzed in dialectology.”³⁰³ As the “‘dialectologisation’ of pragmatics” and the “‘pragmaticisation’ of dialectology”³⁰⁴, variational pragmatics studies intra-lingual pragmatic variation, i.e. pragmatic variation across varieties of the same language.

Although variational pragmatics does not dictate any particular theory and methodology, it is based on the following three principles: (1) the *principle of empiricity* which stipulates that research should be data driven and not based on researcher’s intuition; (2) the *contrastivity principle* which states that “linguistic features can be considered variety-specific only if the variety under study is contrasted with at least one other variety of the same kind and of the same language”³⁰⁵; (3) the *principle of comparability* according to which the data sets employed for comparative analysis must be produced by participants of the same sex, group, social class, etc.

Moreover, Variational pragmatics distinguishes the following five levels of pragmatic analysis: (1) the *formal level*, which takes a linguistic form as a starting point and aims examines the various communicative functions of this form in discourse; (2) the *actional level*, which takes linguistic actions, i.e. speech acts, and analyses the linguistic realizations of these illocutions; (3) the *interactive level*, which deals with patterns of local or global sequential organization of spoken discourse, i.e. dialogic units like adjacency pairs,

---

³⁰⁰Schneider *et alii*, 2008, S. 3.

³⁰¹What Barron calls “Pragmatics without macro-social variation” (Barron, 2005, S. 521).

³⁰²“Macro-social variation without pragmatics”, according to Barron (Barron, 2005, S. 522).

³⁰³Schneider, 2010, S. 238.

³⁰⁴*ibidem*.

³⁰⁵Barron *et alii*, 2009, S. 429.

speech act sequences, conversational opening and closings, etc.; (4) the *topic level* which addresses issues of topic selection and topic management, i.e. the way in which topics are introduced, maintained, developed, changed and terminated; and (5) the *organizational level* which deals with the mechanisms of turn-taking (and related issues like interruption, silence in discourse)³⁰⁶. So far, studies in variational pragmatics have essentially focused on the actional level in general and on the comparison of the realization of speech acts across two regional/national varieties of a pluricentric language.³⁰⁷ However, a great deal of work still remains to be done on regional pragmatic variation in French, since the existing studies are not many. In our literature review we could identify the following few publications: Bernicot *et alii* (1994) on interactions between mothers and their daughters in French French and Canadian (Québec) French, Schölmberger's article (2008) on apologies in French French and Canadian French and Rohrbacher's book (2010) on requests in French French and Canadian (Québec) French.

The present study is, as earlier mentioned, an attempt to fill two research gaps by examining complimenting strategies in two varieties of the same language, a speech act that has received very little attention so far, thus extending the scope of variational pragmatics in general. Secondly, by comparing compliment strategies in two regional varieties of French, one spoken in Cameroon and the other Canada, varieties that have to our knowledge not yet be contrasted. By so doing, we hope to contribute to research on regional pragmatic variations in French.

3. Method

3.1. The participants

Two groups of students took part in the present study: one group of 39 speakers of Canadian French (10 females and 29 males), aged from 14 to 17 and one group of 55 speakers of Cameroon French (39 females and 16 males), the majority of these participants (50/55) were aged from 15 to 19. Three of the respondents were aged 20 and two were aged 22. Twenty-six of the 39 Canadian informants stated that they were native speakers of French, while the 13 others mentioned that they spoke in addition to French other languages (e.g. Spanish, Chinese, Vietnamese, etc.). The Cameroonian respondents were speakers of French as an official second language in a multilingual context where two official languages (French and English) are

---

³⁰⁶For details see Schneider *et alii*, 2008, S. 19-21; Schneider, 2010, S. 244-246.

³⁰⁷See Schneider *et alii* (2008) for studies on Dutch, English, French, German, Spanish, and on speech acts such as requests, gratitude, apologies, invitations, etc. and other pragmatic phenomena such as the use of address forms, response tokens, and small talk. Readers are also directed to Félix-Brasdefer (2009), for an overview on intra-lingual pragmatic variation across varieties of Spanish.

permanently in contact with more than 250 native languages³⁰⁸. The Canadian respondents were students at the *Académie Dunton*, a secondary school in Montréal (Québec) and the Cameroonians participants were students in three different high schools in Yaoundé, namely *Lycée de Biyem Assi* (n=21), *Lycée de Mbankomo* (n=18) and *Lycée de Mimboman* (n=16).

3.2. Instrument and procedure

The data were collected by means of a questionnaire consisting of sixteen situations (eight situations in which compliments were elicited and eight where the participants were asked to produce compliment responses). All ninety-four participants had to complete a questionnaire in each situation was briefly described, setting “the general circumstances [...] and the relevant situational parameters concerning social dominance, social distance and degree of imposition”³⁰⁹ and the participants were asked to write what they would say in the given situations. The eight situations included a variety of day-to-day life situations, such as compliments on appearance (haircut, clothes, shoes), skills/talents/performance (sports, cooking, presentation in class), possessions (mobile phone, car), and the compliments were given to friends, a teacher, friend’s parents, a classmate, a stranger, etc. The DCTs were administered during regular classes in October 2010 to the Canadian respondents and in January 2011 to the Cameroonian participants by teachers of those schools and classes. The current study focuses on three of the eight situations, namely on compliments on skills/performance in cooking, sports and class presentation. These situations are described as follows:

SITUATIONS	Description of situation
<i>S 2 (repas)</i>	<p>Tu es invité(e) chez l’un de tes ami(s)(es). Ses parents t’offrent à manger. Après le repas que tu as particulièrement apprécié, que dis-tu aux parents de ton ami(e)? Toi: ... Les parents de ton ami(e): <i>Merci. C’est gentil!</i></p> <p>You are invited to your friend’s place. His parents ask you to stay for supper. After the meal that you particularly appreciated, what do you say to your friend’s parents? You: ... Your friend’s parents: <i>Thank you. That’s so nice!</i></p>
<i>S 4 (sports)</i>	<p>Tu assistes à un match de soccer/hockey/basketball et tu es particulièrement impressionné(e) par la prestation d’un(e) joueur/joueuse. A la fin du match, tu vas voir le joueur/la joueuse en question pour lui dire ton admiration. Toi: ...</p>

³⁰⁸All of the respondents indicated that they spoke a native language.

³⁰⁹Barron, 2008, S. 43.

	<p>Le joueur/la joueuse: <i>C'est vrai? Merci d'avoir assisté au match!</i></p> <p>You attend a soccer/hockey/basketball game and you are particularly impressed by the performance of one of the players. At the end of the game, you go to see the player in question to let him know of your admiration.</p> <p>You: ...</p> <p>The player: <i>Really? Thanks for coming to the game!</i></p>
<i>S 14 (présentation)</i>	<p>Un/une camarade (du sexe opposé à «tu») a fait une excellente présentation en classe. Tu ne le/la connais pas très bien, mais tu voudrais lui dire qu'il/elle a fait un excellent travail.</p> <p>Toi: ...</p> <p>Le/la camarade: <i>Merci. Ça fait vraiment plaisir d'entendre cela!</i></p> <p>A classmate of the opposite sex made an excellent presentation in class. You don't know him or her very well but you would like to tell him/her that he/she did an excellent job.</p> <p>You: ...</p> <p>Your classmate: <i>Thank you. It makes me really happy to hear that!</i></p>

Table 1: *Situational description*

Situation 2 deals with compliments on the culinary skills of the addressee's (friend's) parents. Situation 4 is about compliments on the sports skills or performance of an unknown player. Situation 14 was intended to elicit compliments on the intellectual skills of a classmate of the opposite sex. The participants of both groups produced 278 compliments (162 from the Cameroonian and 116 from the Canadian informants). These data were coded according to the scheme presented in section 3.3 and analyzed in terms of the main strategies employed by the respond to realize the compliments (section 4).

3.3. Compliment strategies

Since the purpose in this study is to identify and compare compliment strategies in two varieties of French, it is important to outline the coding scheme used to account for the various phenomena found in both data sets. In her study of compliments in French (spoken in France) Kerbrat-Orecchioni³¹⁰ distinguishes between *direct compliments*, i.e. compliments directed to the addressee (e.g. *Vous êtes charmant*. 'You are charming'), and *indirect compliments*, i.e. compliments to a person different from the addressee, but who happens to have a connection with the addressee (e.g. *Il est adorable, votre gamin*. 'Your little boy is adorable'). She further makes the difference between *explicit compliments*, i.e. compliments realized by means

³¹⁰Kerbrat-Orecchioni, 1998, p. 204.

of performative formulas or expressions in which the positive assessment is overtly verbalized; and *implicit compliments*, i.e. compliments realized in the form of different speech acts. Contrary to this researcher, we will not consider the difference between compliments offered directly to the addressee (what she calls *direct compliments*) and compliments to other people, not necessarily present at the time of the conversation, but related in some way to the addressee (what Kebrat-Orrechioni calls *indirect compliments*). We will use the term *direct compliments* to refer to compliments realized in a more or less unambiguous manner, and the term *indirect compliments* will be employed to refer to compliments appearing in the forms of other speech acts. But, as the following examples show, there may be more aspects involved in the realization and analysis of compliments:

- 1) *Oh my god! T'étais vraiment bonne, c'tait fou.* (CF³¹¹)
'Oh my god! You were really good. That's was crazy'.
- 2) *Bonjour compagnon. Pardon de te perturber mais j'aimerais te dire que tu as été parfait tout au long de ton exposé et je conte m'intégrer dans ton groupe la prochaine fois qu'il y aura encore exposé.* (CMF³¹²) (= 'Good morning, buddy. Excuse me for bothering you but I would like to tell you that you were perfect during your presentation and I look forward to joining your group the next time there is another presentation').

In the first example, the compliment giver uses the interjection (an attention getter) *oh my god* to open the compliment. Then, a core compliment is realized, a *head act T'étais vraiment bonne* 'You were really good'. This direct compliment is followed and intensified by a second head act *c'tait fou* 'That was crazy'. The direct compliment has been realized by a *multiple head act* which is preceded by an attention getter.

In the second example, the speaker uses several strategies to open/introduce the core compliment. A greeting formula and an address form *Bonjour compagnon* 'Good morning, buddy', an apology *Pardon de te perturber mais* 'Excuse me for bothering you but'. The combination greeting + address form and the apology serve as external modification of the head act *j'aimerais te dire que tu as été parfait tout au long de ton exposé*. 'I would like to tell you that you were perfect during your presentation', whereas the next speech act, a wish *et je conte m'intégrer dans ton groupe la prochaine fois qu'il y aura encore exposé* 'and I look forward to joining your group the next time there is another presentation' is also an external modification. To sum up: the compliment in the second example is preceded and followed by different types of external modifications with specific politeness/relational connotations.

---

³¹¹'CF' here stands for examples in Canadian French.

³¹²'CMF' indicates examples in Cameroon French.

Overall, the participants of both groups employed three main compliment strategies: (1) direct compliments; (2) indirect compliments and (3) compliments with external modifications.

Direct compliments are compliments realized in an unambiguous manner, by means of occurrences containing devices with positive connotation (e.g. adjectives, adverbs, verbs, verbal constructions, etc.) or performative formulas (e.g. *Je te félicite pour le travail bien fait*. 'I congratulate you for job well done.' It should be mentioned that the direct compliments may be simple or complex/compound. A simple compliment appears in a single utterance. This type of compliment will be called a **single head act**. A single head act can be realized in many different ways: e.g. by using either a complete syntactic structure containing a lexeme with positive connotation as in (3) – (5) or an elliptical expression as in (6):

- 3) *Ma chérie, ton travail était vraiment excellent*. (CMF) (=‘My dear, your work was really excellent’).
- 4) *J’aime beaucoup votre nouvelle coiffure*. (CF) (=‘I really love your new haircut.’)
- 5) *C’est beau!* (CF) (=‘It is beautiful!’)
- 6) *Bon travail!* (=‘Good job!’); *Très bien!* (=‘Well done!’); *Génial!* (=‘Genius!’)

Direct compliments can also appear in compound forms, i.e. in a combination of two or more direct compliments. This type is a multiple direct compliment or a **multiple head act**. Based on the number of direct compliments combined, multiple direct compliments may be sub-divided in **double, triple, quadruple direct compliments or head acts**. It is noteworthy that the constitutive direct compliments of a multiple head act may use different syntactic formats as in (7) and (8):

- 7) *Bravo! Mon pote, tu as été excellent tout à l’heure, J’ai beaucoup apprécié*. (CMF) (=‘Bravo! My friend, you were excellent a while ago. I really loved it.’)
- 8) *Hey bravo, tu as vraiment faite un superbe présentation!* (CF) (=‘Hey, bravo, you really gave a superb presentation.’)

Multiple direct compliments can be realized in many different ways, i.e. using many different linguistic forms. For example, by repeating the first direct compliment (e.g. *C’est beau! C’est (vraiment) beau!* (=‘It is beautiful. It is really beautiful!’), or by reformulating the first compliment or focusing on a new aspect of the compliment object.

Indirect compliments are expressions of admiration occurring in forms used to realize other speech acts (e.g. advice, wish, promise, request, etc.) and which “need more inferences on the part of the addressee to reconstruct the intended meaning conveyed in the message by the speaker.”³¹³ Like the direct compliments, indirect compliments can be realized in simple or complex forms. The simple form uses a single utterance or speech act (e.g.

---

³¹³Yu, 2005, S. 98.

Donne-moi s'il te plaît la recette! (=‘Please give me the recipe!’) Complex or multiple indirect compliments are the products of combinations of at least two indirect compliments (e.g. *Chanceux! Je désire ce téléphone depuis un ans! Je n'arrête jamais d'en parler à mes parents.* [CF] (=‘Lucky you, I have been looking forward to having that phone since a year. I can stop talking about it to my parents.’)³¹⁴

External modification refers to the different kinds of additional speech acts or *supportive moves*³¹⁵ that appear either before or after the direct compliments (single or multiple head acts) and which serve various politeness or relational functions such as mitigating or intensifying the head acts. As the analysis will show, external modifications are used to initiate contact with the addressee as in (9) and/or serve other functions to be revealed by the analysis:

- 9) *Salut moi c'est malaica et j'ai vraiment apprécié ta présentation.* (CMF) (=‘Hi, I am Malaica and I really loved your presentation.’)

4. Findings and discussion

4.1. Main compliment strategies

Of the 278 compliments produced by the participants of both groups (162 by Cameroonians and 116 by Canadians), 109 were direct compliments (39.20%), six were indirect compliments (2.15%) and 163 were compliments with external modifications (58.63%). The Cameroonian respondents realized 57 direct compliments, i.e. 35.18% of the responses, six indirect compliments, i.e. 3.70% of the data and 99 compliments with supportive moves, or 61.11%, while the Canadian informants chose 52 direct compliments, i.e. 44.82% and 64 compliments with external modifications, or 55.18% of the CF data. There was no instance of indirect compliment in the Canadian responses.

4.1.1. Direct compliments

With regard to the means or strategies employed to realize compliments in a direct manner, a speaker may choose, as earlier mentioned, a *single head act*, i.e. one direct compliment or a *multiple head act*, i.e. a combination of two or more direct compliments. The multiple head acts can be double, triple or quadruple. Of the 109 direct compliments collected, 42 were single head acts, 53 were double head acts, 12 were triple head acts and two were quadruple head acts.

Of the 57 direct compliments in the Cameroonian data, we found 17 single head acts as in (10), 34 double head acts as in (11), four triple head acts as in (12) and two quadruple head acts as in (13):

³¹⁴This example was found in situation 6 [new mobile phone] of the Canadian corpus.

³¹⁵Blum-Kulka *et alii*, 1989.

- 10) *Impressionnant ce que vous venez de faire là.* (CMF) (=‘Impressive what you have just done.’)
- 11) *Ton exposé, super, excellent. Je l’ai vraiment trouvé intéressant.* (CMF) (=‘Your presentation [was] super, excellent. I really found it interesting.’)
- 12) *Bravo, tu as joué de façon extraordinaire, j’en suis restée scotchée!* (CMF) (=‘Bravo, you played in extraordinary way, I was really amazed!’)
- 13) *Vous avez très bien joué. Vous étiez le(la) meilleur(e) joueur(euse)! Bravo. Le match était excellent.* (CMF) (=‘You played very well. You were the best player. Bravo! The match was excellent.’)

The Canadian respondents most frequently used single head acts (25 occurrences or 48.05% of the direct compliments) as in (14). The second most favoured pattern was the use of double head acts, found in 19 instances (36.53%) as in (15). Eight Canadian participants employed triple head acts (15.38%) as in (16). There was no instance of quadruple head act in the CF responses:

- 14) *Bonne présentation!* (CF) (=‘Good presentation!’)
- 15) *J’ai vraiment aimé ce que vous avez cuisiné. C’était délicieux.* (CF) (=‘I really liked what you cooked. It was delicious.’)
- 16) *Bravo, t’as vraiment bien joué, t’étais le meilleur sur le jeu.* (CF) (=‘Bravo, you played well. You were the best on the pitch.’)

Although there was a general tendency to use direct compliments, differences regarding the patterns put in place to realize the direct compliments emerged from the data. While the Cameroonians showed more preference for double head acts, the Canadian participants employed more single head acts. Moreover, as can be seen in Table 2, the realization patterns of the direct compliments displayed some significant differences as far as their situational distribution in both language varieties was concerned:

	Situation 2 (meal)		Situation 4 (sports)		Situation 14 (presentation)	
	CMF	CF	CMF	CF	CMF	CF
Single head act	N=5	N=2	N=7	N=7	N=5	N=16
Double head act	N=2	N=4	N=18	N=7	N=14	N=8
Triple head act	N=0	N=1	N=2	N=6	N=2	N=1
Quadruple head act	N=0	N=0	N=2	N=0	N=0	N=0
Total	N=7	N=7	N=29	N=20	N=21	N=25

Table 2: Frequency of direct compliments across the three situations in CMF and CF data sets

Table 2 indicates that the CF respondents mostly used single head acts to express admiration of the addressee’s oral presentation (S14), while this strategy was used with the lowest frequency in the meal situation (S2). Overall, single heads were clearly favoured in the presentation situation by the Canadian informants. By contrast, the Cameroonian respondents mostly used double heads in the sports situation and clearly favoured direct

compliments in this situation. The two quadruple head acts used by the Cameroonians appeared in the sports situation (S4), in which the Canadians used more triple heads than their Cameroonian counterparts. The distribution of the other patterns also showed some statistically not significant differences.

4.1.2. Indirect compliments

With regard to the use of indirect compliments, the following differences are noteworthy. The Cameroonian informants used six indirect compliments (3.70% of all the responses), while there was no occurrence of indirect compliments in the CF data. Of the six indirect compliments in Cameroonian data, five appeared in the meal situation (S2) and one in the presentation situation (S14). Two of the indirect compliments in the meal situation were realized through the expression of gratitude. As the example below shows, the gratitude expression contains a positive adjective *délicieux* ('delicious') which also gives the speech act a complimentary connotation:

17) *Merci cher parent pour ce repas très délicieux.* (CMF) (= 'Dear parent, thank you for this very delicious meal.')

One respondent chose the speech of promising to indirectly realize the compliment as in (18). The promise to come back for a culinary lesson can obviously be interpreted as a positive assessment of the addressee's talents from which the speaker would like to benefit:

18) *Chers parents, je reviendrai prendre le cours de cuisines chez vous un de ces quatre.* (CMF) (= 'Dear parents, I'll come back one of these days for a cooking lesson.')

There were also two instances of indirect compliments in which the respondents combined two speech acts. In the first case, the expression of gratitude in which a complimentary device *délicieux* appeared was extended and intensified by a positive comment as in (19):

19) *Mes chers parents, merci pour un repas ci-délicieux, jamais j'étais accueilli d'une telle manière.* (= 'My dear parents, thanks for the very delicious meal, I have never been treated like this.')

The second example was a case where the compliment giver expressed gratitude and promised to come back as in (20):

20) *Merci on se verra prochainement.* (= 'Thanks we will see next time.')

The other indirect compliment in the presentation situation (S14) was realized through the expression of wish or encouragement as in (21):

21) *Du courage dans ton travail.* (= 'Keep up the good work.')

4.1.3. External modification of compliments

As earlier mentioned, the data contain 163 compliments with external modifications, 99 of them were generated by the Cameroonian informants and 64 by the Canadian respondents. Above this statistical difference, there are striking features concerning the types, frequencies and situational

distribution of the external modifiers. Table 3 shows the frequency of supportive moves across the three situations in both data sets:

	S 2 (Meal)	S 4 (Sports)	S14 (Presentation)	Total
Cameroon French	42 (42.42%)	25 (25.25%)	32 (32.32%)	99 (100%)
Canadian French	32 (50%)	18 (28.12%)	14 (21.87%)	64 (100%)

Table 3: Situational distribution of compliments with supportive moves in CMF and CF

As can be seen in Table 3, the Cameroonian and Canadian respondents used external devices to modify their compliments, although not with the same percentage, much more in the meal situation (S2) than in the other two situations (sports (S4) and presentation (S14)). As a matter of fact, the Cameroonians used external modifiers in 42 instances in the meal situation (S2), which made up to 42.85% of all the external modifications in the Cameroonian data, while the Canadian informants employed 32 examples of external modification in the meal situation, which accounted for 50% of responses of the Canadian data set. A striking difference was noted in the other two situations: while the Canadians employed the second highest percentage of all the external modifications in the sports situation (S4), the second most favoured situation for the use of external modification by Cameroonian respondents was the presentation situation (S14).

Another step of the analysis was to examine the types and frequency of the external modifiers found in both data sets. The results are summarized in Table 4:

External modifications	CMF (n= 126)		CF (n=66)	
	n	%	n	%
Gratitude	40	31.74	29	43.93
Greeting	25	19.84	1	1.51
Wish	18	14.28	10	15.15
Comment	11	8.73	6	9.09
Apology	10	7.93	6	9.09
Question	6	4.76	4	6.06
Advice	5	3.96	3	4.54
Self introduction	5	3.96	0	
Request	4	3.17	3	4.54
Promise	1	0.79	3	4.54
Joy	1	0.79	0	
Joke	0		1	1.51
Total	126	100	66	100

Table 4: *Frequency external modifications in Cameroon and Canadian French*

Table 4 shows that the Cameroonians used almost twice the number of external modifications displayed by the Canadian respondents. Overall, a total of 192 external modifiers were employed in the entire corpus.

The most preferred means of external modification was the *expression* of *gratitude*, which represented 32% of the Cameroonian data and 43.93% of the Canadian external modifiers. This supportive move was mostly used in the meal situation (S2), i.e. in a context where the speaker was offered food by the friend's parents. In this context the expression of gratitude was employed as an intensification device of the preceding or following compliment. It is safe to say that the combination of compliment and appreciation token indicated that the product of the culinary talents of the addressee was also beneficial to the compliment giver. In both data sets, gratitude expressions generally appeared before a single head act or a double head acts, as in (22):

- 22) *Merci³¹⁶, c'était un délice.* (CMF) (= 'Thanks, it was a delicacy.')
 23) *Merci beaucoup, madame, c'était délicieux, ce plat en particulier: vous êtes un chef.* (CMF) (= 'Thank you very much, mam, it was delicious, this dish in particular. You are a chef.')
 24) *Merci. Honnêtement, c'était délicieux!* (CF) (= 'Thanks, honestly, it was delicious!')

Greeting was the second most preferred external modification in the Cameroonian data set. There was, by contrast, only one instance of greeting in the Canadian responses. The Cameroonians used this strategy to introduce compliments in the sports and presentation situations, two situations where social distance prevailed.

Wish was the second most frequently used external modification in the Canadian data set. It was found in 10 examples, i.e. 15.15%, whereas *wish* was the third mostly used external modifier in the Cameroonian sub-corpus, where it occurred in 18 instances or 14.4% of the supportive moves. In general, the compliment giver made use of this supportive move to express addressee-orientated or speaker-orientated wishes. The first type, the addressee-oriented strategy was employed by the speaker to wish something good to the addressee, e.g. further success in/with the complimented area/object. With the second type, the speaker-oriented strategy, the speaker expressed the desire to have the same accomplishment as the addressee or to possess a similar object. In both cases, the expression of wish could serve as an intensification device of the core compliment, since it portrayed solidarity with the addressee on the one hand and stressed the quality of the admired object on the other. As earlier mentioned *wish* was the

---

³¹⁶The external modifications in the examples are underlined.

third most frequently employed supportive move in the Cameroonian data. The Cameroonian mostly used this external modification device in the sports situation (n= 9), where it appeared after a single head or a double head act as in (25). In the Canadian responses, this external modification occurred mostly (n = 4) in the presentation situation (S14) as in (26):

25) *Votre talent réveille l'attention, vous jouez un ballon d'un niveau international, que Dieu vous aide.* (CMF) (=‘Your talent draws my attentions, you play a game of international standard, *may God help you.*’)

26) *Hey! Vraiment bon ton travail. J'aimerais bien travailler avec toi bientôt.* (CF) (=‘Hey! Really good, your presentation. *I would like to work with you soon.*’)

The external modifiers *self introduction* and *expression of joy* were used by the Cameroonians, whereas these elements did not appear in the Canadian data. Meanwhile, a Canadian participant used an occurrence of *joke*, which did not appear in the Cameroonian data. The other external modifications showed a relatively similar frequency in both data sets.

5. Conclusion

The purpose of this study was to highlight some strategies employed by speakers of two varieties of French, namely French spoken in Cameroon and French spoken in Canada (Québec), to compliment the skills or performances of their vis-à-vis in cooking, sports and academic / school presentation situations. Based on written data collected from two groups of speakers representing speakers of both varieties of French, we found that the informants used three super-strategies: direct compliments, indirect compliments and compliments with external modifications.

With regard to *direct compliments*, it was found that these were the most preferred strategies, whereby the informants used single as well as multiple head acts in both data sets. However some interesting differences were revealed concerning the sub-strategies employed, i.e. the number of core compliments combined to make up the multiple head acts. While the Cameroonians displayed more preference for double head acts, the Canadian participants employed more single head acts.

Concerning *indirect compliments*, our findings show that the Cameroonian informants used six indirect compliments, whereas there was no occurrence of indirect compliments in the Canadian data.

The analysis of *external modifications* revealed that the most frequently used external modification was the *expression of gratitude*, which appeared in most cases before the core compliments. The second most favoured external modifier was the expression of wishes before or after the main compliments. We also noted that greetings were mostly used by the Cameroonians, who generally combined the greetings with compliments to strangers (situation 4 and situation 14). The general preference for the use of greetings (and

apologies to some extent) by the Cameroonian informants could be explained by the fact that these participants considered compliments to unknown people, despite the positive intentions, as face threatening acts that needed to be introduced or softened. Giving a blunt compliment in such situations entailed the risk of being refused if the compliment receiver considered the compliment as an intrusion. In other words, the greetings and apologies used before the core compliments served either to create familiarity prior to the compliments and/or to mitigate potential face threats. The use of other external modifiers also showed that the participants of both groups considered complimenting as a complex activity that comprised other moves or speech acts. In general, compliments appeared in both data sets to be subtle pretexts for other communicative or social goals. The complex strategies generated by the participants of both groups could indicate how the respondents in both sub-cultures perceived their vis-à-vis, the type of social rapport they intended to construct and the social image they were eager to portray in complimenting.

The present study was an attempt to highlight variation in complimenting in two “outer-circle” varieties of French: Cameroon and Canadian French. We focussed on convention of means, i.e. the functional categories put in place to compliment skills. Some differences and similarities were found. However, these findings need to be supplemented by further studies on the level of convention of forms, i.e. the realization forms of the various compliment strategies found in the data, on other compliment topics (e.g. appearance and possessions) and by using other methods of data collection (authentic conversations, interviews, role plays, etc.) and larger populations of participants, in order to have a more realistic picture of how speakers of both varieties of French express admiration.

References

- BARRON, Anne. *Variational Pragmatics in the Foreign Language Classroom* // *System* 33(3), 2005. S. 519–536 [=Barron, 2005].
- BARRON, Anne. *The Structure of Requests in Irish English and English* // Schneider, K.P. & Barron, A. (eds.), 2008. P. 35-67 [=Barron, 2008].
- BARRON, Anne, SCHNEIDER, Klaus Peter. *Variational Pragmatics: Studying the Impact of Social Factors on Language Use in Interaction* // *Intercultural Pragmatics* 6(4), 2009. P. 425-442 (Special Issue "Variational Pragmatics"; Editors: A. Barron, K.P. Schneider) [=Barron *et alii*, 2009].
- BERNICOT, Josie, COMEAU, Judith, FEIDER, Helga. *Dialogues between French-speaking Mothers and Daughters in Two Cultures: France and Quebec* // *Discourse Processes* 18, 1994. P. 19-34 [=Bernicot *et alii*, 1994].
- BILOA, Edmond. *La langue française au Cameroun*. Oxford: Peter Lang, 2003 [=Bilola, 2003].

BLUM-KULKA, Shoshana, HOUSE, Juliane, KASPER, Gabriele. (eds.) *Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies*. Norwood: Ablex Publishing, 1989 [=Blum-Kulka et alii, 1989].

DUMONT, Pierre. *Le français et les langues africaines au Sénégal*. Paris: Karthala, 1983 [=Dumont, 1983].

FÉLIX-BRASDEFER, César, J. *Pragmatic Variation across Spanish(es): Requesting in Mexican, Costa Rican and Dominican Spanish // Intercultural Pragmatics* 6(4), 2009. P. 473–515 (Special Issue "Variational Pragmatics"; Editors: A. Barron, K.P. Schneider) [=Félix-Brasdefer, 2009].

GEA VALOR, María Lluïsa, 2000. *A Pragmatic Approach to Politeness and Modality in Book Reviews*. SELL Monograph. Universitat de València, València, 2000 [=Gea Valor, 2000].

HERBERT, K. Robert. *The Ethnography of English Compliments and Compliment Responses: A Contrastive Sketch // W. Oleksy (Ed.), Contrastive pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins, 1989. P. 3-35 [=Herbert, 1989].

HOLMES, Janet. *Compliments and Compliment Responses in New Zealand English // Anthropological Linguistics* 28(4), 1986. P. 485-508 [=Holmes, 1986].

HOLMES, J. *Paying Compliments: A Sex-preferential Politeness Strategies // Journal of Pragmatics*, 12, 1988. P. 445-465 [=Holmes, 1988].

KERBRAT-ORECCHIONI, Catherine. *Les interactions verbales. Vol. 3*. Paris: Armand Colin, 1998 [=Kerbrat-Orecchioni, 1998].

KERBRAT-ORECCHIONI, Catherine. *Les actes de langage dans le discours*. Paris: Armand Colin, 2005 [=Kerbrat-Orecchioni, 2005].

MANESSY, Gabriel. *Le français en Afrique noire. Mythes, stratégies, pratiques*. Paris: Harmattan, 1994 [=Manessy, 1994].

MARTINEAU, France, MOUGEON, Raymond, NADASDI, Terry, TREMBLAY, Mireille (textes réunis et présentés par). *Le français d'ici: études linguistiques et sociolinguistiques sur la variation du français au Québec et en Ontario*. Toronto: Éditions du GREF, 2009 [=Martineau et alii, 2009].

MENDO ZE, Gervais. *Le français, langue africaine: enjeux et atouts pour la francophonie; éléments de stratégies*. Paris: PubliSud, 1999 [=Mendo Ze, 1999].

MOUGEON, Robert, BENIAK, Édouard. *Le français canadien parlé hors Québec. Aperçu sociolinguistique*. Québec: Presses de l'Université Laval, 1989 [=Mougeon et alii, 1989].

MULO FARENKIA, Bernard. *Beziehungskommunikation mit Komplimenten. Ethnographische und gesprächsanalytische Untersuchungen im deutschen und kamerunischen Sprach- und Kulturraum*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006 [=Farenkia, 2006b].

PÖLL, Bernhard (2001). *Francophonies périphériques. Histoire, statut et profil des principales variétés du français hors de France*. Paris: Harmattan, 2001 [=Pöll, 2001].

Pöll, Bernhard. *Le français langue pluricentrique? Étude sur la variation diatopique d'une langue standard*. Frankfurt am Main: Peter Lang, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2005 [=Pöll, 2005].

ROHRBACHER, Andrea. *Der Sprechakt der Bitte in Frankreich un Quebec. Ein interkultureller Vergleich aus dem Reich der Variational Pragmatics*. VDM. Saarbrücken, 2010 [=Rohrbacher, 2010].

SCHNEIDER, Klaus Peter. *Variational Pragmatics* //Fried, Mirjam, Östmann, Jan-Ola, Verschueren, Jef (eds.). *Variation and Change. Pragmatic Perspectives*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 239-267 [=Schneider, 2010].

SCHNEIDER, Klaus Peter, BARRON, Anne (eds.). *Variational Pragmatics. A Focus on Regional Varieties in Pluricentric Languages* //Pragmatics and Beyond New Series. Vol. 178. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008 [=Schneider, 2008b].

SCHÖLMBERGER, Ursula. *Apologizing in French and Canadian French* //Schneider, K.P., Barron, A. (eds.), 2008. P. 329-350 [=Schölmberger, 2008].

THIBAUT, André (dir.). *Richesses du français et géographie linguistique*. Vol 2. Bruxelles: De Boeck, 2008 [=Thibault, 2008].

TRAVERSO, Véronique. *La conversation familière. Analyse pragmatique des interactions*. Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1996 [=Traverso, 1996].

WIERZBICKA, Anna. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2003² [=Wierzbicka, 2003].

WIESMATH, Raphaële (2006). *Le français acadien. Analyse syntaxique d'un corpus oral recueilli au Nouveau-Brunswick/Canada*. Paris: Harmattan, 2006 [=Wiesmath, 2006].

YU, Ming-chung. *Sociolinguistic Competence in the Complimenting Act of Native Chinese and American English Speakers: A Mirror of Cultural Value* // *Language and Speech* 48(1), 2005. P. 91-119 [=Yu, 2005].

ZANG ZANG, P. *Le français en Afrique*. Munchen: Lincom Europa, 1998 [=Zang zang, 1998].

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

Александр ОГУЙ,

доктор филологических наук, профессор

(Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича, Украина)

Abstract

This article deals with the foundation of the linguocultural super-token COLOURS as the unity of signifiant, signifee and linguistic culture as semiotic binding. This super token expressed in Middle Ages some actual symbolic characteristics due to its pattern (within its scenario). Allegoric symbols were expressed in sculptures, literal and hagiographic monuments, in painting, sacral clothes and liturgy etc.

Keywords: *linguistic culture, Christian symbols, Middle Ages, super-token colours: white, black, red, green, blue.*

Rezumat

În articol, este fundamentată concepția despre suprasemnul lingvo-cultural de culoare, care în calitate de unitate a semnificantului cu semnificatul și cultura lingvală, exprima, în epoca medievală, caracteristici simbolice. Astfel, alegoria și-a găsit exprimare în documente literare și hagiografice, în monumente de sculptură și pictură, în miniatură de carte, în vestimentația sacrală și în liturghie.

Cuvinte-cheie: *cultura lingvală, simbolistica creștină, Evul Mediu, suprasemnul culorii: alb, negru, roșu, verde, albastru.*

Поскольку в средневековье преобладали естественные краски сырьевых материалов и окружающей среды, с которыми ассоциировались стандартные цвета, то появление других необычных, особо чистых цветов обращало большее внимание средневекового наблюдателя, приобретая дополнительные семиотические нагрузки. Это особенно касается сакральной сферы, где ряд цветов получили символическое применение, которое, кроме единичных упоминаний, еще не были предметом системных исследований в постсоветском научном пространстве.

Опишем теоретические основы исходной категории. «Жизненный мир человека» (Э. Гуссерль), в т.ч. и средневековья, формируется в «доме национального бытия» (М. Гайдэгтер) через коды (системы правил) взаимодействующих языка и культуры (в т.ч. и религии как типа проявления культуры)³¹⁷. Язык (как средство общественной коммуникации) и культура (как система общих знаний и норм поведения в обществе человека, в т.ч. верующего), синергетически

---

³¹⁷Культура, которая имеет структуру подобную языковой (К. Леви-Стросс), «без языка не существует», см. Morris 1938/71, с. 285. Существуя в среде знаков, она приобретает знаковый характер.

организованные по модели аутопоззиса Матураны-Варелы, выражаются в письменных текстах и дискурсах³¹⁸, дополненными экстралингвистическими условиями, посредством различных знаков³¹⁹ и символов (см. ниже), которые, употребляясь в дискурсе, обладают соответственными правилами общественного употребления (см. ниже лингвопрагматика).

Символ (к греч. Σύμβολον) - это особый вид образа, фактически специфический знак, формальная презентация какого-то феномена (вещи или явления) для обозначения его действительного качества. Другими словами, символ выступает не всегда языковым (как, например, цвет) представителем неких понятий, идей или явлений. Исследованием символов, так и не дойдя к «общему знаменателю», занимался ряд выдающихся философов, семиотиков, культурологов и лингвистов (С. С. Аверинцев, И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, Э. Кант, Е. Касирер, А. Ф. Лосев, М. Ю. Лотман, М. М. Мамардашвили, Ч. Пирс,

---

³¹⁸Текст и дискурс представляют собой взаимообусловленные категории. *Текст* (лат. *textum* «ткань») – это результат рече-мыслительной деятельности, содержащий функционирующее взаимосогласованное объединение своих разноуровневых составляющих (фонем, морфем, слов, синтагм, предложений), создающих коммуникативно и тематически завершенное целое, а *дискурс* (франц. *discourse* «речь, выступление») – это, с одной стороны, процесс, подготовляющий на основании «дискуссии автора со средой внешних экспертов» (А. Огуй) появление текста, а с другой – сам текст, «погруженный в жизнь» (Т. ван Дейк), где «за фасадом высказанного» (М. Фуко) упрятан невысказанный смысл этой «дискуссии». Языковые средства, как правило, структурируются в соответствии с паттерном (сценарием), который обуславливает высказывания людей согласно сфере социальной жизни. Таким образом, религиозный текст выступает статичным продуктом соответствующего динамичного дискурса, включающего экстралингвистические факторы, см. **Brinker, 2005, с. 107; Йоргенсен и др., 2008, с. 16; Кусько, 2003.**

³¹⁹Американский философ Чарльз Сандерс Пирс (1839-1914), основатель как семиотики, так и американского прагматизма, еще в 1867 г. создал концепцию «знака», выделив внешний «объект», его «репрезентамен» (форму знака, которая «стоит вместо чего-то в определенном качестве») и «интерпретанту» (значение), и на этой триаде создал подробную типологию знаков, включающую на основании динамичной модели семиозиса от 10 до 66 трихотомий и больше. Первую трихотомию Ч. Пирс построил на основании «репрезентамена» как первичные «квалисигны» (знаки-свойства: цвет, свет), вторичные «синсигмы» (знаки-предметы) и третичные «легисигны». Наиболее известной в семиотике представляется вторая трихотомия (на основании объекта), за которой различаются первичные иконы, напоминающие объект, вторичные индексы, привязанные к своему объекту, и третичные символы, условно ассоциированные с ним, см.: **Peirce, 1985, с. 5-7, 274-284.**

С. И. Сычева, К. Юнг, У. Эко и др.). Знак³²⁰ передает диадические отношения между материально-чувственным обозначаемым (*signifiant*) и обозначенным как общим смыслом (*signifié*), что как слово воспринимается носителями языка, а как элемент культурного кода – носителями культуры. По мнению Чарльза Пирса³²¹, которого придерживаемся и мы, не менее релевантной (как для лингвистики, так и семиотики) есть третья составляющая формирования знака – *sign-maker* (языковой продуцент, ср. *interpreter*: Ch.S. Morris), который использует знак по определенным (в т.ч. и прагматическим) правилам. На этом основании практически строится коммуникация как высказывание – его восприятие в рамках определенного сценария – активация соответствующей модели – (не) языковое реагирование. Ч. Пирс³²² относит символы к иконическим знакам, поскольку их функционирование основано на действительных или мнимых отношениях сходства. Именно «*sign-maker*: создатель знака», что через пережитый опыт «переплавливает» в символе элементы чувственного и рационального, вырабатывает определенные схемы в применении символа. Таким образом, по нашему мнению, символ выступает, как минимум, трехкомпонентной структурой, включающей (1) четко сформированный определитель (предмет или явление, выраженные формой), (2) нечеткий, часто амбивалентный смысл (означаемое) и (3) соответствующую лингвокультуру как «семиотическую связь» (термин Н.Д. Арутюновой³²³).

Таким образом, внеязыковые символы (крест, цвета), сигналы (бой колоколов), индексы (алхимические значки), языковые знаки (слова как выразительные средства), принадлежащих к единому (христианскому, сословному, военному) сценарию развертывания модели, совместно создают синергетический лингвокультурный суперзнак, особенно нагляден для средневековья (например, *крест, белый цвет безгреховности* т.д.). Как всякий знак разнопланового и общего порядка, он имеет содержание, форму и продуцента – определенную лингвокультуру, что обеспечивает соответствующую модель его развертывания. Односторонний анализ - только языковой, культурологической или символической модели - теряет из виду как чувственный компонент, так и синергию их взаимосвязей. Поэтому суперзнак как результат приобретенных опытов, часто антогонистических, относительно применения символических схем, представляя предметом не только семиотики, но и лингвистики, теории искусства, культурологии,

---

³²⁰Saussure, 1949, с. 98: *image acoustique et concept; signifiant et signifié*.

³²¹Peirce, 1983, S. 64-66.

³²²Peirce, 1983, S. 66.

³²³Арутюнова, 1998, с. 340.

психоанализа и психологии, должен изучаться комплексно, с учетом, как собственной структуры, так и функционирование других суперзнаков, свойственных для католической лингвокультуры Западной Европы.

Христианство как ключевая парадигма культуры средневековья (475-1492)³²⁴, в основании которой лежит вера в Бога-Отца, творца всего видимого и невидимого, Иисуса Христа, Сына Божьего, принявшего мучения во спасения рода человеческого, и Духа Святого, восходящего на верующих, нашла свое воплощение в религиозном христианском дискурсе, основанном на прагматическом³²⁵ толковании Священного Писания (Ветхого и Нового Завета). Толкователями были прецедентные личности средневековья (экзегеты и литургисты), определявшие в свое время символьные характеристики цвета. Это – деятели позднеантичного времени Квинт Тертуллиан (155/65-220/240), Св. Иероним (347-420), выдающийся переводчик и комментатор Библии-«Вульгаты»; деятели эпохи Каролингов: бенедиктинец Св. Беда Достопочтенный (*Venerabilis*: 672/73-735), Храбан Мавр (780-856); деятели времен Св.-Римской империи: бенедиктинцы комментатор Бруно из Сеньи (1045/49-1123) и ведущий литургист Руперт из Дойтца (107?-1129/35), известный своей книгой «*Liber de divinis officiis*», Гонорий Регенбургский (1080-1154), экзегет Гуго из Св. Виктора (1097-1147), а впоследствии гагиограф-литургист Иоанн Белет (1135-1182), составитель «*Summa de Ecclesiasticis officiis*», епископ Сикард Кремонский (1155-1215), Лотар из Сеньи (автор «*De missarum mysteriis*», 1196), ставший папой Иннокентием III (1198-1216), и литургист Дуранд из Менде (1230-1296), составитель часто цитируемого «*Rationale*», которые определили в значительной степени христианскую символику для всего средневековья, основываясь на «Библии» и на патристических сочинениях отцов Церкви. Отметим при этом, что на их формирование повлияли не только история развития, но и общее культурное пространство еврейства и раннего христианства, что и привело к частичному переносу цветовых ассоциаций.

Итого, за анализом этих источников, в Средневековье, которое основывалось на традициях античности, сложилось определенное

---

³²⁴Огуй, 2011, с. 39-45.

³²⁵Прагматика (греч. «действие») – раздел семиотики (W. von Humboldt, Ch. Peirce, K. Buhler, Charles Sanders Morris, Ph. Wegener, S.C. Levinson, John L. Austin, John R. Searle, P. Grice, etc.), что изучает отношение между знаковыми системами и теми, кто их использует (*the study of the relations of signs to interpreters*: Morris, 1938, p. 6). За аналогией с С. Левинсоном (Levinson, 2000, p. 8), который выделяет политическую лингвистику, можно выделять религиозную лингвистику с соответствующей прагматикой.

доминирование четырех цветов-суперзнаков (расположенных между светлым/белым и темным/черным): красного, желтого/золотого, зеленого и синего, указывавшие на четыре элемента, четыре стихии и всемогущество Космоса-Бога³²⁶. Такая редукция (ограниченность) окружающего разноцветья (с безграничными оттенками) до 4 красок имела своеобразным следствием усиление их символичности в пределах цветовой схемы, предоставление им двойного, часто противопоставленного толкования. Остановимся подробнее на этих ключевых цветах христианской символики.

Белый и черный (как светлый и темный). Природные явления, несомненно, служили основанием для различных истолкований и параллелей с различными сторонами бытия. Некоторые исследователи считают, что первоначальными цветами, которые человек выделил из окружающего мира, были именно «черный, темный» и «светлый, белый»³²⁷. На их основе сложились самые популярные культурно-семантические языческие противопоставления, основанные на традиционном противопоставлении света темноте. Свет с давних времен было символом добра и радости, поскольку еще пещерные люди, дневные существа, «с рассветом, освобождаясь от ночных страхов и тревог, покидали свои пещеры, чувствуя себя свободнее и независимее, получая возможность четко видеть окружающее»³²⁸. Животворный свет³²⁹ приобрел таким образом позитивную коннотацию, а ужасающая тьма – отрицательную. Поэтому и в Средневековье, где царил «культ видимости» (*Sichtbarkeit*), акцентировалось, что все надо было делать в светящийся день: «ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме, не знает, куда идет» (Иоанн, 12, 35).

На этой основе развились христианские универсалии как символически-метафорическое противопоставление света и тьмы, которая заключается в полярности (а) света как символа истины, разума, просвещения, жизни и тьмы как символа невежества, смерти; (б) света как добра и Христа – тьмы как зла и недоброй силы. Недаром ключевую метафору Евангелия составляет противопоставление Света Тьме: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ио., 5). Функцией света выступает не только физическое, но и духовное просветление людей: «Был Свет Истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ио. 1, 9). Поэтому пророчество Исаии о рождении Иисуса Христа (Ис. 9, 1-4) опирается на ведущую дихотомию: «Народ,

---

³²⁶См. Linares, 2011, S. 300-301.

³²⁷Козак 2002, с. 1-3.

³²⁸Алимпиева, 1976, с. 23.

³²⁹Аверинцев, 1973, с. 76.

ходящий во тьме, увидит большой свет, и над теми, что живут в темной стране, засветит ярко».

Темнота, что противостоит свету, проявляет себя как воплощение зла: «...Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий зло, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы. А поступающий по правде, идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны » (Ио. 3, 19-21). Противостоя зло, пророк Исаия (60, 1-3) обращается: «Вставай, пусть светает, ибо твой свет приходит, и ясность Господа взойдет над тобой! Ибо смотри, тьма покрывает Царство небесное и тьма окутывает народы; но над тобой сходит Господь, и его величество сияет над тобой». И одежды Христа засияли, стали блистающими белыми (*candida*) на горе Фавор (Мк. 9, 3), и ангелы у воскресшего Христа были в одежде белой, как снег (Мф. 28, 3).

Основываясь на традиционном противопоставлении света темноте (как белого цвета черному), развилась и христианская интерпретация остальных цветов. В Библии как сакральном тексте, особенно важном для понимания средневековой культуры, характерным становится использование символики, где одно из ведущих мест занимают цвета белого и красного тона. Белый цвет, уже за бенедиктинцам Рупертом из Дойтца (1075-1130/35), стал цветом одежды Христа на обозначение его безгрешную чистоты и Божественности, а отсюда пасхальным символом Воскресения и нового рождения через крещение. Поэтому крыжмы для обряда крещения должны быть белыми, как одежда блудного сына, символизируя тем невинность и чистоту, которые нужно в дальнейшем сохранять чистыми³³⁰.

Ассоциация красной краски с кровью, а отсюда с муками и смертью стала едва ли не самым ходовым топосом средневековья. Еще Св. Иероним (347-420), переводчик Библии, обратил внимание на акт спасения Христом человечества³³¹, которое он выкупил своей кровью (см. 1-2: Ис. 63, 1-2; Еф. 1, 7; Евр. 8, 14; 12, 24; И Петр. 1, 2-19). Впоследствии это акцентировали ученые франкского государства Каролингов Храбан Мавр (*Hrabanus Maurus, 780-856*) и его учитель Алкуин, выделяя яркий цвет крови от прикосновения к Христу, «пурпур кровных страданий»³³². По позднейшим христианским

³³⁰Neuheuser, 2011, S. 731, 736.

³³¹Neuheuser, 2011, S. 730.

³³²*undique te almificat, rubeas cum sanguinis usu*: со всех сторон ты освящен, ты предстанешь красным от прикосновения к крови Христа (Carm. II, vv. 4-5); *in purpura passionis sanguine... in cocco quoque praecipuam et perfectam caritatem*: в пурпуре кровных страданий... (Farbe et alii, 2011, S. 256).

соображениями, что в стихотворной форме предложил монах Виллирам (?-1085), Христос является кристально белым и алым³³³. Белый цвет предстает цветом непорочности Иисуса Христа, который «непорочно белым» родился от Пречистой Девы и «греха никакого не совершил»³³⁴. Красный же цвет выступает символом Божьей любви к человеческому роду, ибо Сын Божий, «алый от страданий своих», ради спасения человечества и «ради его избавления от грехов горько страдал, пролив свою святую кровь»³³⁵. Поэтому Гонорий Регенбурзький (1080-1154) соотнес красный цвет с кровью Христа. Его современник – мистик-бenedиктинец экзегет Руперт, аббат из Дойтца, считал, что «церковь возвеличена жертвой праведного Авеля и его кровью впервые одета в пурпур». Он же рассматривая псалом 51: 9, подчеркнул необходимость отмывания грехов, ибо за Исаией (Ис., 18): «если будут грехи красные как пурпур, пусть они станут белыми, как снег», ибо «они убелили одежды свои кровию Агнца» (Откр. 7, 14). Поэтому его монахи, привычно одетые в черные ризы, «ежедневную черноту спасительной печали», должны на праздники ходить «в белом радостной вести о приходе жениха» (Христа), символизируя «этим белым покровом новое безгрешную жизнь святых»³³⁶.

Как видим, символные цвета оказываются более комплексными, многослойными, чем языковые знаки – они приобретают двойную символику, включая в себя противопоставление, что, по учению К. Юнга о символах, имманентно присущее архитипичным пра-конstellациям и усиливает силу психологического воздействия³³⁷. Таким образом, красное как доминирующая краска имеет одновременно положительные и отрицательные коннотации: любовь – ненависть, жизнь, сила, обновление – ранение, смерть; смертный грех, адский огонь. Поэтому, по книге “**Liber Scievas**” (1141-1151) бенедиктинки-визионерки Хильдегард из Бинген (**Hildegard von Bingen: 1098-1179**), красное (в негативном отношении: **malum partem**) также служит для обозначения убийства Христа синагогой, грехов, а оттуда пагубного адского огня³³⁸.

³³³*mîn uuine ist uuîz unte rôl* (candidus et rubicundus) (Will. 87, 1).

³³⁴*Candidus ist er uon dere magede geborener, unter aller sunton ânig peccatum enim non fecit* (Will. 87, 9).

³³⁵*rubicundus ist er per passionem, uuanta mit sînemo bluote facta est purgatio peccatorum... sanguine sacradiciorum* (Will. 87, 10).

³³⁶Neuheuser, 2011, S. 730, 732.

³³⁷Linares, 2011, S. 304.

³³⁸Farbe et alii, 2011, S. 797.

На этой бинарной основе в средневековье сложилась цветовая триада «черный-белый-красный»³³⁹, отраженная в «Божественной комедии» (*Divina Commedia*, 1307) Данте Алигьери, которая символизировала ритуал инициации как обретение физиологического опыта. За Данте, человек преодолевает три цветовых уровне у ворот Чистилища: белый, символизирующий невинность младенца; красный: сначала багровый (красный с оттенком черного) – символ грешной жизни, потом собственно красный, символизирующий кровь, которая «отбеливает», очищает от греха; белый, который приобретает блики света, а следующим этапом выступает гармоничное слияние цветов. Поэтому, по И. Кардигос³⁴⁰, средневековый образ красного цвета на белом фоне является воплощением абсолютной красоты.

В этой системе символическое значение приобрел и *зеленый* цвет, самый распространенный в естественной среде. Поэтому библейские интерпретации этого цвета ограничиваются ассоциациями с зеленью как знаком цветущей и плодородной природы (Пс. 23, 2; 52, 10; Иер. 17, 8). Под христианским влиянием, интенсивно выраженным средствами латинского языка, зеленый цвет Гонорий Регенбургский (1080-1154) соотнес с верой (*viridis fides*)³⁴¹. На этой основе, по позднейшим истолкованием папы Иннокентия III. (1160-1216), зеленый стал литургическим цветом (*color medius*) для обозначения всех непраздничных дней (*dies feriales et communes*), а также инкарнации Христа (*viriditas Christi*). Толкование зеленого как библейской аллегии для обозначения неувядаемости и непреодолимости церкви (на основе указанных псалмов) активно развивалось в мистике бенедиктинки-визионерки Св. Хильдегард из Бинген (1098-1179) и впоследствии доминиканки Св. Мехтилд из Магдебурга (1207-1282)³⁴².

Синий цвет выделился уже в отгонско-салическом Евангелии «*Codex Aureus Epternacensis*: Золотой Естернаский Кодекс» (1045), где синим ляписом лазури рисовались очертания фигур святых, их одежда и общий фон (см. Св. Марк и Иоанн, «*Majestas Domini*: Величество Господа») ³⁴³, чем подчеркивалось их принадлежность к небесной сферы. На романских фресках 1100 г. бенедиктинского монастыря *Saint-Savin-sur-Gartempe* представлены типичные аллегии, в т.ч. *prudentia* «небесная мудрость», которую символически выражает, сообразуясь с тогдашним комментатором Апокалипсиса Бруно из Сеньи (*Bruno von Segni*: 1045-1123), именно гиацинтовый (*hyacinthus*:

---

³³⁹См. Гайдук, 1971.

³⁴⁰Cardigos, 1995, P. 198.

³⁴¹Neuheuser, 2011, S. 737.

³⁴²См. Suntrup et alii, 2009.

³⁴³Grebe, 2011, S. 133.

фиолетово-синий), свойственный воспроизведению неба, его добродетелей³⁴⁴. Руперт из Дойтца (107? -1129/35) в книге “In Exodum” подчеркнул, что «голубое не от мира сего, оно не содержит ничего земного, а происходит от неба». Очевидно, на этом основании в 1310 г. монах-естествоиспытатель Дитрих Фрайбергский (1240-1318) впоследствии определил уже не три (как у Аристотеля), а четыре базовые краски, добавив к ключевым краскам (см. Аристотель) еще синий цвет. Среди этих цветов, признанными и для позднего Ренессанса (см. Леонардо да Винчи), синий цвет, не получив, в противовес зеленому, полного литургического выражения, стал цветом неба, Рая.

В целом эти цвета проявились в первых цветовых системах, имеющих ветхозаветные и позднеантичные традиции. Ветхозаветную традицию представляли, в первую очередь, одежда и пояса ветхозаветных священников с фиолетовой и красной пурпурой (багряницы), из красного и отбеленного полотна (Исход 25, 4). В основе символики, очевидно, лежали элементы, или стихии. Если Тертуллиан (155/65-220/240) сочетал в толкованиях красную краску с Марсом, белую – с ветрами Зефирами, зеленую – с матушкой Землей, а синюю – с небом и морем, то в своих письмах Св. Иероним (347-420) истолковал краски как знаки земли (*byssus*), воды (*purpurum*), воздуха и огня (*hyacinthus et coccus*). В комментариях к Книге Исхода Св. Беда Достопочтенный (672/3-735) и Храбан Мавр (780-856) определяли эти цвета как выражение микро-и макрокосма безотносительно к новому священству. Беда однако, отметил, что красный выступает цветом любви к Богу и к ближнему. Впоследствии Бруно из Сеньи (1045/49-1123) и Гуго из Св. Виктора (1097-1147) истолковывали цвета через четыре элемента, причем Бруно приписал зеленый цвет воде. Гонорий Регенбургский (1080-1154) пытался (как и Бруно с Сеньи) соотнести цвета с определенными достоинствами: *niger humilitas*, *albus castitas*, *griseus discretio*, *croceus sapientia*, *viridis fides*, *aerius spes*, *rubeus caritas*: черный – смирение; белый – невинность; серый – умеренность; желто-шафрановый – мудрость; зеленый – (неувядающая) вера; воздушный – надежда, красный – глубокое уважение³⁴⁵.

Поэтому характерно связь этих цветов с аллегориями (как скульптурными изображениями, так и их литературными описаниями). На романских фресках 1100 бенедиктинского монастыря во Франции (*Saint-Savin-sur-Gartempe*) предстают типичные аллегии, которые, за Д. Коттманн³⁴⁶, согласуются с соображениями тогдашнего

³⁴⁴Kottmann, 2011, S. 243-244.

³⁴⁵Neuheuser, 2011, S. 735-737.

³⁴⁶Kottmann, 2011.

комментатора Апокалипсиса епископа Бруно с Сеньи (**Bruno von Segni**), который (очевидно, вслед за Св. Иеронимом) символически использовал четыре цвета: “**similiter autem prudentia, justitia, fortitude, temperantia, quae per hyacinthum, purpuram, coccum, et byssum intelliguntur**”. За этими изображениями, гиацинтовый (**hyacinthus**: фиолетово-синий), свойственный для воспроизведения неба, предстает символом **prudentia** «небесной мудрости»; пурпурный символизирует **iustitia** «правосудия», потому что это цвет одежды королей и принцев, справедливо управляющими своей страной. Красный цвет (**coccus**) характеризует **fortitudo** «храбрость», ибо цвет крови олицетворяет мужество мучеников, что, несмотря на мученическую смерть, сохранили христианскую веру. Охровый и белый цвет земли (**byssus**) служит для обозначения **temperantia** «взвешенности», потому что земля является мерой всех вещей³⁴⁷.

Наглядная иносказательность символов, выраженная в аллегориях, нашла свое выражение в литературных и гагиографических памятниках, в скульптурах, живописи и книжной миниатюре, в сакральных одеяниях и литургии средневековья. Таким образом, на наше мнение, происходит своеобразный симбиоз близких, но различных по сферам применения кодов языка и культуры, вследствие чего образуется рекуррентная синергетическая сопряженность – метасистемное объединение замкнутых единств, вступивших в кооперацию по законам аутопоэзиса У. Матераны – Ф. Варель³⁴⁸, на основании чего и возникает как отдельный суперзнак, так и его объединения.

Как видим, объединение суперзнаков ЦВЕТА, которые реализовывались через мысленный образ (видение), рисунок, картины (фрески, миниатюры), одежду и даже слово, получили символический проявление, характерное для сценария «ХРИСТИАНСТВО». Цвет (в пределах сложной динамической системы разноплановых знаков: образов-икон, символов и индексов) стал определяющим для характеристики людей, духовенства, окружающей среды или его отражение в литературных памятниках, где он хранил символическое применение вплоть до изменения мировоззрения, возникший благодаря антропоцентричности Ренессанса и изменениям технологии красителей. В перспективе на материале литературных памятниках следует проанализировать как символическое использование обозначений цвета, так и взаимодействие различных символических

---

³⁴⁷Kottmann 2011, S. 243-244.

³⁴⁸Матерана *et alii*, 2001, с. 78-79; Тарасенко, 2012, с. 75-76.

систем, используемых по разным моделям и сценариям тогдашнего общества.

Библиографический список: источники и литература

BRINKER, K. *Textlinguistik*: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. 6. überg. u. erw. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verl., 2005 [=Brinker, 2005].

CARDIGOS, I. *In and Out of Enchantment: Blood Symbolism and Gender in Portuguese Fairy-tales*. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 1995 [=Cardigos, 1995].

FARBE IM MITTELALTER: *Materialität-Medialität-Semantik* Akten des 13. Mediävistenverbandes vom 1. bis 5. März 2009 in Bamberg/hrsg. von Ingrid Bennewitz u. Andrea Schindler. Berlin: Akademie Verl., 2011. 1045 S., 151 Abb. [=Farbe im Mittelalter, 2011].

GREBE, A. *Zwischen Material und Medium*. Überlegungen zur Farbästhetik in der Buchmalerei des 11. Jahrhunderts/Anja Grebe //Farbe im Mittelalter: Materialität – Medialität – Semantik. Berlin: Akademie Verl., 2011. S. 127-140 [=Grebe, 2011].

KOTTMANN, D. *Farbliche und ikonographische Auswahl im Apokalypsezyklus Saint-Savins*/Delia Kottmann //Farbe im Mittelalter: Materialität-Medialität-Semantik/hrsg. von Ingrid Bennewitz u. Andrea Schindler. – Berlin: Akademie Verl., 2011. S. 235-250 [=Kottmann, 2011].

LEVINSON, S.C. *Pragmatik* Tübingen: Niemeyer, 1983 [=Levinson, 1983].

LINARES, M. *Kunst und Kultur im Mittelalter. Farbschemata und Farbsymbole* //Farbe im Mittelalter: Materialität – Medialität – Semantik /hrsg. von Ingrid Bennewitz u. Andrea Schindler. Berlin: Akademie Verl., 2011. S. 297-312 [=Linares, 2011].

MORRIS, Ch. *Foundations of the Theory of Signs* //O. Neurath, R. Carnap, C.W. Morris (eds.), International Encyclopedia of unified science. Chicago, 1938. P. 3-7; 77-138, 285 [=Morris, 1938].

NEUHEUSER, H.P. *Auf dem Weg zum liturgischen Farbenkanon*. Die Farbenbedeutung im liturgischen Zeichensystem des Mittelalters //Farbe im Mittelalter: Materialität – Medialität – Semantik/hrsg. von Ingrid Bennewitz u. Andrea Schindler. Berlin: Akademie Verl., 2011. S. 727-748 [=Neuheuser, 2011].

SAUSSURE, F. de. *Cours de linguistique générale* /Publ. par Ch. Bally et A. Sechehayé. Avec la collab. de A. Riedlinger. Paris: Payot, 1949 [=Saussure, 1949].

SUNTRUP, R., MEIER-STAUACH, Ch. *Farbenbedeutung im Mittelalter: grün* /Rudolf Suntrup, Christel Meier-Staubach //Farbiges Mittelalter?! Farbe als Materie, Zeichen und Projektion in der Welt des Mittelalters: 13. Symposium des Mediävistenverbandes 1.-5. März 2009. Programm und Abstracts. Bamberg: ZeMas, 2009. (S.37) // www.farbiges.mittelalter.de [=Suntrup et alii, 2009].

WILLIRAMS deutsche Paraphrase des Hohen Liedes mit Einleitung und Glossar/Hrsg. v. J. Seemüller. Straßburg: Trübner, 1878. XIV. 147 S. [=Will., 1878].

АВЕРИНЦЕВ, С.С. *Золото в системе символов ранневизантийской культуры* //Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура: Сб. статей в честь В.Н.Лазарева. М., 1973. С.46-47 [=Аверинцев, 1973].

АЛИМПЬЕВА, Р.В. *Семантическая структура слова «белый»* //Вопросы семантики: Сб. науч.тр., Ленингр.ун-т. Вып. 2. Л.: ЛГУ, 1976. С. 13-27. [=Алимпиева, 1976].

АРУТЮНОВА, Н.Д. *Прагматика* //Лингвистический энциклопедический словарь /Ред. В.Н.Ярцева. М.: Сов.энцикл., 1990. С. 389-390 [=Арутюнова, 1990].

АРУТЮНОВА, Н.Д. *Язык и мир человека* /Н.Д. Арутюнова. М.: Школа «Языки Русской культуры», 1998 [=Арутюнова, 1998].

ГАЙДУК, В. П. *К вопросу о цветовой символике «Божественной Комедии» Данте* /В. П. Гайдук //Дантовские чтения. М.: Наука, 1971. С. 174-180 [=Гайдук, 1971].

ЙОРГЕНСЕН, М., ФИЛЛИПС, Л. *Дискурс-анализ. Теория и метод* /пер. с англ./Марианна Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. 2. Изд. Х.: Гуманитар.центр, 2008 [=Йоргенсен *et alii*, 2008].

КУСЬКО, К.Я. *Філологічна наука ХХ – початку ХХІ ст.: дискурсивний огляд* //Дискурс іноземномовної комунікації (колективна монографія) /К.Я.Кусько (ред.). Львів: Видавництво Львів. нац. ун-ту, 2002. С.13-22 [=Кусько, 2002].

МАТУРАНА, У., ВАРЕЛА, Ф. *Древо познания*. М.: Прогресс-Традиция, 2001 [=Матурана *et alii*, 2001].

ОГУЙ О.Д. *Принципи медієвістичної когнітивно-квантитативної зіставної реконструкції* //Проблеми зіставної семантики. Зб.наук.ст. /М.П.Кочерган (ред.). Вип. 10, Ч. 2. К.: Вид.центр КНЛУ, 2011. С. 39-45 [=Огуй, 2011].

PEIRCE, Ch. *Logic as Semiotic: The Theory of Signs* //Semiotics. An Introductory Anthology /ed. by R.Innis. Bloomington: Indiana University Press, 1985. P. 4-23 [=Peirce, 1985].

PEIRCE, Ch. *Phänomen und Logik der Zeichen*. Frankfurt (M.), 1983 [=Peirce, 1983].

СВЯТОЕ ПИСЬМО. *Ветхий и Новый Завет*. Гедеоновы братья: Bible 63 DC, 1992. XVII, 1070 (Мт.; Мк.; Лк.; Ио.; Отк; Ис.).

ТАРАСЕНКО, В.В. *Фрактальная семиотика: «Слепые пятна», перипетии и узнавания*. 2. изд. М.: Либроком URSS, 2012 [=Тарасенко, 2012].

РИТОРИКА ВЛАСТИ В РОМАНАХ-УТОПИЯХ СЭМЮЭЛА БАТЛЕРА И ЭДВАРДА БЕЛЛАМИ

Максим ШАДУРСКИЙ,

докторант, кандидат филологических наук
(Эдинбургский университет, Великобритания)

213

Limbaj și context, Anul III, vol. 2, 2011

Abstract

Rhetoric is capable of relating the state of the world. Moreover, when used for a purpose, it can create a model world of its own, appeal to the imagination, and initiate action. As an arguably rhetorical genre utopia charts and explores ways in which the world is subject to imaginary change. This article brings into focus two utopian novels of the late nineteenth century – “Erewhon” (1872) by Samuel Butler and “Looking Backward”, 2000-1887 (1888) by Edward Bellamy. These novels are examined in juxtaposition in order to give an insight into the (ab)use of rhetoric in both the fictional realm of utopia and beyond.

The realization of the rhetoric of power is traceable to the descriptive lexical units the two writers employ. The protagonist of Butler’s novel undertakes an assiduous journey into a world of anagrams and antipodes, whose nature is defined as hypothetical. Hypothetics, according to Butler, rests on a set of «utterly strange and impossible contingencies», aimed at educating the mind’s flair for inconsistency and evasion. The fictional world of Bellamy’s novel is, on the contrary, coherent and logical. The aspects of this fictional world are dubbed prodigious on the grounds that even «humanity’s ancient dream of liberty, equality, fraternity at last was realized». The protagonist of Bellamy’s novels is transported in his sleep to a future only slightly reminiscent of contemporary Boston. Books available in these allegedly perfect societies contain a wealth of information according to which their social ideal functions. Butler identifies «an unfair and exaggerated representation of life and things» in rhetorical postulates. Julian West, in turn, discovers a well of amazement in the absence of social incongruities in the books of the future because the latter not only condense the memory of the past, which is successfully obliterated in Erewhon, but also overshadow history from the height of the current moment. The rhetoric of power becomes manifest in the mechanism of orchestrating public opinion by means of treatises and sermons. In “Erewhon”, public opinion is affected by local prophets and philosophers whose rhetoric, embodied in books, results in damaging action. Bellamy attributes the role of ideological didactics to religion, which means that the preacher’s rhetoric ranks as an indisputable moral authority.

The fictional worlds of Butler and Bellamy demonstrate an understanding of the rhetoric of power as a constructive and/or latently destructive force. Where Butler’s Erewhon exposes the paradoxical potentialities of rhetoric, Bellamy sanctifies rhetoric, refusing to recognize the hidden antipodes reposed in it. But there is more to rhetoric and to its potentialities. Not only does the rhetoric of power have the capacity to describe the state of the world or create a fictional world, but it can also ruin this world and along with it, the Universal creation.

Keywords: rhetorics, imagination, utopia.

Rezumat

Retorica este un mijloc de a prezenta realitatea. Mai mult decât atât, atunci când este folosită cu un scop oarecare, ea poate condiționa acțiunii, crea chiar o realitate proprie, făcând apel, în acest caz, la imaginație. Astfel, ca gen retoric, utopia schițează și analizează modalitățile după care lumea este supusă schimbărilor imaginare. În articol, se face referință

la două romane utopice ale secolului al XIX-lea: „Erewhon” (1872) de Samuel Butler și „Looking Backward” (1887-1888) de Edward Bellamy. Aceste romane sunt analizate în juxtapunere, pentru a oferi o imagine a utilizării retoricii atât în domeniul fictiv (adică utopic), cât și în cel extrafictiv.

Particularitățile retorice ale acestor romane sunt cercetate în baza unităților descriptive lexicale. Protagonistul romanului lui Butler se angajează într-o călătorie asiduă într-o lume de anagrame și antipozi, a căror natură este definită ca fiind ipotetică. Ipoteza, după Butler, se bazează pe un set de „evenimente extrem de neprevăzute, ciudate și imposibile” care vizează educarea perspicacității minții pentru inconsecvență și evaziune fiscală. Lumea fictivă a romanului lui Bellamy este însă coerentă și logică. Aspectele acestei lumi fictive sunt definite ca prodigioase, deoarece „visul străvechi al umanității de libertate, egalitate și fraternitate a fost, în sfârșit, realizat”.

Protagonistul lui Bellamy este transportat în somn într-un oraș al viitorului care seamănă puțin cu Bostonul contemporan al autorului. Cărțile care se întâlnesc în societatea perfectă, prezentată de acesta, conțin informații asupra funcționării societății ideale. În afirmațiile sale „retorice”, Butler prezintă „o imagine inechitabilă și exagerată a vieții și a lucrurilor”. Julian Vest, la rândul său, descoperă o sursă de uimire (în absența unor înconcordanțe sociale) în cărțile de viitor, deoarece acestea din urmă nu numai că fixează trecutul care este distrus în „Erewhon”, dar lasă în umbră istoria din perspectiva prezentului. Retorica își are rolul ei în mecanismul de manifestare a opiniei publice prin intermediul unor tratate și predici.

În „Erewhon”, opinia publică este manipulată de profesii locale și de filosofii ale căror retorică, întrupată în cărți, are consecințe dăunătoare. Bellamy atribuie religiei rolul didacticii ideologice, ceea ce înseamnă că retorică predicatorului prezintă o autoritate morală incontestabilă pentru toți.

Lumea ficțională a lui Butler și Bellamy demonstrează o conceptualizare a retoricii ca forță implicită și distructivă. În timp ce în „Erewhon”, Butler expune potențialul paradoxal al retoricii, Bellamy aprobă retorică, dar prin retorică, Dânsul concepe mult mai mult decât Butler. La Bellamy, retorică are capacitatea nu numai de a descrie starea lucrurilor sau chiar de a crea o lume fictivă, dar și de a distruge această lume și, împreună cu ea, întreaga creație universală.

Cuvinte-cheie: *retorică, imaginație, utopie.*

Жанровое своеобразие утопии проявляется в принципиальной установке на экспликацию совершенного политико-социального устройства конструируемой действительности. В художественной модели мира, образующей семантическое ядро жанра утопии, акцентирован государственный уровень (телеосфера), определяющий функционирование морально-этической системы (этосфера) внутри условного пространства, замкнутого определенным рубежом (топосфера).³⁴⁹ В начале XX в. Артур Кирхенгейм предлагал называть такие жанровые образования политико-экономическими романами,

³⁴⁹Впервые данный комплекс типологических констант жанра утопии был выдвинут мной в монографии (Шадурский, 2007, с. 11-14) и получил дальнейшую детальную разработку в исследовании романов-утопий английских писателей (Шадурский, 2008).

потому как они суть «произвольные фикции, созданные воображением [...], где, под видом вымыслов, рисуется перед нами идеальное государство и идеальное общество».³⁵⁰ Идеальное, или, в терминах Томаса Мора, «наилучшее», государственное устройство предполагает действие триединого телеологического комплекса: государь – закон – институт, нацеленного на учреждение устойчивой формы правления в вымышленном обществе и развитие адекватной ей формы духовной чувствительности. Художественный опыт авторов утопий показал, что для достижения данной цели необходимы исключительные герои на роль государя, лаконичное и ясное законодательство, а также институционализированное принуждение, практика которого относится к прерогативам власти. Начиная свое сочинение об «общепонятных средствах» убеждения, Аристотель оценивал риторику как жизненно важное искусство словесного воздействия: «[...] если позорно быть не в состоянии помочь себе своим телом, тем более позорно бессилие помочь себе словом, ибо пользование словом более присуще человеку, чем пользование телом».³⁵¹ Исходя из этого, риторика, которой авторы утопических произведений наделяют власть, располагает выдающимися возможностями по сравнению с другими средствами поддержания миропорядка, создаваемого художественным воображением.

Во второй половине XIX в. к созданию художественного мира в жанре утопии были причастны многие английские и американские писатели, однако особой славы по оба берега Атлантики снискали Сэмюэл Батлер (1835-1902) и Эдвард Беллами (1850-1898). Выросшие в семьях священнослужителей и воспитанные в атмосфере почитания Слова Божия, оба писателя настороженно отнеслись к чрезвычайно популярной в то время эволюционной теории Чарлза Дарвина, благосклонно восприняв лишь концепцию поступательного развития внутри одной парадигмы. В творчестве Батлера четко прозвучал иконоборческий пафос, направленный против незыблемых авторитетов, в то время как Беллами, противясь социальному пороку, остался верен пуританской традиции, подпитываемой американскими источниками. Миропонимание писателей во многом предопределило их отношение к риторике, что нашло отражение в созданных ими романах-утопиях: «Едгин» (*Erewhon*, 1872), «Возвращение в Едгин» (*Erewhon Revisited*, 1901) Батлера и «Взгляд назад. 2000–1887» (*Looking Backward: 2000–1887*, 1888), «Равенство» (*Equality*, 1897) Беллами. В исследовании жизни и творчества Батлера Ли Холт заметил, что завязка первого романа «красноречиво раскрывает механизм символической

---

³⁵⁰Кирхенгейм, 1902, сс. 3-4.

³⁵¹Аристотель, 2005, с. 8.

трансформации – перехода из мира, где все, что подвластно пониманию, находится на своих местах, в новую страну Едгин, принципы которой имеют иную логику».³⁵² Иная логика мира заложена и в романе Беллами. Хотя писатель не переставляет буквы в географических названиях и именах персонажей, символический путь к обществу истинного братства между мужчинами и женщинами, естественного чувства духовной солидарности верно обозначен. При всем обилии расхождений в целях и средствах Батлера и Беллами объединяющим звеном в их творческих системах остается риторика, авторитет которой зафиксирован на различных уровнях художественного мира романов-утопий.

Особенно важную роль в расстановке авторитетных акцентов в романах играют дескриптивные единицы, актуализируемые риторикой. Речь идет о планомерном или неосознанном повторении описательных средств языка. Мировидение Батлера, традиционно рассматриваемое как переходное от Викторианства к Эдвардианской эпохе, обладало парадоксальными чертами, которые проявились в его стремлении сочетать несовместимое в причудливой форме. Способом изложения в романе «Едгин» выступал парадокс, в котором, по выражению Ивана Чекалова, «истина и нелепый вымысел – “сиамские близнецы”».³⁵³ В импульсивном желании Батлера атаковать наличную правду действительности посредством парадокса Г. Кэннан усматривал причину логической несостоятельности и неудобоваримости произведений писателя.³⁵⁴ Соединяя идеал с гротескным образом повседневности, Батлер обозначил выявляемую модель мира в романе «Едгин» существительным «гипотетика». Едгинские колледжи неразумности не единственное ристалище обозначенных умозрений. Плодами гипотетики пронизано обыденное мышление жителей Едгина, основанное на усиленных предположениях об обратном и потому вынужденное только приближаться к истинному образу бытия, таящемуся в риторике. В отличие от идейной разнородности утопического замысла Батлера художественный мир романа Беллами характеризуется предзаданной стройностью и логичностью. Такое мироустройство прямо свидетельствует о трансцендированности политико-социального идеала, который, по прогнозам самого автора, должен был воплотиться к 2000 году и который, по оценкам Р. Джэкоби, человечеству еще предстоит реализовать.³⁵⁵ Ключевым словом в риторическом арсенале произведения является эпитет

---

³⁵²Holt, 1964, p. 38.

³⁵³Чекалов, 1967, с. 89.

³⁵⁴ Cannan, 1915, p. 151.

³⁵⁵Jacoby, 2000, p. 73.

«потрясающий» (*prodigious*). Потрясающим оказывается сам факт фантастического путешествия во времени, в результате которого взору главного героя, равно как и читателям, открывается потрясающая картина будущего, ибо «на протяжении многих тысячелетий мировая история еще не ведала более изумительных перемен».³⁵⁶ Насущные проблемы человеческого существования контрастируют поразительным образом с решениями в области производства (армия рабочих), потребления («всем по потребностям»), градостроения (утопающая в зелени симметрия улиц Бостона) и т.д. Потрясающим в романе американского писателя названо то, о чем гипотезируют герои «Едгина». Однако, важно отметить, неоднозначная риторика в романе Батлера оставляет больше места для свободы по сравнению с ее утвердительностью в проекте Беллами.

Риторика выступает авторитетной знаковой системой в книгах, доступных читателям изображаемых утопических сообществ. Книга как важнейшая среда обитания риторики содержит в обобщенном виде мировоззренческую базу жизненных основоположений, по которым функционирует общество. Герой Батлера Хиггс черпает свои знания о едгинском религиозно-мифологическом учении из местных книг, открывая для себя, что фатализм – идейная сердцевина мифологического миропонимания едгинцев. Прямая времени непрерывно соединяет, по их мнению, прошлое с будущим, словно «лента на двух катушках», «которая не поддается ускорению или остановке и поэтому требует принятия того, что разворачивается перед нами вне зависимости от наших предпочтений».³⁵⁷ Процесс развертывания событийной ленты неподвластен человеческому вмешательству, и ход времени нужно воспринимать как неизбывный закон: «Время споспешествует нам и озаряет нам дорогу по мере продвижения, однако яркий свет часто слепит нам очи и сгущает темноту перед нами».³⁵⁸ Хиггс устанавливает, что жители страны верят в пренатальное существование душ, скитающихся в своем царстве до самовольного появления на свет. Сам факт рождения расценивается как злодеяние, за которое «приговор может быть приведен в действие в любой момент после совершения преступления».³⁵⁹ Избежание наказания возможно только в случае беспрекословного выполнения требований «формулы рождения», предписывающей человеку смирение и раболепие перед окружающей действительностью на протяжении всей его жизни. Загробная жизнь полностью исключена в

---

³⁵⁶Bellamy, 2000, p. 26.

³⁵⁷Butler, 1942, p. 115.

³⁵⁸*ibidem*.

³⁵⁹*ibid.*, p. 117.

Едгине из реестра потенциальных локусов обитания: человек, подобно ленте времени, проходит, не спеша, перед лицами наблюдателей и навеки исчезает, не оставив после себя никаких воспоминаний. Память о прошлом подвержена обработке со стороны так называемого «общества по ликвидации ненужных знаний и дальнейшему забвению истории». Полное игнорирование возможности будущего обуславливает пренебрежительное отношение к знанию как таковому, а также к его хранению и преумножению. В данном случае можно отчасти согласиться с Холтом в том, что весь процесс социализации в Едгине нацелен на нивелировку умения «вести полезный образ жизни».³⁶⁰ Сам Батлер, однако, улавливал в риторических постулатах подобного рода «несправедливое и ходульное изображение действительного; и если бы авторы, – продолжал он, – имели к тому предрасположенность, они бы нарисовали образ, как светлые, так и темные тона которого казались бы ошибкой».³⁶¹

Аспекты политико-социального устройства страны будущего в романе-утопии Беллами переданы в книгах, риторика которых способствует оформлению разрозненных представлений Джулиана Уэста в целостный образ идеальной жизни. Как и Батлер, автор «Взгляда назад» проводит временную линию в исторической и экзистенциальной перспективе. Во время своего пребывания в отдалении от родного Бостона почти на сто тринадцать лет главный герой романа открывает, что США к XX в. «вступили в эпоху миллениума» и что «данная теория отнюдь не беспочвенна».³⁶² Благополучие всей нации, отсутствие социальных трудностей, устроенность личной жизни граждан, бросающиеся в глаза Уэсту, подтверждают сформулированный в романе вывод о том, что «нынешний мир – рай по сравнению с тем, что было раньше».³⁶³ С первого до последнего вздоха в этом раю человек запрограммирован социальной необходимостью в качестве поборника идеи прогресса – целевого хода истории. Пакеты документов в будущем Бостоне строго регламентируют возрастной и гендерный ценз в вопросах индивидуального роста для общественной пользы. Если душа в Едгине перемещается после своего рождения в непредсказуемый мир, то законодательство в произведении Беллами гарантирует неродившимся наличие умных и воспитанных родителей, равно как и совершенную систему жизнеустройства. В силу устремленности в будущее экзистенциальные искания бостонцев XX в. не девальвируются

---

³⁶⁰Holt, 1964, p. 43.

³⁶¹Butler, 1942, p. 121.

³⁶²Bellamy, 2000, p. 55.

³⁶³*ibidem*.

сиюминутным разочарованием в дне сегодняшнем. По оценке Г. Гранвальда, миллениум – «всего лишь условное обозначение в календаре. Но за нашим трепетным к нему отношением скрывается глубокий психологический смысл: необходимость увериться в том, что мы не потеряны во времени, что мы движемся в заданном направлении и что у нас есть к чему обратить свой взор».³⁶⁴ Индивидуальные цели подчиняются в данном случае некоторой большей цели, которую Беллами в послесловии к роману описал как «Золотой век, лежащий перед нами, а не за нами».³⁶⁵ В противовес Едгину Новый Бостон предоставляет своим гражданам большую свободу мысли, при которой, согласно М. Гарднеру, «все книги и газеты издаются под эгидой правительства, при этом они не подвергаются цензуре и могут содержать любые взгляды».³⁶⁶ Книжные полки библиотек в романе наполнены томами «интеллектуальных виртуозов» от Шекспира до Ирвинга. Современная литература, конденсирующая в себе память о минувшем, оттеняет вершинность настоящего момента, который контрастирует с мизерностью прошлого. Итак, риторика не только и не столько раскрывает сущность определенной религиозно-мифологической доктрины, выполняющей мировоззренческую функцию в художественном мире произведений, сколько детерминирует развитие сценария существования человека. В концепциях времени обоих авторов четко просматривается линейная векторность исторического процесса, определяющая ход жизни человека как фаталистически бесцельный или общественно полезный. Власть, чья риторика «отвердела» в религиозно-мифологическом сознании художественной реальности, устанавливает конечные желаемые цели или их отсутствие на индивидуальном и социальном уровне.

Риторика власти находит свое преломление также в механизме воздействия выдвигаемых теорий на ценности общества и принятое в нем мнение. В исследуемых романах наиболее семантически емкими формами обращения с духовной чувствительностью являются трактат и проповедь. Написав «Книгу машин», в которой легко различимо влияние дарвинского учения о происхождении видов, один едгинский философ совершил масштабный переворот в государственной политике и образе мышления и поведения сограждан. Ему удалось спроецировать гипотетическим путем линию развития живой материи на модель эволюции техники. Он предчувствовал неизбежную опасность в прогрессе машин, потому что последние, «коль им

---

³⁶⁴Grunwald, 1998, p. 87.

³⁶⁵Bellamy, 2000, p. 220.

³⁶⁶Gardner, 2000, p. 22.

уготовано превзойти нас в интеллектуальном развитии, как мы превосходим в этом животных», смогут завладеть и жизнью человека.³⁶⁷ Риторика местного философа, имеющая своей целью предупреждение об опасности механизации, откликнулась в сознании едгинцев призывом к немедленному действию. По словам Батлера, «разбуженное сознание индивида приведет его к таким опрометчивым поступкам, от которых ему следовало бы воздержаться; сознание же нации, разбуженное каким-нибудь достопочтенным господином, нажимающим тайные пружины, с лихвой вымостит дорогу в ад».³⁶⁸ Увещевания, выказанные в трактате о машинах, обрели размах общепринятого мнения (*идгрунизм*), которое и стало одной из мишеней жанрового парадокса Батлера. «Сняв с ходячего мнения налет правдоподобия и очевидности, Батлер умеет обнаружить и показать зерна абсурда, фальши, бессмыслицы, таящиеся в самой его сути. Крупицы же истины он представляет в виде фантастического и нелепого предположения», – резюмирует Чекалов.³⁶⁹ Всего за несколько дней в Едгине под воздействием риторики был уничтожен всякий след технического прогресса, оставленный предыдущими поколениями.

В силу патетического характера проповедь обладает еще большей степенью суггестивности, нежели трактат. Риторика проповедника в художественном мире романа Беллами призвана ферментировать общественную уверенность в совершенстве идеала, констатировать благостное состояние «здесь и сейчас». По предположению Наталии Шогенцуковой, сам факт того, что «улучшение социума Беллами видит на путях служения Богу, как воплощение его замыслов на Земле», приводит в итоге к реализации бостонцами «древней мечты о свободе, равенстве, братстве».³⁷⁰ В этой связи проповедник указывает на анахронизацию такой категории, как библейские десять заповедей, вместе с оппозициями «бедность – богатство», «добро – зло». «Пришла к концу долгая и изнуряющая зима человечества, которое созрело к тому, чтобы лицезреть наступление рая», – находим в тексте романа Беллами.³⁷¹ Возникает вопрос: не вербализирует ли автор образ счастья, в которое человечество обращено «железной рукой»? Эдуард Баталов, обращаясь к утопическим сообществам Платона, Мора, Морриса, выявляет их статичность: «В них нет никакого движения, никакого развития, поскольку максимальный характер предела не оставляет пространства ни для продвижения вперед, ни для исторического

---

³⁶⁷Butler, 1942, p. 158.

³⁶⁸*ibid.*, pp. 167-68.

³⁶⁹Чекалов, 1992, сс. 54-55.

³⁷⁰Шогенцукова, 2003, с. 781.

³⁷¹Bellamy, 2000, p. 191.

“маневра”».³⁷² Едва ли «не таким же “заорганизованным” и строго регламентированным» представлялось Баталову общество будущего в романе «Взгляд назад». Непременность риторики, а также механизм ее воздействия на сознание и жизнедеятельность человека и общества последовательно выявлены в художественном мире романов-утопий «Едгин» и «Взгляд назад». Батлер проводит мысль о колоссальных возможностях, таящихся в риторике, варианты актуализации которых не поддаются однозначному прогнозированию; Беллами, в свою очередь, приписывая риторике исключительную сакральность, убедительно показывает картину приведения в действие арсенала «общепонятных средств» словесного убеждения.

В романах-утопиях Батлера и Беллами, наряду с живописанием образов наилучшего мироустройства, творчески исследуется как явная, так и потаенная актуализация риторики власти, призванная соответствовать притязаниям воображаемой действительности и в то же время обладающая моделирующим воздействием на нее. Грани устойчивого состояния условного мира, пригодного для общего и – реже – индивидуального обживания, противостоят в утопии картине подвижной реальности, от которой они отталкиваются. В «Едгине» абсолютизируется роль художественного пространства, защищенного двойной границей от влияния извне; во «Взгляде назад» проблема границы решается посредством футуроспективного сдвига временной фокусировки, освобождающего еще не начертанные контрасты от риторического эффекта. Объективация суггестивного потенциала риторики, равно как и физической силы, здоровья, богатства, военной мощи, мыслилась Аристотелем правомерной лишь в соответствии с критерием справедливости: «[...] применяя эти блага в согласии со справедливостью, можно принести много пользы, а вопреки справедливости – много вреда».³⁷³ И Батлер, и Беллами подвергли испытанию риторику власти в отдельно взятых сознаниях: Хиггс должным образом воспринял благие намерения, открывающие путь к действию, тогда как новый опыт Уэста привел к углублению пропасти неприятия им прежних профилей собственного существования. Именно индивидуальное сознание, которое в силах противостоять мнению толпы, включает в себе риторическую силу, приближающую к более или менее справедливой оценке состояния мира, художественного и не только.

Литература

---

³⁷²Баталов, 1982, с. 50.

³⁷³Аристотель, 2005, с. 8.

АРИСТОТЕЛЬ. *Риторика*, пер. с древнегреч. и примеч. О. П. Цыбенко. *Поэтика*, пер. с древнегреч. В. Г. Аппельброта. Москва: Лабиринт, 2005 [=Аристотель, 2005].

БАТАЛОВ, Э. Я. *Социальная утопия и утопическое сознание в США*. Москва: Наука, 1982 [=Баталов, 1982].

КИРХЕНГЕЙМ, А. *Вечная утопия*, пер. с нем. Ф. Павленкова. Санкт-Петербург: Эрлих, 1902 [=Кирхенгейм, 1902].

ПЛАТОН. *Критий*, пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева. ПЛАТОН. *Сочинения в трех томах*, под общ. ред. А. Ф. Loseва и В. Ф. Асмуса. Москва: Мысль, 1971. Т. 3.1. С. 545-560 [=Платон, 1971].

ЧЕКАЛОВ, И. И. *Парадокс Батлера о машинах // Научные доклады высшей школы Филологические науки*. Т. 1, 1967. С. 87-98 [=Чекалов, 1967].

ЧЕКАЛОВ, И. И. *Правовой парадокс Батлера и его источники // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языковедение, литературоведение*. Т. 1.2, 1992. С. 54-66 [=Чекалов, 1992].

ШАДУРСКИЙ М. И. *Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова*. Москва: ЛКИ, 2007 [=Шадурский, 2007].

ШАДУРСКИЙ, М. И. *Художественная модель мира в романах-утопиях С. Батлера и О. Хаксли: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Минск: БГУ, 2008 [=Шадурский, 2008].

ШОГЕНЦУКОВА, Н. А. *Утопический роман. Эдвард Беллами // История литературы США*. В 7 т., ред. кол.: Я. Н. Засурский и др. Москва: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 4: Литература последней трети XIX в. 1865-1900 (становление реализма). С. 771-802 [=Шогенцукова, 2003].

BELLAMY, E. *Looking Backward: 2000-1887*. New York: Signet, 2000 [=Bellamy 2000].

BUTLER, S. *Erewhon. Erewhon Revisited*. London: J. M. Dent & Sons, 1942 [=Butler, 1942].

CANNAN, G. *Samuel Butler: A Critical Study*. London: Martin Secker, 1915 [=Cannan 1915].

GARDNER, M. *Looking Backward at Edward Bellamy's Utopia // New Criterion*. No. 19.1, 2000. P. 19-25 [=Gardner, 2000].

GRUNWALD, H. *Can the Millennium Deliver? // Time*. No. 151.18, 1998. P. 84-87 [=Grunwald, 1998].

HOLT, L. E. *Samuel Butler*. New York: Twayne, 1964 [=Holt, 1964].

JACOBY, R. *A Brave Old World: Looking Forward to a Nineteenth-Century Utopia // Harper's Magazine*. No. 301.1807, 2000. P. 72-77 [=Jacoby, 2000].

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУБЪЕКТА-ПОБЕДИТЕЛЯ И СУБЪЕКТА-ПРОИГРАВШЕГО В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Светлана СТРУГОВА,

кандидат филологических наук, доцент
(Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Россия)

223

Limba și context, Anul III, vol. 2, 2011

Abstract

We intend to research in this article sports media discourses referring to the winners and losers in the Winter Olympic figure skating since 2002, from the linguistic perspective.

Keywords: *a discourse on a sports topic, winner, loser, Olympics, nomination.*

Rezumat

În articol, ne propunem să cercetăm, din perspectivă glotică, discursurile sportive mediaticе cu referință la învingători și învinși în cadrul Olimpiadei de Iarnă la patinaj artistic din 2002.

Cuvinte-cheie: *discurs cu tematică sportivă, învingător, învins, Olimpiadă,*

В настоящей статье представлены результаты исследования, посвященного изучению языковой репрезентации уникальной ситуации, произошедшей в парном фигурном катании на Зимних Олимпийских Играх в 2002 году. Особенность данной ситуации заключается в следующем. 11 февраля, по результатам соревнований, первое место было отдано российской паре Елене Бережной и Антону Сихарулидзе. Второе место заняла канадская пара Джемми Сале и Давид Пеллетье. Объявление россиян победителем вызвало общественный протест в Северной Америке и Западной Европе, в связи с чем ситуация получила широкое освещение в текстах СМИ. И уже 15 февраля того же года Международный Олимпийский Комитет присвоил статус олимпийского чемпиона и канадской паре без проведения повторного соревнования. Таким образом, впервые за всю историю фигурного катания в одном его виде было объявлено одновременно два чемпиона.

Эта ситуация побудила нас обратиться к изучению номинаций российской и канадской пар в спортивном дискурсе на примере текстов, написанных с 11 по 15 февраля 2002 года. Цель состояла в том, чтобы выявить, в чем заключалась специфика языковой репрезентации российской и канадской пар именно в период выражения общественного протеста. Нами были изучены тексты американских, канадских, немецких и российских СМИ, в ходе анализа которых были вычленены 2312 номинаций российской и канадской пар.

Под спортивным дискурсом мы понимаем вербально опосредованную деятельность в спорте³⁷⁴. Такое понимание дискурса предполагает учет трех его составляющих: профессиональной, концептуальной и вербальной. Следовательно, спортивный дискурс представляет собой совокупность текстов, описывающих спортивную деятельность и репрезентирующих специфику концептуализации в спортивной деятельности.

Особенность концептуализации в спорте такова, что в качестве победителя рассматривается только тот спортсмен, который занял первое место, все остальные спортсмены, включая призеров, по отношению к обладателю золотой награды квалифицируются как проигравшие³⁷⁵. Таким образом, если рассматривать ситуацию 2002 года в период с 11 по 15 февраля, в качестве субъекта-победителя в этой ситуации выступает российская пара, в качестве проигравшего – канадская.

Наблюдения над репрезентирующими победителя и проигравшего номинативными комплексами всех трех языков позволили прийти к следующим выводам. Во-первых, комплексы имеют однотипные структуры, которые включают собственно номинативную единицу, обозначающую субъекта, и приписывающую субъекту признак оценочно-атрибутивной группы, семантический центр которой занимает собственно оценочный компонент. Во-вторых, неотъемлемой характеристикой языковых единиц, репрезентирующих победителя и проигравшего, является оценочность, в соответствии с которой языковые репрезентанты победителя и проигравшего могут быть классифицированы по различным основаниям. В связи с этим нами были представлены три классификации номинативных комплексов.

Первая классификация номинативных комплексов предполагает описание единиц с точки зрения того, какая оценка – положительная или отрицательная – приписывается победителю и проигравшему.

Выяснилось, что в текстах американских, канадских и немецких СМИ проигравшему приписывается преимущественно положительная оценка:

***They skated perfect* [The Toronto Sun, February 12, 2002].**

***Triumph des kanadischen Duos* [Spiegel, 2002, Der 13 Februar].**

***The superior Canadian pair* [The New York Times, February 12, 2002].**

***The Canadians were clear crowd favourite* [Los Angeles Times, February 13, 2002].**

---

³⁷⁴Алексеева и др., 2002.

³⁷⁵Портных, 2001.

Тем не менее, в текстах и североамериканских, и немецких СМИ есть также номинативные комплексы, приписывающие отрицательную оценку канадской паре:

Sale and Pelletier skated an old program with no passion [www.sportsnews.com, February 13, 2002].

Sale und Pelletier profitierten von einer schmeichelnden Wertung [Handelsblatt, 2002, Der 14 Februar].

Российской паре, т.е. победителю, в текстах североамериканских и немецких СМИ отрицательная и положительная оценки приписываются примерно в равном количестве с небольшим перевесом в пользу оценки положительной:

Unworthy gold medalists [The New York Times, February 13, 2002].

Die umstrittenen Sieger [Spiegel, 2002, Der 13 Februar].

Russian skater's triumph [New York Daily News, February 12, 2002].

Что касается российских СМИ, то здесь и победителю, и проигравшему чаще всего приписывается положительная оценка.

Елена Бережная и Антон Сихарулидзе оказались на голову сильнее канадцев Джейми Сале и Давида Пеллетье [Советский спорт, 12 февраля, 2002].

Выдающаяся российская пара [Коммерсант, 12 февраля, 2002].

Бережная и Сихарулидзе – великодушная пара [Советский спорт, 13 февраля, 2002].

Канадцы были сильнее [Российская газета, 13 февраля, 2002].

Канадцы больше заслуживали титула [Советский спорт, 14 февраля, 2002].

Тем не менее, отрицательной оценкой также наделяются оба субъекта:

Канадцы не конкуренты [Коммерсант, 13 февраля, 2002].

Канадцы ничего интересного не показали [Российская газета, 12 февраля, 2002].

Незаслуженная победа россиян [Аргументы и факты, 13 февраля, 2002].

В соответствии со второй классификацией номинативные комплексы характеризуются с позиции того, в каком компоненте значения – когнитивном или прагматическом – выражена сема «аксиологический оператор» в структуре значения собственно номинативной единицы и собственно оценочного компонента номинативного комплекса.

Когнитивный компонент значения в структуре языковых единиц отражает реальные связи действительности, т.е. реально существующие свойства объекта³⁷⁶. Прагматический компонент значения служит

³⁷⁶НИКИТИН, 1988.

отражению отношения, выражаемого говорящим к тому или иному объекту/субъекту реальной действительности³⁷⁷.

Выяснилось, что языковые единицы английского и немецкого языков приписывают положительный признак проигравшему преимущественно через прагматический компонент значений единиц номинативных комплексов. Рассмотрим следующий пример:

Two graceful and gracious Canadian skaters [*The Chicago Tribune*, February 12, 2002].

В представленном номинативном комплексе в качестве собственно номинативной единицы выступает словосочетание *two Canadian skaters*. Собственно номинативной единице приписана оценочно-атрибутивная группа *graceful and gracious*, которая включает два собственно оценочных компонента: *graceful* и *gracious*. Компонентно-дефиниционный анализ значений каждого собственно оценочного слова выявляет наличие в прагматическом компоненте их актуальных значений аксиологический оператор «плюс».

Обратимся к номинативному комплексу немецкого языка, репрезентирующему также субъекта-проигравшего:

Die sportlich perfekte Darbietung der Publikumsliebline [*Spiegel*, 2002, Der 12. Februar].

В данном номинативном комплексе в качестве собственно номинативной единицы выступает слово *Publikumsliebline*, которому приписывается признак в форме оценочно-атрибутивной группы *die sportlich perfekte Darbietung*.

Обратимся к анализу узуального значения собственно номинативной единицы *Publikumsliebline*. Наибольшую смысловую нагрузку в составе этого сложного слова несет корень *-liebline*, который также может быть употреблен как самостоятельная лексема (*Liebline* – «любимцы»), толкуемая следующим образом: *'jemand, der von jemandem besonders geliebt wird; jemand, der jemandes Gunst, Sympathie genießt, der von jemandem bevorzugt wird'*³⁷⁸. Ключевыми компонентами приведенной дефиниции являются компоненты *geliebt, Gunst, Sympathie* и *bezugt*. Все они репрезентируют отношение одного субъекта, вербализуемого в толковании компонентами *von jemandem* и *jemandes*, к другому субъекту, объективируемому в дефиниции местоимениями *jemand* и *der*. Тип этого отношения характеризуется как «симпатия».

Доминантные компоненты толкования слова *Liebline* выводят на структуру когнитивного компонента узуального значения указанного слова гиперсему «оценочная квалификация» и гипосемы

³⁷⁷Там же.

³⁷⁸Deutsches Universalwörterbuch, 2003, p. 1019.

«эмоционально-чувственная квалификация субъекта», «предпочтение». Поскольку содержание рассматриваемого слова ясно свидетельствует о преобладании в нем информации эмоционально-чувственного характера, неотъемлемым компонентом в структуре значения слова **Lieblinge** является прагматический компонент, структуру которого образуют семы «отношение», «любовь» и «положительный аксиологический оператор».

Оценочно-атрибутивная группа, согласуемая с лексемой **Publikumsieblinge**, включает компоненты:

- а) классификатор 1 **sportlich**;
- б) классификатор 2 **die Darbietung**;
- в) собственно оценочный компонент **perfekte**.

Собственно оценочный компонент **perfekte** имеет следующее толкование: '**frei von Mängeln, vollkommen**'. Приведенное толкование позволяет выявить постоянные семы когнитивного значения лексемы **perfekt**: 1) «оценочная квалификация» (гиперсема); 2) «качество», «высшее проявление качества» (гипосема).

Помимо когнитивного компонента, значение рассматриваемой лексемы содержит также прагматический компонент, который обнаруживает следующие семантические признаки: «отношение», «признание», «восхищение», «положительный аксиологический оператор».

Таким образом, в приведенном номинативном комплексе оценку выражают два компонента – собственно номинативная единица и собственно оценочный компонент оценочно-атрибутивной группы. При этом оба слова репрезентируют сему «положительный аксиологический оператор» в прагматических компонентах своих значений.

Напротив, положительная оценка по отношению к победителю в номинативных комплексах английского и немецкого языков выражена преимущественно посредством когнитивного компонента значений единиц:

The Russian pair took first place [*The Chicago Tribune*, February 12, 2002].

В представленном номинативном комплексе роль собственно номинативной единицы выполняет словосочетание **the Russian pair**. Ей приписывается признак в виде оценочно-атрибутивной группы **took first place**, где в качестве собственно оценочного компонента выступает словосочетание **first place**. **First** значит '**before all others; first finisher in a competition**' [www.oxforddictionaries.com], где компонент **before** указывает на ситуацию, в которой субъект находится впереди всех.

Следовательно, лексема **first** имеет следующую структуру значения: когнитивный компонент, содержащий гиперсема «оценочная

классификация» и гипосемы «соревнование», «впереди», «положительный аксиологический оператор». Аксиологический оператор входит в структуру именно когнитивного компонента значения слова **first**, поскольку в данном номинативном комплексе это слово служит отражению фактического положения дел, не выражая отношения к субъекту и не приписывая оценку, а репрезентируя ее как уже заданную. Прагматический компонент в значении слова **first**, таким образом, отсутствует.

С другой стороны, отрицательная оценка победителю в текстах североамериканских СМИ приписывается преимущественно через прагматический компонент значения единиц:

Clumsy Russkies [*The New York Times*, February 13, 2002].

Этот комплекс включает собственно номинативную единицу **Russkies** и оценочно-атрибутивную группу с одним компонентом – собственно оценочным – **clumsy**. В данном комплексе особое внимание обращает на себя номинация **Russkies** – слово, не являющееся общеупотребительным в английском языке для обозначения лиц русской национальности и несущее в его актуальном значении отрицательный аксиологический оператор, выражая, тем самым, отрицательное отношение к репрезентируемому субъекту. Следовательно, сема «отрицательный аксиологический оператор» выражен в прагматическом компоненте значения данного слова.

Что касается собственно оценочного компонента **clumsy**, то его значение толкуется следующим образом: '**heavy and ungraceful in movement or construction**'³⁷⁹. Доминантные элементы данного толкования – лексемы **heavy** и **ungraceful**, которые отсылают к структуре значения слова **clumsy**: когнитивный компонент включает гиперсему «оценочная квалификация» и гипосемы «отсутствие грации»; прагматический компонент имеет семы «отношение», «отрицательное отношение», «отрицательный аксиологический оператор».

Что касается номинативных комплексов русского языка, то следует отметить, что положительная оценка победителю приписывается также посредством прагматического компонента значений единиц, например:

Общепризнанные фавориты [*Коммерсант*, 12 февраля, 2002].

В качестве собственно номинативной единицы в данном комплексе выступает существительное *фавориты*. Лексема *фавориты* имеет следующее толкование: '*тот, кому отдают предпочтение перед другими*;

³⁷⁹*OALDCE*, 1982, p. 157.

*любимец*³⁸⁰. Доминантные компоненты представленного определения – *предпочтение* и *любимец*. Последнее означает: ‘*тот, кто особенно любим*’³⁸¹. В свою очередь, слово *предпочтение* трактуется как ‘*признание преимуществ кого-либо перед кем-либо*’³⁸², где ключевыми являются элементы *признание* и *преимущество*.

Таким образом, структура значения слова *фавориты* выглядит так: когнитивный компонент, состоящий из гиперсемы «субъект» и гипосем «оценочная квалификация» и «превосходство субъекта»; прагматический компонент включает семы «отношение», «положительное отношение», «признание», «любовь» и «положительный аксиологический оператор».

Собственно номинативной единице приписана оценочно-атрибутивная группа, состоящая из одного компонента – собственно оценочного – *общепризнанные*. *Общепризнанный* значит ‘*признанный всеми*’, где смысловой доминантой является компонент *признанный*, который означает ‘*достойный внимания*’³⁸³.

Следовательно, структура значения слова *общепризнанный* выглядит следующим образом: когнитивный компонент включает гиперсему «оценочная квалификация» и гипосемы «признание» и «абсолютное признание»; прагматический компонент состоит из сем «отношение», «положительное отношение» и «положительный аксиологический оператор».

В текстах русского языка отрицательная оценка проигравшему также выражается преимущественно через прагматический компонент значений единиц. Рассмотрим следующий номинативный комплекс:

Канадцы могут заработать миллионы на своей скандальной славе [Комсомольская правда, 14 февраля, 2002].

Собственно номинативной единице *канадцы* приписывается признак в форме оценочно-атрибутивной группы *скандальная слава*, где особую смысловую нагрузку несет собственно оценочное слово *скандальная*.

Скандальный значит ‘*содержащий в себе изложение, содержание чего-либо постыдного, позорящего кого-либо*’³⁸⁴. Доминантные элементы приведенного толкования – *постыдное* и *позорящее*, которые позволяют сделать вывод о структуре значения слова *скандальный*: когнитивный компонент включает гиперсему «оценочная квалификация», гипосемы «имеющий негативное содержание» и «не соответствующее моральным

³⁸⁰Ефремова, 2001, с. 345.

³⁸¹Ефремова, 2001, с. 167.

³⁸²Ефремова, 2001, с. 234.

³⁸³Ефремова, 2001, с. 254.

³⁸⁴Ефремова, 2001, с. 399.

нормам»; прагматический компонент имеет семы «отношение», «резко отрицательное отношение» и «отрицательный аксиологический оператор».

Третья классификация номинативных комплексов предполагает их описание с точки зрения количества сем «аксиологический оператор» в структуре значений единиц в составе оценочно-атрибутивных групп. Анализ показал, что во всех изучаемых языках есть номинативные комплексы, в структуре значений единиц которых наличествует только одна сема - «аксиологический оператор». Например:

The Russians looked lovely [*New York Daily News*, February 12, 2002].

В данном номинативном комплексе, в качестве собственно номинативной единицы, выступает компонент ***The Russians***, которому приписана оценочно-атрибутивная группа ***looked lovely***, состоящая из двух компонентов: из классификатора ***looked*** и собственно оценочного слова ***lovely***. Последнее включает в структуру своего значения сему «положительный аксиологический оператор». Следовательно, данная номинация выражает одну сему «аксиологический оператор», притом со знаком «плюс».

Приведем иной пример:

The Canadian pair was self-aggrandizing, obnoxious, precious, unprofessional [*The Chicago Tribune*, February 13, 2002].

В данном комплексе в качестве собственно номинативной единицы выступает словосочетание ***the Canadian pair***, которому приписывается оценочно-атрибутивная группа ***self-aggrandizing, obnoxious, precious, unprofessional***. Оценочно-атрибутивная группа включает следующие компоненты:

- а) собственно оценочный компонент 1 ***self-aggrandizing***;
- б) собственно оценочный компонент 2 ***obnoxious***;
- в) собственно оценочный компонент 3 ***precious***;
- г) собственно оценочный компонент 4 ***unprofessional***.

Компонент ***self-aggrandizing*** образован от существительного ***self-aggrandizement***, которое имеет следующее значение '*the action or process of promoting oneself as being powerful or important*'³⁸⁵. Ключевые компоненты в приведенном толковании – ***oneself, powerful*** и ***important***. Они выводят на структуру значения рассматриваемого оценочного компонента когнитивный компонент, который включает гиперсема «оценочная квалификация» и гипосемы «поведение», «наделение субъектом себя силой», «наделение субъектом себя важностью» и «отрицательная оценка поведения». Сочетание этих компонентов сообщает

³⁸⁵www.oxforddictionaries.com

прагматическому компоненту значения слова **self-aggrandizing** семы «отношение» и «аксиологический оператор «минус».

Следующий оценочный компонент оценочно-атрибутивной группы **obnoxious** трактуется как '**nasty, very disagreeable**'³⁸⁶. Все три компонента толкования отсылают к высокой степени проявления чего-либо, а именно оценочного отношения. Когнитивный компонент значения слова **obnoxious**, таким образом, включает гиперсему «оценочная квалификация» и «отрицательная оценочная квалификация». Прагматический компонент значения данного слова имеет семы «отношение», «негативное отношение», «абсолютное неприятие» и «отрицательный аксиологический оператор».

Одно из значений слова **precious** – третьего оценочного компонента группы – звучит как '**derogatory affectedly concerned with elegant or refined behavior**'³⁸⁷, где наиболее значимыми компонентами являются лексемы **derogatory** и **affectedly**, обуславливающие содержание когнитивного компонента значения слова **precious**: гиперсема «оценочная квалификация» и гипосемы «лживое поведение», «вычурное поведение» и «показное поведение». Прагматический компонент включает семы «отношение», «негативное отношение» и «отрицательный аксиологический оператор».

В слове **unprofessional** отрицательный аксиологический оператор репрезентирован посредством префикса **un-**.

Следовательно, в приведенном номинативном комплексе содержится оценочно-атрибутивная группа, компоненты которой в структуре своих значений в совокупности выражают четыре семы «отрицательный аксиологический оператор».

Обратимся к другому номинативному комплексу:

They became shadowy figures, these thuggish Russkies [*The Chicago Tribune*, February 13, 2002].

Роль собственно номинативной единицы в данном комплексе выполняет местоимение **they**, которому приписывается оценочно-атрибутивная группа, состоящая из следующих элементов:

- а) собственно оценочный компонент **1 shadowy figures**;
- б) собственно оценочный компонент **2 these**;
- в) собственно оценочный компонент **3 thuggish**;
- г) собственно оценочный компонент **4 Russkies**;

В оценочном компоненте **shadowy figures** основную оценочную нагрузку несет слово **shadowy**, что означает: '**of uncertain identity or**

³⁸⁶ OALDCE, 1982, p. 74.

³⁸⁷ www.oxforddictionaries.com

*nature*³⁸⁸, в свою очередь, ключевой в приведенном толковании компонент *uncertain* означает '**not able to be relied on**'.

Данные определения выводят на структуру значения атрибута *shadowy* когнитивный компонент, который включает гиперсему «оценочная квалификация» и гипосемы «негативная оценочная квалификация», «отсутствие доверия» и «отсутствие определенности»; прагматический компонент включает семы «отношение», «негативное отношение» и «отрицательный аксиологический оператор».

Второй оценочный компонент – указательное местоимение *these* приобретает отрицательный аксиологический оператор в дискурсе за счет негативной коннотативной окрашенности, приобретаемой указательными местоимениями в подобных контекстах.

Третий оценочный компонент *thuggish* представляет собой прилагательное, образованное от существительного *thug*, которое означает '**a violent person, especially a criminal**'³⁸⁹. Базовые компоненты данного толкования – *violent* и *criminal*; они позволяют сделать следующий вывод о структуре значения слова *thuggish*: когнитивный компонент включает гиперсему «оценочная квалификация» и гипосемы «резко отрицательная оценочная квалификация», «характеристика человека», «жестокость» и «ассоциальность»; прагматический компонент имеет семы «отношение», «резко отрицательное отношение» и «отрицательный аксиологический оператор».

Еще одно слово в оценочной группе, репрезентирующее отрицательный аксиологический оператор, – это слово, указывающее на национальную принадлежность участника-победителя, – *Russkies*.

Следовательно, в приведенном номинативном комплексе, в структуре значений элементов оценочно-атрибутивной группы, также выражены 4 семы «отрицательный аксиологический оператор». Но данная группа характеризует уже победителя.

Следует отметить, что номинативными комплексами всех трех изучаемых языков по отношению к обоим субъектам могут быть выражены 1, 2, 3 и более аксиологических операторов. При этом операторы могут быть как положительными, так и отрицательными, также по отношению к обоим субъектам.

Итак, резюмируем вышеизложенное.

Номинативные комплексы, репрезентирующие субъекта-победителя и субъекта-проигравшего, оценочны. Обоим субъектам во всех трех изучаемых языках может быть приписана как положительная, так и отрицательная оценка.

³⁸⁸*ibidem*.

³⁸⁹www.oxforddictionaries.com

При этом оценка может быть разной: она может отражать реальные свойства субъекта – в таком случае сема «аксиологический оператор» выражена в когнитивном компоненте значения оценочных единиц; и может выражать отношение к репрезентируемому субъекту – в таком случае сема «аксиологический оператор» выражена в прагматическом компоненте значения единиц.

Номинативный комплекс может выражать различную степень градации оценочного признака, репрезентируя разное количество сем «аксиологический оператор» в структуре значений элементов оценочно-атрибутивной группы.

Все три изучаемые языка – русский, английский и немецкий – демонстрируют схожие тенденции в структурно-семантической организации номинативных комплексов в процессе репрезентации субъекта-победителя и субъекта-проигравшего.

Библиографический список

АЛЕКСЕЕВА, Л.М., МИШЛАНОВА, С.Л. *Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа*. Пермь: Перм. ун-т, 2002 [Алексеева и др., 2002].

НИКИТИН, М.В. *Основы лингвистической теории значения*. Москва: Высшая школа, 1988 [Никитин, 1988].

ПОРТНЫХ, Ю.И. *Воспитательное влияние психологии побед и поражений в спорте* // Вестник БПА. Вып. 42, 2001. С. 37-44 [Портных, 2001].

Список словарей

Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Том 1 (Под ред. Т.Ф. Ефремовой). Мjcrdf: Русский язык, 2001 [=НСРЯ, 2001a].

Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Том 2 (Под ред. Т.Ф. Ефремовой). Москва: Русский язык, 2001 [=НСРЯ, 2001b].

Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim–Leipzig–Wien–Zürich: Dudenverlag, 2003 [=DU, 2003].

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford university press, 1982. Vol. 1 [=OALDCE, 1982a].

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford university press, 1982. Vol. 2 [=OALDCE, 1982b].

www.oxforddictionaries.com.

Список источников материала

Аргументы и факты, 13.02.2002.

Коммерсант, 12/13.02.2002.

Комсомольская правда, 14.02.2002.

Российская газета, 12/13.02.2002.

Советский спорт, 12/14.02.2002.

Handelsblatt, 14.02.2002.

Los Angeles Times, 13.02.2002.

New York Daily News, 12.02.2002.

Spiegel, 12/13.02.2002.

The Chicago Tribune, 12/13/14.02.2002.

The New York Times, 12/13.02.2002.

The Toronto Sun, 12/13.02.2002.

www.sportnews.com, 13.02.2002.

ИНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СУБСТРАТ В ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Наталья ЮЗЕФОВИЧ,

кандидат филологических наук, доцент
(Дальневосточный государственный гуманитарный университет,
г. Хабаровск, Россия)

235

Limbaj și context, Anul III, vol. 2, 2011

Abstract

The article analyzes the main features of translanguing literature. It emphasizes, in particular, the literature written in English of those writers for whom English is a foreign or second language.

Keywords: *translanguing literature, foreign or second language.*

Rezumat

În articol, sunt analizate principalele caracteristici ale literaturii translinguale. Accentul este pus, mai cu seamă, pe literatura în limba engleză a unor scriitori, pentru care această limbă este una străină sau a doua.

Cuvinte-cheie: *literatură translingvală, limbă străină sau limba a doua.*

1. Глобализация языка и литература

Выдвижение одного языка как средство глобального общения, как правило, связывают с политическим, экономическим, финансовым и прочими дискурсами, однако глобализация актуализируется и в литературе. Это связано с географией распространения данного языка, на что первым обратил внимание лингвистов, методистов и пр. индийский лингвист Б. Качру, предложив концепцию «трех кругов»³⁹⁰. Выделяя эти «круги» на базе английского языка, Б. Качру считает, что «внутренний круг» (родной/первый язык) и «внешний» (второй язык), где английский язык имеет статус официального, являются «нормоопределяющими» (*norm-providing*), а «расширяющийся круг», где английский язык является приоритетным иностранным языком, включает «нормо-зависимые» (*norm-dependent*) страны³⁹¹.

Несомненное новаторство концепции Б. Качру состоит в признании «внешнего круга» как *нормоопределяющего* и, главное, способного к инновациям, что подчеркивает мультикультурность и полицентричность английского языка.

Б. Качру подкрепляет свои выводы, обращаясь к англоязычным произведениям, созданным авторами из «внешнего круга», билингвами, первый (родной) язык которых не является английским.

---

³⁹⁰Kachru, 1986.

³⁹¹Там же.

Литературу, в центре внимания которой находится художественный мир родного языка и культуры автора, в преломлении через картину мира английского языка, Б. Качру называет *контактной* (**contact literature**)³⁹². Основы ее исследования составляют концепции «транссозидательности» (“**transcreation**”) и «транскультурной («межкультурной») креативности» (“**transcultural creativity**”)³⁹³.

В данном подходе важность представляют не только разнообразные языковые приемы писателей, описывающих свою культуру средствами другого языка, но и процессы взаимосвязи лингвистической *нативизации* (**nativization**) и ее конечный результат – *аккультурация* английского языка (**acculturation of English**)³⁹⁴.

В научной литературе встречается также термин *второязычная литература*, однако его употребление не всегда оправдано контекстом, так как ряд бикультурных писателей владеет свободно двумя языками (естественный билингвизм), для других язык второй культуры становится или является первым.

Писатели, создающие свои творения не на родном языке (писатели-билингвы), далеко не новое явление в мировой литературе. Известны, например, блестящие англоязычные книги В. Набокова. Классическим примером русскоязычной литературы билингвальных авторов является советская литература. Это объясняется тем, что русский язык был широко распространен в бывшем Советском Союзе, где практически все союзные республики, за исключением Российской Федерации, были двуязычны и где национальные писатели, такие как Ч. Айтматов, О. Вициетис, С. Капутикян и др., создавали художественную картину мира своей национальной лингвокультуры посредством русского языка. К русскому языку, как средству своей этнической идентификации, и сегодня прибегают писатели-билингвы бывших союзных республик: Г. Бельгер, А. Кекильбаев, М. Кул-Мухаммед и др., а исследователи занимаются изучением их творчества. Так, научная школа У. М. Бахтикиреевой занимается изучением творчества писателей-билингвов Казахстана. Выводы, сделанные этими исследователями, помогают глубже понять транслингвальную современную казахскую литературу, основу которой составляет понятие о *билингвальности писателя*, «которая позволяет приобщить носителя русского языка к мировосприятию тюркских этносов³⁹⁵ или о его «идиоэтническом начале», «которое заложено на генетическом уровне автора и неизбежно проявляется в его художественном

---

³⁹²Качру, 1987.

³⁹³Там же.

³⁹⁴Качру, 1986, p. 143.

³⁹⁵Бахтикиреева, 2005.

дискурсе»³⁹⁶. А. Б. Туманова делает вывод, что такая закономерность способствует «формированию у него [у писателя – прим. Н.Ю.], как личности и как художника слова, особой, своеобразной языковой картины мира негомогенного характера, представляющей результат контаминации, взаимовлияния двух культур и двух языков»³⁹⁷. Факт изменения идентичности билингва под влиянием картины мира контактирующего языка отмечают как отечественные, так и зарубежные исследователи билингвизма и транслингвальной литературы, например, В. В. Кабакчи, З. Д., Попова, И. А. Стернин, Е.О. Бамиро, А.Ф. Гапта, Б. Хорнер и др.

2. Транслингвальный подход в литературе

Как следует из вышесказанного, литература, написанная билингвальными писателями, является еще одним важным аспектом межкультурной коммуникации в эпоху глобализации, так как писатели выражают свою культурную идентичность на том языке, который более доступен массовому читателю³⁹⁸. Естественно, что в целом для мирового сообщества большой интерес представляют именно англоязычные произведения билингвальных авторов, в том числе и русских, практически неизученных отечественной наукой и которых «высветила» языковая глобализация.

Зарубежные исследователи обосновывают необходимость изучения контактной или транслингвальной литературы, опираясь на «транслингвальный подход» (**translingual approach**), в соответствии с которым единый языковой стандарт не является более требованием писательского творчества, то есть разного рода отклонения от зафиксированной нормы не считаются недостатком, с которым нельзя примириться, а напротив, они рассматриваются как творческий источник: «**Viewing differences not as a problem but as a resource, the translingual approach promises to revitalize the teaching of writing and language. By addressing how language norms are actually heterogeneous, fluid, and negotiable, a translingual approach directly demands that writers, should conform to fixed, uniform standards**»³⁹⁹.

Использование языка в новых межкультурных и контактных условиях называют «транслингвальной практикой» (**translingual practice**)⁴⁰⁰.

---

³⁹⁶Туманова, 2008, с. 7.

³⁹⁷Туманова, 2008, с. 7.

³⁹⁸В бывших союзных республиках этим языком является русский.

³⁹⁹Horner, 2011, p. 301.

⁴⁰⁰Pennycook, 2008.

В рамках транслингвального подхода выделяют «транскультурную креативность» (**transcultural creativity**), которую П. Скотт⁴⁰¹ определяет как искусное и преднамеренное воспроизведение характерных деталей одного языка средствами другого: **“The purposive and artful reproduction within one language of features from another language”**⁴⁰².

Термины *транслингвальная литература* и *транслингвальные писатели* представляются логичными в соответствии с терминологией Стивена Г. Келлмана, представленной им в исследовании **«Switching Languages: Translingual Authors Reflect on their Craft»**. Так, *транслингвальная литература* – это литература написанная *транслингвальными писателями*, т.е. авторами, которые создают свои произведения не на родном языке (**write in a language other than their primary one**) или более чем на одном языке (**write in more than one language**). Ученый называет их *амбивалентными* (**ambivalent**), т.е. свободно владеющими более чем одним языком (**fluent in more than one language**)⁴⁰³. Как отмечает М. Спунер, если не родной язык – английский, то в новом контексте он приобретает новые черты; это своего рода смесь родной культуры и языковых характеристик запада, включающих семантику, прагматику, литературное наследие и пр.: **“As English becomes institutionalized in nations that do not share its Western cultural traditions, the language broadens. The English produced in new contexts naturally takes on the flavor of its surroundings, delivering a blend of native and Western linguistic features, semantic and pragmatic qualities, literary heritages, and the like”**⁴⁰⁴.

3. Художественная картина мира в транслингвальной литературе

Основная функция художественной литературы – функция эстетического воздействия – определяет содержание и форму произведения. *Художественная картина мира* возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения. Это вторичная картина мира, поскольку, создавая ее языковыми средствами, писатель отражает и свою индивидуальную картину мира. Иначе говоря, художественная картина мира опосредована дважды: языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира, воплощенной в данном тексте. При этом смыслы, которые «входят в пресуппозицию автора и читателя», могут остаться «закрытыми» для представителей инолингвокультуры⁴⁰⁵.

---

⁴⁰¹Scott, 1990.

⁴⁰²apud Vamiro, 2011, p. 2.

⁴⁰³Kellman, 2003, p. 9.

⁴⁰⁴Spooner, 2010.

⁴⁰⁵Сорокин, 2003, с. 5.

Художественная картина мира воплощается в языковых средствах, включающих «определенные тематические группы языковых единиц, повышение или понижение частотности отдельных единиц и их групп, индивидуально-авторские языковые средства и др.»⁴⁰⁶. Таким образом, художественное произведение – это опосредованное, вторичное отображение действительности для данной лингвокультурной общности.

Важным для данного исследования является мысль Ю. А. Сорокина о переводе художественного текста. Он отмечает, что при этом «мы имеем дело не только с двуязычным переводом, но с «двукультурным», *интерпретативным* переводом»⁴⁰⁷. Применительно к транслингвальной литературе можно сказать, что она, по сути, двукультурная интерпретативная литература.

Авторы-билингвы отличаются формированием особой картины мира, сочетающей две контактирующие культуры: родную культуру и ее язык, и культуру второго языка. Результат деятельности билингва – текст на первом языке, который ориентирован на описание культуры второго языка или текст на втором языке, отражающий мир первого языка. В любом случае, языковая картина мира первой культуры, как ментальная сущность, оказывает доминирующее воздействие на писателя.

4. Лингвокультурный субстрат в транслингвальной литературе

Основной сложностью выражения культурной идентичности средствами другого языка является сохранение «голоса», «духа» культуры, т.е. сохранение *лингвокультурного субстрата* - культурно-специфичных деталей при выражении мыслей средствами другого языка. Лингвокультурный субстрат в контексте другого языка актуализируется как *инолингвокультурный субстрат* (термин введен В. В. Кабакчи), вербализуемый, главным образом, ксенонимами, т.е. номинациями специфических элементов инолингвокультуры⁴⁰⁸.

Поскольку переориентация языка на другую культуру проявляется, в первую очередь, на уровне лексики, при анализе подобных текстов становится очевидным, что они неизбежно включают иноязычные лексические единицы, посредством которых передается национально-культурная специфика описываемых явлений. В данном случае, наблюдается интересная *транскультурная креативность*.

Анализируя транскультурную креативность нигерийских англоязычных писателей, Е. О. Бамиро выделяет интерференцию

---

⁴⁰⁶Попова и др., 2003, с. 8.

⁴⁰⁷Сорокин, 2003, с. 4–5.

⁴⁰⁸Кабакчи, 1998; Кабакчи и др., 2007.

нигерийской и английской культур у этих писателей, которая принимает форму *культурного гибрида (hybridity)*, характеризующийся *культурным слиянием (cultural syncreticity)*⁴⁰⁹ этих двух культур.

А. Ф. Гапта, сопоставляя произведения англоязычных писателей Сингапура произведениям англоязычных писателей Новой Зеландии, приходит к выводу, что выражение культурных идентичностей этих стран средствами английского языка требует привлечения больших средств экспликации⁴¹⁰.

Примечательны также исследования англоязычных произведений, ориентированных на описание китайского лингвокультурного субстрата⁴¹¹. В этих произведениях особое место занимает описание не столько предметных деталях, сколько номинаций ценностей, которые практически невозможно передать калькированием или описательным переводом. Эти ценности раскрываются на протяжении всего произведения особенно через полифонию, которая способствует проникновению читателя в глубь китайской культуры. Так, в романе Лизы Си «*Snow Flower and the Secret Fan*» основным понятием является *laotong* – отношение между девочками, девушками, женщинами, которое доступно не каждому, а только тем, чьи жизни имеют много совпадающих точек: одна и та же дата рождения, одна и та же дата бинтования ног, одно и то же имя и пр. Это - связь на всю жизнь и она крепче родственных уз:

«*Snow Flower – my laotong, my “old same,” my secret-writing partner – sent me the fan [...] I see how that simple garland grew to be an elaborate design of interwoven snow blossoms and lilies to symbolize our two lives together as a pair of laotong, old sames. [...] “A laotong match is as significant as a good marriage,” Lily’s aunt explained. “A laotong relationship is made by choice for the purpose of emotional companionship and eternal fidelity” (Lisa See, Snow Flower and the Secret Fan).*

Знание китайского языка позволяет писательнице эксплицировать значение важных понятий через этимологический комментарий:

«*In our county, we call this type of mother love teng ai. My son has told me that in men’s writing it is composed of two characters. The first means pain; the second means love. That is a mother’s love» (Lisa See, Snow Flower and the Secret Fan).*

Лингвокультурный субстрат также ярко выражен в другом романе писательницы «*Shanghai Girls*». Объясняя значение ксенонима, автор эксплицитно выражает значимость лингвокультурного субстрата для

⁴⁰⁹Vamiro, 2011.

⁴¹⁰Gupta, 2000.

⁴¹¹Например, произведения Лизы Си.

китайской лингвокультуры, языковая картина мира которой отличается от англоязычной. Это проявляется, например, через иерархию родственных отношениях между братьями и сестрами, определяемой по старшинству:

«...my sister loves me. I'm her *jie jie* – her elder sister. In the hierarchy of the Chinese family, I will always and forever be above her» (Lisa See, *Shanghai Girls*).

Как видно из приведенных примеров, социальная принадлежность значима в контексте китайской лингвокультуры, так как по ней можно определить статус семьи и соответствующие традиции, обычаи и ритуалы, которым они должны следовать, т.е. существует определенная предопределенность жизни. Естественно, что такая социальная принадлежность по меньшей мере странна в контексте англоязычной лингвокультуры:

«We are *kaoteng Huajen* – superior Chinese – who follow the religion of *ch'ung yang*: worshipping all things foreign, from the Westernization of our names to the love of movies, bacon and cheese» (Lisa See, *Shanghai Girls*).

С этой точки зрения, представляют интерес и произведения англоязычных авторов русского происхождения, которые уже стали популярными, например, роман Гари Штейнграта «*The Russian Debutante's Handbook*». Насколько русским становится описание деревенской избы через заимствованный ксеноним *izba*, значение которого раскрывается только в контексте, видно из следующего отрывка:

«In the basement, surrounded by plaster dust and loose electrical wires, the doctor had tried to recreate for himself the rickety village *izba* where he had spent his childhood: coarse off-white panels listing the walls were supposed to bring to mind the Russian birch; a set of unfinished wooden chairs gathered around a three-legged kitchen table bespoke an admirable poverty» (G. Shteyngart, *The Russian Debutante's Handbook*).

Такого рода текст передает исконно традиционный субстрат русской лингвокультуры.

В современной России чаще говорят о других проблемах, которые с юмором представляет Гари Штейнгат в романе «*Absurdistan*», в котором художественная картина мира воссоздает жизнь «бизнесменов», еврейской диаспоры и пр. Ирония автора передается описанием персонажей. Определенную стилистическую роль играют в романе вторичные заимствования, передаваемые транслитерацией, например, *kottedzhes*, *town khauses*, *kapitalists*, *biznesman* и т.п. Так, единица *kottedzhes* актуализирует скептическое отношение иностранцев к тому, что *виллы и резиденции* в русском языке гордо именуются *коттеджами*. На первый взгляд, слово переключается с английским *cottage*,

обозначающим «загородный дом для отдыха», однако это не соответствует русскокультурному контексту:

«Krestovsky (Island) is where we rich people pretend to be living in a kind of post-Soviet Switzerland, trudging along the manicured bike paths built 'round *kottedzhes* and *town khauses*, and filling our lungs with parcels of atmosphere seemingly imported from the Alps (G. Shteyngart, *Absurdistan*, p. 4)».

Калькирование для создания ксенонимических номинаций используется реже, чем транслитерация или транскрибирование. Как правило, писатель прибегает к нему при употреблении многокомпонентных синтаксических структур, которые в сочетании с необычным для англоязычного мира семантическим наполнением способствуют передаче инолингвокультурного субстрата. Так, для передачи названий советских реалий своего детства Гари Штейнгатт вводит калькированные номинации и транслитерированные ксенонимы, в которых русские иммигранты в США, так сказать, «современной волны», легко узнают Чебурашку - героя известного советского мультипликационного сериала. Поскольку автор не просто вводит ксенонимические номинации, но и сопровождает их комментариями, лингвокультурный субстрат русской жизни понятен и англоязычному читателю:

«...my childhood Cheburashka doll. Cheburashka, a star of Soviet children's television, a cuddly asexual brown creature with his dreams of joining the Young Pioneers and building a House of Friendship for all the lonely animals in town, analyzed me with his enormous liquid eyes» (G. Shteyngart, *Absurdistan*)».

И на примере романа англоязычного автора русского происхождения Ольги Грушин⁴¹² «*The Dream Life of Sukhanov*» хорошо видно использование калькирования для сохранения русскокультурного субстрата. Обратите внимание, насколько точно передана советская атмосфера в следующем отрывке, при помощи калькирования знакомых нам клише *великий вождь* и *социализм с человеческим лицом*:

«It occurred to Sukhanov that the whole scene was oddly like a parody of Malinin's early work – one of those easily recognizable “Great Leader” paintings, with Lenin (or someone else, heavily mustachioed and currently unnamable) thundering from a far-off podium, on the unreachable horizon, and tides of workers and peasants spreading outward from it [...]. Other, milder creations hung under the spotlights, presenting to the audience so-called Socialism with a

---

⁴¹²Интересно отметить также адаптацию фамилии писательницы в английском языке - **Grushin** – где имена существительные не имеют окончания женского рода.

Human Face – a slogan that was perhaps more familiar to Sukhanov than to anyone else here» (Olga Grushin, *The Dream Life of Sukhanov*).

В сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет привести больше примеров, иллюстрирующих передачу культурной идентичности транслингвальными авторами средствами английского языка, однако вышеприведенные цитаты показывают, что английский язык - это не только средство общения, но и средство самовыражения инолингвокультур.

Выводы

Таким образом, можно сказать, что, создавая текст на иностранном языке, описывающем родную культуру, авторы-билингвы стремятся теми или иными способами передать лингвокультурный субстрат своей культуры, сохранить свою культурную идентичность. На лексическом уровне это актуализируется, как правило, введением ксенонимов, транслитерированием или калькированием. Это позволяет не только передать, через произведение, культурную специфику народа, но и повышает информативность и даже достоверность текста.

Сегодня транслингвальная литература определенно заняла свое значимое место в мировой литературе и представляет интересный и обширный материал для исследования лингвостилистических особенностей произведений китайских, русских, нигерийских, сингапурских и пр. транслингвальных авторов.

Литература

BAMIRO, E.O. *Transcultural Creativity in World Englishes: Speech Events in Nigerian English Literature* //International Journal of Linguistics. Vol. 3. No. 1, 2011. P. 1–16 [=Bamiro, 2011].

GUPTA, A. F. *Marketing the Voice of Authenticity: a Comparison of Ming Cher and Rex Shelley* //Language & Literature. No. 9(2), 2000. P. 150–169 [=Gupta, 2000].

HORNER, B. et alii. *Language Difference in Writing: Toward a Translingual Approach* //College English. Volume 73. No 3, January 2011. P. 299–317 [=Horner et alii, 2011].

KACHRU, B. B. *Non-native Literatures in English as a Resource for Language Teaching* //Literature and Language Teaching /eds. C. J. Brumfit & R. A. Carter. Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 140–149 [=Kachru, 1986].

KACHRU, B. B. *The Bilingual's Creativity: Discoursal and Stylistic Strategies in Contact Literatures* //Discourse across Cultures. Strategies in World Englishes /ed.by L. E. Smith. N.Y., L., Sydney, Tokyo: Prentice Hall, 1987. P. 125–140 [=Kachru, 1987].

KELLMAN, St. G. *Switching Languages: Translingual Authors Reflect on their Craft*. London: University of Nebraska Press, 2003 [=Kellman, 2003].

PENNYCOOK, A. *Translingual English* // Australian Review of Applied Linguistics. Vol. 31. No 3, 2008. P. 301–309 [=Pennycook, 2008].

SPOONER, M. *Contact Literature in English* // ERIC Digest [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eric.ed.gov/PDFS/ED323552.pdf>; дата обращения: 10.05.2010 [=Spooner, 2010].

БАХТИКИРЕЕВА, У.М. *Творческая билингвальная личность: Национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста*. Москва: Триада, 2005 [=Бахтикиреева, 2005].

КАБАКЧИ, В. В. *Основы англоязычной межкультурной коммуникации*. СПб., 1998 [=Кабакчи, 1998].

КАБАКЧИ, В. В., ЮЗЕФОВИЧ, Н. Г. *Инолингвокультурный субстрат в межкультурной коммуникации* // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 3. С. 95–101 [=Кабакчи и др., 2007].

ПОПОВА, З. Д., СТЕРНИН, И. А. *Язык и национальная картина мира*. Воронеж: Истоки, 2003 [=Попова и др., 2003].

СОРОКИН, Ю. А. *Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры*. Москва: Гнозис, 2003 [=Сорокин, 2003].

ТУМАНОВА, А. Б. *Языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва*. Автореф. дисс. ... докт. филол.н. Алматы, 2008 [=Туманова, 2008].

Источники эмпирического материала

GRUSHIN, O. *The Dream Life of Sukhanov*. Penguin Books, 2007.

SEE, L. *Shanghai Girls*. NY, 2010.

SEE, L. *Snow Flower and the Secret Fan*. NY: Random House, 2005.

SHTEYNGART, G. *The Russian Debutante's Handbook*. New York: Riverhead Books, 2002.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «УКРАИНСКИЙ ЧИНОВНИК» В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

Татьяна СУКАЛЕНКО,

кандидат филологических наук, доцент

(Национальный университет государственной налоговой службы Украины)

245

Abstract

This article is based on the hypothesis whether a given type (description/characteristic) exists in the modern world. Accordingly, the aim is to prove the existence of the type and the comparison of the characteristics of the linguo-cultural type of the 'Ukrainian official' based on the data of the Ukrainian language.

Keywords: *linguo-cultural type, Ukrainian official, modern discourse.*

Rezumat

La baza cercetării, este pusă ipoteza despre existența tipului „funcționarul ucrainean”. Ipoteza în cauză este confirmată prin exemple concrete din limba ucraineană, prin care autoarea își propune să caracterizeze acest tip.

Cuvinte-cheie: *tip lingvo-cultural, funcționar ucrainean, discurs contemporan.*

Одним из ведущих направлений языкознания в конце XX - начале XXI века стало лингвокультурное моделирование языкового сознания и коммуникативного поведения.

Как известно, термин «лингвокультурный типаж» – междисциплинарное понятие лингвокультурологии, лингвоконцептологии и лингвоперсонологии.

В.Н. Телия определяет лингвокультурологию как часть этнолингвистики, посвященную изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии⁴¹³.

Е.А. Ярмахова в своем исследовании акцентирует внимание на том, что «наиболее значимой проблемой лингвокультурологии является соотношение универсального и специфического в лингвокультуре. В решении этой проблемы, по ее мнению, оформились две позиции, которые можно назвать позициями универсалистов, считающих, что различия между ментальностями разных народов носят несущественный характер и сводятся к индивидуальным особенностям людей, и спецификаторов, полагающих, что этно- и социокультурная специфика объективно существует и должна изучаться специальными методами анализа. Игнорирование такой специфики приводит к сбоям в межкультурной коммуникации. В то же время неверно считать, что

---

⁴¹³Телия, 1996, с. 217.

такая специфика является непреодолимым барьером для межкультурного взаимопонимания»⁴¹⁴.

В настоящее время исследование лингвокультурных типажей не перестает быть актуальным. Это обусловлено современными тенденциями в лингвистике, связано с решением вопросов взаимоотношений языка и личности, языка и культуры. В связи с этим интересно исследование лингвокультурного типажа «украинский чиновник», установлении места этого понятия в ряду лингвокультурологических понятий, в выявлении важнейших понятийных признаков типажа «украинский чиновник» в украинской лингвокультуре, в описании наиболее типичных образно-перцептивных характеристик этого типажа, в раскрытии оценочных норм украинского социума применительно к рассматриваемому типуaju. Материалом исследования лингвокультурного типажа «украинский чиновник» послужили публицистические тексты, данные толковых словарей и справочников украинского языка.

В украинистике к этой теме обращался целый ряд исследователей, например, М.В. Стулина, О. М. Скнар, Д. И. Терехова, О.Г. Ткаченко, Е.М. Санченко и др.

В российском языкознании накоплен достаточно большой опыт в исследовании лингвокультурных типажей – обобщенных узнаваемых образов представителей той или иной культуры (В.И. Карасик, О.А. Дмитриева, 2005; В.В. Деревянская, 2005; Е.А. Елина, 2005; В.М. Мироненко, 2005; В.М. Мищенко, 2005; В.М. Радван, 2005; Е.Ю. Скачко, 2005; Е.А. Ярмахова, 2005; Л.И. Макарова, 2006; Л.П. Селиверстова, 2006; А.Ю. Коровина, 2008; О.В. Маруневич, 2009; И.А. Мурзинова, 2009; Л.А. Васильева, 2010; И.С. Шильникова, 2010; И.В. Щеглова, 2010; В.И. Карасик, 2010).

Т.В. Бондаренко, М.Б. Ворошилова, В.В. Деревянская, О.А. Дмитриева, О.В. Лутовинова, В.И. Карасик, И.А. Мурзинова, Л.П. Селиверстова, И.Ю. Уфаева, В.И. Щеглова и Е.А. Ярмахова считают, что разновидностью концептов являются лингвокультурные типажи – обобщенные представления о личностях, релевантных для той или иной лингвокультуры.

Теоретические основания моделирования лингвокультурных типажей приводятся в работах В.И. Карасика⁴¹⁵ и О.А. Дмитриевой⁴¹⁶: «моделирование лингвокультурных типажей – узнаваемых представителей общества, поведение которых определяет и иллюстрирует культурные доминанты социума – позволяет выделить

---

⁴¹⁴Ярмахова, 2005, с. 3.

⁴¹⁵Карасик и др., 2005; Карасик, 2010.

⁴¹⁶Дмитриева, 2007; Дмитриева, 2005; Карасик и др., 2005.

направления типизации личности, релевантные для лингвокультурологии. К числу таких направлений могут в частности относиться социокультурные параметры личности – проведение досуга, отношение к нормам правопорядка и моральным установкам общества в целом»⁴¹⁷.

С.Г. Воркачев, Е.В. Бабаева, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, М.В. Пименова и Г.Г. Слышкин, считают, что «важнейшей единицей лингвокультурологического моделирования национального менталитета является культурный концепт – сложное многомерное ментальное образование, которое может находить языковое выражение»⁴¹⁸.

Как известно, в качестве отдельного типа концептов Е.А. Ярмахова выделяет лингвокультурные концепты – «оценочно насыщенные, культурно маркированные смыслы, закрепленные в форме языковых единиц, коммуникативных паттернов, прецедентных феноменов»⁴¹⁹.

Поскольку лингвокультурный типаж – это абстрактное ментальное образование, то в исследовательском отношении он представляет собой разновидность концепта. Термин «лингвокультурный типаж» представляется наиболее удачным для изучения и описания концептов такого вида, поскольку в нем «мы акцентируем внимание, во-первых, на культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры, и, во-вторых, на изучении этой личности с позиций лингвистики (с учетом обозначения, выражения и описания соответствующего концепта, воплощенного в языке)»⁴²⁰.

Теоретическим основанием для моделирования типажа, по мнению В.И. Карасика, являются следующие тезисы: 1) лингвокультурный типаж представляет собой узнаваемый обобщенный тип личности; 2) типаж является разновидностью концептов – сложных ментальных образований, в составе которых можно выделить понятийные, образные и ценностные признаки; 3) лингвокультурный типаж имеет имя, которое служит основным способом апелляции к соответствующему типу; 4) выделяются разновидности лингвокультурных типажей: типажи реальные и фикциональные, этнокультурные и социокультурные, современные и исторические⁴²¹.

О.А. Дмитриева предлагает исследовать модель описания лингвокультурного типажа, отражающую его структуру и

---

⁴¹⁷Карасик, 2010, с. 278.

⁴¹⁸Цит. по Ярмахова, 2005, с. 3.

⁴¹⁹Там же.

⁴²⁰Карасик и др., 2005, с. 22.

⁴²¹Карасик, 2010, с. 222-223.

включающую следующие компоненты: 1) паспорт лингвокультурного типажа (внешний образ, одежда, возраст, гендерный признак, происхождение, место жительства и характер жилища, сфера деятельности, досуг, семейное положение, окружение, речевые особенности), 2) социокультурная справка, 3) дефиниционные характеристики, 4) ценностные характеристики⁴²².

В основу предпринятого исследования положена следующая гипотеза: существующий в украинской лингвокультуре типаж «украинский чиновник» являет собой культурно специфическую личность, обладает определенными понятийными, образными и ценностными признаками; как разновидность концепта данный типаж актуализирован в языке и может быть изучен с помощью анализа апеллирующих к нему текстов.

Для того чтобы определить понятийный компонент лингвокультурного типажа «украинский чиновник», мы обратились к словарным дефинициям. Так, в Большом толковом словаре современного украинского языка («Великий тлумачний словник сучасної української мови») слово *чиновник* имеет следующие значения: «1) державний службовець. 2) людина, яка обмежується в якій-небудь справі формальним виконанням своїх обов'язків; формаліст, бюрократ»⁴²³.

В украинском языке, как и в русском языке, весьма вариативно выражена отрицательная оценка данного типажа, заложенная в значениях однокоренных слов или синонимически уточняющих его номинантов: *чинний* – діяльний, активний; статечний, гордий, з почуттям власної гідності); *чиновний*, заст. – 1) який перебуває в якому-небудь чині на державній службі. || Те саме, що чиновник 1). 2) який має великий чин, ранг.; *чиновничок*, зневажл. – зменш. до чиновник; *чинолюбний* – який любить чини, прагне забудь-що їх мати, намагається вислужитися до високого рангу і т. ін. Чинолюбна людина; *чинодрал*, розм., зневажл. – те саме, що чиновник 1); *чинуша*, розм., зневажл. – те саме, що чиновник; *службіст*, розм. – той, хто старанно, але формально ставиться до своїх службових обов'язків; *бюрократ* – 1) службова особа, яка, на шкоду справі та інтересам громадян, неухильно додержується формальностей у справах; 2) представник бюрократичної системи управління; великий урядовець; *формаліст* – 1) той, хто виявляє формалізм в якій-небудь справі; *кар'єрист* – той, хто проинятий кар'єризмом; *функціонер*, зах. – 1) службовець якої-небудь установи,

⁴²²Дмитриева, 2007; Дмитриева, 2005.

⁴²³ВТССУМ.

підприємства; 2) партійний або профспілковий діяч, що виконує певні функції; *апаратник* – робітник, що стежить за роботою апаратів⁴²⁴.

В значенні слова «чиновник» на понятійному рівні закладено смисл «формальне виконання своїх обов'язків», а в руській лінгвокультурі – «*бездушніє*», т.е. відсутність чуткості, співчуття, механічне, безрозличне, нечеловічеське відношення до людей. Відсутність чуткості осуджається в будь-якому суспільстві, специфіка руської ментальності складається, по думці В.І. Карасика, в тому, що бездушніє по визначенню приписується слугам влади⁴²⁵.

Тепер в нашому дослідженні ми звернемося до образно-перцептивних характеристик типу «український чиновник».

Як відомо, основне заняття чиновників – сидіти в присутств'ї, то є, виконувати рутинну роботу по перевірці отриманих даних, переписуванню документів.

Деякі чиновники на самому справі відчувають себе представниками держави і прагнуть діяти в державних інтересах: «Крім того, *чиновник* нагадав, що до укладення газових угод з Росією в січні 2009 року російський газ для України коштував \$ 179, 5 за 1000 куб. м.» (*День*, № 175-176, п'ятниця, 30 вересня 2011); «Заклики світових економічних гуру, схоже, чувають *українські чиновники*. «Ми добре розуміємо, що світова криза ще далека від завершення, ми сьогодні робимо все, щоб підготуватися і її гідно зустріти. Ми робимо все, щоб зменшити зовнішній вплив на Україну, щоб захистити те зростання економіки, яке сьогодні є», – висловився з цього приводу в рамках форуму Президент України Віктор Янукович» (*День*, № 175-176, п'ятниця, 30 вересня 2011).

Оціночні характеристики чиновників більшою часткою складаються з різкого осудження цієї соціальної групи за присущу їм людям *корумпированність*: «Преса формує об'єктивну громадську думку. Коли думка народу не збігається з думкою влади – влада повинна піти. Якщо західна преса здійснює галас навколо *корумпованого чиновника* – *чиновник* подає у відставку. Якщо те ж саме робить українська газета – чиновник її закриває або «притискає» власника газети. Результат однаковий. Щоправда, і власник, як правило, вимагає розвінчувальних статей на адресу чиновників не через ненависть до корупції, а тому, що чогось недоотримав від даного можновладця...» (*День*, № 103, субота, 10 червня 2000); «Дуже добре, що з 1 січня набувають чинності зміни в законодавстві про посилення боротьби з корупцією. Наприклад, якщо стосовно *чиновника* складено протокол про корупцію, він уже не зможе більше

⁴²⁴Там же.

⁴²⁵Карасик, 2008, с. 22.

обіймати свою посаду. Це правильно, але, разом з тим, я вважаю, що суддів, які прийняли одне, а потім друге неправосудне рішення, через Вищу раду юстиції чи інший механізм, який визначить законодавець, теж потрібно знімати з посади. Крім цього, необхідно адміністративну корупцію перевести в площину кримінального переслідування» (*День*, № 230, п'ятниця, 18 грудня 2009).

Среди оценочных характеристик чиновников можно выделить следующие:

1) *действуют вопреки закону, часто просто нарушают его, совершают криминальные действия*: «Чиновники діють всупереч закону, часто просто порушують його, здійснюють кримінальні дії, хвалена вертикаль заплющує на це очі. Та й як інакше. Президент нагорі цієї самої вертикалі, але зробити нічого не може. Якщо він серйозно ущемить корупційні інтереси спецслужб, то ті помстяться – «випадково» пропустять кілька масштабних терактів. Ущемить інтереси бізнесу – гроші почнуть відпливати з країни. Якось обмежить регіональних – на нього чекатиме провал на виборах або сплеск «стихійного» сепаратизму. Обмежить *хабарництво* даїшників чи ще якихось чиновників – наслідком буде зухвалий саботаж на дорогах і в кабінетах.» (*День*, № 212-213, п'ятниця, 19 листопада 2010).

Исследуя лингвокультурный типаж «русский чиновник», В.И. Карасик писал: «Взятничество распространено среди чиновников, занимающих ответственные посты и имеющих полномочия принимать те или иные решения. Взятка осуждается не только потому, что представляет собой способ незаконного обогащения, но и потому, что принимаются несправедливые решения с ущемлением прав других людей. Чиновничье воровство представляет собой незаконное присвоение государственных средств, которые должны быть направлены на развитие страны, но с помощью определённых юридических приёмов приходят в личную собственность чиновников»⁴²⁶.

2) *чиновники должны заботиться о своей ответственности*:

«– Які шанси, що в разі, якщо ви виграєте суд, повторний конкурс відбудеться прозоро? Як це можна гарантувати?

– Гарантувати не можна нічого. Усе може гарантувати тільки правда. Члени Нацради діють антизаконно та антиконституційно. І те, що ми про це кажемо, має їх зупинити. Наше завдання і як учасників цього конкурсу, і як громадян – діяти чесно. При чому для нас як для громадян це важливіше. Бо як для громадянина для мене очевидно, що державний частотний ресурс хтось вкрав. Так само, як хтось вкрав газ або майно, яке має належати народу. Чим більше ми будемо про це

⁴²⁶Карасик, 2008.

говорити, тим більше наші чиновники будуть змушені дбати про свою відповідальність. Навіть коли не діють суди, існує відповідальність моральна» (*День*, № 164, четвер, 15 вересня 2011).

3) *чиновники оказывают давление:*

— Яким чином чиновники чинили тиск на редакторів?

«Деякі державні чиновники України (а може, їхні прес-служби) брутально ігнорують журналістів. Але нехтувати ними не можна, бо через пресу урядовці спілкуються з народом, за кошт якого вони живуть і працюють. У цьому випадку народ України «замовляє музику». «Випадання» прем'єра Англії або Франції з поля зору країни на цілий день неможливе. Це скандал і запити опозиції. «Випадання» прем'єра України – річ цілком звичайна» (*День*, № 141, вівторок, 12 серпня 1997).

4) *оторванность чиновников от реального положения:* «Публічна дискусія, яка ведеться на сторінках газети «День» та в інших ЗМІ з приводу реформування освіти, схоже, аж ніяк не впливає на наміри та дії влади. Мабуть, основною причиною такого стану речей є абсолютна відірваність чиновників від реального стану справ в освітніх закладах, нерозуміння мети і завдань, що стоять перед освітнім процесом. Від учителів доводиться чути про невиправдано величезний обсяг паперової роботи, що створює віртуальну видимість освітнього процесу і забирає лівову частину часу, який так потрібен для безпосереднього спілкування з учнями. Про це кричать усі педагоги-практики, але цього абсолютно не чують чиновники» (*День*, № 42-43, п'ятниця, 11 березня 2011).

5) *цинизм чиновников:* «Головним винуватцем нинішнього стрімкого зростання цін понад 30% опитаних вважають нинішню владу. А підігріває настрій населення все більша кількість дорогих автомобілів екстра-класу на українських дорогах і... «цинизм чиновників» (*День*, № 109-110, п'ятниця, 24 червня 2011).

6) *равнодушие чиновников:* «Здавалося б, що нині в Україні – найсприятливіші умови для збереження її культурної спадщини. Та на заваді стає байдужість чиновників і громад, на території яких знаходяться згадані пам'ятки. Саме з цих причин Україна назавжди втратила величезну кількість архітектурних споруд минулого» (*День*, № 169, четвер, 22 вересня 2011).

7) *низкая компетентность:* «Загалом готовність регіональних органів влади можна визнати «позитивною, але недостатньою», відзначив експерт методологічної групи з доступу до інформації Віктор Андрусів. Головним недоліком роботи з законом він вважає низьку компетентність чиновників, які нерідко просто не знають, як відповідати на запити людей і на які документи посилатися» (*День*, № 42-43, п'ятниця, 11 березня 2011).

8) *малограмотный чиновник*: «Характеристика потребує коментаря. До речі, цей малограмотний чиновник, який навіть власну посаду написав неправильно, очевидно, мав особисту зацікавленість у справі – після репресії сім'ї Федунів його родина посіла їхню хату, господарку, сад, город» (*День*, № 42-43, п'ятниця, 11 березня 2011).

Таким образом, лингвокультурный типаж «украинский чиновник» представляет собой оценочно маркированный образ государственного служащего, отличительными признаками которого являются обеспечение функционирования государственного механизма, место на служебной лестнице, формальное и равнодушное отношение к людям, цинизм, низкая компетентность, малограмотность. Сравните: «В русском языковом сознании чиновник получает, как правило, отрицательную оценку из-за коррумпированности, отсутствия здравого смысла в принимаемых решениях, высокого самомнения и готовности к безоговорочному подчинению. Отрицательная оценка чиновника выражает отрицательное отношение людей к власти, несправедливости и казённо-официальному стилю поведения»⁴²⁷.

Литература

Великий тлумачний словник сучасної української мови / Вячеслав Тимофійович Бусел (уклад. та голов. ред.). Київ: Перун, 2005 [=ВТССУМ].

ДМИТРИЕВА, О.А. *Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005 [=Дмитриева, 2005].

ДМИТРИЕВА, О.А. *Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века*. Волгоград: Перемена, 2007 [=Дмитриева, 2007].

КАРАСИК, В.И. *Языковая кристаллизация смысла*. Волгоград: Парадигма, 2010 [=Карасик, 2010].

КАРАСИК, В.И., ДМИТРИЕВА, О.А. *Лингвокультурный типаж: к определению понятия* // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5-25 [=Карасик и др., 2005].

КАРАСИК, В.И. *Лингвокультурный типаж «русский чиновник»* // Авторитетность и коммуникация. Серия "Аспекты языка и коммуникации". Выпуск 4. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. С. 38-51 [=Карасик, 2008].

ТЕЛИЯ, В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996 [=Телия, 1996].

ЯРМАХОВА, Е.А. *Лингвокультурный типаж «английский чудак»*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005 [=Ярмахова, 2005].

⁴²⁷Карасик, 2008.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КАК ГЕНЕРАТОР ПОРОЖДЕНИЯ ХРОНОТОПИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Виктория КАРПУХИНА,

кандидат филологических наук, доцент

(Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия)

253

Limbaj și context, Anul III, vol. 2, 2011

Abstract

The article examines from a cognitive and axiological perspective the temporal and special frame employed in B. Akunin's work.

Keywords: *time, space, cognitiv and axiologic perspective.*

Rezumat

În articol, este supus cercetării, din perspectivă cognitiv-axiologică, conturul temporal-spațial al creației lui B. Akunin.

Cuvinte-cheie: *timp, spațiu, perspectivă cognitiv-axiologică.*

В статье рассматривается проблема функционирования разных моделей времени и пространства в романах Б. Акунина с когнитивно-аксиологической точки зрения. Данные модели реконструируются в процессе выявления в текстах Акунина интертекстуальных элементов, отсылающих к прецедентным текстам французской, английской и русской литературы.

Актуальность изучения интертекста в последнее время⁴²⁸ связана с тем, что сама информационная реальность, окружающая человека, сейчас воспринимается как интертекст. Область интертекста становится в настоящее время не только областью анализа конкретных текстов, но и привлекает внимание исследователей-теоретиков. Можно выделить несколько подходов к изучению интертекста. В одной парадигме подходов интертекст рассматривается как самостоятельно существующий и развивающийся феномен: «Интертекст – это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени»⁴²⁹. В данном случае характеристики интертекста определяются тем, что исследователь изучает его в рамках синергетической парадигмы. Однако интертекст может рассматриваться и как определенного рода конструкт, как «явление скрещивания, контаминации текстов двух или более авторов (а также не имеющих личного автора)»⁴³⁰. На первый план в этом случае выступает фигура субъекта в двух его ипостасях: субъект,

⁴²⁸См. работы Степанов, 2001; Гаспаров, 2002; Кузьмина, 2004 и др.

⁴²⁹Кузьмина, 2004, с. 6.

⁴³⁰Степанов, 2001, с. 3.

конструирующий интертекст (автор), и субъект, реконструирующий интертекст (интерпретатор). Понятие интертекста антропоцентрично, хотя в качестве объекта исследования интертекстуальной ситуации могут выступать как субъекты, так и тексты, участвующие в этой ситуации. В соответствии с современной тенденцией к интерпретационизму, фигура интерпретатора занимает равную (если не более приоритетную) позицию по сравнению с позицией автора в интертекстуальной ситуации. В данной ситуации «адресат и адресант обмениваются позициями. Идеальный читатель оказывается отождествленным с отправителем информации»⁴³¹. Но построение интертекста связано с критериями адекватности интерпретации. Языковые сигналы, позволяющие определить направление интерпретации в интертексте, позволяют интерпретатору реконструировать определенную часть заложенных в тексте смыслов⁴³².

Хронотопические характеристики двух романов Б. Акунина – «Детская книга» и «Сокол и ласточка» – задаются аудитории еще до соприкосновения с текстами романов за счет оформления обложки. «Детская книга» (как в свое время «Алтын-толобас» и «Внеклассное чтение») совмещает на обложке второго издания фигуры и детали разновременных эпох, «Сокол и ласточка» напоминает дизайном обложки «зачитанный до дыр» хороший приключенческий роман. Подобный дизайнерский шаг обусловлен, с одной стороны, требованием стилизации текстов масс-культуры под детскую или инфантилизированную взрослую аудиторию, а с другой стороны, структурой акунинских романов, в которых зачастую главы, соотносящиеся с современностью, чередуются с главами «историческими».

История интересует Акунина не в варианте «линейного» представления чередующихся событий, а в варианте определенного топоса, конструирующегося/реконструирующегося при временных изменениях. В более ранних романах Акунина единство топоса создается за счет «персонажа-наследника» (например, Николас Фандорин, проезжающий по «местам боевой славы» Корнелиуса фон Дорна). То же происходит и в романе «Сокол и ласточка»: Николас попадает в область «законсервированного» времени недалеко от места обитания своих дальних родственников – «тифельцев». «Магистру кружил голову запах, исходящий от второй пещеры. Вероятно, у этого явления имелись вполне объяснимые причины: сюда, в глубь горы,

---

⁴³¹Смирнов, 1995, с. 190.

⁴³²О стратегиях интерпретации текста см. подробнее в Карпухина, 2010; Карпухина, 2011.

много лет не проникали свежий воздух и влага. Но главное в другом. Здесь *остановилось время*⁴³³.

В романе «Детская книга» единство топоса усиливается за счет персонального дейксиса: в «разновременных» главах романа действует один и тот же персонаж, Эраст Фандорин-младший (Ластик), проникающий в иные времена через некие «хронодыры». Как объясняет юному персонажу таинственный профессор Ван Дорн, «**“Chronohole”**, или «хронодыра», – ...это такой лаз, по которому можно попасть в другое время»⁴³⁴. В данном случае происходит популяризация физического и синергетического термина. Б. Акунин со свойственной ему переводческой иронией реконструирует достаточно активно использующийся в последнее время физический и синергетический термин **wormholes** (в русской традиции – ‘кротовые норы/кротовины’), обозначающий гипотетические туннели, в которые меняются свойствами пространство и время.

В предисловии к одноименному сборнику своих эссе Джон Фаулз использует этот термин в смысле, в котором он употребляется в современной физике: «Оксфордский энциклопедический словарь толкует его так: «Гипотетические взаимосвязи между далеко отстоящими друг от друга областями пространства-времени». Название показалось мне весьма подходящим, хотя бы метафорически, поскольку весьма сложное пространство-время, в котором я существую, пусть и очень далекое от современной физики, есть пространство-время моего собственного воображения»⁴³⁵. Подобный термин оказывается понятным для акунинских персонажей в так называемой «пре-когниции»⁴³⁶, т.е. в ситуации незнакомства с феноменом.

Термин **chronoholes** Б. Акунин использует в ситуациях попыток целенаправленного исправления «неудачной ветви» истории, зачастую представленных в ироническом ключе (ср. «реконструкцию» истории Григория Отрепьева как случайно попавшего в хронодыру советского пятиклассника Юрки Отрепьева из Киева⁴³⁷). Но целенаправленность попадания нужного персонажа в нужную эпоху, видимо, не дает возможности исправить определенное ответвление истории. Однако именно она отличает тексты Дж. Фаулза и Б. Акунина от текстов большинства писателей-фантастов. Типично британская склонность к восприятию Времени как преемственности сочетается в текстах «Волхва» Дж. Фаулза и «Детской книги» Акунина с типично японским

---

⁴³³Акунин, 2009, с. 592.

⁴³⁴Акунин, 2007а, с. 65.

⁴³⁵Фаулз, 2002, с. 7.

⁴³⁶Кубрякова, 2004, с. 83.

⁴³⁷Акунин, 2007b, с. 72-86.

пониманием Времени как переменчивости⁴³⁸. Возможно, именно этим и объясняются многие когнитивные характеристики хронотопических моделей, использующихся в романах «Сокол и ласточка» и «Детская книга».

Традиционное различие линейной и циклической временных моделей базируется на присутствии/отсутствии человека как точки отчета в модели времени. «С древнейших времен в сознании человека сосуществуют два представления о времени – время как последовательность однотипных событий, жизненных кругов (циклическое) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное). Циклическое представление о времени отличает архаические цивилизации, развитие же представлений о линейном движении времени в первую очередь связано с формированием исторического сознания»⁴³⁹. Исследователи склонны соотносить момент появления представлений о линейности времени к периоду зарождения христианского сознания⁴⁴⁰.

«Циклическость» восприятия времени ориентирована на поиск типических ситуаций, «линейность» связана с восприятием времени в ключе индивидуального сознания, то есть с включением в систему пространственно-временных координат еще одной координаты – субъекта. Возможно, именно поэтому рассказчик «исторической» части романа «Сокол и ласточка», попугай Андоку, живя в пределах вневременного, циклического пространства (чудесный японский остров-кофун, где «не было времени. Оно не двигалось»⁴⁴¹), не ощущал себя «очеловеченным». И лишь после ухода в саркофаг Учителя, покинув пределы заколдованного острова и переместившись в мир нециклического, линейного времени, Андоку начинает чувствовать себя иначе: «Он и меня сделал человеком – во всем, кроме обличья. Ибо мы – то, чем мы себя ощущаем, а не то, как мы выглядим со стороны, не правда ли?»⁴⁴².

С помощью *хронодыр* или определенного стечения обстоятельств «межвременные» путешественники Андоку и Ластик совершают прорыв от бытового времени («времени частного человеческого существования, которое поддается счету, измерению, локализуется на «оси» отдельной человеческой жизни, планируется, ожидается, помнится и переживается»⁴⁴³) к времени надбытовому,

---

⁴³⁸ср.: Овчинников, 2008, с. 436.

⁴³⁹Яковлева, 1994, с. 97.

⁴⁴⁰Яковлева, 1994, с. 98; Арутюнова, 1997, с. 59; Рябцева, 1997.

⁴⁴¹Акунин, 2009, с. 100.

⁴⁴²Акунин, 2009, с. 104.

⁴⁴³Яковлева, 1994, с. 138.

«подразумевающему исключительность описываемого. События этого времени выведены из круга повседневности, они ...уникальны, незабываемы, особо значимы (соотносятся с духовной сферой человека)»⁴⁴⁴. Андоку, кроме того, как рассказчик-философ наделяется способностью воспринимать так называемое аналитическое время – «время стечения обстоятельств и сплетения событий самой разной природы и масштаба. Этому времени соответствуют оценки «рациональные», «внеположенные» (взгляд со стороны на предмет описания)»⁴⁴⁵.

Изменение скорости переживаемых «мгновений» позволяет Акунину устами профессора Ван Дорна в «Детской книге» выдвинуть гипотезу о том, что время в настоящем и прошлом движутся с разной скоростью: «...Судя по вашим часам, экскурсия в 1914 год продолжалась триста восемьдесят шесть секунд. ...У меня прошло... Всего одна целая пятьдесят шесть тысячных секунды»⁴⁴⁶. Последующие рассуждения Ван Дорна по поводу коэффициента различия скоростей движения («Примерно 365,25. Хм, это количество оборотов, которые Земля совершает вокруг собственной оси в течение года») являются отсылкой к разнообразным временным моделям, обыгрываемым в «Маленьком принце» Антуана де Сент-Экзюпери⁴⁴⁷. На пятой планете, которую посетил Маленький принц, фонарщик вынужден был зажигать и гасить свой фонарь каждую минуту – ровно столько длился день на его планете, которая за минуту делала полный оборот⁴⁴⁸. Важность переживаемого мгновения усиливается в данном случае еще и тем, что Маленький принц «не смел себе признаться в том, что больше всего жалеет об этой чудесной планетке еще по одной причине: за 24 часа на ней можно любоваться закатом 1440 раз!»⁴⁴⁹. Отсылки к тексту Экзюпери встречаются в «Детской книге» дважды, маркируя переломные моменты «исторического» путешествия Ластика в Смутное время: в рассказе алхимика Келли об одном из владельцев алмаза, погибшего, когда его ужалила гадюка⁴⁵⁰, и перед попыткой Келли раскалить алмаз: «Ты ведь не будешь больше упрямитесь, как раньше, мой маленький принц? – насмешливо посмотрел он (Келли. – В.К.) на

---

⁴⁴⁴Яковлева, 1994, с. 138.

⁴⁴⁵Яковлева, 1994, с. 139.

⁴⁴⁶Акунин, 2007а, с. 92.

⁴⁴⁷См. о возможностях интертекстуальных хронопических отсылок в современной литературе Draine, 1991; Карпухина, 2010; Карпухина, 2011.

⁴⁴⁸Экзюпери, 1978, с. 44.

⁴⁴⁹Экзюпери, 1978, с. 46.

⁴⁵⁰Акунин, 2007б, с. 169.

Ластика»⁴⁵¹. Подобные интертекстуальные элементы в тексте романа Акунина задают такую когнитивную характеристику хронотопа текста, как преемственность по отношению к хронотопическим моделям текстов европейской литературы.

Возможно, опосредованным звеном соотнесения текстов Акунина и Сент-Экзюпери является еще одна маркированная с точки зрения «особого мгновения» сцена: прощание Ластика и Соломки (княжны Соломони Власьевны) весьма напоминает прощание Маленького принца и его капризной розы, которая признается ему в любви. «Тихая нежность», окрашивающая оба эти прощания, имя княжны – как, впрочем, и само название акунинского романа, – дают ключ к еще одному источнику используемых в «Детской книге» и «Соколе и ласточке» временных моделей.

В текстах Осипа Мандельштама концепт «Время» и разнообразные варианты его воплощения составляют достаточно важную часть того, что называют термином «художественный мир»⁴⁵². Возможно, временная составляющая мандельштамовской художественной картины мира необходима Акунину для того, чтобы подчеркнуть субъективный, антропоцентрический компонент временных моделей своих текстов.

«Фактор времени играет важнейшую роль в создании модели человека, а фактор человека – в моделировании времени. Ведь именно человек находится в точке присутствия, которая условно членит время на составляющие. Войдя в модель времени, человек внес в нее два сложных и противоречивых компонента: точку, движение, а вместе с движением и направление движения. Точка присутствия становится одновременно точкой зрения»⁴⁵³. Пытаясь зафиксировать себя в качестве стороннего наблюдателя, лирический герой текстов Мандельштама, к которым отсылает текст «Детской книги», тем не менее вынужден стать участником событий: его *reference time* (аналитическое время) превращается в *event time* (время событий)⁴⁵⁴. Подобное происходит в стихотворениях «Только детские книги читать...», «Соломинка», возможно, в связанном по теме с романом стихотворении «На розвальнях, уложенных соломой...». Однако восприятие Времени как потока, причем потока неоднаправленного, наиболее отчетливо в мандельштамовском «Шуме времени» и стихотворении «За то, что я руки твои не сумел удержать...». М.Л. Гаспаров пишет о создании в данном тексте «необычного впечатления

---

⁴⁵¹Акунин, 2007b, с. 226.

⁴⁵²Гаспаров, 1995, с. 212.

⁴⁵³Арутюнова, 1997, с. 52-53.

⁴⁵⁴термины Г. Рейхенбаха цит по Апресян, 1995, с. 632.

обратной временной перспективы, от более позднего к более раннему»⁴⁵⁵. Лирический герой становится не статической точкой отсчета, его захватывает движение Времени как потока (ср.: «Я помню хорошо глухие годы России – девяностые годы, их медленное оползание, их болезненное спокойствие, их глубокий провинциализм – тихую заводь»⁴⁵⁶ – и «вещий» сон Ластика о течении времени над собственным скелетом, «как при перемотке видеопленки»⁴⁵⁷). В обоих случаях Время из Потока превращается в Агрессора, разрушителя⁴⁵⁸. Однако это свойство лишь движущегося Времени.

В рассматриваемом романе реализуется составляющая концепта ВРЕМЯ, которая соотносится именно с детской литературой, так называемое «**future-in-the-present**», где «**a number of events which must obviously have occupied different pockets of time are expressed in the same space**»⁴⁵⁹. Акунинский футурологический прогноз в «Детской книге» представляет собой нечто существенно отличающееся от эпохи модели КВД (Когда Время Двигалось)⁴⁶⁰. Время эпохи «Завтра» завершает кольцевую композицию двух акунинских романов и едва не оставляет Ластика в такой же области безвременья, с которой начинается творческая биография попугая Андоку. Иронический проект нелицеприятно будущего имеет, как и положено прогнозу, и своего авторитетного субъекта речевой деятельности, и верификатора⁴⁶¹. В качестве авторитетного эксперта выступает футурологическое существо среднего рода, «собранное» из профессора Магды Дженкинс, микробиолога, и доктора Итиро Ямады, специалиста по электронике⁴⁶². Верификатором, так и не оценившим техногенную цивилизацию, оказывается Ластик, попавший через *хронодыру* в Москву «в никаком году». Блаженным островом без календаря становится вся планета Земля, и Время из персонализированной, движущейся субстанции превращается в деперсонализированную Вечность.

Разные хронотопические модели, реконструирующиеся при интерпретации романов Б. Акунина (ключевой из них является модель «*кратовины*» (**wormhole**)), могут быть выстроены при выявлении интертекстуальных отсылок к текстам А. де Сент-Экзюпери, Дж. Фаулза, О. Манделъштама. Оцениваемые с когнитивной точки зрения,

---

⁴⁵⁵Гаспаров, 1995, с. 216.

⁴⁵⁶Манделъштам, 1999, с. 9.

⁴⁵⁷Акунин, 2007b, с. 43-44.

⁴⁵⁸о метафорах времени см. Плунгян, 1997, с. 191; Арутюнова, 1997, с. 53.

⁴⁵⁹Johnston, 2006, p. 58-59.

⁴⁶⁰Акунин, 2007b, с. 283.

⁴⁶¹Циммерлинг, 1997, с. 341.

⁴⁶²Акунин, 2007b, с. 293.

эти модели позволяют выявить преемственность по отношению к временным моделям текстов европейской и русской литературы, ироническое соизмерение разных пространственно-временных моделей с точки зрения персонажей-наблюдателей, а также возможность соединения и обмена позициями характеристик пространства и времени в постмодернистском художественном тексте.

Литература

DRAINE, V. *Chronotope and Intertext* // *Influence and Intertextuality in Literary History*/ed. by J. Clayton and E. Rothstein. Madison: The University of Wisconsin Press, 1991 [=Draine, 1991].

JOHNSTON, R.R. *Childhood. A Narrative Chronotope* // *Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies*/Ed. by P. Hunt. Vol. 3: Cultural Contexts. London, New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2006 [=Johnston, 2006].

АКУНИН, Б. *Детская книга*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС; ОЛМА Медиа Групп, 2007. Т. 1 [=Акунин, 2007a].

АКУНИН, Б. *Детская книга*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС; ОЛМА Медиа Групп, 2007b. Т. 2 [=Акунин, 2007b].

АКУНИН, Б. *Сокол и Ласточка*. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2009 [=Акунин, 2009].

АПРЕСЯН, Ю.Д. *Избранные труды в 2-х тт.* Москва: Языки русской культуры, 1995. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография [=Апресян, 1995].

АРУТЮНОВА, Н.Д. *Время: модели и метафоры* // *Логический анализ языка: язык и время*. Москва: Индрик, 1997 [=Арутюнова, 1997].

ГАСПАРОВ, М.Л. *Избранные статьи*. Москва: Новое литературное обозрение, 1995 [=Гаспаров, 1995].

ГАСПАРОВ, М.Л. *Литературный интертекст и языковой интертекст* // *ИАН. СЛЯ*, 2001. Т. 61. № 4 [=Гаспаров, 2001].

КАРПУХИНА, В.Н. *Аксиологические стратегии интерсемиотического перевода текстов художественной литературы в ситуации межкультурной коммуникации* // *Известия АлтГУ*, 2011. № 2/1(70) [=Карпухина, 2011].

КАРПУХИНА, В.Н. *Способы интерпретации художественного текста при его переводе в разные семиосферы: [учебно-методическое пособие]*. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010 [=Карпухина, 2010].

КУБРЯКОВА, Е.С. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянской культуры, 2004 [=Кубрякова, 2004].

КУЗЬМИНА, Н.А. *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*. Москва: Едиториал УРСС, 2004 [=Кузьмина, 2004].

МАНДЕЛЬШТАМ, О. *Шум времени*. СПб.: Азбука, 1999 [=Мандельштам, 1999].

МИРОНОВ, В.В. *Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии* // Вопросы философии, 2006. № 2 [=Мионов, 2006].

ОВЧИННИКОВ, В. *Сакура и дуб*. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2008 [=Овчинников, 2008].

РЯБЦЕВА, Н.К. *Аксиологические модели времени* // Логический анализ языка: язык и время. Москва: Индрик, 1997 [=Рябцева, 1997].

СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ, А де. *Маленький принц*. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1978 [=Сент-Экзюпери, 1978].

СМИРНОВ, И.П. *Порождение интертекста*. СПб.: СПбГУ, 1995 [=Смирнов, 1995].

СТЕПАНОВ, Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // ИАН. СЛЯ, 2001. Т. 60. № 1 [=Степанов, 2001].

СТЕПАНОВ, Ю.С. *Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика*. Москва: Просвещение, 1981 [=Степанов, 1981].

ФАУЛЗ, Дж. *Кротовые норы*. Москва: Махаон, 2002 [=Фаулз, 2002].

ЦИММЕРЛИНГ, А.В. *Логика прогноза* // Логический анализ языка: язык и время. Москва: Индрик, 1997 [=Циммерлинг, 1997].

ЯКОВЛЕВА, Е.С. *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. Москва: Гнозис, 1994 [=Яковлева, 1994].

LECTURA ȘI LECTORUL DIN PERSPECTIVA INTERDISCIPLINARITĂȚII

Valentina ENCIU,

doctor în filologie, conferențiar universitar,

(Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova)

262

Speech and Context, 2(III)2011

Abstract

The text states some opinions referring to the concepts of "reader" and "reading" in order to demonstrate the need of their study in several sciences.

Keywords: *reader, reading, wating content, reading competence, author, text, meaning.*

Rezumat

Textul reiterează unele opinii referitoare la conceptele de „lector” și „lectură” pentru a demonstra necesitatea studierii lor din perspectiva mai multor discipline.

Cuvinte-cheie: *lector, lectură, orizont de așteptare, competență lectorală, autor, text, sens.*

Lectura presupune contactul cu o operă literară. Problema receptării este una deosebit de importantă în știința literaturii, fiind abordată încă de antici. La Aristotel, în „Poetica”, atestăm ideea că prin receptarea tragediei, comediei, trăim sentimentul de *catharsis* (purificare)⁴⁶³. Renașterea și clasicismul francez remarcă funcția hedonistă a artei. Teoreticienii R. Wellek și A. Warren consideră că unul dintre modurile de existență a operei literare este conceperea ei ca o strictă relație de lectură, în care percepția și interpretarea sunt acelea care produc configurația textului⁴⁶⁴.

În opinia lui Paul Cornea, lectura și receptarea anticipă interpretarea care este o explicație post-factum a textului⁴⁶⁵.

Lectura înseamnă întâlnirea cu textul, adică cu un grup de semne organizate într-un anumit mod în scopul producerii unui sens. Or, sensul textului nu este niciodată finit, el se produce la fiecare întâlnire cu lectorul/receptorul și depinde de experiența și cultura individului. Ideea transpare și din afirmația lui Paul Cornea: „Ea (lectura – n.n.) se adaptează *scopului* urmărit (vreau să studiez, să mă amuz, să culeg informații, să-mi ațâț fantezia, să-mi intensific viața interioară, să-mi calmez aprehensiunile etc.), în egală măsură *naturii textului* (poezie, manual literar etc.), dar nu mai puțin *circumstanțelor* (bună sau rea dispoziție, stare de vigilență sau oboseală, ambianță zgomotoasă ori solitară etc.)⁴⁶⁶.

Lectorul este un factor esențial, implicat în procesul comunicării literare, conferind prin lectură ansamblului de semne un conținut de sens.

---

⁴⁶³Aristotel, 1965, p. 68.

⁴⁶⁴Wellek *et alii*, 1967, p. 195.

⁴⁶⁵Cornea, 1998, p. 59.

⁴⁶⁶Cornea, 1998, p. 10.

Interesul pentru lector a variat ca intensitate de-a lungul timpului. Deplasarea de accent spre lector (cititor/receptor) ca element component al trinității comunicării literare (Autor – Operă – Lector) devine evidentă prin dezvoltarea, în anii '70 ai secolului trecut, în Germania, a esteticii receptării. În opinia reprezentantului notoriu al școlii de la Konstanz, Hans Robert Jauss, fiecare cititor posedă un set de norme, cunoștințe despre literatură, însușite din lecturi anterioare și care constituie „orizontul său de așteptare”. Cu fiecare lectură, el însușește norme noi, se adaptează acestora și, astfel, își modifică „orizontul de așteptare”⁴⁶⁷.

Orice text literar este unul codificat și pentru ca lectorul să se poată apropia de nucleul obiectiv al operei, trebuie să utilizeze câteva coduri. D. W. Fokkema distinge cinci coduri necesare în decodificarea mesajului unui text literar: *codul lingvistic*, *codul literar*, *codul genetic*, *codul perioadei* sau *sociocodul* și *codul ideolectal al autorului*⁴⁶⁸.

Pornind de la codurile generale indicate, lectorul contactează cu opera utilizând și un cod individual de interpretare. Or, fiecare lectură este unică și depinde de starea emotivă, dispoziția psihică, pregătirea estetică a individului în momentul lecturii. În contactul său cu textul literar, lectorul îndeplinește mai multe funcții: *comprehensivă* (de înțelegere), *evaluativă* (de apreciere afectivă sau axiologică), *cooperativă* (de conlucrare)⁴⁶⁹.

Indiferent de intenție și statut, fiecare lector dispune, în momentul contactului cu opera literară, de careva competențe literare care-l fac să reacționeze într-un anumit fel și care îi determină interpretările. Interesul pentru lector și pentru reacțiile lui în fața operei literare, remarcă Jonathan Culler, a determinat apariția unui curent special, preocupat de interpretarea reacțiilor cititorilor, așa-numitul *reader response criticism*, care consideră „înțelesul unui text chiar experiența cititorului (o experiență care include ezitări, speculații și autocorecție)”⁴⁷⁰.

Interpretarea unei opere, consideră J. Culler, „înseamnă a spune povestea citirii ei”⁴⁷¹, care este dependentă de ceea ce teoreticianul german Hans Robert Jauss numea „orizont de așteptare”. Estetica receptării elaborată de Hans R. Jauss motivează reacțiile cititorilor în fața unei noi structuri literare, reacție de acceptare sau neacceptare, precum a fost, de exemplu, cazul literaturii romantice, înfruntată de rezistența valorilor clasice sau atitudinea reticentă a publicului cititor față de literatura modernistă, de avangardă sau cea postmodernă.

---

⁴⁶⁷ *apud* Vasile, 2000, p. 27.

⁴⁶⁸ *apud* Cornea, 2000, p. 79.

⁴⁶⁹ Cornea, 2000, p. 58.

⁴⁷⁰ Culler, 2003, p. 74-75.

⁴⁷¹ Culler, 2003, p. 75.

Care ar fi condițiile de formare a lectorului? Oricare cititor/lector se formează într-un anumit mediu poetic, este educat în procesul de învățământ, în familie, în societate. Anume în aceste cadre însușește anumite convenții, criterii, norme, de aici atitudinea sa mai mult sau mai puțin contradictorie față de orice noutate literară. Reacția sa în urma lecturii unei opere literare determină modificarea sau nemodificarea setului de „competențe lectorale”⁴⁷² pe care le posedă sau, operând cu termenul lui Hans R. Jauss, a „orizontului de așteptare”.

În același context al întrebării referitoare la constituenții „orizontului de așteptare” al unui lector, teoreticianul Marian Vasile își exprimă opinia conform căreia, în componența acestuia, „întră tradiția poetică, asimilată în școli și în procesul de educație al copilului”, care constituie „factorii cei mai trainici”, esențială îndeosebi fiind „tradiția poetică națională al cărei limbaj fiind limbajul cititorului însuși, devine un bun intim, niciodată abandonat sau abandonabil de cititorul dintr-o țară sau alta”, toate operele noi asimilându-se pe acest fond tradițional autohton⁴⁷³.

În „orizontul de așteptare”, conform altor surse teoretice, intră și numeroase alte dispoziții de alt ordin decât pur artistice: morale, ideologice, religioase, istorice etc. Sunt factori determinanți ai receptării care condiționează o lectură proprie a textului, astfel încât „textul autorului” poate deveni „text al receptorului”, de cele mai multe ori diferit de intenția auctorială, lectura/receptarea fiind o activitate creatoare, deloc pasivă, influențată de contexte sociale, literare, de factori psihologici, teoretici etc.

În eseu „Limita, înțelesul și interpretarea”, Jonathan Culler aduce argumente probante în favoarea tezei că lectura/interpretarea sunt practici sociale, diferite în funcție de perspectiva pe care și-o adoptă lectorul, însă în ultima instanță, toate tipurile de lecturi, de la cele familiare până la cele hermeneutice, se pot reduce la invariabilul „despre”: despre ce e vorba în această operă?

Școlile și mișcările teoretice ca versiuni ale hermeneuticii nu sunt, în opinia lui J. Culler, decât „tendențe de a da anumite tipuri de răspunsuri la aceeași întrebare („despre ce e vorba într-o operă literară?”), numai că le suprapun pe o anumită terminologie: „lupta de clasă” (marxism), „posibilitatea de a unifica experiența” (Noua Critică), „complexul lui Oedip” (psihanaliza), „reprimarea forțelor subversive” (noul historicism), „asimetria relațiilor dintre sexe” (feminism), „natura autodeconstructivă a textului (deconstrucția), „puterea represivă a imperialismului” (teoria post-colonială), „matricea heterosexuală” (gay and lesbian studies)⁴⁷⁴.

---

⁴⁷²*ibidem*.

⁴⁷³Vasile, 2000, p. 29.

⁴⁷⁴Culler, 2003, p. 76.

Opera literară este un obiect al experienței de lectură, dar nu o poți reduce la orice. Ea este o construcție obiectivă, autosuficientă care se revelează prin lectură.

Întrebarea fundamentală este ce anume determină sensul operei?

Un răspuns univoc și exhaustiv la această întrebare nu există. S-a afirmat, în literatura de specialitate, că sensul operei ar echivala cu textul, fie cu contextul, fie cu lectorul/cititorul, fie cu intenția auctorială. Fiecare variantă de răspuns suscită și generează numeroase argumente pro și contra, problema rămânând în permanență deschisă.

Indubitabil, sensul operei nu este ceva simplu, ușor de determinat, este o noțiune inefabilă.

Cel mai vehiculat și vechi argument este cel conform căruia textul ar echivala cu cel care l-a produs, adică cu autorul, ar fi o realizare a intenției sale auctoriale.

Cine este autorul? Autorul este individul creator de literatură, este persoana care elaborează un text literar. Orice text literar, artistic se creează pe terenul culturii și gândirii auctoriale, fiind o expresie subiectivă, emoțional-reflexivă asupra realității. Prin intermediul imaginilor artistice, autorul creează universuri paralele lumii reale.

Prin capacitatea sa de a crea artisticul, autorul implică afectiv cititorul/receptorul, îl face un coautor al textului, îi oferă posibilitatea „să trăiască” în planul acestui univers, în momentul în care se integrează artei. Autorul este o persoană bine individualizată, profesionalizată. Opera lui este expresia erudiției, a cunoștințelor retorice, a unei mentalități culturale.

Autorul unei opere lirice își exteriorizează propria subiectivitate. Autorul unei opere epice și dramatice este creatorul personajelor, al naratorului/naratorilor, al subiectului, al acțiunii, al conflictelor etc.

Însă opera literară nu poate fi identificată nici cu experiența creatoare, nici cu percepția ei: „Ea este altceva decât crede că a lăsat în ea cel care a creat-o și mai mult decât descoperă în ea cel care o interpretează”⁴⁷⁵.

Orice operă literară depășește intenția auctorială, deoarece ea nu se constituie doar din elementele introduse cu intenție de către autor. Indiscutabil, la constituirea textului participă și factori venind din inconștientul și subconștientul autorului. Opera este rezultatul unei experiențe totale. Exemple edificatoare, în acest sens, prezintă R. Wellek și A. Warren: „(...) mentalitatea barocă se constituie într-o mișcare estetică mult mai puternică și mai originală decât au crezut artiștii baroci și criticii lor. Zola, care a elaborat o întreagă teorie științifică despre romanul experimental, al cărui reprezentant se consideră, a scris, în realitate, romane melodramatice și simbolice. Gogol se considera un reformator social al

---

⁴⁷⁵Crăciun, 2003, p. 104.

Rusiei, dar, în realitate, a scris romane și povestiri cu caracter fantastic și grotesc”⁴⁷⁶.

Actul lecturii realizat de către lector instituie o relație literară cu textul, care nu este decât o modalitate de interpretare, de revelare a existenței ei, care este, în opinia autorilor americani R. Wellek și A. Warren, „un sistem de norme, de noțiuni ideale care sunt intersubiective. Trebuie să se considere că ele există în ideologia colectivă, se schimbă odată cu aceasta și sunt accesibile numai prin experiențe intelectuale, bazate pe structura sonoră a propozițiilor”⁴⁷⁷.

De aici, concluzia firească că problema lectorului și a lecturii necesită un studiu complex din perspectiva mai multor discipline: știința textului, semiologie, psihanaliza, sociologie etc.

Bibliografie

- ARISTOTEL. *Poetica*. București: Editura Academiei, 1965 [=Aristotel, 1965].
- CORNEA, Paul. *Introducere în teoria lecturii*. Iași: Editura Polirom, 1998 [=Cornea, 1998].
- CRĂCIUN, Gheorghe. *Introducere în teoria literaturii*. Chișinău: Editura Cartier, 2003 [=Crăciun, 2003].
- CULLER, Jonathan. *Teoria literară* (traducere de Mihaela Dogaru). București: Editura „Cartea Românească”, 2003 [=Culler, 2003].
- TIUTIUCA, Dumitru. *Teoria literară*. Iași: Institutul European, 2002 [=Tiutiuca, 2002].
- VASILE, Marian. *Teoria literaturii*. București: Editura Atos, 1997 [=Vasile, 1997].
- VASILE, Marian. *Introducere în teoria genurilor literare*. București: Editura Fundației „România de Măine”, 2000 [=Vasile, 2000].
- PARFENE, Constantin. *Teorie și analiză literară*. București: Editura Științifică, 1993 [=Parfene, 1993].
- ȚUGUI, Grigore. *Interpretarea textului poetic*. Iași: Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 1997 [=Țugui, 1997].
- WELLEK, Rene, WARREN, Austin. *Teoria literaturii*. București: EPLU, 1967 [=Wellek et alii, 1967].

⁴⁷⁶Wellek et alii, 1976, p. 199.

⁴⁷⁷Wellek et alii, 1976, p. 207-208.

LIMBAJ, CONTEXT, TRADUCERE

LANGUAGE, CONTEXT, TRANSLATION

THE TRANSLATING OF ENGLISH EXTRAPOSITION CONSTRUCTIONS INTO AZERI

Parisa FARROKH,
Associate Professor, Ph.D.
(Islamic Azad University of Lahijan, Iran)

269

Limba și context, Anul III, vol. 2, 2011

Abstract

The aim of the research is to run the gamut of English extraposition constructions involving copular verbs, followed by “that-clause” and infinitive. Providing some evidence of the use of these constructions and comparing their translation in Azeri and investigating of linguistic properties are the purposes of this study. To this aim, the English fictions and their Azeri translations considered as sources of the data. The researcher classifies the data into two main categories: the extraposition constructions followed by “that”-clause and the extraposition constructions followed by “infinitive”. Based on 200 data, it has been cleared that in Azeri, the dummy subject “it” is not translated at all. Moreover, instead of copular verbs in Azeri translation, there are some expressions called “modal words”, functioning like verb phrases, are used according to the meaning of copular verbs. The total number of these sentences using modal words is 185 sentences. Regarding extraposition constructions followed by that-clause, it can be said that most of them translated as complex sentences in Azeri, with the percentage of 70%. However, extraposition constructions which involve infinitive, are translated as simple sentences with the percentage of 65%. This study uses a qualitative descriptive method.

Keywords: translation, extraposition constructions, copular verbs, “that-clause”, infinitive.

Rezumat

În articol, ne propunem să cercetăm construcțiile extrapozitionate în engleză și traducerea lor în azeră, adică construcțiile care înglobează verbe copulative, urmate de subordonata „that-clause” sau un verb la infinitiv. Drept exemplificare a postulatelor teoretice au servit texte literare în limba engleză și traducerea lor în limba azeră. Autoarea identifică două tipuri de construcție extrapozitionată: construcția cu subordonata „that-clause” și construcția cu verbul la infinitiv. În baza celor 200 de exemple analizate, autoarea demonstrează că în azeră, subiectul impersonal „it” nu are echivalent de traducere, iar în locul verbelor copulative, sunt întrebuințate, de cele mai dese ori, „cuvinte modale” care au funcția unor verbe copulative. Cu referire la construcțiile englezești extrapozitionate cu subordonata „that-clause”, se poate spune că 70% dintre ele se tradus, în azeră, prin propoziții compuse, iar 65% dintre construcțiile englezești extrapozitionate cu verbul la infinitiv sunt traduse, în azeră, prin propoziții simple. La baza acestui studiu a fost pusă metoda calitativ-descriptivă.

Cuvinte-cheie: traducere, construcții extrapozitionate, verbe copulative, „that-clause”, verb la infinitiv.

1. Introduction

Nowadays there is a tremendous interest in translation, since it is a channel through which ideas and cultures pass. In more recent time, translation comes to play a significance role in the politics, public and private organizations and many other aspects. It can be said that translation

is a profession besides being art. According to B. Hatim and J. Munday⁴⁷⁸ translation is a phenomenon that has a huge effect on everybody's life. P. Newmark defines translation as the attempt to produce approximate equivalence or respectable synonymy between two chunks of different languages on various levels of which two main ones are thought and linguistic form. This researcher adds that translation is partly an exercise in the art of writing as well as a field of comparative applied linguistics⁴⁷⁹. He believes that grammatical meaning is more significant, less precise, more general and sometimes more elusive than lexical meaning⁴⁸⁰. Basically, it will have attained this fact that syntactic differences existing among languages, may cause problem in translation. The translating of English extraposition constructions involving copular verbs, followed by that-clauses and infinitive, into Azeri is the aim of this paper. Since the syntactic pattern of Azeri and English is completely different in this respect, the translation of these constructions may cause some problems for Azerbaijanian translators, translator trainees and English learners. So having complete knowledge about structure of these sentences may be useful for them.

A. Miremadi believes that all languages show signs of noun phrases, events, prepositional phrases and etc., but they show differences in their formal distributions⁴⁸¹. E.A. Nida⁴⁸² argues that "in no two languages one can find exactly identical systems of structural organization based on which symbols can be related to meaning on the one-to-one correspondence basis". According to E.A. Nida word classes, grammatical relations, word order, style and pragmatic features are different from language to language⁴⁸³. A feature which may cause problems in translation is English extraposition constructions. According to B. Chocholoušova, among the constructions involving dummy subject, extraposition constructions are the most frequent type in materials in languages like English, Norwegian and German⁴⁸⁴. Therefore it seems necessary to have complete knowledge about this construction and its translation in Azeri. To this end English fictions are studied to identify these structures in English and their Azeri equivalents. In this relation, the following research questions have been formulated:

- (1) How are English extraposition constructions translated into Azeri?
- (2) Is English dummy subject "it" kept/replaced or omitted in Azeri translation?

---

⁴⁷⁸Hatim *et alii*, 2004, p. 38.

⁴⁷⁹Newmark, 1988, p. 26.

⁴⁸⁰*ibidem*.

⁴⁸¹Miremadi, 1991, p. 67.

⁴⁸²Nida, 1975, p. 24.

⁴⁸³*ibidem*.

⁴⁸⁴Chocholoušova, 2007, p. 49.

2. Translation and Translation Problems

According to E.A. Nida⁴⁸⁵, “translation is the reproduction in a closest natural equivalent of the source language message”. It means that a translation should tell the content and some meaning of the original text⁴⁸⁶.

Translation itself means a process of replacing/reproducing /transferring from the source language of written text/material concept into its target language⁴⁸⁷. W. Wilss believes that translation is a transfer process which aims at the transformation of a written source language into an optimally equivalent target language and which requires the syntactic, semantic and pragmatic understanding and analytical processing of the source language. Generally, it can be said that in the present era of globalization, translation plays a major role in conveying messages from one language to another. However translation is not an easy task. Since languages express grammatical and lexical relationships in different ways, therefore, in rendering texts, the translators are always surrounded by a number of problems which are to be tackled consciously and accurately. A. Miremadi believes that the first problem is how to get access to adequate comprehending of the original text with all its complexities⁴⁸⁸. According to Kopezynski⁴⁸⁹, the translator should possess a transcoding mechanism to enable him:

(a) to make accurate interpretation of the totality of the source and target language;

(b) to carry out an adequate conversion of the source language grammar into the target language grammar;

(c) to make generalization based on intertraffic between the two languages to seek equivalents.

The second problem is the existence of lexical, syntactic, semantic, pragmatic and the word perspective imbalance between languages. Because of differences between languages, there is no completely exact translation between any two languages. According to Werner⁴⁹⁰, “the degree of similarity between the systems of any two languages determines the efficacy of the translation made”.

The other problem in translation is lexical problem. Words are entities which refer to object or concepts.

There is no an identical object in the two cultures. Thus in translating texts, all differences have to be taken into account and must be considered as

---

⁴⁸⁵Nida, 1975.

⁴⁸⁶*idem*, p. 41.

⁴⁸⁷Karnadidjaya, 2001, p. 4.

⁴⁸⁸Miremadi, 1992, p. 98.

⁴⁸⁹Kopezynski, *apud* Miremadi, 1992.

⁴⁹⁰Werner, *apud* Golestani, 2006.

an important factor. In this case the denotative meaning, connotative meaning and ironical meanings are so important and translator's misunderstanding of any of these words and elements may end in a translation reality and moral sense.

Another factor which may cause problem in translations is syntactic problem. It can be said that syntax is the study of the rules to form or to make grammatical sentences in a language or the study of pattern of sentences and phrase formation from word⁴⁹¹. Furthermore, grammar is studied in syntax and it is an important aspect of a language. According to A.S. Hornby, grammar is defined as the rules in a language for changing the form of words and combining them into sentences⁴⁹². Every language has own grammatical rules and through contrastive studies of authentic syntactic patterns in context, new possibilities open up for additional insights, methodological renewals and empirical theory developments based on the study of sentence form. As S. Hunston and F. Sinclair put it: "There are gaps in the coverage of grammatical structures achieved by a generalisable system of structural analysis [...]"⁴⁹³.

Basically, grammar and translation skill are very important in learning another language. Some differences of grammatical systems between two languages can cause problems in translation process.

3. Dummy Subject

The concept of subject originally came from the study of Indo-European language family. Subject is obligatory in English with the exception of imperatives, and it plays syntactic and semantic roles, or just syntactic role as in the case of dummy subjects. In contrast, subject may be optional as in pro-drop languages such as Azeri, Persian and other. "It" as a dummy subject, it is semantically empty, has no referential function, no referent either in the discourse context or in the outside world. No thematic role can be assigned to it, and yet it keeps the most prominent thematic position of the sentence, i.e. the one of a subject. And to complicate things even further, no informative value or pragmatic prominence is directly encoded in the presence or absence of the dummy subject⁴⁹⁴.

D. Biber *et alii*⁴⁹⁵ identifies both semantically empty "it" and referentially empty "there" as formal grammatical subjects that appear in specific clause types. These are as follows:

- (1) *prop it*, denoting weather distance and time:

---

⁴⁹¹Yerkes, 1989, p. 1443.

⁴⁹²Hornby, 1995, p. 517.

⁴⁹³Hunston *et alii*, 2000, p. 75.

⁴⁹⁴Chocholoušova, 2007, p. 27.

⁴⁹⁵Biber *et alii*, 1999.

It starts raining.

(2) **existential clauses** (i.e. presentatives), introducing new information, and using verbs denoting existence, appearance and motion:

There are flagstones, garden gates, hedges, garages.

(3) **clefting**-structural clause division that brings focus to the clefted element:

It's mostly just rich folks who can afford a movin' company.

(4) **extraposition**-clauses where dummy subjects anticipate another finite or non-finite clause:

It takes a great effort to watch the moon for any length of time.

D. Biber *et alii* postulates that: «[...] the predicates here do not suggest any participant involved semantically, but [...] are obligatory inserted simply to complete the structure of the clause grammatically”.

Existential clauses, or presentative constructions, are the only constructions types that employ existential **there** as their formal, grammatical subject; the others use **it**. So is the case of “agentless processes” that are not listed in Biber *et alii*, nevertheless structurally possible in English:

It does not smell particularly great at Grandfather's.

The only exception here are “impersonal passives”⁴⁹⁶ that are structurally not allowed to be formed with intransitive verbs in English, hence, another types of subject must be inserted:

A commission of public inquiry was set up to study the incident, too.

4. Extraposition

Postponement which involves the replacement of the postponed element by a substitute form is termed **extraposition**. It operates almost exclusively on subordinate nominal clauses. The most important type of extraposition is that of a clausal subject-i.e. a subject realized by a finite or non-finite clauses⁴⁹⁷. According to Quirk *et alii*, the subject is moved to the end of the sentence and the normal subject position is filled by the anticipatory pronoun “it”. The resulting sentence thus contains two subjects, which may identify as the postponed subject, the one which is notionally the subject of the sentence and the anticipatory subject “it”. Simple rule for deriving a sentence with subject extraposition from one of more orthodox ordering is: **Subject + predicate ~ it + predicate + subject**. Thus: *To hear him say that + surprised me ~ It + surprised me + to hear him say that*.

⁴⁹⁶Quirk *et alii*, 1985, p. 1391.

⁴⁹⁷*ibidem*.

Some examples of this construction are shown as follows:

- (1) Type SVC: *It is a pleasure to teach her.*
- (2) Type SVA: *It was on the news that income tax is to be lowered.*
- (3) Type SV: *It does not matter what you do.*
- (4) Type SVO: *It seems that you have made a mistake.*
- (5) Type SVOC: *It makes him happy to see others enjoying themselves.*
- (6) Type SVpass: *It is said that she slipped arsenic his tea*⁴⁹⁸.

J. Herriman⁴⁹⁹ argues that the extraposition constructions are mainly used to express attitudinal meaning. In this research the Azeri translation of English extraposition constructions involving copular verbs and followed by *that*-clause and infinitive has been investigated.

5. Research Method

The purpose of this study is to investigate and analyze Azeri translation of English extraposition constructions involving copular verbs and followed by *that*-clause and infinitive. This research deals with analyzing of data in order to study Azeri translation of dummy subject *it*, *infinitive* and *that*-clause of English extraposition constructions.

5.1. Materials

The materials chosen for the analysis are English fictions which involve the novels of "For Whom the Bell Tolls" written by Hemingway, "400 Subjects in English" written by Vitalyevna, "Life Essays" written by Gurbanov, "The Alchemist" written by Coelho and Joyce's Dubliners (short stories).

200 extraposition constructions involving copular verbs and followed by infinitive and *that*-clause along with their translation into Azeri taken from Hajiyev (2006), Vitalyevna (2006), Gambarov (2010), Qojabayli (2006) and Nijat (2011) have been analyzed.

5.2. Procedures

The data are classified into two main categories: extraposition constructions followed by *infinitive* and extraposition constructions followed by *that*-clause.

5.3. Extraposition constructions followed by *infinitive*

The constructions which are translated as simple sentences without infinitive in Azeri:

- (1) *They seemed to be a happy couple at first.*
[əvvəlcə elə bil xoşbəxt cütlük idilər].
- (2) *It seemed to him to repeat itself throughout all the books.*

⁴⁹⁸*ibidem.*

⁴⁹⁹Herriman, 2004, p. 204.

[sanki bütün kitablarda elə hey eyni şey təkrarlanır].

(3) *It seems to me to remember things incorrectly.*

[məncə hər şeyi yaxşı saxlaya bilməmişəm].

(4) *It seemed to him to admire the horses.*

[sanki atlar tərifləməlidir].

(5) *It seems to me to know everything is useful for you.*

[elə bil hər şeyi bilmənin sənə faydalıdır].

(6) *It wonders me to see a gypsy a war.*

[məncə qaraçı müharibədə görməni nə nəzərdə tutur].

(7) *It seems to agree with you.*

[görünür sənə razı olmalıdır].

(8) *It seems to be sensitive and kind.*

[görünür həssas və yumşaq adamdır].

(9) *It sounds me to be interesting.*

[nə isə elə bil maraqlıdır].

(10) *It seemed to him to be little better guarded.*

[görünür düşərgənin müdafiəsi yaxşı təşkil olunmayıb].

The constructions which are translated as simple sentences involving infinitive in Azeri:

(1) *It pleases thee to carry it, he said.*

[o dedi ki daşımaq istəyirsən, al...].

(2) *It seems to the boy to flee.*

[oğlağa qaçmaq gəlmişdi].

(3) *It seems to me to exterminate the post at the sawmill.*

[məncə taxta zavodundakı postu məhv etməkləzəmməm].

(4) *It seems to him to go out.*

[görünür çıxmaq lazımdır].

(5) *It seems to keep down is the best.*

[görünür uzanmaq yaxşıdır].

5.4. Extraposition constructions followed by *that*-clause

The constructions which are translated as complex sentences in Azeri:

(1) *It seems to me that we might as well eat the hares.*

[mənə görünür ki dovşanlar isə bu gün yemək lazımdır].

(2) *It sounds me that it would be good to see Duran again.*

[yaxşı olardı ki Dürana bir də görüşşəydim].

(3) *It seems that you have an important intention.*

[görünür ki sənənin belə bir mühüm niyyətin var].

(4) *It seems that it is alright to stay here.*
[görünür ki burada qalmaq daha yaxşıdır].

(5) *It wonders me that the old swine will go.*
[maraqlıdır görəsən bu donuzolu hara gedir].

(6) *It wonders me that one pays as in the days of the church.*
[maraqlıdır ki biz kilsəyə pul verdiyimiz kimi, haqq versinlər].

(7) *It seems that the Republic is preparing an offensive.*
[görünür ki Respublika hücumu hazırlaşır].

(8) *It seems that I am barbarous.*
[görünür ki vəhşiyəm].

(9) *It wonders me that he might not understand.*
[maraqlıdır ki məni başa düşməz].

(10) *It seems that I can never bear either a son or a daughter.*
[görünür ki sənə oğlan və ya qız doğma bilməyəcəyəm].

The constructions which are translated as simple sentences in Azeri:

(1) *It seems to me that it is better not to speak of it.*
[məncə bu barədə danışmasaq yaxşıdır].

(2) *It seems that she is perfectly normal.*
[elə bil onda eybi yoxdur].

(3) *It sounds me that it is interesting.*
[elə bil maraqlı söhbətdir].

(4) *It seemed to him that they laugh at him.*
[elə bil Ehramlar ona gülümsədilər].

(5) *It seemed to him that he had made the long journey for nothing.*
[deməli boş yerə səyahətə çıxmışdır].

The constructions in which copular verbs have not translated in Azeri:

(1) *It sounds me that I am not good to receive thee as I wish to.*
Ø səninlə istədiyim kimi ola bilməyəcəyəm.

(2) *It seemed to him to see stars on the desert itself.*
Ø səhranın səmasında yüzlərcə ulduz parlaydı.

(3) *It seemed to him that time stood still.*
Ø kainatın Rohu cavan oğlanın önündü.

(4) *It seemed to him to be very busy.*
Ø işləri başlarından aşırması kimi görünürdülər.

(5) *It seemed to me that you have to cross the entire Sahara desert.*
Ø böyük saxara səhrasını keçmək lazımdır.

6. Data Findings

In this research, there are two main categories, namely, extraposition constructions followed by *that*-clause and the other one extraposition constructions followed by infinitive. Analyzing of 100 data related to the Azeri translation of English extraposition constructions followed by *that*-clause show that most of them are translated as complex sentences in Azeri with the percentage of 70%, and some translated as simple sentences with the percentage of 30% (*Table 1*). According to *Table 2* it has been cleared that 65% English extraposition constructions followed by infinitive, translated as simple sentences without infinitive and 35% translated as simple sentences involving infinitive in Azeri. *Table 3* shows that in Azeri dummy subject is not translated at all. Regarding the translation of copular verbs in Azeri, as shown in *Table 4*, they have either been replaced by some expressions called *Modal Words* or been omitted.

7. Discussion and Conclusion

Based on 200 data, it has been cleared that in Azeri ,dummy subject of English extraposition constructions is not translated. Regarding copular verbs, it should be mentioned that the copular verb “seem” is the most frequent one in this corpora, that is in 138 constructions this verb has been used. Results of analyzing of Azeri translation show that instead of copular verbs, there are some expressions in Azeri which are named *Modal Söz* like *Görünür, mənə, elə bil* [...] and according to the meaning of copular verbs, these expressions are used such as *görünür ki Respublika hücumu hazırlaşır*. Of course in some cases copular verbs are omitted as in:

(1) *It sounds me that I am not good to receive thee as I wish to.*

Ø səninlə istədiyim kimi ola *bilməyəcəyəm*.

Moreover, if there is an object after copular verbs, it is used before modal words, i.e in the beginning of the clause like “*mənə görünür ki dovşanlar isə bu gün yemək lazımdır*”.

According to the results of this research, English extraposition constructions followed by *that*-clause translated as complex sentences as in “*mənə görünür ki dovşanlar isə bu gün yemək lazımdır*”, and in some cases translated as simple sentences such as “*mənə bu barədə danışmasaq yaxşıdır*”.

Most of the English extraposition constructions followed by infinitive ,are translated as simple sentences without infinitive like *əvvəlcə elə bil xoşbəxt cütlük idilər*, however it should be mentioned in some constructions, infinitive translated as infinitive in Azeri, as in:

It seems to me to exterminate the post at the sawmill.

mənə taxta zavodundakı postu məhv etməklə lazımdır.

It can be concluded that English extraposition constructions which can be written as:

It + verb +(object)+that-clauses translated as *(object)+modal words +that clauses*
in Azeri:

It +verb+(object)+infinitive translated as *(object)+modal words +.....+verb.*

In this case it is necessary to mention that through contrastive studies of authentic syntactic patterns in context, new possibilities open up for additional insights, methodological renewals and empirical theory developments based on the study of sentences form. The main advantage of a bilingual or even multilingual parallel corpus is that the languages interrelate with each other. Moreover, it seems that in the literature of translation studies and in translation classrooms, students and learners are required to compare and contrast translations with their originals. It is useful for language learning, translation education, translation studies, lexicography, finding equivalents for SL expressions, terms, structures and so on. It is hoped that the results of the research may be used as additional information for the teachers especially in teaching English grammar and translation courses. Also, the results may help Azerbaijanian translators, English learners and translator trainees for being able to provide the best translation of English extraposition constructions.

References

- BIBER, D., JOHANSSON, G., LEECH, S., CONRAD, E., FINEGAN, E. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London: Longman, 1999. pp. 89-110 [=Biber *et alii*, 1999].
- CHOCHOLOUŠOVA, B. *Norwegian Det-constructions and their Translation Correspondences in English and German: A Contrastive Corpus based Study of Dummy Subjects*. Master's Diploma Thesis, 2007 [=Chocholoušova, 2007].
- GAMBAROV, V.A. *Life Essays*. Baku: Mushfigh Brocjhali Publication, 2010. pp.174-288 [=Gambarov, 2010].
- GOLESTANI, G. *The Translating of Problems of Pro-forms from English into Persian*. Islamic Azad University Science and Research Fars Branch, 2006 [=Golestani, 2006].
- HAJIYEV, H. *For Whom the Bell Tolls*. Baku: Avrasiya Press, 2006. pp. 14-294 [=Hajiyev, 2006].
- HATIM, B., MUNDAY, J. *Translation: An Advanced Resource Book*. London: Routledge, 2004 [=Hatim *et alii*, 2004].
- HERRIMAN, J. *The Functions of Extraposition in English Texts*. Amsterdam: John Benjamins, 2004 [=Herriman, 2004].
- HORNBY, A.S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* (3rd edition). Oxford: Oxford University Press, 1995 [=Hornby, 1995].

HUNSTON, S., SINCLAIR, F. *Pattern Grammar: A Corpus-driven Approach to the Lexical Grammar of English*. Amsterdam: John Benjamins, 2000 [=Hunston *et alii*, 2000].

KARNADIDJAYA, M. *The Translation Process*. Indonesia: National Publication, 2001 [=Karnadidjaya, 2001].

MIREMADI, A. *Theories and Principles in Translation*. Tehran: Samt Publication, 1991 [=Miremadi, 1991].

NEWMARK, P. *A Textbook of Translation*. Perntice Hall, 1988 [=Newmark, 1988].

NIDA, E.A. *Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures involved in Bible Translation* (2nd ed.). Leiden: E.J. Brill, 1975 [=Nida, 1975].

NIJAT, A. *Dubliners*. Baku: Ghanun Publication, 2011. pp. 250-307 [=Nijat, 2011].

QOJABAYLI, N. *The Alchemist*. Baku: Chinar Publication, 2006. pp. 8-92 [=Qojabayli, 2006].

QUIRK, R., GREENBAUM, S., LEECH, G., SVARTVIK, J. *A Comprehensive Grammar of the English Language* (5th ed.). London and NewYork: Longman, 1987 [=Quirk, 1987].

VITALYEVNA, K.Y. *400 Subjects in English*. Baku: Sorghu and Encyclopediya Publication, 2006. pp. 152-355 [=Vitalyevna, 2006].

WILSS, W. *The Science of Translation: Problems and Methods*. Tubingen: Gunter Narrvelag, 1982 [=Wilss, 1982].

YERKES, P. *Teaching and Learning a Second Language*. London: Longman [=Yerkes, 1989].

Tables

Table 1: The translation of the extraposition constructions followed by that-clause

	Total	Percentage
Complex sentences	70	70
Simple sentences	30	30

Table 2: The translation of the extraposition constructions followed by infinitive

	Total	Percentage
Simple sentences without infinitive	65	65
Simple sentences involving infinitive	35	35

Table 3: The translation of dummy subject

	Total

Dummy Subject	0
---------------	---

Table 4: *The translation of copular verbs*

	Total
Using modal words	185
Deletion of copular verbs	15

TRADUCERI

TRANSLATED WORKS

Luiza ȘOȘU,
Lecturer

(Alecus Russo State University of Bălți, Republic of Moldova)

Mihai Eminescu
„Luceafărul”
fragment

A fost odată ca-n povești,
A fost ca niciodată,
Din rude mari împărătești,
O prea frumoasă fată.

Și era una la părinți
Și mândră-n toate celea,
Cum e Fecioara între sfinți
Și luna între stele.

Din umbra falnicelor bolți
Ea pasul și-l îndreaptă
Lângă fereastră, unde-n colț
Luceafărul așteaptă.

Privea în zare cum pe mări
Răsare și străluce,
Pe mișcătoarele cărări
Corăbii negre duce.

Îl vede azi, îl vede mâni,
Astfel dorința-i gata;
El iar, privind de săptămâni,
Îi cade dragă fata.

Cum ea pe coate-și răzima
Visând ale ei tâmple
De dorul lui și inima
Și sufletu-i se împle.

Și cât de viu s-aprinde el
În orișicare sară,
Spre umbra negrului castel
Când ea o să-i apară.

Și pas cu pas pe urma ei

Hesperus by Mihai Eminescu
(a fragment)

Blessed into life upon a time
In old, royal bowers
A maiden of an Eastern clime
Grew vying with the flowers.

She flushed amidst them as the moon
Reigns the canopy of night,
The twinkling stars of which she soon
Made her loneliness delight.

From daring domes of her bowers
To the window-ledge she glides,
To scrutinize the skies for hours
Where Hesperus abides.

She sees him rise above the sea,
Gleaming in his heaven's hearth,
Steering black ships to ports of lee
On many a trembling path.

One night, a second and the third
Spires up her longing sigh;
And weeks go by till he has heard
And fondly cherished on high.

She cups her chin into her hands
And dreams of him night whole -
For he who firmament ascends
Caught prison in her soul.

So lively kindles he on high,
Stung with a devout wish -
To be lulled and be a-nigh
By her dress's silky swish.

And step by step he follows her

Alunecă-n odaie,
Țesând cu recile-i scânteii
O mreajă de văpaie.

Și când în pat se-ntinde drept
Copila să se culce,
I-atinge mâinile pe piept,
I-nchide geana dulce;

Și din oglindă luminiș
Pe trupu-i se revarsă,
Pe ochii mari, bătând închiși
Pe fața ei întoarsă.

Into the inmost bowers.
And weaves a shroud about her
From beams he sends in showers.

And ere she stretches on her bed
They comb her golden hair.
And when to rest she lays her head -
Veil her lids with sweetest care.

And when in sleep she turns her face
He resplends the mirror frame.
Oblivious of his realm and race,
Cradles her in fervid flame.

14.01.2012

Despre autori

Oxana Chira: 1) lector universitar, Catedra de filologie germană a Universității de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova; 2) doctortandă; 3) autoare de lucrări științifice și metodice; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: lexicologia limbilor română și germană, lingvistica comparată.

Elena Dragan: 1) conferențiar universitar, Catedra de filologie franceză a Universității de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova; 2) doctor în filologie; 3) autoare de lucrări științifice și metodice; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: gramatica limbii franceze, culturologia lingvală, traductologia.

Angela Sajin: 1) doctortandă, Universitatea Cooperatist-Comercială din Moldova; 2) autoare de lucrări științifice și metodice; 3) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale.

Vasile Botnarciuc: 1) profesor universitar, Universitatea Cooperatist-Comercială din Moldova; 2) doctor habilitat în filologie; 3) autor al unor lucrări științifice și metodice de valoare; 4) participant la întruniri științifice naționale și internaționale.

Ion Ețcu: 1) profesor universitar, Universitatea Cooperatist-Comercială din Moldova; 2) doctor habilitat în filologie; 3) autor al unor lucrări științifice și metodice de valoare; 4) participant la întruniri științifice naționale și internaționale.

Andrei Rovenceac: 1) conferențiar universitar, Catedra de fizică teoretică a Universității Naționale „Ivan Franko” din Lvov, Ucraina; 2) doctor în fizică; 3) autor al 20 de lucrări științifice și metodice de valoare în domeniul lingvisticii; 4) participant la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: fizica, metode cantitative în lingvistică, sisteme de scriere, istoria cercetărilor științifice.

Victoria Grincenco: 1) lector universitar, Universitatea de Stat din Altai, Rusia; 2) doctortandă; 3) autoare de lucrări științifice și metodice; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: filologia chineză, sisteme de scriere.

Fanira Samigulin: 1) conferențiar universitar, Universitatea Federală de Sud, or. Rostov-pe-Don, Rusia; 2) doctor în filologie; 3) autoare de lucrări științifice și metodice; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: semiotica, lingvistica generală.

Luminița Hoarță Cărăușu: 1) doctor în filologie; 2) profesor universitar, Catedra de limbă română și lingvistică generală a Universității „Alexandru Ioan Cuza” din Iași, România; 3) autoare a 12 cărți (din care 8 ca unic autor), 2 cursuri universitare, 63 de articole și studii, publicate în țară și peste hotare; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) membră al asociațiilor și grupurilor de cercetare științifică din țară și de peste hotare; 6) membră a comitetului onorific al revistei „Limbaj și context”; 7) a promovat o serie de specializări într-un șir de universități de prestigiu din Germania: Universitatea Konstanz, Universitatea din

Saarland, Universitatea Friedrich Schiller (Jena) etc.; 8) îndrumător de doctorat; 9) director de proiecte de cercetare (*Pragmatica pronumelui, Corpus de limbă română vorbită actuală* etc.); 10) membră a colectivelor de cercetare în cadrul unor proiecte (*Limbajul colocvial în spațiul romanic. Studiu pragmalingvistic diacronic și sincron*); 11) organizatoare de simpozioane științifice; 12) membră a comisiilor de susținere în public a tezelor de doctorat; 13) domeniile de cercetare: sintaxa limbii române, morfologia limbii române, pragmatica lingvistică, strategiile persuasive în discursul politic și publicistic.

Angela Coșciug: 1) doctor în filologie; 2) conferențiar la Catedra de filologie franceză a Universității de Stat „Alec Russo” din Bălți; 3) membră a Seminarului de Profil de Susținere a Tezelor de Doctorat la specialitatea 10.02.05–Limbi romanice (Universitatea de Stat din Moldova); 4) membră a Consiliului Specializat de Susținere a Tezelor de Doctorat la specialitatea 10.02.05–Limbi romanice (Universitatea de Stat din Moldova); 5) recenzent oficial și conducător de teze de doctorat în filologia romanică, expert național al manualelor de limbă franceză pentru instituțiile preuniversitare din Republica Moldova; 6) din 2007, studii de post-doctorat la Universitatea de Stat din Moldova; 7) autoare a 90 de lucrări științifice și didactice (monografii, eseuri, manuale, ghiduri, note de curs, articole, rezumate), publicate în țară și peste hotare (România, Rusia, Canada, Albania etc.); 8) organizatoare de colocvii naționale și internaționale, desfășurate în țară și peste hotare; 9) editoare de volume ale manifestărilor științifice naționale și internaționale; 10) participantă la 95 de întruniri științifice naționale și internaționale; 11) redactorșef al revistelor „Limbaj și context” și „Glodidactica”; 12) membră a comitetului științific al revistei „Мова та Історія” („Limbă și Istorie”), publicată în cadrul Universității Naționale „Taras Șevcenko” din Kiev, Ucraina, al revistei „Communication Interculturelle et Littérature”, publicată în cadrul Universității „Dunărea de Jos”, Galați, România, al revistei „Concordia Discors vs Discordia Concors”, publicată în cadrul Universității „Ștefan cel Mare” din Suceava, România, al revistei „Interstudia”, publicată în cadrul Universității din Bacău, România, al revistei „Universală”, publicată în cadrul Universității de Arte și Design „Gheorghe Dima” din București, România, al revistei „African Political Science and International Relations” (Nigeria); 13) bursieră a Guvernului Franței (2007); 14) (din 2000) membră a Asociației Profesorilor de Limbă Franceză din Republica Moldova, (din 2010) membră a Asociației Rusești de Comunicare și a Asociației de Filologie și Hermeneutică Biblică din România, (din 2011) membră a Asociației de Practicare a Curriculum-ului (UNESCO), (din 2012) membră a Asociației Profesorilor de Limbă Franceză ca limba a doua (Québec, Canada); 15) domeniile de cercetare: lingvistica romanică, semiotica generală, semiotica literară, teoria discursului, limbajul francez specializat, traductologia, literatura francofonă, lingvistica comparată.

Ala Sainenco: 1) conferențiar universitar, Catedra de limbă română a Universității de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova; 2) doctor în filologie; 3) autoare de lucrări științifice și metodice; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: filologia română, lingvistica comparată.

Viorica Popa: 1) lector superior universitar, Catedra de limbă română a Universității de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova; 2) doctor în filologie; 3) autoare

de lucrări științifice și metodice; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: filologia română, lingvistica comparată.

Elena Nikolaev: 1) conferențiar universitar, Universitatea de Stat de Design și Tehnologii din Moscova, Rusia; 2) doctor în culturologie; 3) autoare de lucrări științifice și metodice; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: lingvistica comparată, culturologia lingvală.

Tatiana Iurin: 1) conferențiar universitar, Universitatea de Stat de Design și Tehnologii din Moscova, Rusia; 2) autoare de lucrări științifice și metodice; 3) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 4) domenii de cercetare: lingvistica comparată, culturologia lingvală.

Tatiana Udilov: 1) conferențiar universitar, Universitatea Națională din Zaporojie, Ucraina; 2) doctor în filologie; 3) autoare de lucrări științifice și metodice; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: lexicologia și gramatica limbii franceze.

Gina Măciucă: 1) doctor în filologia comparată; 2) profesor universitar, Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava, Romania; 3) co-director al Centrului de cercetare *Inter Litteras*, afiliat Universității „Ștefan cel Mare” din Suceava; 4) autoare a 7 cărți și peste 50 de articole în diverse reviste și volume ale conferințelor din țară și străinătate; 5) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 6) domeniile de cercetare: filologia comparată, studiile interculturale, traductologia.

Grigore Cantemir: 1) doctor în filologie; 2) conferențiar universitar, Catedra de limbă română, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți; 3) autor a peste 35 de lucrări științifice și didactice; 4) membru al Seminarului Științific de Profil de Susținere a Tezelor de Doctorat la specialitatea 10.02.01 – Limba română (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți); 5) participant la întruniri științifice naționale și internaționale; 6) domeniile de cercetare: gramatica limbii române, gramatica comparată a limbilor romanice, istoria limbii române.

Natalia Halin: 1) doctor habilitat în filologie; 2) profesor universitar, Universitatea de Stat din Altai, Rusia; 3) în anii 2002-2005, membră a Consiliului Specializat de Susținere a Tezelor de Doctorat KP 212.011.20 (Universitatea Pedagogică de Stat din Barnaul, Rusia); în anii 2005-2007, membră a Consiliului Specializat de Susținere a Tezelor de Doctorat Д 212.088.01 (Universitatea din Kemerovo, Rusia); în anii 2004-2006, secretar al Consiliului Specializat de Susținere a Tezelor de Doctorat K 212.005 (Universitatea de Stat din Altai, Rusia); 4) recenzent oficial la teze de doctorat; 5) autoare și co-autoare a peste 190 de lucrări științifice și didactice (dintre care 13 monografii), publicate în țară și peste hotare; 6) organizatoare de colocvii naționale și internaționale; 7) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 8) membră a comitetului onorific al revistei „Limbaj și context”; membră a colegiului de redacție a dicționarului enciclopedic „V. Șukșin”; 9) laureată a diferitor concursuri de lucrări științifice, desfășurate în țară și peste hotare; 10) membră a școlii științifice de dialectologie a Universității din Tomsk, Rusia; 11) conducătoare de doctorat la specialitățile „Limba rusă”, „Teoria limbii” și „Limbi germanice”; 12) conducătoare de proiecte de cercetare științifică și aplicativă; 13) autoare a diferitelor programe de specializare pentru studenți și masteranzi; 14) domeniile principale de

cercetare științifică: lingvistica generală, semiotica, lexicologia, teoria discursului, lingvistica textului, dialectologia.

Bernard Mulo Farenkia: 1) doctor în filologie; 2) profesor universitar, Universitatea din Cape Breton, Canada; 3) autor a peste 100 de lucrări științifice și didactice, publicate în țară și peste hotare; 4) co-editor al revistei „Linguistica Atlantica”; membru al comitetului onorific al revistei „Limba și context”; 5) participant la întruniri științifice naționale și internaționale; 6) domeniile de cercetare: lingvistica aplicată, pragmatica culturală, teoria actelor de comunicare, sociolingvistica.

Alexandr Ogui: 1) profesor universitar, Universitatea Națională „Iu. Fedkovič” din Cernăuți, Ucraina; profesor asociat al Universităților din Bonn, Viena etc.; 2) doctor habilitat în filologie; 3) autor al 650 de lucrări științifice și metodice, dintre care 38 de cărți; 4) participant la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: filologia germană, lexicologia, semasiologia, studiile medievale, semiotica lingvală, culturologia lingvală.

Maxim Șadurschi: 1) doctor în filologie; 2) post-doctorand, Universitatea din Edinburg, Marea Britanie; 3) autor de lucrări științifice și metodice; 4) participant la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: literatura anglofonă, retorica.

Svetlana Strugov: 1) doctor în filologie; 2) conferențiar universitar, Universitatea Națională de Stat de Cercetări din Perm, Rusia; 3) autoare de lucrări științifice și metodice; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: lexicologia, lingvistica textului.

Natalia Iuzefovič: 1) doctor în filologie; 2) conferențiar universitar, Universitatea Umanistică de Stat din Extremul Orient, Habarovsk, Rusia; 3) autoare de lucrări științifice și metodice; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: literatura, culturologia lingvală.

Tatiana Socalenco: 1) doctor în filologie; 2) conferențiar universitar, Universitatea Națională a Inspectoratului Fiscal de Stat din Ucraina; 3) autoare de lucrări științifice și metodice; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: pragmatica, lingvistica textului.

Valentina Enciu: 1) doctor în filologie; 2) conferențiar universitar, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova; 3) autoare de lucrări științifice și metodice; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: literatura română, literatura universală.

Parisa Farrokh: 1) doctor în filologie; 2) conferențiar universitar, Universitatea Islamică Azad din Lahijan, Iran; 3) autoare de lucrări științifice și metodice; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domenii de cercetare: traductologia, lingvistica comparată.

Luiza Șoșu: 1) lector universitar, Catedra de filologie engleză, Universitatea de Stat „Alec Russo”, Bălți, Republica Moldova; 2) traducătoare.

Notes on Contributors

Oxana Chira: 1) Lecturer, Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova; 2) Ph.D. Student; 3) author of scientific and didactic works; 4) participant in national and international scientific conferences, 5) research areas: Romanian lexicology, German lexicology, comparative linguistics.

Elena Dragan: 1) Associate Professor, Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova; 2) Ph.D.; 3) author of scientific and didactic works; 4) participant in national and international scientific conferences, 5) research areas: French grammar, culture studies, translation and translation theory.

Angela Sajin: 1) Ph.D. Student, Cooperative Trade University of Moldova; 2) author of scientific and didactic works; 3) participant in national and international scientific conferences.

Vasile Botnarciuc: 1) Professor, Cooperative Trade University of Moldova; 2) Ph.D.; 3) author of scientific and didactic works; 4) participant in national and international scientific conferences.

Ion Ețcu: 1) Professor, Cooperative Trade University of Moldova; 2) Ph.D.; 3) author of scientific and didactic works; 4) participant in national and international scientific conferences.

Andrij Rovencheak: 1) Ph.D. in Theoretical Physics; 2) Associate Professor at the Department for Theoretical Physics, National University of Lviv, Ukraine; 3) author of about 20 publications in linguistics, including the book *African Writing Systems of the Modern Age: The Sub-Saharan Region* (New Haven–Lviv–Abidjan: Athinkra, 2011; with J. Glavy); 4) participant in national and international scientific conferences; 5) his research interests beyond physics include quantitative methods in linguistics, studies on writing systems, as well as history of science.

Victoria Grinchenko: 1) Lecturer, Altai State University, Russia; 2) Ph.D. Student; 3) author of scientific and didactic works; 4) participant in national and international scientific conferences, 5) research areas: Chinese philology, writing systems.

Fanira Samigulina: 1) Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; 2) Ph.D.; 3) author of scientific and didactic works; 4) participant in national and international scientific conferences, 5) research areas: semiotics, general linguistics.

Luminița Hoarță Cărăușu: 1) Ph.D.; 2) Professor, Romanian Language and General Linguistics Department, Alexandru Ioan Cuza University of Iași, Romania; 3) author of 12 books, 2 courses of lectures, 63 articles and investigations published in Romania and abroad; 4) participant in national and international scientific conferences; 5) member of national and international research teams and associations; 6) member of Honorary Board of *Speech and Context* International Journal of Linguistics, Semiotics and Literay Science; 7) led a series of courses in a number of prestigious universities from Germany: Konstanz University, Saarland

University, Friedrich Schiller University (Jena) etc.; 8) guides doctoral theses; 9) manager of research projects (*Pragmatics of Pronoun, A Corpus of Contemporary Spoken Romanian* etc.); 10) member of the research teams within some projects (*Colloquial language in Romance area. A Pragmalinguistic Synchronic and Diachronic Study*); 11) organizer of scientific conferences; 12) member of the Defense Board of Doctoral Theses; 13) research areas: syntax and morphology of Romanian, linguistic pragmatics, persuasive strategies in political and publicistic discourses.

Angela Coşciug: 1) Ph.D.; 2) Associate Professor, French Philology Department, Alecu Russo State University of Bălţi; 3) member of the Scientific Specialization Seminar for the Defense of the Doctoral Theses, speciality 10.02.05 – Romance languages (Moldova State University); 4) member of the Scientific Specialization Council for the Defense of the Doctoral Theses, speciality 10.02.05 – Romance languages (Moldova State University); 5) scientific adviser (since 2010) and reviewer of doctoral theses in Romance philology, national expert of textbooks of French for pre-university establishments from the Republic of Moldova; 6) since 2007, post-doctoral studies, Moldova State University; 7) author of 90 scientific and didactic works (monographs, essays, studies, textbooks, guides, courses of lectures, articles, abstracts) published in prestigious national and international journals and volumes (in Moldova, Romania, Russia, Canada, Albania etc.); 8) organizer of scientific conferences in Republic of Moldova and abroad; 9) publisher of scientific national and international conference volumes; 10) participant in 95 national and international scientific conferences; 11) editor-in-chief of *Speech and Context* International Journal of Linguistics, Semiotics and Literary Science; editor-in-chief of *Glottodidactica* Biannual Journal of Applied Linguistics; 12) member of the Scientific Board of *Мова та Історія/Language and History* Journal published at Taras Şevcenko National University of Kiev, Ukraine, member of the Scientific Board of *Communication Interculturelle et Littérature/Intercultural Communication and Literature* Journal published at Dunărea de Jos University of Galaţi, Romania, member of the Scientific Board of *Concordia Discors vs Discordia Concors* Journal published at Ştefan cel Mare University of Suceava, Romania, member of the Scientific Board of *Interstudia* Journal published at the University of Bacau, Romania, member of the Scientific Board of *Universalia* Journal published at Gheorghe Dima University of Arts and Design, Bucarest, Romania, member of the Scientific Board of *African Political Science and International Relations*, Nigeria; 13) Grant of the French Government (2007); 14) member of Russian Association of Communication, member of Romanian Association of Bible Philological and Hermeneutical Studies, member of UNESCO Curriculum Practice Association, member of Moldavian Association of the Teachers of French, member of the Association of the Teachers of FSL (Québec, Canada); 15) research areas: Romance linguistics, general semiotics, literary semiotics, discourse theory, specialized French language, translation studies, Francophone literature, applied linguistics, contrastive linguistics.

Ala Sainenco: 1) Associate Professor, Alecu Russo State University of Bălţi, Republic of Moldova; 2) Ph.D.; 3) author of scientific and didactic works; 4) participant in national and international scientific conferences, 5) research areas: Romanian philology, comparative linguistics.

Viorica Popa: 1) Senior Lecturer, Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova; 2) Ph.D.; 3) author of scientific and didactic works; 4) participant in national and international scientific conferences, 5) research areas: Romanian philology, comparative linguistics.

Elena Nikolaeva: 1) Associate Professor, State University of Design and Technologies, Moscow, Russia; 2) Ph.D. in Culture Studies; 3) author of scientific and didactic works; 4) participant in national and international scientific conferences, 5) research areas: comparative linguistics, culture studies.

Tatyana Yurina: 1) Associate Professor, State University of Design and Technologies, Moscow, Russia; 2) author of scientific and didactic works; 3) participant in national and international scientific conferences, 4) research areas: comparative linguistics, culture studies.

Tatyana Udilova: 1) Associate Professor, National University of Zaporozhye, Ukraine; 2) Ph.D. in Culture Studies; 3) author of scientific and didactic works; 4) participant in national and international scientific conferences, 5) research areas: French lexicology and grammar.

Gina Măciucă: 1) Ph.D.; 2) Professor, Ștefan cel Mare University of Suceava, Romania; 3) co-director of *Inter Litteras* Scientific Center, Ștefan cel Mare University of Suceava; 4) author of 7 books and over 50 articles published in various national and international conference volumes; 5) participant in national and international scientific conferences; 6) research areas: comparative philology, cross-cultural studies, translation studies.

Grigore Cantemir: 1) Ph.D.; 2) Associate Professor, Romanian Language Department, Alecu Russo State University of Bălți; 3) author of more than 35 scientific and didactic works; 4) member of the Scientific Specialization Seminar for the Defense of the Doctoral Theses, speciality 10.02.01 – Romanian Language („Alecu Russo” State University of Bălți); 5) participant in national and international scientific conferences; 6) research areas: Romanian grammar, comparative grammar of the Romance languages, history of the Romanian language.

Natalya Khalina: 1) Ph.D.; 2) Professor, Altai State University, Russia; 3) from 2002 to 2005, member of the Scientific Specialization Council for the Defense of the Doctoral Theses KP 212.011.20 (Pedagogic State University of Barnaul, Russia); from 2005 to 2007, member of the Scientific Specialization Council for the Defense of the Doctoral Theses D 212.088.01 (University of Kemerovo, Russia); from 2004 to 2006, secretary of the Scientific Specialization Council for the Defense of the Doctoral Theses K 212.005 (Altai State University, Russia); 4) reviewer of doctoral theses; 5) author and co-author of 190 scientific and applied linguistics works (13 monographs) published in prestigious national and international journals and volumes; 6) organizer of scientific conferences; 7) participant in national and international scientific conferences; 8) member of the Honorary Scientific Board of *Speech and Context* International Journal of Linguistics, Semiotics and Literary Science; member of the Editorial Board of the Encyclopedia „V. Shukshin”; 9) winner of several contests of scientific projects held in Russia and abroad; 10) member of the scientific school of dialectology of Tomsk University, Russia; 11)

scientific adviser of Doctoral Thesis (specialities „Russian Language”, „Theory of Language” and „Germanic Languages”); 12) head of the scientific research and applied projects; 13) author of various curricula for students and MA students; 14) research areas: general linguistics, semiotics, lexicology, discourse theory, text linguistics, dialectology.

Bernard Mulo Farenkia: 1) Ph.D.; 2) Professor at Cape Breton University, Canada; 3) author of 100 scientific works published in Canada and abroad; 4) co-editor of *Linguistica Atlantica* Journal; member of the Honorary Scientific Board of *Speech and Context* International Journal of Linguistics, Semiotics and Literary Science; 5) participant in national and international scientific conferences; 6) research areas: applied linguistics, cultural pragmatics, speech acts theory, sociolinguistics.

Alexandr Oguy: 1) Professor, Yuri Fedkovich National University of Chernovtsy, Ukraine; Visiting Professor, University of Bonn, University of Wien etc.; 2) Ph.D.; 3) author of 650 scientific works (38 books); 4) participant in national and international conferences; 5) research areas: German philology, lexicology, semasiology, semiotics, culture studies.

Maxim Shadursky: 1) Ph.D.; 2) post-doctoral studies, Edinburgh University, UK; 3) author of scientific works; 4) participant in national and international conferences; 5) research areas: English literature, rhetorics.

Svetlana Strugova: 1) Ph.D.; 2) Associate Professor, State National Research University of Perm, Russia; 3) author of scientific works; 4) participant in national and international conferences; 5) research areas: lexicology, text linguistics.

Natalya Yuzefovich: 1) Ph.D.; 2) Associate Professor, Humanitarian Eastern State University of Habarovsk, Russia; 3) author of scientific works; 4) participant in national and international conferences; 5) research areas: literature, culture studies.

Tatyana Sukalenko: 1) Ph.D.; 2) Associate Professor, National University of State Tax Inspectorate of Ukraine; 3) author of scientific works; 4) participant in national and international conferences; 5) research areas: pragmatics, text linguistics.

Valentina Enciu: 1) Ph.D.; 2) Associate Professor, Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova; 3) author of scientific works; 4) participant in national and international conferences; 5) research areas: Romanian literature, universal literature.

Parisa Farrokh: 1) Ph.D.; 2) Associate Professor, Islamic Azad University of Lahijan, Iran; 3) author of scientific works; 4) participant in national and international conferences; 5) research areas: translation theory, comparative linguistics.

Luiza Şoşu: 1) Lecturer, Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova; 2) translator.